

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАВОВЫЕ ДИАЛОГИ

ПРАВО И ЛИЧНОСТЬ: ГОСУДАРСТВОЦЕНТРИЗМ И ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЕ

Материалы Международной
научно-практической конференции
28–29 марта 2024 года

ЧАСТЬ II

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Южно-Уральский государственный университет
Юридический институт

X
У592

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАВОВЫЕ ДИАЛОГИ

Право и личность: государствоцентризм и человеколюбие

Материалы Международной научно-практической конференции,
28–29 марта 2024 года

Часть II

Под редакцией Е.В. Титовой

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ
2024

ББК Х.я43 + ХО.я43

У592

Одобрено
Советом Юридического института

Рецензенты:

к.ю.н., судья Челябинского областного суда М.Б. Чобитько,
д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права Челябинского государственного университета А.Б. Каягин

Университетские правовые диалоги. Право и личность: государствоцентризм и человеколюбие: материалы Международной научно-практической конференции, 28–29 марта 2024 г. / под ред. Е.В. Титовой. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2024. – Ч. II. – 371 с.

ISBN 978-5-696-05488-9 (ч. II)

ISBN 978-5-696-05489-6

Сборник посвящен актуальным проблемам, обсуждаемым в юридической науке. В сборнике публикуются научные статьи исследователей из разных уголков России, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана. Все материалы представлены в авторской редакции.

Данное научное издание рассчитано на сотрудников высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов юридического профиля, работников правоохранительных органов.

ББК Х.я43 + ХО.я43

ISBN 978-5-696-05488-9 (ч. II)

ISBN 978-5-696-05489-6

© Издательский центр ЮУрГУ, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В ОБЕСПЕЧЕНИИ УВАЖЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И ПРАВА НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО»

Боброва Ю.М., Максимов В.А. Онлайн-медиация – перспективы развития в современных условиях	9
Болтуев С.Ш. О применении гражданско-процессуальных норм деятельности некоторых юрисдикционных органов	11
Витовская Е.С. Некоторые вопросы гражданско-правовых оценочных понятий	14
Ильченко И.В. О значении раскрытия гражданином-должником целей расходования денежных средств в деле о банкротстве	17
Каранчукова В.В. Общая характеристика отдельных стадий судебного разбирательства в гражданском судопроизводстве	19
Каримуллина А.Р. Актуальные проблемы применения примирительных процедур в Российской Федерации	22
Кашка Д.А. Проблемы правового регулирования компенсации морального вреда при нарушении личных неимущественных прав	25
Кошман Н.А. Альтернативные способы разрешения семейных споров	30
Михайлова Е.А. Статья 188.1 АПК РФ в делах о несостоятельности (банкротстве): правовой инструмент пресечения недобросовестного поведения и реализация права на судебную защиту	32
Ненашев М.М. Соотношение вещных и обязательственных исков: современные проблемы практики	34
Потеева А.В. Субъективный и объективный элемент срока исковой давности ...	37
Романов А.А. Цифровизация вещных прав как фактор реализации права на человеческое достоинство	40
Рыжков К.С. К вопросу о единообразии судебной практики по гражданским делам	42
Ряполова О.А. Значение добросовестности при освобождении физических лиц от обязательств в делах о банкротстве	45
Савенко Н.Е. Значение гражданского права и гражданского законодательства для реализации экономических прав граждан	49
Скобелев В.П. К вопросу о допустимости приостановления мер по обеспечению исполнения исполнительного документа	52
Соломин С.К. О нравственных страданиях родственников ребенка вследствие причинения вреда его здоровью	55
Соломина Н.Г. О пределах применения абз. 1 п. 3 ст. 1079 ГК РФ к компенсации морального вреда лицам, понесших его в результате гибели близкого человека	58
Усманов А.К. Роль гражданского процесса в обеспечении уважения личности и права на человеческое достоинство	61
Усцов Д.К. Перспективы исключения и изоляции заключений о результатах судебной экспертизы в гражданском процессе	64

Фиошин А.В. Об эмоциях и их влиянии на действительность некоторых сделок	67
Ходырева Е.А. Осуществление права на изображение гражданина после его смерти	71

**СЕКЦИЯ «МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ И ПОДДЕРЖКИ СУБЪЕКТОВ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА»**

Белицина Е.В., Белова Ю.Н., Цандер Я.М. Юридическая ответственность отдельных субъектов государственного оборонного заказа как механизм защиты интересов государства	75
Белоусов А.Л. Вопросы защиты прав предпринимателей на современном этапе	79
Болдырев В.А. Гендерная политика и правовое регулирование предпринимательской деятельности.....	81
Бондаренко Н.Л., Конаневич Ю.Г., Бондаренко. М.С. Социальное предпринимательство, его цели и результат	84
Бондаренко М.С., Мешкова Н.А. К вопросу о природе вторичного предпринимательства	87
Громова Е.А. Поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства в сфере цифровых инноваций и технологий.....	90
Замрыга Д.В. Налогово-правовые механизмы государственной поддержки и защиты субъектов предпринимательства.....	93
Зимнева С.В. Списание неустойки по государственным (муниципальным) контрактам как антикризисная мера	97
Калимбетов Е.К. Судебные и внесудебные способы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности: сравнительный анализ	100
Кальгина А.А. Некоторые аспекты государственной поддержки инновационной и научной деятельности (на примере поддержки условий для развития инноваций и науки в Московской области)	103
Кванина В.В. Правовая природа института обязательных требований в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности	106
Куницкая О.М. Способы осуществления инвестиций и меры государственной поддержки по законодательству Республики Беларусь	109
Лихолетова С.В. Защита прав субъектов предпринимательской деятельности при изменении документов градостроительного зонирования и планировки территории	112
Мешкова Н.А., Сергеев А.И. Изобретательство и рационализаторство как тип самозанятости	115
Мосин В.А. Проведение собрания кредиторов в деле о банкротстве с использованием сети «Интернет»	118
Печерцева О.Н. Репутационные риски и правовая защита деловой репутации.....	122
Полякова Н.А. Роль органов прокуратуры в механизме защиты субъектов предпринимательства	124
Пушкарев И.П., Коваленко Е.И. Современные подходы к стимулированию эколого- и социально-ответственного корпоративного управления	128

Рубанова М.П. Инвестиционные платформы как механизм поддержки субъектов предпринимательства	130
Рубцова Н.В. О соотношении хозяйственной и предпринимательской деятельности	133
Селезнева А.Х. КФХ и хозяйственные товарищества: общее и особенное.....	136
Талалаева А.Л. К вопросу о природе принципа свободы хозяйственной деятельности.....	138
Тихомирова А.В. Отдельные вопросы государственного регулирования развития органического сельского хозяйства в Российской Федерации	140
Чепарина О.А. Этический комплаенс организации: предпосылки внедрения...	144
Чукреев А.А. О запрете на участие в компании одного лица другой компании одного лица.....	148
Шарова О.В. Меры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства при осуществлении закупок	151
Шурпаев Ш.М. Обеспечение прав субъектов предпринимательской деятельности средствами прокурорского надзора в сфере государственных и муниципальных закупок.....	153

СЕКЦИЯ «ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ И ПРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА»

Аниськина Э.Г. Религиозно-нравственное обоснование охраны генетической безопасности населения как уголовно-правового объекта.....	157
Беляева И.М. Уголовно-правовое многообразие гуманизма	160
Борисова А.А. Правовой институт «уголовного проступка»: историко-юридические предпосылки применения в России	163
Васильченко К.В. Превентивный и репрессивный потенциал криминализации «нежелательной» деятельности	167
Вельтмандер А.Т. Принцип гуманизма в контексте оценки общественно-полезного (допустимого) и общественно-опасного поведения в уголовном праве	170
Горбатый Р.Н. Цифровой способ совершения преступления	173
Евстратенко Е.В. Воспитательная функция института назначения уголовного наказания и освобождения от него	176
Егорова Т.И. Уголовное наказание как общее благо	179
Иванова Л.В. Реализация принципа справедливости при дифференциации ответственности и наказания соучастников преступления	182
Карабанова Е.Н. Нравственные начала современного уголовного права.....	184
Каракулов Т.Г. Экстенсивное увеличение уровня пенализации лишения специального, воинского или почётного звания, классного чина и государственных наград	187
Катушонок О.В. Проблемные аспекты противодействия домашнему насилию.....	190
Коренная А.А. Нравственно-этические аспекты понимания экономической деятельности как объекта уголовно-правовой охраны.....	193
Лифанова М.В. Применение принудительных мер воспитательного воздействия как проявление принципа гуманизма в уголовном праве.....	196

Мирович А.Р. Влияние идей гуманизма на дореволюционную пенитенциарную науку.....	199
Петров П.К. Уголовно-правовые аспекты хищения чужого имущества	203
Помощикова Н.В. Воспитательная функция исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества	205
Рахманова Е.Н. О взаимосвязи понятий человечность и гуманность в преступлениях против человечности	208
Смирнов Л.Б. Принцип гуманизма в уголовно-исполнительном праве	211
Сплавская Н.В. «Вина» потерпевшего как основание для смягчения наказания преступнику в контексте принципа гуманизма	214
Стяжкина С.А. Уголовно-правовые меры противодействия деструктивной идеологии	217
Черноярова И.М. Гуманизация наказания осужденных женщин	220
Щипанова Н.И., Кухтина Т.В. Уголовно-правовая природа применения судебного штрафа	223

СЕКЦИЯ «СОВРЕМЕННЫЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ И НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: СООТНОШЕНИЕ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО»

Аникина М.С. Способы примирения с потерпевшим в уголовном процессе России: реальность и перспективы	225
Артамонова Е.А. О процессуальном положении представителя адвокатской палаты (ст. 450.1 УПК РФ)	227
Астапович О.А. Круг нормативных ситуаций задержания осужденного	230
Аубакирова А. Специалист в судопроизводстве Казахстана	233
Аширбекова М.Т. К вопросу о процессуальных основаниях проведения судебного следствия в суде апелляционной инстанции (полная и неполная апелляция).....	236
Баранов А.М. Публичные и частные начала в уголовном процессе России. Надо ли менять парадигму	239
Батыщева И.В. Прокурорский надзор в досудебном производстве уголовного процесса.....	243
Бессонова А.О. Обеспечение защиты прав лиц, участвующих в собирании электронных доказательств органами предварительного расследования.....	246
Брянская Е.В. Стратегия процесса доказывания по уголовному делу	249
Бурмагин С.В. Трансформация уголовно-процессуальных функций в судебно-реабилитационных производствах	252
Валов С.В. Инфраструктура функции предварительного следствия	257
Волосова Н.Ю. О возможности адвоката отказаться от принятой на себя защиты: дискуссионные вопросы	261
Гильмутдинова А.Ф. Прекращение уголовного преследования за налоговые преступления в связи с истечением сроков давности.....	263
Головачук О.С., Раменская В.С. Состязательность или баланс частного и публичного в уголовном судопроизводстве?.....	266

Григорьев В.Н. На бога надейся...: о подготовке к привлечению к ответственности руководства западных русофобов.....	269
Гриненко А.В. Взгляд на уголовно-процессуальные функции сквозь призму современного уголовного судопроизводства	271
Дьяконова О.Г. К вопросу об обоснованности критики научного исследования	275
Егорова О.А. Рациональные начала (основания) в правовом познании. Закон тождества и вопросы доказательства в сфере уголовного процесса (логико-философский и правовой аспекты исследования)	278
Жиделев А.Д. Соотношение публичных и частных начал при избрании мер пресечения по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности	289
Журавлева А.С. Реализация прав потерпевшего при раскрытии и расследовании преступлений экономической направленности – на примере мошенничества	292
Зайцева Е.А. Интерес потерпевшего vs общественно значимый интерес в процедурах главы 40.1 УПК РФ	295
Ибрагимов А.Г., Рябых А.В. Понятие, основные виды и роль судебно-медицинских экспертиз в правовой деятельности	299
Иванов С.Д. Проблемные вопросы исследования данных о личности обвиняемого с участием присяжных заседателей	301
Карпов А.С. Обеспечение права на защиту при изменении обвинения в суде первой инстанции по законодательству зарубежных стран	304
Ковтун Н.Н. О сути, содержании, временных пределах и субъектах реализации функции уголовное преследование уголовном судопроизводстве России.....	307
Крылова Н.А. Доказывание по уголовным делам, связанным с подделкой, сбытом и использованием поддельных документов, на досудебных стадиях уголовного судопроизводства	310
Кубрикова М.Е. Роль солидарности в повышении эффективности уголовного судопроизводства	313
Лантух Н.В. Соотношение отдельных исходных начал уголовного процесса и альтернативных форм разрешения уголовно-правовых конфликтов	316
Мельник С.Л., Ревенко Я.Д. Проблемы предъявления для опознания	319
Муллахметова Н.Е. Нравственные основы уголовного процесса	322
Першина Е.А. Проблемы участия прокурора по делам частного обвинения.....	325
Попова Е.И. Смартфон как средство фиксации в уголовном процессе: проблемы и решения	328
Русман Г.С. Реализация воспитательной функции в поощрительных формах уголовного судопроизводства	332
Рябинина Т.К. Обеспечение прав потерпевшего как основа сбалансированности частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве	336
Спесивов Н.В. Воспитательно-профилактическая функция уголовного судопроизводства: есть ли будущее у столь важного наследия прошлого?	340

Спиридонов М.С. Вопрос об уголовно-процессуальной ответственности в дискуссии о назначении уголовного судопроизводства	343
Тарасов А.А. Право лица, в жилище которого был проведен обыск, на апелляционное обжалование	346
Тетюев С.В. Реализация принципа уважения чести и достоинства личности при использовании специальных знаний в уголовном судопроизводстве	349
Перетяцько Н.М., Федюнин А.Е. К вопросу о функции прокурора в стадии возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств	352
Чикулина А.Р. Отдельные вопросы предмета доказывания меры пресечения в виде залога	355
Чурикова А.Ю. Риски использования информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве.....	358
Шаина М.А. Возмещение вреда от преступления потерпевшему в случае смерти лица, виновного в совершении преступления и прекращении производства по делу.....	362
Шелехова И.В. Некоторые проблемы действия уголовно-процессуального закона в пространстве.....	365
Ястребова Т.И., Ордан А.В. Некоторые проблемы назначения и производства судебных экспертиз	367

СЕКЦИЯ «ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКОЕ
СУДОПРОИЗВОДСТВО В ОБЕСПЕЧЕНИИ УВАЖЕНИЯ ЛИЧНОСТИ
И ПРАВА НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО»

УДК 347.91/.95

*Ю.М. Боброва, ст. преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин СПбЮИ (ф) УП РФ,
В.А. Максимов, к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданско-правовых
дисциплин СПбЮИ (ф) УП РФ
г. Санкт-Петербург, Россия*

**Онлайн-медиация – перспективы развития
в современных условиях**

Статья посвящена исследованию проблемы совокупности методов урегулирования споров (конфликтов) с применением интернет-технологий. Авторы обращают внимание на их возрастающую роль, благодаря возрастающей роли Интернета в гражданско-правовых отношениях в целом. В исследовании отдельно продемонстрированы положительные и отрицательные черты онлайн-медиации. В рамках работы авторы приводят различные примеры технологических решений и приёмов применения указанной процедуры. В заключении авторы аргументируют свою точку зрения и делают выводы о перспективности исследуемого вопроса с учётом анализа мнений отечественных и иностранных учёных.

Ключевые слова: конфликт, спор, методы урегулирования споров, альтернативные средства урегулирования споров, электронное разрешение споров, интернет-решение споров, онлайн-разрешение споров, Online Dispute Resolution (ODR).

Онлайн-медиация – институт, имеющий значительные перспективы развития. Это объясняется несколькими факторами.

Во-первых, онлайн-медиация является частным случаем альтернативного разрешения споров (АРС), а последний институт набирает все большую популярность. Как отмечают исследователи, роль суда в разрешении споров не может быть абсолютной, поскольку это противоречит идее построения гражданского общества, основными признаками которого можно назвать как можно большую его автономию от государства (разграничение компетенции государства и общества), наличие институтов самоорганизации и саморегуляции, динамичность системы, плюрализм и тому подобное. Гарантированное Конституцией Российской Федерации право защиты своих прав и свобод от нарушений и противоправных посягательств любым не запрещёнными законом средствами позволяет обществу формировать институты защиты права, отличные от судебной власти – способы альтернативного разрешения споров. Они не составляют какого-то единого механизма, но являются общим названием для внесудебных способов урегулирования споров – арбитраж, примирение, медиация, переговоры и мини-суд – это лишь некоторые из них.

Во-вторых, формы осуществления АРС меняются под влиянием перехода деловой активности людей и компаний в Интернет. Если спор возник из сделки,

осуществлённой с помощью Интернета, то логично, что и его решение должно быть решено дистанционно. Под влиянием этих факторов альтернативные способы разрешения споров стали осуществляться средствами Интернета – онлайн и получили название «онлайн разрешения споров» (ODR – от англ. Online Dispute Resolution).

Проведение медиации с использованием Интернета, в дистанционном режиме, практикуется в основном в трансграничных спорах или при невозможности сторон находиться в одном месте. Особенно актуальным дистанционный режим стал из-за COVID-19, когда мирное урегулирование споров с помощью медиации вынужденно перешло в Интернет.

Проведение онлайн-медиации возможно через использование различных технологий, например, чат-конференций, видеоконференций, аудиоконференций, симультанных или асинхронных сообщений, электронной переписки, голографических изображений и тому подобное. В случае использования аудиовизуальных технологий онлайн-медиация больше похожа на традиционную медиацию за счёт аудиовизуального общения сторон и медиатора. В таком случае две стороны медиации, как правило, имеют два конференц-канала: один для связи каждой из сторон с медиатором и один для общей конференции между двумя сторонами и медиатором. Стороны получают доступ от медиатора к этим каналам связи, и именно через них происходит общение. В случае использования текстовых методов медиатор общается со сторонами через текстовые сообщения, переписку или чат, причём такое общение может быть как симультанным, то есть в режиме реального времени с помощью чата, так и асинхронным – с использованием сообщений или электронных писем, когда общение происходит с перерывами.

Если процесс медиации полностью происходит онлайн, то говорят о «виртуальной» медиации.

Встречи проводятся с помощью видео или телеконференций, и любая форма подачи документов облегчается с помощью зашифрованной облачной платформы, доступной через Интернет. Например, с помощью платформы Zoom (американская платформа, предоставляющая услуги дистанционной конференц-связи). Урегулирование споров с помощью медиации в Интернете очень похоже на «настоящую» медиацию. Стороны могут выбрать совместное заседание, на котором будут сделаны вступительные заявления. После этого медиатор приглашает участников в комнату обсуждений. Как правило, в сложных коммерческих спорах стороны могут предоставить дополнительные показания или важные документы в поддержку своего дела. Если соглашение достигнуто, стороны могут подготовить проект и обменяться подписями через DocuSign или аналогичные приложения. Все можно сделать онлайн. В будущем этот вариант, возможно, заменит медиацию в классическом её представлении [1].

Дистанционные формы общения актуальны для таких направлений медиативной практики, как семейная и восстановительная медиация, где сторонам иногда сложно встречаться напрямую в связи с напряжённостью отношений (например, между супругами или между жертвой и правонарушителем), или правонарушитель отбывает наказание в исправительных учреждениях. Кроме указанного, ди-

станционная медиация позволяет решить задачу безопасности медиатора (при обращении людей с психическими отклонениями).

Но наряду с указанными плюсами медиация-онлайн имеет и недостатки – психологические особенности восприятия друг друга в онлайн-пространстве, а именно:

1) разговор через компьютер, как и телефонный разговор, подсознательно воспринимается сторонами как краткосрочный, в то время как медиативная сессия в среднем длится 2-3 часа;

2) ощущается различие в общении с человеком, который рядом, и изображением его на экране. В силу указанных психологических причин уменьшается и эмоциональное влияние медиатора, возникают препятствия для установления доверия, ограничиваются возможности непрерывного контакта глаз как инструмента установления канала коммуникации, ограничиваются возможности медиатора по анализу невербальной информации. По этим причинам развитие онлайн-медиации должно осуществляться с использованием видеоконференцсвязи, которая позволяет максимально приблизить процедуру общения к реальности. Кроме того, одним из наиболее весомых аргументов против проведения онлайн-медиации выступает то, что медиация по своей социальной направленности призвана вернуть обществу ценность человеческого общения [2, с. 63].

Несмотря на сказанное, онлайн-медиация развивается, толчком к этому стали и события 2020 года, и вынужденный переход многих общественных отношений в дистанционный режим.

Библиографический список

1. Виртуальная медиация: урегулирование бизнес-споров через Интернет. URL: <https://iqdecision.com/virtualnaia-mediacia-uregulirovanie-biznes-sporov-cherez-internet/>

2. Здрок О.Н. Перспективы развития процедур онлайн урегулирования споров в международном и национальном судопроизводстве. Использование элементов электронного правосудия в деятельности Экономического Суда СНГ и национальных судов: материалы Международной научно-практической конференции / Экономический Суд СНГ. – Минск, 2017. – С. 55–65. URL: http://sudsng.org/download_files/publication/2017/conf_2017_2.pdf

УДК 347.9

*С.Ш. Болтуев, к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского и международного права, профессор Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики
г. Хучанд, Республика Таджикистан*

О применении гражданско-процессуальных норм деятельности некоторых юрисдикционных органов

В статье рассматривается вопрос о системе юрисдикционных органов, применяющих в своей деятельности нормы гражданского процессуального права и их отношение к правосудию как формы государственной деятельности, осуществляемой только судом. В этой связи, обращается внимание на характерные черты

организации и деятельности этих органов. При этом прослеживается мысль о тенденции развития законодательства по пути приближения правовых основ несудебных юрисдикционных органов до уровня судов. В то же время обращается внимание на взаимосвязь вопроса с названием и предметом регулирования гражданского права с новеллой отечественного законодателя по принятию Цивильного кодекса Республики Таджикистан.

Ключевые слова: гражданское процессуальное право, правосудие, демократические принципы, *civile*, предмет гражданско-правового регулирования, юрисдикционные органы.

Совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, в деятельности юрисдикционных (компетентных) органов по рассмотрению и разрешению гражданских дел, называется гражданским процессуальным правом [7, с. 18].

Для определения логического значения данного понятия, прежде всего, следует выяснить некоторые часто употребляемые юридические дефиниции. Из весьма распространённых правил теории права общеизвестно, что в качестве правовых норм выступают определенные и установленные законодателем правила поведения людей [4, с. 17]. Вместе с тем, эти правила обладают также и другими своеобразными особенностями, ибо речь идет не о простых субъектах, а об особых, наделенных определенными полномочиями, органах. То есть государство, специально создало эти органы для осуществления полномочий по осуществлению правосудия, в том числе и путем рассмотрения и разрешения гражданских дел [2, с. 234].

Действительно, принципы создания и деятельности других юрисдикционных органов не давали возможности, чтобы их приравнивали к общегражданским судам, хотя в названии некоторых и упоминался термин «суд» (товарищеский и третейский суд). Поскольку применение к ним процессуальных норм, регулирующих судопроизводство в определенной, установленной форме деятельности было невозможно. Ибо цель и сущность их деятельности определялось именно свободной от ограничений «формальной» судебной деятельности, осуществляемой в процессуальном порядке. Так, товарищеский суд осуществлял свою деятельность в форме проведения любого общего собрания трудового коллектива по месту работы, учебы и жилья, чтобы усилить эффективность применяемых мер общественного воздействия. А третейский суд, наоборот, при отсутствии принципа гласности при осуществлении своей деятельности, рассчитывал на сохранение тайны подробностей взаимоотношений спорящих сторон. Такое отступление от основополагающих начал осуществления правосудия по демократическим принципам давало возможность не считать их деятельность гражданским процессом.

В науке гражданского процессуального права долгие годы доминировало традиционное представление, согласно которому полномочия других несудебных органов оставались вне рамок предмета регулирования гражданского процессуального права [1, с. 115]. Правда, раньше, в период существования социалистической системы общества, в Союзе Советских Социалистических Республик (СССР), законодательство, начиная от Конституции общесоюзного государства и кончая отдельными правовыми нормами в подзаконных нормативно-правовых

актах, предусматривало, что правосудие осуществляется только судом. Потому что принцип «осуществление правосудия только судом» всегда считались основополагающим началом общества. Хотя следует заметить, что в некоторых зарубежных социалистических странах, видимо исходя из особенностей социального менталитета и идеологических соображений, содержание понятия правосудия толковали несколько шире. Например, в Конституции Германской Демократической Республики (ст. 74) было предусмотрено, что товарищеские суды осуществляют общественное правосудие [5, с. 23].

Современная правовая и судебная система, в том числе и нашей страны, выглядит совсем по-иному. Так, например, взамен государственного арбитража, раньше входящего в разряд подорганов государственного управления, теперь функционируют экономические суды [2, с. 233]. Государственный арбитраж, компетентный рассматривать хозяйственные споры между организациями (предприятиями), относящимся преимущественно к государственной форме собственности, создавались при органах государственного управления (исполнительной государственной власти).

Такое явление может быть выражением прослеживающийся тенденции развития и совершенствования несудебных форм защиты прав до уровня судебной, на основе положений единого Конституционного Закона Республики Таджикистан «О судах Республики Таджикистан».

Для регулирования процессуальной деятельности каждого из юрисдикционных органов приняты отдельные законы или кодекс законов. Здесь мы имеем в виду Закон о третейском суде в Республики Таджикистан и Экономический процессуальный кодекс Республики Таджикистан. Но все правовые нормы, регулирующие полномочия юрисдикционных органов по рассмотрению и разрешению гражданских дел, независимо от того, в какой форме они предусмотрены, в своей совокупности образуют единую отрасль гражданского процессуального права.

Гражданское процессуальное право регулирует общественные отношения, возникающие в ходе правовых споров (конфликтов), которые возникают в результате нарушения и/или оспаривания гражданского права в широком его смысле (трудовое, семейное, жилищное право и т.д.). В этой связи, считаем необходимым, обратить внимание на традиционно неверное толкование понятие «гражданское право» в юридической науке применительно к названию и материальной, и процессуальной отрасли права. К искажению смысла понятия «гражданское право» привело и то, что понятия «цивилизация» и «гражданин» в латинском языке имеют одинаковый корень – *civile*, который в первом случае означает эпоху или уровень развития человеческого общества, а во втором случае – официальный житель определенного государства [6, с. 23].

В продолжающейся научной полемике ученых-цивилистов о необходимости изменения названия гражданского и других сопутствующих отраслей права настойчивость таджикских ученых-цивилистов убедила отечественного законодателя в необходимости изменения названия отрасли и принимая Гражданский кодекс Республики Таджикистан в новой редакции законодатель назвал его на государственном, таджикском языке «Кодекси маданияи Ҷумҳурии Тоҷикистон (Гражданский кодекс Республики Таджикистан)». Хотя сразу же следует огово-

риться, что в другом варианте этого законодательного акта на русском языке сохранено прежнее название – Гражданский кодекс Республики Таджикистан. Если учесть, что все официальное делопроизводство в стране ведется на государственном, таджикском языке, то можно с убежденностью констатировать такой факт этот только дань сложившейся традиции в русле межнационального общения стран содружества (СНГ) на уровне законодательства.

Теперь в таком варианте Цивильный кодекс Республики Таджикистан по своему названию полностью соответствует субъекту и предмету своего регулирования. Ведь до сих пор называя его гражданским кодексом выражались двусмысленно»; как будто речь идет только о гражданине как субъекте этой отрасли права, а предметом регулирования являются только общественные отношения, связанные только с этим субъектом. Хотя, объектом регулирования гражданского права является многовековое достижение всеобщей человеческой цивилизации с эпохи Древнеримского права.

Библиографический список

1. Болтуев С.Ш. К вопросу о понятии предмета гражданского процессуального права / Укрепление социалистической законности и совершенствование законодательства. – Душанбе, 1984. – С. 114–128.
2. Болтуев С.Ш. О соотношении роли международного коммерческого арбитража и третейского суда в защите прав предпринимателей / Актуальные проблемы экономики и права в условиях глобализации: материалы Республиканской научно-практической конференции посвященной 30-летию Государственной независимости Республики Таджикистан, 29 мая 2021 год / отв. редактор к.ю.н., доцент Бобоев Д.К. – Душанбе: «Шохин-С», 2021. – С. 230–238.
3. Гражданский процесс / под ред. М. К. Треушников. – М. – Новый Юристь. – 1999. – 327 с.
4. Нематов А.Р. К вопросу о понятии «законодательство» // Законодательство. – 2011. – №1. – С. 17–19.
5. Сущность гражданского процесса. / отв. ред. С.Ш. Болтуев. – Худжанд. – Ношир. – 2017. – 272с.
6. Шокиров Т.С. Юридические термины и их лингвистические особенности. / Т.С. Шокиров – Худжанд. – Дабир, 2017. – 237 с.
7. Щеглов В.Н. Предмет и метод гражданского процессуального права // Советское государство и право. – 1974. – № 1. – С. 17–26.

УДК 347.1

*Е.С. Витовская, к.ю.н., доцент Кузбасский институт ФСИН России
г. Новокузнецк, Россия*

Некоторые вопросы гражданско-правовых оценочных понятий

В статье анализируются актуальные вопросы гражданско-правовых оценочных понятий. Особое внимание уделено процессу оценки указанных понятий, определены субъекты, предмет и основание оценивания. Автор приходит к выводу о том, что примерные типовые перечни гражданско-правовых оценочных

понятий способны выступить в роли ориентира как при толковании таких понятий, так и при их практической реализации.

Ключевые слова: оценочное понятие, субъект оценки, предмет оценки, основание оценки, примерный типовой перечень.

Процесс совершенствования гражданского законодательства продолжается до сих пор. Большая часть задач, стоящих перед законодателем и правоприменителем решена, многие переходные нормы исключены. Однако отставание системы гражданской юрисдикции не дает участникам использовать правовые возможности в полном объеме, поскольку судебный процесс может затянуться на годы. Вопросы законодательной техники являются спорными в современной теории гражданского права. К одной из основных в указанной проблеме относятся оценочные понятия. Перенасыщение гражданского законодательства терминами неопределенного содержания приводит к возникновению трудностей в их толковании правоприменителем, что влечет за собой нарушение прав и законных интересов субъектов гражданско-правовых отношений. О роли оценочных понятий в теории гражданского права обсуждалось неоднократно [2, с. 61; 4, с. 145].

Гражданско-правовые оценочные понятия настолько разнообразны, что сформулировать их общие признаки невозможно, поскольку они выявляются из различных конкретных ситуаций. Следовательно, гражданско-правовые оценочные понятия призваны отражать не предмет в его целостности, а свойства или отношения предмета. Толкование указанных понятий отдается на откуп правоприменителя, который действует по своему усмотрению в соответствии со своими представлениями.

Анализ Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) показал, что его содержание достаточно часто допускает неоднозначное толкование многих норм. Так, ст. 202 ГК РФ «Приостановление течения срока исковой давности» содержит термин «непреодолимая сила», ст. 220 ГК РФ «Переработка» – «существенно», ст. 333 ГК РФ «Уменьшение неустойки» – «явная несоразмерность последствиям», ст. 346 ГК РФ «Пользование и распоряжение предметом залога» – «временное», «регулярно», ст. 524 ГК РФ «Исчисление убытков при расторжении договора» – «разумный срок», «более высокая, но разумная цена», ст. 1099. ГК РФ «Общие положения» – «моральный вред», ст. 1100 ГК РФ «Основания компенсации морального вреда» – «сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию» и др. При упоминании оценочной терминологии законодатель не дает никаких пояснений, что конкретно следует понимать под ними.

Избавить гражданское законодательство от оценочных понятий невозможно, отчасти, их существование приводит к мысли о развитии общества и гражданского права, о трансформации явлений социальной действительности. Среди предложений по совершенствованию гражданского законодательства звучат рассуждения о включении справочных разделов, глав и статей [1, с. 293; 3, с. 44]. На наш взгляд, это неоправданно, поскольку такое новшество приведет к увеличению объема и усложнению структуры ГК РФ. Поэтому среди перспективных задач – разработка технологии применения гражданско-правовых оценочных понятий.

Первым этапом оценки гражданско-правовых отношений является определение субъектов оценки. К ним следует относить как законодателя, так и право-

применителя. При этом законодатель производит лишь общую оценку отношений, отраженных в гражданском законодательстве, а правоприменитель оценивает конкретные явления и факты.

На втором этапе оценке подвергается предмет. К предметам могут быть отнесены ситуации, состояния, действия (деятельность), мотивы, причины, интервалы, способы, физические предметы, имущество и свойства вещей. Например, к оценочным понятиям интервала могут относиться термины «немедленно», «систематически», «заблаговременно» и др. В числе оценочных понятий деятельности можно назвать термины «экономно», «разумно», «должная заботливость», «расчетливо» и др.

Основой оценки предмета выступают прежде всего, обобщенная судебная практика и практика по конкретным делам. Важным условием такой оценки является то, что толкование дается, исходя из анализа складывающейся на текущее время положительной правоприменительной практики. Ряд авторов к числу оснований оценки относят нормы морали, нравственности, чувства, правосознание отдельных судей, общественное правосознание, правовой обычай, теоретические знания, а также выработанную гражданско-правовую традицию по отдельным спорным моментам.

Полагаем, что в результате анализа судебной практики могут быть созданы примерные типовые перечни гражданско-правовых оценочных понятий, с учетом которых может строиться процесс их толкования. Особая ценность таких списков в том, что они по сути представляют собой объективное выражение собранных и обработанных данных.

В заключении отметим, что гражданско-правовые оценочные понятия придают гражданскому законодательству определенную гибкость, поскольку субъект при принятии решения производит сравнение фактических обстоятельств и оценочной категории. По нашему мнению, в целях объективного толкования неопределенных положений гражданского законодательства необходимо выработать подход, предусматривающий выведение примерного типового перечня гражданско-правовых оценочных понятий, что в конечном итоге положительно отразится как на толковании оценочных категорий, так и на их практической реализации.

Библиографический список

1. Белоусова К.А. Способы толкования правовых оценочных категорий // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сборник статей IX Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 августа 2017 года. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. – С. 292–295.
2. Болдырев А.А., Новикова С.В. Оценочные категории в гражданском праве. / А.А. Болдырев, С.В. Новикова // Эпомен. – 2018. – № 12. – С. 59–63.
3. Голубцов В.Г. Оценочные понятия в российских кодификациях гражданского права. / В.Г. Голубцов // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 8(153). – С. 37–50.
4. Лынов А.А. К вопросу об оценочных категориях в гражданском праве. / А.А. Лынов // StudNet. – 2021. – Т. 4. – № 7. – С. 145.

О значении раскрытия гражданином-должником целей расходования денежных средств в деле о банкротстве

Автор статьи поднимает вопрос о необходимости установления цели расходования денежных средств при обращении должника-гражданина в суд с заявлением о банкротстве во взаимосвязи с признаками недобросовестного поведения и их последствиями.

Ключевые слова: потребительское банкротство; должник-гражданин; заявление о признании банкротом; цель расходования денежных средств, добросовестное поведение.

С момента введения в действие главы X Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) количество банкротных дел с участием граждан увеличивается с каждым годом, что подтверждает востребованность процедуры потребительского банкротства. Появление правового института потребительского банкротства обусловлено заинтересованностью государства в социальной реабилитации гражданина, который попал в тяжелое финансовое положение, предоставлении ему возможности заново выстроить экономические отношения, законно избавившись от необходимости отвечать по накопившимся обязательствам, которые он не в состоянии исполнять (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.01.2019 № 301-ЭС18-13818 по делу № А28-3350/2017). При этом законодатель исходит из принципиального положения о том, что социальная реабилитация должника-гражданина возможна лишь при обязательном соблюдении требований норм действующего законодательства о его добросовестном поведении, а потому должна носить экстраординарный (исключительный) характер [1, с. 56], [2, с. 19]. Вместе с тем многие граждане-должники воспринимают банкротство исключительно как способ легального списания долгов, поскольку основным его правовым последствием выступает освобождение от исполнения обязательств (п. 3 ст. 213.28 Закона о банкротстве), требования по которым не ограничиваются лишь теми, которые были включены в реестр требований кредиторов. Как отмечает Е.М. Шайхутдинов, в большинстве случаев признание гражданина банкротом предполагает его освобождение от исполнения большинства требований кредиторов, как включенных в реестр требований кредиторов, так и не заявленных при введении процедур реструктуризации долгов или реализации имущества [3, с. 67].

Учитывая то, что подавляющее большинство процедур банкротства в отношении граждан возбуждается непосредственно по заявлению самих должников, обратим внимание на один формальный аспект, касающийся документов и сведений, которые прилагаются к таким заявлениям. Несмотря на то, что закон определяет весьма широкий перечень документов (сведений), который должен предоставить гражданин вместе с заявлением (п. 3 ст. 213.4 Закона о банкрот-

стве), мы в этом перечне не обнаружим документов (сведений), достоверно подтверждающих цели расходования денежных средств должника, и прежде всего тех денежных средств, которые были получены должником и не возвращены кредиторам. Вместе с тем, именно сведения о целях расходования денежных средств позволяют дать достоверную оценку поведению должника через призму добросовестности. К сожалению, с точки зрения закона оценка поведения должника-банкрота на соответствие его определенным стандартам добросовестности производится не на стадии подачи заявления, а на завершающей стадии процедуры банкротства, когда решается вопрос о том, имеют ли место обязательства, от исполнения которых должник не может быть освобожден.

Таким образом, с точки зрения норм позитивного права отсутствие в заявлении о банкротстве гражданина-должника сведений о целях расходования им денежных средств в настоящий момент не является основанием для оставления без движения (возвращения) такого заявления.

Более того, учитывая, что большинство заявлений должников о банкротстве подаются в суд на основании п. 1 ст. 213.4 Закона о банкротстве (когда должник обязан обратиться в суд с заявлением о своем банкротстве, при наличии непогашенной в срок более 30 дней задолженности в размере более 500 000 рублей), нормы об оставлении заявления гражданина-должника без движения (о возврате заявления) оказываются практически недействующими, поскольку обязанность по истребованию недостающих сведений возложена уже непосредственно на суд в рамках возбужденного дела о банкротстве.

Представляется, что подобный подход искажает идею социальной реабилитации должника-гражданина, заложенную в процедуру потребительского банкротства, и не способствует соблюдению баланса интересов участников банкротного дела: с точки зрения закона суд обязан принять к рассмотрению дело даже в том случае, если имеют место обстоятельства, позволяющие усомниться в добросовестности должника-гражданина.

Вместе с тем, более пристальное внимание к целям расходования денежных средств должником на стадии рассмотрения вопроса о принятии заявления позволило бы суду оценить, насколько добросовестно действовал такой должник при использовании денежных средств. И как показывает практика, зачастую истинные цели расходования не отвечают признакам поведения добросовестного должника (деньги бывают попросту растрочены на повседневные нужды либо на приобретение какого-либо имущества при наличии непогашенных обязательств перед другими кредиторами).

Складывающаяся судебная практика подтверждает объективную необходимость выяснения и заинтересованность суда в установлении целей расходования денежных средств должником (например, дело №А70-14767-2021; А70-25017/2023; А70-25119/2023; А40-41410/16-123-29Ф). При этом часто суд использует опосредованные формулировки, не упоминая напрямую о целях расходования, однако предпринимает действия при рассмотрении вопроса о принятии заявления, непосредственно направленные на выяснение именно указанных обстоятельств – целей расходования денежных средств должником. В любом случае выяснение целей расходования денежных средств используется судом в ка-

честве эффективного инструмента для оценки поведения должника на предмет его добросовестности.

Полагаем, что внесение изменений в п. 3 ст. 213.4 Закона о банкротстве (в части дополнения требованием о необходимости предоставления должником-гражданином сведений о целях расходования им денежных средств с подтверждающими документами):

во-первых, создаст дополнительный эффективный «фильтр», непреодолимый для недобросовестных должников, поскольку послужит более активному и эффективно обоснованному выяснению признаков недобросовестности в поведении должника-гражданина на стадии принятия заявления о банкротстве и отражению таких признаков в судебном акте;

во-вторых, позволит снизить количество заявлений о банкротстве должников-граждан, а значит и количество возбуждаемых дел о банкротстве, поскольку значительная часть граждан, рассматривающих возможность освобождения от долгов путем возбуждения процедуры банкротства в отношении себя лично, будет лишена такой возможности по причине невозможности подтверждения целей расходования денежных средств, отвечающих принципу добросовестности;

в-третьих, позволит обеспечить значительную процессуальную экономию в работе системы арбитражных судов в связи со снижением количества дел о банкротстве должников-граждан.

Библиографический список

1. Андреев А.В. Неосвобождение гражданина-банкрота от обязательств. Процессуальный аспект. / А.В. Андреев // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2018. – № 4. – С. 55–62.

2. Карелина С.А., Фролов И.В. Механизм освобождения гражданина-должника от обязательств как следствие его банкротства: условия и порядок применения. / С.А. Карелина, И.В. Фролов // Право и экономика. – 2015. – № 10. – С. 18–26.

3. Шайхутдинов Е.М. Отказ в освобождении гражданина от обязательств по завершении процедуры банкротства. / Е.М. Шайхутдинов // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 10. – С. 65–71.

УДК 347.91/95

*В.В. Каранчукова, младший научный сотрудник
сектора правового обеспечения экономической безопасности
центра государственного строительства и права
Института экономики НАН Беларуси
г. Минск, Республика Беларусь*

Общая характеристика отдельных стадий судебного разбирательства в гражданском судопроизводстве

В статье рассматриваются стадии судебного разбирательства, доктринальные мнения ученых, статистические данные о рассмотрении гражданских дел судами общей юрисдикции. По результатам изучения норм национального законодательства и законодательства Республики Казахстан, было отмечено преимуще-

ственное положение гражданско-процессуального законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, стадии судебного разбирательства, апелляционное производство, кассационное производство, исполнительное производство.

В соответствии со ст. 60 Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.), каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, которая является основной и приоритетной формой такой защиты. Она реализуется через деятельность специализированных властных государственных органов – судов.

По мнению О.В. Бодаковой, гражданский процесс является одной из форм отправления правосудия и отличается от деятельности иных органов, рассматривающих гражданские споры, наличием специфической процессуальной формы [1, с. 27]. Согласно Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-З (далее – ГПК Республики Беларусь), выделяют следующие стадии судебного разбирательства:

1. Подготовительная. Судья в назначенное время открывает судебное заседание и объявляет, какое дело подлежит рассмотрению. Секретарь докладывает суду о явке лиц, вызванных по делу, о том, вручены ли уведомления и повестки неявившимся, какие имеются сведения о причинах их неявки. Судья устанавливает личность явившихся, выясняет у ответчика, получена ли им копия искового заявления и когда. Если копии вручены не были, разбирательство дела откладывается. Если кто-либо не владеет языком, на котором ведется судопроизводство, в судебное заседание вызывается переводчик. Из зала судебного заседания в комнату для свидетелей удаляются свидетели, чтобы допрошенные не могли общаться с недопрошенными. Судья объявляет состав суда, сообщает, кто участвует в качестве прокурора, эксперта, специалиста, переводчика, секретаря, и разъясняет участникам их право заявить отводы (ст. 274-283 ГПК Республики Беларусь).

В стадии подготовки дела к судебному разбирательству судья вправе назначить экспертизу, если необходимость производства соответствующей экспертизы вытекает из обстоятельств рассматриваемого дела. Назначение экспертизы обязательно в тех случаях, когда это предусмотрено законом. Например, в соответствии со ст. 374 ГПК Республики Беларусь судья при наличии достаточных данных о душевной болезни или слабоумии гражданина назначает для определения его психического состояния судебно-психиатрическую экспертизу.

2. Рассмотрение дела по существу. Начинается кратким докладом судьи. В докладе излагается о том, кто и кому заявил требования, их основания; сообщается суть возражений ответчика; разъясняется сущность требований по встречному иску. После доклада судья выясняет следующее: поддерживает ли истец свои требования и в каком объеме, признает ли иск ответчик, не желают ли стороны заключить мировое соглашение. Признание иска ответчиком является основанием для вынесения решения о его удовлетворении. Суд переходит к заслушиванию объяснений и исследованию доказательств, затем к судебным прениям (ст. 284–289 ГПК Республики Беларусь).

3. Заключительная (судебные прения, судебные реплики). Судебные прения – часть судебного заседания, в которой подводятся итоги проведенного исследования обстоятельств дела, доказательств, что их подтверждают, норм права, которые подлежат применению, и дается их оценка. Судебные прения состоят из речей сторон. Сначала выступает истец, затем – ответчик. Все участники могут выступать вторично с репликами в отношении сказанного другими лицами (ст. 290–293 ГПК Республики Беларусь).

4. Постановление и объявление решения являются завершающей частью судебного разбирательства, в которой окончательно подводятся итоги судебного разбирательства, разрешается гражданско-правовой спор между сторонами по существу. Суд удаляется в совещательную комнату для вынесения решения. После подписания решения суд возвращается в зал заседания и оглашает его, затем дает разъяснения по порядку обжалования, ознакомления с протоколом, объявляет судебное заседание закрытым (ст. 294–318 ГПК Республики Беларусь). При вынесении решения суд должен рассмотреть следующие вопросы: какие факты входят в предмет доказывания по делу; какие из этих фактов установлены с помощью достоверных, доказательств и какие не установлены; почему отвергаются те или иные доказательства; чьи требования или возражения в итоге оказались обоснованными полностью или частично; какие акты законодательства должны быть применены по данному делу; как должно быть разрешено дело.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что ГПК Республики Беларусь в полной мере закрепляет стадии гражданского разбирательства, содержит нормы, регламентирующие права и обязанности сторон и судьи.

Приведем некоторые статистические данные из деятельности судов общей юрисдикции Республики Беларусь. В 2023 г. суды общей юрисдикции Республики Беларусь рассмотрели 185 204 гражданских дел. Количество дел, рассмотренных в порядке искового производства, составило 109 412 тыс. дел. Количество дел, рассмотренных в порядке особого производства, составило 27 887 тыс. дел. В порядке приказного производства рассмотрено 18 740 тыс. дел [2]. По результатам изучения статистических данных по рассмотрению судами гражданских дел и вынесения по ним решения, мы пришли к выводу о наличии значительной нагрузки на судебную систему.

Исходя из вышесказанного, было выработано предложение о необходимости закрепления в рамках досудебного производства одной из стадий – медиация, участие в которой было бы обязательным для всех участников дела. Данная форма обеспечила бы своевременное разрешение споров, экономию денежных средств и уменьшение нагрузки на органы судебной власти.

По результату изучения гражданско-процессуального законодательства Республики Беларусь и законодательства Республики Казахстан, стоит отдать преимущественное положение национальному законодательству в части закрепления 4 видов гражданского судопроизводства, что не скажешь о зарубежных правовых нормах. В ГПК Республике Беларусь регламентированы следующие виды гражданского судопроизводства: исковое; по делам, возникающим из административно-правовых отношений; особое и приказное производства (ст. 8 ГПК Республики Беларусь). В соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V ЗРК закреплены 3

вида гражданского процесса, к которым относят: исковое производство; особое исковое производство; особое производство (подраздел 2, подраздел 3, подраздел 4). В законодательстве Республики Казахстан включение споров, возникающих из административно-правовых отношений, для рассмотрения в исковом производстве является не практичным, поскольку в данном случае вред причиняется со стороны государства в лице должностных лиц государственных органов, поэтому указанный вид правоотношений целесообразно выделить для рассмотрения в отдельном гражданском производстве.

Таким образом, в гражданском судопроизводстве выделяют следующие стадии судебного процесса: подготовительная; рассмотрение дела по существу; заключительная (судебные прения, судебные реплики); постановление и объявление решения. К каждой стадии гражданского судопроизводства и судебного заседания установлен процессуальный порядок действий сторон и судьи. Автором было выработано предложение о необходимости закрепления в рамках досудебного производства одной из стадий – медиация, участие в которой было бы обязательным для всех участников дела. Данная форма обеспечила бы своевременное разрешение споров, экономию денежных средств и уменьшение нагрузки на органы судебной власти.

По результатам изучения гражданско-процессуального законодательства Республики Беларусь и Республики Казахстан, необходимо отметить преимущественное положение национального законодательства в части закрепления одного из видов гражданского судопроизводства производство, в котором рассматриваются споры, возникающие из административно-правовых отношений.

Библиографический список

1. Бодакова О.В. Гражданский и хозяйственный процесс: общая часть / О.В. Бодакова. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2021. – 230 с.

2. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 1 полугодие 2023 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// www. court. gov. by/ru/ justice _rb/statistics /5b82a 6c416 a342a7. html](https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/5b82a6c416a342a7.html). – Дата доступа: 19.02.2024.

УДК 347.918.2

*А.Р. Каримуллина, аспирант, К(П)ФУ
г. Казань, Россия*

Актуальные проблемы применения примирительных процедур в Российской Федерации

В статье рассматриваются актуальные проблемы применения примирительных процедур в Российской Федерации. Формулируются предложения по совершенствованию действующего законодательства Российской Федерации с целью более частого использования примирительных процедур.

Ключевые слова: примирительные процедуры, актуальные проблемы примирительных процедур, судебное примирение, медиация, переговоры.

Статистика рассмотрения дел в судах остается неутешительной с точки зрения нагрузки на судейский корпус. Только в судах общей юрисдикции по первой инстанции в 2022 году было рассмотрено более 25 миллионов дел¹. Изменить ситуацию с нагрузкой на судейский корпус были призваны изменения в процессуальное законодательство 2019 года, связанные с внедрением примирительных процедур. Однако пока интенсивность их использования остается невысокой. Более того, она снижается. Это видно исходя из статистики по одной из примирительных процедур – медиации – за период с 2020 по 2022 годы. Так, в 2020 году было заключено 500 медиативных соглашений, что составило 0.2% от прекращенных дел. В 2021 году количество сократилось в 2.5 раза – до 200 медиативных соглашений или 0.1% от общего количества прекращенных дел. В 2022 году количество медиативных соглашений составило 367 или 0.1% от общего количества прекращенных дел. При этом если данную статистику экстраполировать на общее количество дел в судах общей юрисдикции, то процент находится на уровне статистической погрешности [4].

Ситуация с другой примирительной процедурой – судебным примирением – не менее тревожная. Так, с помощью данной процедуры в 2019 году было прекращено 0.13% дел, а в абсолютных числах их процент составил 0.13% от общего количества прекращенных дел [1, с. 177].

Показателен и тот факт, что участники правового конфликта все реже обращаются к процедуре медиации. Так, с 2015 по 2021 годы количество обращений к процедуре медиации сократилось в полтора раза: с 1111 до 724 споров [1, с. 178].

С чем связаны указанные негативные тенденции? Какие проблемы применения примирительных процедур существуют в Российской Федерации?

Необходимо выделить целый ряд проблем, связанных с недостаточно частым применением примирительных процедур в Российской Федерации.

В первую очередь, это недостаточная информированность сторон о наличии примирительных процедур и их содержании. Далеко не все участники споров понимают, что с помощью примирительных процедур можно не только добиться взаимовыгодного варианта разрешения спора, но и обеспечить сохранение доверительных отношений с контрагентом для последующего долгосрочного сотрудничества.

Второй блок проблем, связанных с применением примирительных процедур, связан со статусом посредника. В частности, необходимо отметить, что сохраняется опция осуществления деятельности медиатора на непрофессиональной основе, что следует из статьи 15 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о процедуре медиации). Это приводит к тому, что посредник обладает недостаточной квалификацией для обеспечения эффективного и взаимоприемлемого разрешения правового конфликта. Кроме того, у участников спора справедливо возникают вопросы о

¹ Федеральный закон от 27 июля 2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.

необходимости оплаты дополнительных расходов на оплату услуг медиатора, если это не приносит конкретного правового результата.

Примирительные процедуры не несут конкретного и осязаемого правового результата, в отличие от судебного разбирательства. При этом они могут занимать достаточно продолжительное время. Так, в силу статьи 13 Закона о процедуре медиации срок проведения медиации, по общему правилу, не должен превышать 180 дней. Судебное разбирательство в свою очередь, по общему правилу, заканчивается принятием судебного акта, которым дело разрешается по существу.

Еще одна проблема – отсутствие закрепления примирительных процедур в качестве обязательных. На эту проблему еще в 2015 году указывал Президиум Верховного Суда Российской Федерации. Так, Справке о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 год, утвержденной Президиумом Верховного Суда РФ 1 апреля 2015 г. в качестве одной из причин низкой востребованности процедуры медиации указывалось, что она не носит обязательный характер до обращения в суд [2].

Введение обязательной процедуры поддерживается и рядом ученых. Например, О.Е. Финогентова указывает: «Введение обязательной досудебной процедуры медиации является закономерным этапом судебной реформы, направленной на повышение качества и эффективности работы судов, устранение коллизий правовых норм, кроме того, способствует интеграции медиации в общественную жизнь» [5].

При этом здесь могут возникнуть справедливые возражения относительно того, что обязательный характер примирительной процедуры будет противоречить ее существу – она должна носить добровольный характер. А еще наличие обязательной процедуры может стать дополнительным барьером к защите нарушенного права, увеличить сроки такой защиты. И все-таки в указанном вопросе, по мнению автора, нужно искать баланс между нагрузкой судейского корпуса и существом примирительных процедур. По мнению автора, применительно к отдельным категориям споров обязательную процедуру ввести можно.

Резюмируя, отметим, что в первые годы внедрения примирительных процедур в законодательство Российской Федерации они не зарекомендовали себя как востребованный и эффективный инструмент разрешения правовых конфликтов. На это повлияли недостаточная информированность сторон, низкая квалификация отдельных посредников, а также необходимость несения дополнительных расходов, отсутствие осязаемого правового результата после примирительной процедуры, а также отсутствие примирительных процедур в качестве обязательного этапа их разрешения.

Хочется верить, что указанные проблемы будут разрешаться, а примирительные процедуры позволят сократить нагрузку на судейский корпус, а сторонам помогут сохранить доверительные партнерские отношения.

Библиографический список

1. Миняйленко Николай Николаевич Медиация как способ урегулирования гражданско-правовых споров: проблемы и перспективы. /Н.Н. Миняйленко //

Юридическая наука. – 2023. – №7. URL: perspektivy (дата обращения: 21.02.2024).

3. Опубликована статистика рассмотрения гражданских дел в 2022 году// Интернет-портал «Право.Ru» [Электронный ресурс], URL: [9E%D0 %BF%D 1%83 %D0% B1% D0 %BB%D0%B8%D0%BA%D0%BE%](http://www.prav.ru) (дата обращения: 10.01.2024).

4. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции// <http://cdep.ru/> (дата обращения: 12.01.2024).

5. Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 год, утвержденная Президиумом Верховного Суда РФ 1 апреля 2015 г.// СПС «Консультант Плюс».

6. Финогентова О.Е., Мачучина О.А. К вопросу определения правовой природы альтернативного разрешения споров. / О.Е. Финогентова, О.А. Мачучина // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9. – № 6. – С. 76–96.

УДК 347.469.1

Д.А. Кашка, врач, медицинский юрист, член Ассоциации юристов России, Ассоциации по защите прав в сфере здравоохранения, стажер адвоката Коллегии адвокатов «Законъ» АП СК г. Ессентуки, Россия

Проблемы правового регулирования компенсации морального вреда при нарушении личных неимущественных прав

В статье проводится комплексный анализ института компенсации морального вреда, а также проблем, возникающих при определении размеров компенсации морального вреда.

Ключевые слова: моральный вред, критерии морального вреда, размеры компенсации морального вреда.

На сегодняшний день законодатель указал на критерии определения размера компенсации морального вреда в статьях Гражданского кодекса.

Степень вины нарушителя, напрямую зависит от формы вины: неосторожности, умысла, однако не установлен единый размер компенсации, не учитываются индивидуальная ситуация пострадавшего, особые обстоятельства, требующие повышенного внимания суда. Такой подход явно не обеспечивает объективного рассмотрения дела. Закон также не закрепляет ни единых методов оценки физических и нравственных страданий (так как невозможно высчитать эквивалент размера компенсации глубине перенесенных страданий), ни каких-либо пределов денежной компенсации морального вреда; ни разъясняющих методик определения самого размера присуждаемой суммы.

Особенно остро стоит вопрос о неопределенности размеров компенсации морального вреда именно в случаях причинения вреда жизнью и здоровью, ввиду

исключительной важности этих принадлежащих гражданину от рождения нематериальных благ.

Кроме того, не существует возможности объективно оценить моральный вред, основываясь, например, на рыночных показателях, на которые, в свою очередь, ориентируются при доказывании убытков – в этом и проявляется ключевое различие.

Определение размера морального вреда – один из проблемных вопросов гражданско-правового института. Это связано с тем, что в российском законодательстве нет четко сформулированных критериев и способов компенсации морального вреда [5, с. 5].

С вступлением в силу части 2 ГК РФ эти критерии были дополнены другими критериями, установленными ст. 1101, к которым относятся требования разумности и справедливости. Характер физических и психических страданий должен оцениваться судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных характеристик потерпевшего. Однако в законе нет указаний о том, как рассчитать размер морального вреда, подлежащего компенсации, и как измерить степень и глубину страданий.

Понятия «степень страданий» и «характер страданий» законодателем не разъясняются. «Степень» подразумевает сравнение явлений, а «характер» – уникальные признаки.

Требование разумности и справедливости, заключается в соразмерности назначаемой судом компенсации глубине страданий, в связи с тем, что глубина страданий не поддается точному измерению [30, с. 44].

Упоминание законодателем степени страдания, связанного с индивидуальными характеристиками жертвы, предполагает наличие определенной средней глубины страдания, но законодатель конкретно не указывает, как его определять.

Презюмируемый моральный вред – это страдания, которые, по общему представлению, должен испытывать (не может не испытывать) «средний», «нормально» реагирующий на совершение в отношении него противоправного деяния человек [7, с. 44–46]. По существу, презюмируемый моральный вред отражает общественную оценку противоправного деяния.

При рассмотрении дел о компенсации морального вреда, суд зачастую в несколько раз уменьшает заявленную истцом сумму, не обосновывая свое решение каким-либо определенным алгоритмом расчета суммы возмещения.

Значительную часть дел по возмещению морального вреда составляют иски, связанные с причинением вреда здоровью и смерти по неосторожности в результате дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП), врачебных ошибок, производственных травм.

Вопрос о компенсации морального вреда – это очень важная в социальном и правовом отношении тема, которой суждено сыграть заметную роль в современных общественных отношениях. Во многих случаях человек может претерпеть моральные или физические страдания, включая правонарушение других лиц, но право на компенсацию морального ущерба возникает только при определенных условиях и обязательствах по компенсации.

Большинство судей говорит о том, что они «не любят» рассмотрение дел о компенсации вреда, так как им необходимо необоснованно либо выполнить тре-

бования истцов, либо назначать какую-то иную сумму. Как говорят сами судьи, причина данной ситуации в том, что отсутствует единый метод определения размера компенсации морального вреда.

После того, как была принята вторая часть ГК РФ, эти критерии были дополнены критериями, установленными в ст. 1101 ГК РФ.

Критериями определения размера компенсации морального вреда являются степень вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда, а также степень и характер физических и нравственных страданий потерпевшего, которые необходимо оценивать с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен вред.

Упоминание законодателем степени страданий, связанной с индивидуальными особенностями потерпевшего, предполагает наличие некоей средней степени страданий, но о ее учете законодатель не делает специального указания, поскольку наличие страданий, т.е. морального вреда, – это необходимое условие возникновения права на компенсацию морального вреда вообще, и законодатель делает акцент на те критерии, которые позволяют определить размер компенсации применительно к конкретному делу.

Согласно этой норме при невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости. Эти понятия суд может использовать как опору в том случае, если есть пробел в законе и судьям необходимо дать волю для принятия решения по делу.

Действующий подход является очень субъективным и следует законодательно закрепить объективный критерий определения компенсации и основания, которые влекут увеличение или уменьшение размера компенсации морального вреда. Также нужно установить частные критерии размера компенсации в отношении неимущественных прав. Касательно критерия вины следует говорить не только о степени вины правонарушителя, но и о форме вины (при умысле размер компенсации должен быть больше, чем при неосторожности).

Необходимо регулировать законодательно возможность добровольного возмещения морального вреда и условий присуждения компенсации, а также передачу права на компенсацию морального вреда по наследству.

При отсутствии точного критерия для измерения степени страданий позволяющего перевести данную степень в денежную форму, будет разумно и справедливо, если при причинении большей степени страданий, будет больший размер компенсации морального вреда.

Страдания невозможно оценить в денежной форме. Материальная компенсация за причинение морального вреда направлена на сглаживание конфликта, на вызов положительных эмоций у пострадавшего, возможно даже на психологическое восстановление.

Формирование цифровой реальности нашего времени, в которой граждане подвергаются противоправным действиям в социальных сетях, распространению негативных сведений в интернете создает у пользователей и лиц, прочитавших указанную информацию, негативное мнение об истце, порочат ее честь, досто-

инство и деловую репутацию, что также является основанием для компенсации морального вреда.

Согласно указанию Верховного Суда РФ, при взыскании денежных сумм компенсации морального вреда суду следует учитывать реальные возможности физического лица для его возмещения. Данное предложение не должно распространяться на рассмотрение тех дел, в которых причинителем вреда является юридическое лицо. Проанализировав гражданское законодательство, фундаментальные труды и публикации ученых юристов, правоприменительную практику, мы пришли к выводу, что механизм компенсации морального вреда нуждается в дальнейшем совершенствовании, вследствие существования определенных проблем, требующих практического решения.

Библиографический список

1. Амирбекова Г.Г. Исследования, проводимые по делам о компенсации морального вреда / Г.Г. Амирбекова // Государственная служба и кадры. – 2020. – №2. – С. 135–137.

2. Антонова Н.А. Правовые проблемы компенсации морального вреда / Н.А. Антонова, С.Э. Еримова // Концепции фундаментальных и прикладных научных исследований: сборник статей Международной научно-практической конференции, 2018. – С. 97–99.

3. Аразова Э.Е., Джумагазиева Г.С. Компенсация морального вреда по действующему российскому законодательству / Э.Е. Аразова, Г.С. Джумагазиева // Вестник магистратуры. – 2022. – №1-2 (124). – С. 4–6

4. Белоусов В.Н. Перспективы развития законодательства о гражданско-правовой ответственности застройщика / В.Н. Белоусов // Нотариус. – 2018. – № 7. – С. 33–38.

5. Бисултанова А.А. Теоретические основы бюджета как экономической категории / А.А. Бисултанова // Экономика и социум. – 2018. – № 6. – С. 5

6. Братусь С.Н. Гражданское право (Пособие для слушателей народных университетов) / С.Н. Братусь, О.С. Иоффе. – М.: Издательство «Знание», 1967. – 160 с.

7. Будякова Т.П. Индивидуальные особенности потерпевшего как критерий степени нравственных и физических страданий / Т.П. Будякова // Российская юстиция. – 2018. – № 2. – С. 57.

8. Будякова Т.П. Индивидуальность потерпевшего и моральный вред / Т.П. Будякова. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2018. – 143 с.

9. Ванюшина А.А. Проблемы компенсации морального вреда / А.А. Ванюшина // Молодой ученый. – 2019. – №27 (265). – С. 177–180.

10. Воробьев С.М. Обеспечение реализации института компенсации морального вреда нормами Уголовно-исполнительного кодекса РФ // 10 лет. Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: сборник материалов международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 1. – Рязань, 2007. – С. 187–190.

11. Газзаев Г.В. К проблеме регулирования размера компенсации морального вреда / Г.В. Газзаев, М.Т. Газзаева, Э.С. Бутаева // Социально-экономические, гу-

манитарные науки и юриспруденция: вопросы теории и практики: сборник материалов III Международной научно-практической конференции, 2018. – С. 85–90.

12. Голубев К.И., Нарижный С.В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности / К.И. Голубев, С.В. Нарижный. – СПб., 2018. – 156 с.

13. Зейц А. Возмещение морального вреда / А. Зейц // Еженедельник советской юстиции. – 1927. – № 47.

14. Золотарев А.П. О некоторых проблемах компенсации морального вреда / А.П. Золотарев // Новая наука и формирование культуры знаний современного человека: сборник научных трудов / под редакцией С.В. Кузьмина. – Казань, 2018. – С. 171–174.

15. Кожевина Е.В. Нематериальные блага как объект гражданских прав: дискуссионные вопросы теории и судебное толкование / Е.В. Кожевина // Цивилист. – 2010. – № 4. – С. 59–63.

16. Кулицкая Л.И. О необходимости разработки критериев определения размера компенсации морального вреда / Л.И. Кулицкая, Л.Ю. Лебедянцева // The Newman in Foreign policy. – 2021. – №60 (104). – С. 70–73.

17. Кудря С.А. Общие и специальные способы защиты гражданских прав / С.А. Кудря // Правопорядок: история, теория, практика. – 2019. – № 1. – С. 80–83.

18. Лапина Е.А. К вопросу о компенсации морального вреда / Е.А. Лапина // Отечественная юриспруденция. – 2021. – №1 (45). – С. 28–30.

19. Липатова Н.Ю. История становления института компенсации морального вреда / Н.Ю. Липатова. – Эссенуки, 2018. – 180 с.

20. Лошкарев А.В., Спиридонова М.А. Проблемы компенсации морального вреда / А.В. Лошкарев, М.А. Спиридонова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – №4-4. – С. 65–68.

21. Нерсисянц В.С. Политические учения Древней Греции. / В.С. Нерсисянц. – М., 1979.

22. Орлов О.В. Нематериальные блага лиц, осужденных к лишению свободы, и их защита в гражданском праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. / О.В. Орлов – Краснодар, 2012. – С. 8, 12, 13.

23. Силаева А.П. Компенсация морального вреда в рамках отечественного гражданского права / А.П. Силаева // Вестник магистратуры. – 2022. – №2-2 (125). – С. 61–63.

24. Суржик А.Ф. Проблема правового регулирования чести, достоинства и деловой репутации в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. / А.Ф. Суржик – М., 2006. – С. 12.

25. Тимешов Р.П. Нематериальные блага в гражданском праве и их защита: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. / Р.П. Тимешов – Краснодар, 2010. – С. 10–12.

26. Утевский Б. Возмещение неимущественного вреда как мера социальной защиты / Б. Утевский // Еженедельник советской юстиции. – 1927. – №35. – С. 1084.

27. Федчун Ю.С. Проблемы применения судебного усмотрения при определении размера компенсации морального вреда в гражданском судопроизводстве / Ю.С. Федчун // Интернаука. – 2018. – №8 (42). – С. 35–36.

28. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич. – М., 2018. – 57 с.

29. Шурхчиева Т.Г. Компенсация морального вреда в российском гражданском праве. / Т.Г. Шурхчиева // E-Scio. – 2022. – №5 (68). – С. 6–13.

30. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда / А.М. Эрделевский. – М., 2018. – 98 с.

УДК 347.261

*Н.А. Кошман, аспирант Юридического института ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Альтернативные способы разрешения семейных споров

В статье рассматривается альтернативный способ разрешения семейных споров методом семейной медиации.

Ключевые слова: гражданское право, бракоразводный процесс, медиация.

Способы урегулирования споров, способы выхода из конфликтных ситуаций, а также недопущения развития конфликта, либо его дальнейшей эскалации, являются важным инструментом нормализации отношений, как в течении брака, так и в процессе его расторжения.

Главной особенностью семейных споров, в особенности споров, возникающих в процессе расторжения брака, является их комплексный характер, охватывающий и взаимосвязывающий как вопросы формального статуса, так и вопросы осуществления родительских прав и распределения бремени родительских обязанностей в отношении совместных детей, вопросы раздела приобретенного в период брака имущества и долговых обязательств супругов.

При этом нередко имущественные вопросы ставятся сторонами спора в зависимость от неимущественных.

Так, если решение вопроса раздела единственного нажитого в браке жилья путем передачи одним супругом своей доли в таком жилье другому, путем зачёта её стоимости в счет уплаты средств на содержание несовершеннолетних детей, представляется добросовестным поведением сторон, когда стороны таким образом погашают взаимные встречные имущественные интересы друг друга... То на практике нередко встречаются и такие ситуации, когда в зависимость от того или иного результата разрешения имущественных споров ставятся личные неимущественные права и обязанности сторон. Наверное, самым распространённым конфликтом в семейных спорах является ситуация, когда один родитель ограничивает второго, проживающего отдельно от несовершеннолетних детей, в общении с детьми, а второй начинает в ответ избегать обязанности по содержанию несовершеннолетних детей, либо наоборот.

Наиболее распространённым способом разрешения семейных споров является обращение с иском в суд в защиту нарушенных прав либо законных интересов в судебном порядке. Категории семейных споров достаточно разнообразны и включают в себя иски о расторжении брака, об определении места жительства несовершеннолетних детей, о взыскании денежных средств на содержание детей и нетрудоспособных супругов, о порядке осуществления родитель-

ских прав, об ограничении либо лишении родительских прав, о разделе совместно нажитого имущества.

Тем не менее, именно в категории семейных споров получили активное развитие альтернативные способы разрешения семейных споров, в первую очередь медиация, которая в свою очередь выделяется в отдельную специализацию – семейная медиация.

Особенностью именно семейной медиации является комплексный подход ко всем правам и обязанностям супругов по всем аспектам брачно-семейных отношений, поиск общего знаменателя во всех индивидуально-определенных особенностях конкретного спора в их взаимной связи.

На текущей стадии развития гражданского процесса в Российской Федерации можно отметить активное внедрение примирительных процедур в судебный процесс. Во множестве судов общей юрисдикции федерального уровня функционируют комнаты примирения, судьи дают рекомендации сторонам процесса обращаться к медиаторам на любом этапе ведения дела.

Медиативный способ разрешения семейных конфликтов в силу своей специфики имеет преимущество перед судебным. В данной категории дел можно говорить о ее сложной композиции: семейные конфликты зачастую сопровождаются негативным эмоционально-психологическим фоном, препятствующим выстраиванию конструктивной коммуникации между сторонами. Именно использование технологий, отличных от судебных, часто помогает людям преодолеть этот сложный этап и выстроить диалог в конструктивном русле. При этом, кроме того, что процент заключения медиативных соглашений достаточно высок, сам факт добровольного заключения соглашения, пусть и при помощи профессионального посредника – медиатора, формирует сильную базу для дальнейшего выполнения взятых таким соглашением обязательств.

Медиация – переговоры с участием третьего, независимого лица – медиатора, приглашенного в процесс с целью налаживания коммуникации между сторонами и выстраивания продуктивного диалога, с помощью процедуры, способствующей выработке взаимоприемлемых решений и возможности заключения медиативного соглашения. В Федеральном законе от 27.07.2010 №193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», в ст. 2 дается следующее определение: «процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения».

Эмоциональная напряженность семейных конфликтов наделила семейную медиацию рядом особенностей, отличающих ее от медиации в сфере гражданско-правовых или трудовых отношений, и сделала её более гибким и неформальным способом разрешения семейных споров, ориентированным на взаимные интересы сторон и удовлетворение их психологических потребностей.

Из всех видов медиации, именно семейная наиболее продуктивно использует в разрешении споров методы психотерапии. Однако медиация стоит отдельно от работы психотерапевта с супружеской парой. Медиация в первую очередь является способом разрешения споров, имеющими юридический характер – будь то раздел имущества, спор о месте постоянного проживания ребенка или о выплате

алиментов. При этом это сравнительно короткая процедура, ориентированная на разрешение спора, а не на глубокую трансформацию отношений между его участниками. Медиация может помочь людям, которые находятся в состоянии расставания или развода, но не считают, что им нужна психотерапия и не готовы ее проходить. Кроме того, результат успешного прохождения процедуры медиации будет формализован в виде медиативного соглашения, имеющего силу судебного акта.

УДК 347.98

*Е.А. Михайлова, судья Арбитражного суда Челябинской области,
I квалификационный класс, соискатель ИГСУ ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ» (г. Москва)
г. Челябинск, Россия*

**Статья 188.1 АПК РФ в делах о несостоятельности (банкротстве):
правовой инструмент пресечения недобросовестного поведения
и реализация права на судебную защиту**

В статье рассматривается проблема недобросовестного поведения участников дел о несостоятельности (банкротстве); анализируется судебная практика арбитражных судов по вынесению частных определений, вопросы недобросовестного поведения участников дел о несостоятельности (банкротстве) и его пресечения.

Ключевые слова: частное определение, недобросовестное поведение, арбитражный управляющий, должник, банкротство.

Федеральным законом от 02.03.2016 №47-ФЗ с 01 июля 2016 года введена в действие норма, предусматривающая основания для применения арбитражным судом института частных определений.

Юридический мир, к сожалению, полагает, что норма статьи 188.1 АПК РФ является «мертвой». Однако пришла пора опровергнуть этот миф. Институт частных определений, нашедший свою реализацию в статье 188.1 АПК РФ, на мой взгляд, является одним из самых действенных институтов борьбы с недобросовестным поведением лиц, участвующих в деле, которые злоупотребляют своими процессуальными правами. Следует отметить также и такую функцию частного определения в делах о несостоятельности (банкротстве) как предупреждение (превентивность) правонарушений в деятельности лиц, участвующих в деле. Таким образом, частное определение в делах о несостоятельности (банкротстве) является эффективным правовым инструментом пресечения недобросовестного поведения лиц, участвующих в деле о несостоятельности (банкротстве), и дальнейшего предупреждения правонарушений в деятельности лиц, участвующих в деле.

Анализ судебной практики показывает, что частные определения выносятся арбитражными судами в отношении арбитражных управляющих, кредитора, должника, иных лиц (например, в отношении государственных органов).

В качестве оснований для вынесения частных определений в делах о несостоятельности (банкротстве) в отношении арбитражных управляющих арбитражные суды, например, указывают следующие нарушения закона:

1. Неоднократные нарушения временным управляющим норм Закона о банкротстве, связанные с неисполнением обязанности по своевременному созыву и проведению первого собрания кредиторов должника и положений статьи 67 Закона о банкротстве, что повлекло нарушение прав и законных интересов кредиторов в виде несоблюдения установленного процессуального срока для рассмотрения дела о банкротстве должника.

2. Непредставление отчета о ходе процедуры конкурсного производства, в том числе в срок, установленный определениями суда, и отсутствие сведений относительно проведенных мероприятий в процедуре банкротства должника.

3. Ненадлежащее исполнение арбитражным управляющим своих обязанностей, выразившихся в неисполнении норм Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в части опубликования сведений о признании гражданина несостоятельным (банкротом) и введении процедуры банкротства физического лица – реализации имущества гражданина.

4. В связи с недолжным исполнением возложенных на финансового управляющего обязанностей, и недобросовестным поведением управляющего, в конкурсную массу не поступили значительные денежные средства, которые подлежали после погашения соответствующих расходов процедуры банкротства перечислению кредитору.

5. Действия арбитражного управляющего, связанные с неисполнением требований судебных актов арбитражного суда, свидетельствуют о проявлении арбитражным управляющим явного неуважения к суду, а также влекут вынужденное очередное отложение рассмотрения дела о банкротстве должника (не исполнены определения суда о представлении всех необходимых доказательств в обоснование ходатайства о завершении процедуры реализации имущества должника-гражданина).

6. Неоднократное непредставление финансовым управляющим, в том числе в установленные решением и определениями суда сроки, отчетов о ходе и результатах реализации имущества гражданина с документами, подтверждающими в отчетах сведения.

По указанному основанию Арбитражным судом Челябинской области вынесено 51 частное определение (1 – в 2018 году, 5 – в 2019 году, 2 – в 2020 году, 14 – в 2021 году, 14 – в 2022 году, 15 – в 2023 году).

Также в рамках дела №А76-53910/2019 Арбитражным судом Челябинской области судом вынесено частное определение от 13.04.2021 по выявленному факту заинтересованности финансового управляющего по отношению к кредитору на основании информации, предоставленной МУ Росфинмониторинга по УрФО.

Вынесены судом частные определения и по выявленным фактам заинтересованности арбитражного управляющего по отношению к должнику. Так, интересы должника в деле о банкротстве представляла бывшая супруга арбитражного управляющего; кроме того, адрес представителя должника и арбитражного управляющего совпали. В другом деле судом установлено, что юристы, пред-

ставляющие интересы должника, работают в той же юридической компании, что и арбитражный управляющий.

Федеральным законом от 12.1.2019 №374-ФЗ в статью 188.1 АПК РФ введена часть 4, которая прямо закрепила полномочия арбитражного суда направлять копию частного определения в органы дознания и следствия при выявлении признаков преступления в действиях лиц, участвующих в деле. Сообщение арбитражным судом в правоохранительные органы о подтвердившихся в порядке арбитражного судопроизводства заявлениях о фальсификации доказательств соответствует предусмотренным в статье 2 АПК РФ задачам судопроизводства в арбитражных судах. Так, в 2021 году Арбитражным судом Челябинской области по заявлению одного из кредиторов вынесено частное определение в отношении другого кредитора по признакам нарушения положений части 1 статьи 303 УК РФ и направлено в органы дознания и следствия, поскольку факт представления суду сфальсифицированных документов установлен судом в ходе рассмотрения обособленного спора по результатам назначенной судебной экспертизы по сроку давности изготовления документов. В 2022 году за представление суду сфальсифицированного документа в отношении должника-гражданина судом вынесено частное определение по признакам нарушения положений части 1 статьи 303, статьи 327 УК РФ и направлено в органы дознания и следствия.

Таким образом, анализ судебной практики убедительно показывает, что арбитражными судами в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) в полной мере реализуются положения статьи 188.1 АПК РФ. Российским арбитражным судопроизводством пресекается недобросовестное поведение участников банкротных дел и дисциплинируется их процессуальное поведение, принимаются меры превентивности нарушений.

УДК 347.1

*М.М. Ненашев, к.ю.н., зам. начальника юридического отдела
АО «Верхневолжский кожевенный завод»
г. Осташков, Россия*

Соотношение вещных и обязательственных исков: современные проблемы практики

В статье на примере двух дел рассматриваются вопросы, связанные с соотношением вещных и обязательственных исков. На основании приведенного анализа даются рекомендации по разрешению подобных дел.

Ключевые слова: вещный иск, обязательственный иск, обязательство, вещное право, традиция.

В литературе отмечалась недопустимость конкуренции вещных и обязательственных исков [2, с. 81]. Однако вопрос о такой конкуренции традиционно рассматривается в сквозь призму правильной квалификации заявленного требования [3, с. 49–56].

В связи с возникновением нигилистического подхода (переквалификация судом заявленного истцом способа защиты права), эта проблема во многом утра-

тила изначальный практический смысл [1, с. 46–47]. Однако вопросы, такого соотношения, вновь были поставлены, но уже в другой плоскости.

Дело №1.

В.Б. Ингулова приобрела у М.С. Дьяконовой квартиру. Она была фактически передана (покупатель вселился), право зарегистрировано в ЕГРН. После продавец был признан банкротом и фин. управляющий оспорил сделку.

Суд первой инстанции без участия В.Б. Ингуловой и ее представителя, удовлетворил заявление. Были применены последствия недействительности в виде признания права собственности банкрота на квартиру. На этом основании фин. управляющий зарегистрировал право собственности за М.С. Дьяконовой и продал квартиру Д.О. Решетникову с составлением акта приема-передачи. Перед продажей продавец и покупатель пытались осмотреть квартиру, но не были допущены внутрь родственниками В.Б. Ингуловой. Несмотря на это покупатель зарегистрировал за собою право собственности на квартиру.

На следующем этапе фин. управляющий подал иск о признании В.Б. Ингуловой утратившей право пользования квартирой. Истец указывал, что ответчик, не являясь собственником, фактически владеет квартирой, хранит в ней личные вещи, отказывается передать управляющему ключи. В свою очередь, В.Б. Ингулова подала апелляционную жалобу на определение, признавшее недействительным ее договор купли-продажи.

В удовлетворении иска фин. управляющего было отказано, а заявление В.Б. Ингуловой было удовлетворено.

На последнем этапе, В.Б. Ингулова подала заявление об оспаривании торгов по продаже ее квартиры и договора, заключенного по результатам торгов, признании права собственности. Первая инстанция заявление удовлетворила. Апелляция и кассация отказали в удовлетворении, сославшись на то, что торги могут быть признаны недействительными только при нарушении процедуры их проведения, в рассматриваемом случае таких нарушений не допущено. Верховный Суд РФ отменил судебные акты указав следующее.

Основания для прекращения права собственности Ингуловой В.Б. не возникли. Ошибочное судебное решение, отмененное впоследствии, к числу таких оснований не относится. Следовательно, внесенные в ЕГРН записи о прекращении ее права собственности и восстановлении права собственности Дьяконовой М.С. являлись недостоверными. Поскольку квартира включена в конкурсную массу в отсутствие к тому законных оснований фин. управляющий не мог ею распорядиться (п. 1 ст. 209 ГК РФ).

При проявлении покупателем минимальной степени осмотрительности, которая от него требовалась в сложившейся ситуации, – осмотра недвижимости перед заключением сделки, он с неизбежностью узнал бы о том, что владение осуществляется иным, отличным от продавца, лицом, и о пороках регистрационной записи о восстановлении права собственности Дьяконовой М.С. на квартиру. Поэтому покупатель не может считаться добросовестным приобретателем. Он, равно как и фин. управляющий, выехавший на осмотр квартиры только после ее продажи с торгов, не вправе в силу абз. 2 п. 6 ст. 8.1 ГК РФ обосновывать возражения по иску Ингуловой В.Б. ссылками на то, что они разумно полагались на

записи государственного реестра о правах Дьяконовой М.С., не зная об их недостоверности.

Кроме того, основной обязанностью продавца по договору купли-продажи недвижимости является передача вещи в собственность покупателю (п. 1 ст. 549 ГК РФ). Эта обязанность считается исполненной после вручения имущества покупателю.

В данном случае фин. управляющий и покупатель оформили акт приема-передачи квартиры. Однако он был заведомо недостоверен, поскольку стороны не могли осуществить прием-передачу из-за того, что квартира все время находилась во владении Ингуловой В.Б.

Основная обязанность по договору купли-продажи не была исполнена продавцом – не состоялась передача недвижимости покупателю, являющаяся в данном случае необходимой предпосылкой для регистрации перехода права собственности. Следовательно, покупатель не приобрел право собственности (п. 2 ст. 218 ГК РФ).

Права Ингуловой В.Б. были нарушены не самими фактами проведения торгов, заключения договора с покупателем, а регистрацией права собственности последнего. Эта регистрация была осуществлена безосновательно и привела к тому, что юридическая судьба квартиры была решена вопреки воле собственника, оставшегося лишь фактическим владельцем. В этом случае Ингулова В.Б. вправе обратиться в суд с иском о признании права собственности (Определение ВС РФ от 20.08.2020 по делу № А40-109856/2017).

Дело №2.

ООО «ТД МТЗ» заключило договор о продаже ООО «Агроснабжение» (перепродавец) трактора. Поставка товара предусматривалась после оплаты.

Через два месяца перепродавец заключил договор о продаже этого трактора ООО «Истоки». По условиям договора, право собственности переходит к покупателю в момент внесения в ПСМ/ПТС записи о покупателе как о новом собственнике товара. Соответствующая запись была внесена в ПСМ/ПТС, но трактор покупателю не был передан.

Фактически трактор продолжал находиться у ООО «ТД МТЗ». В связи с этим ООО «Истоки» обратилось с иском об истребовании трактора у ООО «ТД МТЗ». Иск был сформулирован как виндикация (истребование из чужого незаконного владения).

ООО «ТД МТЗ» указывало, что трактор не выбывал из его владения, а ООО «Агроснабжение» не выполнило своей обязанности по оплате трактора. Сам трактор фактически покупателю не передавался, поэтому право собственности к нему не перешло.

Суды трех инстанций посчитали, что ООО «Истоки» является законным собственником трактора, поскольку право перешло с момента внесения записи в ПСМ/ПТС. Следовательно, владение ответчика не является законным. Верховный Суд РФ не согласился с этим и указал следующее.

Обстоятельствами, подлежащими доказыванию при рассмотрении виндикационного иска, являются: наличие права собственности истца на истребуемое имущество, незаконность владения ответчиком спорным имуществом, отсут-

стве между истцом и ответчиком отношений обязательственного характера по поводу истребуемого имущества, наличие имущества во владении ответчика.

Суды не установили состоялся ли переход права собственности на трактор обществу «АгроСнабжение». В отсутствие установления факта передачи имущества от ООО «ТД МТЗ» к ООО «Агроснабжение» заключение договора между ООО «Агроснабжение» и ООО «Истоки» и внесение сведений в ПСМ о новом собственнике не могут являться достаточным основанием для признания права на трактор за ООО «Истоки» (Определение ВС РФ от 16.12.2021 по делу № А41-62562/2020).

При новом рассмотрении дела суд установил, что трактор был передан от ООО «ТД МТЗ» к ООО «Агроснабжение» на основании ТН. В связи с этим был сделан вывод о передаче товара от ООО «ТД МТЗ» к ООО «Агроснабжение» (Постановление АС МО от 28.10.2022 по делу № А41-62562/2020).

Как видим, в обоих делах Верховный Суд РФ указал на большое значение вопроса о передаче права собственности от продавца к покупателю. При отсутствии такой передачи, обязанность продавца, предусмотренная договором купли-продажи не может считаться выполненной [4, с. 205–213].

Неисполнение продавцом обязанности должно трактоваться как нарушение обязательства, дающее право покупателю на иск к продавцу. Такой иск является обязательственным и именно он должен применяться в подобных ситуациях. Заявление вещного иска против третьего лица (фактического владельца вещи) должно рассматриваться как ненадлежащий иск против ненадлежащего ответчика.

Библиографический список

1. Ненашев М.М. Способ защиты права: процессуальные вопросы. / М.М. Ненашев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2011. – № 8. – С. 44–48.
2. Подшивалов Т.П. К вопросу о соотношении вещных и обязательственных исков // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы конференции. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. – С. 75–81.
3. Подшивалов Т.П. Критерии соотношения вещных и обязательственных исков. / Т.П. Подшивалов // Государство и право. – 2015. – №1. – С. 49–56.
4. Тымчук Ю.А., Ненашев М.М. Значение традиции в гражданском праве: теория и практика // Актуальные проблемы реформирования гражданского и предпринимательского права: материалы конференции. – Краснодар: Изд-во ООО «Издательский Дом-Юг», 2015. – С. 205–213.

УДК 347.1

*А.В. Потеева, Председатель Арбитражного суда Кировской области
г. Киров, Россия*

Субъективный и объективный элемент срока исковой давности

В статье исследуется применение субъективного и объективного подхода исчисления исковой давности. Так при субъективном подходе исчисление исковой давности начинается при наличии знания истцом факта нарушения его права и

личности ответчика. При объективном подходе исковая давность начинает течь в момент нарушения без дополнительных условий. Истечение исковой давности влечет возможность погашения иска истца заявлением ответчика об эксцепции (возражении), что обяжет суд отказать в иске. Заявление ответчика о возражении, возможно, заявить как при субъективном, так и при объективном сроке. Однако ответчик может и не заявлять о применении судом исковой давности и защищаться в деле по существу.

Ключевые слова: исковая давность, срок, субъективный срок, объективный срок, эксцепция, возражение.

Защита гражданских прав, является субъективным гражданским правом, всецело покоящемся на подходе осуществления прав своей волей и в своем интересе. Поэтому заставить субъекта защитить свое нарушенное право не представляется возможным. Однако, для вынесения справедливого судебного решения по делу, необходимо простимулировать истца к своевременной защите, поскольку слишком за давными спорами могут привести к обратному. Своевременность обращения за защитой, как правило, определяется исковой давностью. Истечение исковой давности влечет не утрату самого защищаемого права (прекращение обязательств) [1, с. 1173], но возможность его защиты по суду в случае его поражения эксцепцией (возражением) ответчика. Поэтому так важно правильно определить правильность начала течения исковой давности для устранения возможности у ответчика защищаться исковой давностью, что обяжет суд отказать в исковых требованиях.

Действующим законодательством предусмотрены два подхода ее исчисления субъективный и объективный. Субъективный подход, изначально предполагал, что исчисление начинается, когда истец узнал или должен был узнать о нарушении своего права. То есть, фактическое знание или знание вмененное истцу о состоянии обстоятельств порождающих гражданское-правонарушение запускало течение исковой давности, например, неисполнение обязательства в обусловленный срок. Однако судебной практикой был выработан еще один критерий для определения момента начала течения исковой давности – знание личности ответчика (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.11.2008 № 126). Так на сегодняшний день, установлено общее правило для определения начала течения исковой давности при субъективном подходе: 1) знание факта нарушения права; 2) знание личности ответчика.

Объективный подход был введен в ходе реформы гражданского кодекса в 2013 году. Предпосылкой его появления явилось столкновение судебной практики, хоть и с незадавными спорами, то есть обращение за защитой поступило в рамках установленного субъективного подхода исчисления, он обстоятельства из которых возник спор, произошли так давно, что невозможно точно их установить. Такого беспощадное воздействие времени на общественные отношения, как следствие создавалась угроза вынесения не справедливого судебного решения. Устранение этой проблемы послужило введение объективного срока исковой давности в десять лет, со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен (ст. 196 ГК РФ). Исключение из этого правила имеется в отношении случаев возмещения вреда, включая моральный, причиненный в результате террористического акта и устанавливается в пределах сроков давности

привлечения к уголовной ответственности. Исчисление этого срока началось с 1 сентября 2013 года, а значит, первый случай задавнивания спора уже произошел 1 сентября 2023 года. С каждым последующим днем задавливаются споры обстоятельства, которого возникли еще возникновению еще десять лет назад. Это предоставляет возможность ответчику защищаться исковой давностью, тем самым снизить нагрузку на суд и вероятность принятия несправедливого решения.

Таким образом, сложилась дихотомия исчисления исковой давности, представленная субъективным и объективным подходом. Можно представить их как два отрезка. Предположим, что объективный срок – красный, а субъективный – синий. Объективный срок возникает автоматически в момент нарушения субъективного права и длится в течение последующих десяти лет. Субъективный срок начинает течь только при совокупности ранее установленный критериев (знание факта нарушения и личности ответчика). Синий отрезок (субъективный срок) может располагать только в пределах длины красного отрезка, то есть ближе к его началу, середине или концу, в зависимости определения момента начала его течения. Но он точно не может выходить за его пределы.

Исковая давность создает позитивные и негативные эффекты, как для истца, так и для ответчика. Так, пока срок исковой давности не истек, истец вправе обратиться в суд для принуждения ответчика к исполнению обязанности [3, с. 283–284]. Истечение срока исковой давности погашает право на предъявление иска. Это означает, что ответчик при рассмотрении дела по существу вправе заявить о применении судом исковой давности, что будет являться основанием для вынесения судом решения об отказе в иске. Для ответчика, пока срок исковой давности не истек, всегда существует риск применения к нему мер принуждения в случае вынесения негативного решения. С истечением срока исковой давности ответчик имеет выбор пути защиты. Он может заявить о применении судом исковой давности, что приведет к известным последствиям, либо не заявлять об этом и защищаться по существу имеющимися в его распоряжении средствами доказывание. Второй вариант защиты может иметь принципиальное значение для ответчика, если он преследует цель доказать по суду, что ничего не должен истцу, последний же заявляет требование лишь по надуманным основаниям. Это будет составлять для ответчика свое индивидуальное нематериальное благо.

Однако заявление ответчиком о применении судом исковой давности традиционно применялось только в рамках истечения субъективного срока. Тогда возникает вопрос, при объективном сроке ответчик тоже может заявить о применении исковой давности судом, или он имеет иную природу, отличную от субъективного срока. Автор полагает, что заявление о применении исковой давности по заявлению ответчика возможно при субъективном и объективном сроке. Поэтому от воли ответчика будет зависеть, как он будет защищаться по исковой давности или по существу.

Библиографический список

1. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2018. – 1264 с. (Комментарии к гражданскому законодательству # Глосса.)

2. Черепахин Б.Б. Труды по гражданскому праву. / Б.Б. Черепахин. – М.: «Статут», 2001. – 479 с.

УДК 347.22

*А.А. Романов, аспирант кафедры гражданского права
и гражданского судопроизводства ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Цифровизация вещных прав как фактор реализации права на человеческое достоинство

Статья посвящена проблематике цифровизации вещных прав. Выделены и раскрыты основные тенденции применения цифровых технологий в отношениях по принадлежности материальных благ. Автором определены преимущества развития и внедрения цифровых технологий в регулирование и защиту вещных прав.

Гражданское право, вещное право, цифровые права, права на недвижимость, блокчейн.

Развитие цифровых технологий опережает их правовую составляющую, и соотносимость с нормами действующего законодательства. Развитие цифровых технологий нашло свое отражение и задействовало все отрасли права, не стало исключением и вещное право.

Масштабное внедрение цифровых технологий в повседневную жизнь повышает доступность материальных благ для всех социальных слоев общества, в том числе через проявление шеринговой экономики (sharing economy), или экономики совместного потребления (Collaborative Consumption). А такая доступность благ в цифровой среде позволяет более массово реализовывать право на человеческое достоинство.

Изменения, которые происходят под влиянием цифровых технологий, расширяют возможное представление о вещных правах, и порождают огромное количество споров, по их соотношению с обязательствами.

Развитие цифровых технологий ставит масштабный вопрос: могут ли к объектам вещных прав относиться не только вещи в физическом смысле, но и цифровые активы, такие как криптовалюта, токены и другие цифровые объекты? Возникают новые вопросы о том, как владеть, охранять и распоряжаться подобными цифровыми активами, а также как устанавливать и защищать права на них.

Можно заметить, что позиции ученых на этот счет разделились на два противоположных мнения. Применять к новым цифровым технологиям уже имеющееся законодательство, по аналогии права, либо создавать новые нормы права под каждый отдельно взятый случай.

В литературе встречаются мнения об отсутствии необходимости введения в гражданский оборот новых объектов гражданских прав. Е.А. Суханов считает достаточным перечень определений, указанный в ГК РФ, в том числе в сфере объектов гражданских прав, в полной мере обеспечивает основы регулирования для цифровой среды. Аналогичного мнения придерживается Л.Ю. Василевская, позиция заключается в том, что «цифровизация прав приводит не к возникнове-

нию нового вида имущественных прав, существующему наряду с обязательственными, корпоративными, исключительными правами, а к их цифровому способу фиксации» [1, с. 111–119]. Таким образом, по мнению противников внесения изменений в действующее законодательство, указанные права только приобретают цифровую форму, их электронное измерение.

Однако, ряд ученых занимает противоположную точку зрения, и считают, что действующее законодательство далеко не в полной мере отвечает потребностям времени, что обуславливает создание отдельного регулирования для цифровых технологий [2, с. 43–44].

Высказан и третий вариант – развитие экспериментальных правовых режимов, регуляторных песочниц [3, с. 30–34].

По субъективному мнению автора, предположить с какой скоростью и в каком объеме будут развиваться цифровые технологии на текущий момент практически невозможно. Находясь на ранней стадии развития цифровой среды, чтобы не создавать ошибочных и способных ввести в заблуждение правовых казусов, целесообразным будет применять уже существующие нормы законодательства. Однако, на сегодняшний день вступили в законную силу уже более десятка федеральных законов и иных нормативно-правовых актов, посвященных цифровым правоотношениям, что неминуемо приведет к их дальнейшей кодификации.

Проблематика текущих реалий заключается в том, что зачастую в России правовое регулирование носит «догоняющий» характер и не способно на адекватное отражение возникающих общественных отношений. Стремительное развитие цифровых технологий оставляет свой след в каждой отрасли права, не стал исключением и процесс цифровизации вещных прав.

В традиционном понимании объектом вещных прав рассматриваются физически существующие, материальные объекты. Однако с развитием цифровых технологий возникают новые вопросы и ситуации, которые требуют адаптации и модификации существующих правовых рамок.

Цифровизация вещных прав – это процесс применения современных цифровых технологий для совершенствования гражданско-правового механизма приобретения вещного права, и для повышения эффективности осуществления, в том числе управления, в области вещных прав.

Основными целями цифровизации вещных прав является упрощение процедур сопровождения и надежности проводимых операций и сделок с такими объектами. Традиционно эти процессы требуют большого количества бумажной документации, поэтому цифровизация позволяет значительно сократить временные затраты и повысить надежность процедур.

Однако, для успешной реализации скрытого в цифровизации вещных прав потенциала, необходимо выстроить планомерные этапы развития и внедрения цифровой среды в правовую модель развития гражданского права. Определить все сферы общественных отношений касательно вещных прав в цифровом пространстве, а также, сформировать представление о том, что цифровизация вещных прав будет являться новым правовым инструментом для юридического отражения действительности.

В текущих реалиях, цифровизация вещных прав сталкивается с глобальными проблемами и вызовами. Также вызывает вопросы установление и подтвержде-

ния идентификации сторон при осуществлении сделок по вещным правам. Также требуется разработка новых правовых инструментов и регуляторных функций, чтобы учесть особенности цифровых технологий и обеспечить их согласованное применение в сфере вещных прав.

Цифровизация вещных прав может ускорить процессы регистрации, обеспечить прозрачность и доступность информации, а также повысить надежность и устойчивость правовой системы в целом. Однако для успешной реализации этого потенциала необходимо решить как технические, так и законодательские вопросы, связанные с безопасностью данных и применения законодательства.

Библиографический список

1. Василевская Л.Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права / Л.Ю. Василевская // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5. – С. 111–119.

2. Право цифровой среды: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. – М.: Проспект, 2022. – 896 с.

3. Подшивалов Т.П. Региональный аспект внедрения блокчейна для регистрации прав на недвижимость и в деятельности цифрового предприятия в условиях права цифровой среды // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2021. – № 3. – С. 30–34.

УДК 347.993

*К.С. Рыжков, к.ю.н., доцент Уральского филиала РГУП
г. Челябинск, Россия*

К вопросу о единообразии судебной практики по гражданским делам

В статье рассматриваются факторы единообразия судебной практики по гражданским делам. Особое внимание уделяется неформализованным факторам, которые не обусловлены содержанием действующих правовых норм.

Ключевые слова: судебная практика, единообразие судебной практики, правовая позиция, судебное решение.

Одной из наиболее актуальных задач в рамках правоприменительной деятельности судов является задача формирования единообразной (непротиворечивой) судебной практики. От того, насколько судебная система способна реализовать указанную задачу, напрямую зависит не только эффективность правосудия, но и общее состояние всей правовой системы. Как следствие, важно проанализировать, как достигается указанное единообразие, какие факторы оказывают на него влияние.

Прежде всего, следует отметить, что правовые механизмы обеспечения единообразия судебной практики применительно к деятельности высших судебных инстанций заключаются в формулировании Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ обязательных к применению правовых позиций относительно толкования и применения правовых норм (в силу ст. 198 ГПК РФ, ст. 170 АПК РФ). Аналогичную функцию реализуют в своей деятельности и иные суды в процессе подготовки обзоров и обобщений судебной практики, с той лишь разницей, что их правовые позиции не имеют обязательного характера и являются

скорее ориентирующими для нижестоящих судов и лиц, обращающихся в такие суды за защитой своих нарушенных прав, свобод и законных интересов.

В свою очередь, правовые механизмы обеспечения единообразия судебной практики применительно к конкретным делам включают в себя:

Требования закона к содержанию и форме судебных актов.

Возможность проверки судебных актов вышестоящими инстанциями, что снижает риск принятия незаконных судебных постановлений, в том числе предполагающих применение и толкование правовых норм, отличное от правовых позиций высших судебных инстанций.

Возможность пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам, прежде всего, в контексте формирования Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ новых правовых позиций (ст. 392 ГПК РФ, ст. 311 АПК РФ).

Однако единообразию судебной практики может обеспечиваться не только формальными (закрепленными в законе) механизмами, но и в результате воздействия иных факторов. Именно такие факторы в силу их неформализованного характера гораздо сложнее поддаются выявлению и анализу, в связи с чем представляют определенный интерес с точки зрения их изучения в рамках процессуально-правовой науки.

Полагаем, что под указанными факторами следует понимать совокупность объективно существующих общественных отношений и субъективных профессионально-ценностных установок судей, которые обуславливают существование единообразного толкования и применения правовых норм безотносительно нормативно-закрепленных требований к деятельности судьи в рамках конкретного дела и к содержанию выносимых им постановлений по гражданскому делу.

К указанным факторам считаем возможным отнести следующие:

Существование практики иных судов (судей), если судебные акты вступили в законную силу и не были отменены в результате их проверки. Их изучение может создать у судьи убежденность в существовании сложившейся практики толкования и применения конкретной правовой нормы даже при отсутствии постановлений высших судебных инстанций, а также обзоров и обобщений по указанному вопросу. При этом закон никак не раскрывает вопрос о том, должен ли судья ориентироваться на практику равных ему судей, а отечественная доктрина и вовсе преимущественно отрицает такую возможность, усматривая в этом признаки прецедентного правоприменения [3, с. 300].

Однако даже если судья формально не ссылается на практику иных судов, ничто не препятствует ему изучать данную практику, выбирая в ней наиболее удачные, по его мнению, правовые позиции и воспроизводя их в собственных судебных актах. Принцип независимости судей при этом не нарушается, формульные требования процессуального законодательства – тоже. При этом на практике достаточно часто можно наблюдать единство подходов к применению конкретной правовой нормы даже при отсутствии правовых позиций вышестоящих судов. Лучше всего это заметно в правоприменительной деятельности в рамках конкретного суда.

Полагаем, что исключить указанное явление невозможно, более того – не нужно. Судьи в любом случае остаются независимыми при рассмотрении поступающих к ним дел. В то же время стремление судей до формулирования право-

вых позиций высших судов добиться отсутствия противоречий в практике хотя бы в рамках конкретного суда (а в идеале, и в рамках всей судебной системы, что, безусловно, существенно сложнее) следует считать правильным с точки зрения цели и задач, стоящих перед судебной системой.

Вторым неформализованным фактором, обуславливающим достижение единообразной судебной практики, является обсуждение вопросов применения норм права по результатам методических совещаний и семинаров, проводимых в рамках судебной системы, а также в рамках повышения квалификации и иных мероприятий, касающихся обсуждения проблем законодательства и правоприменительной практики (например, научно-практических конференций) способно также выработать у судьи определенную позицию относительно толкования и применения правовых норм. В этом случае обобщение правоприменительного опыта, обсуждение стоящих перед судьями проблем происходит на качественно более высоком уровне, предполагая систематизированное обобщение и анализ существующей судебной практики (чему могут способствовать не только судьи, но и иные сотрудники и структурные подразделения судов, например, выполняющие функции в части судебной статистики и справочно-кодификационной деятельности). Более того, участие в таких мероприятиях представителей других юридических профессий (адвокатов, представителей прокуратуры, органов исполнительной власти и т.д.) и научных работников обеспечивает всесторонний, теоретико-прикладной анализ правоприменительной практики по конкретному вопросу. А значит, указанный фактор следует признать достаточно важным с точки зрения достижения единообразия судебной практики. При этом особое значение в рамках указанного фактора следует уделить вопросам переподготовки и повышения квалификации, поскольку качество правосудия зависит в существенной степени от уровня подготовки судей [1, 19; 2; 129], знания ими актуальной правоприменительной практики.

Еще одним фактором выступают правовые позиции, формирующиеся у судьи под влиянием мнения иных судей. Обычно это более опытные судьи или судьи, имеющие более высокий статус в рамках судебной системы. В рамках общения с ними судья может обсуждать вопросы толкования и применения правовых норм, и выраженное ими мнение (не обязательно применительно к конкретному делу, а даже как некое абстрактное суждение) может повлиять на правоприменительную деятельность судьи. Опять же, в данном случае речь не идет об ограничении принципа независимости судей (согласиться или нет с коллегой, судья решает сам), а только об обмене опытом, о профессиональном развитии судьи.

Также значимым неформализованным фактором являются собственные ранее рассмотренные дела, решения по которым не были обжалованы. В этом случае у судьи возникает своего рода стереотип применения правовой нормы, не обусловленный объективными причинами и существующий исключительно в силу отсутствия фактов обжалования. С одной стороны, такой подход позволяет судье придерживаться принципов законности и равенства всех перед законом и судом. Ведь, кто бы ни участвовал в деле у данного судьи, он будет уверен в применении им той или иной нормы строго определенным образом (хотя и с учетом обстоятельств дела). С другой же стороны, подобная инерция при ошибочной правовой позиции, сформулированной и многократно примененной судьей, спо-

собна с какой-то момент привести к большому числу отмен вынесенных им судебных актов. Впрочем, подобный риск все же не оправдывает судей, применяющих одну и ту же норму по-разному в однотипных делах: если предугадать позицию Верховного Суда РФ заранее не всегда возможно, то видеть и устранять противоречия в собственной деятельности судья может и должен.

Подводя итог исследованию, полагаем необходимым отметить, что неформализованные факторы, влияющие на формирование единообразной судебной практики, изучены в настоящее время в недостаточной степени. При этом их значение для правоприменительной деятельности почти столь же значимо, сколько и значение нормативно закрепленных механизмов, обеспечивающих единообразное толкование и применение правовых норм.

Библиографический список

1. Владыкина Т.А., Глуховеров А.Г. Правовое регулирование и методическое обеспечение повышения квалификации судей военных судов / Т.А. Владыкина, А.Г. Глуховеров // Право и образование. – 2012. – № 8. – С. 19–31.

2. Пухнаревич С.И. Переподготовка и повышение квалификации судей в России: историко-правовое исследование / С.И. Пухнаревич // Правосудие. – 2022. – Т. 4. – № 4. – С. 126–145.

3. Самсонов Н.В. К вопросу о месте и значении судебной практики и судебного прецедента в отечественном гражданском процессуальном праве / Н.В. Самсонов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 293–310.

УДК 347.

О.А. Ряполова, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства Юридического института ЮУрГУ, арбитражный управляющий г. Челябинск, Россия

Значение добросовестности при освобождении физических лиц от обязательств в делах о банкротстве

В статье рассматривается вопрос об условиях освобождения гражданина-должника от исполнения обязательств по завершении дела о банкротстве. Автор анализирует критерии недобросовестного поведения гражданина-должника на основании судебной практики.

Ключевые слова: банкротство, принцип добросовестности, злоупотребление правом, баланс интересов сторон.

С 01.10.2015г. на основании федерального закона от 29.12.2014 № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника» банкротство физических лиц урегулировано главой X ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Как следует из самого названия закона, которым были внесены соответствующие изменения, основной целью процедуры банк-

ротства физического лица является его социальная реабилитация. Таковую позицию неоднократно высказывал и Верховный Суд РФ.

Например, в Определении от 6 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-25685 по делу № А40-129309/2021 СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ, рассматривая вопрос об освобождении гражданина от дальнейшего исполнения обязательств, указывает на исключительный характер неприменения к гражданину соответствующих положений, заключая следующее: «Согласно абзацу четвертому пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве освобождение гражданина от обязательств не допускается, если при их возникновении или исполнении он действовал незаконно. Раскрывая далее в этом абзаце виды незаконного поведения, законодатель приводит исключительно случаи, относящиеся к совершению должником умышленных действий, являющихся в гражданско-правовом смысле проявлением недобросовестности в отношении кредитора (мошенничество, уклонение от погашения долга, предоставление заведомо ложных сведений при получении кредита, сокрытие или умышленное уничтожение имущества)».

Логическим продолжением указанного подхода является и практика, согласно которой неразумность поведения гражданина, в отличие от недобросовестности, не является основанием для неприменения в отношении него положений об освобождении от обязательств (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.06.2019 № 305-ЭС18-26429, от 31.10.2022 № 307-ЭС22-12512). Такой подход может показаться спорным с точки зрения баланса интересов сторон, поскольку он лишает кредитора возможности получить исполнения обязательства, на которое он был вправе рассчитывать. Между тем, в большинстве случаев мажоритарными кредиторами физических лиц являются кредитные организации, то есть профессиональные участники гражданского оборота. Помимо этого, банки наделены широким кругом полномочий по проверке предоставляемых должником сведений, соответственно, они имеют возможность реально оценить возможность исполнения должником принятых на себя обязательств. Из этого исходит как Верховный суд в указанных выше определениях, так и, более подробно раскрывая спектр возможных действий кредитора при возникновении обязательств, Арбитражный суд Уральского округа в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 03.03.2023 г. по делу № А76-13096/2021, Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 18.10.2023 г. по делу № А76-24230/2022.

Представляет интерес и то, что даже предоставление должником недостоверных сведений о размере дохода порой не является основанием для исключения применения в отношении него положений об освобождении от исполнения обязательств. Например, Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.12.2022г. по делу № А17-10622/2020 содержит следующие выводы: «Тот факт, что в справке по форме 2-НДФЛ налоговым агентом отражен иной доход должника, не может служить безусловным доказательством недобросовестности заемщика или его противоправного поведения. Обязанность по перечислению НДФЛ налоговому органу возложена на работодателя. Причины несоответствия сведений в справке, представленной в Банк, и в справке, направленной работодателем должника в налоговый орган, могли быть различными, в том числе занижение работодателем налоговой базы».

Постановления Арбитражного суда Уральского округа от 18.07.2023 г. по делу № А76-3311/2022, от 26.04.2023 г. по делу № А76-44719/2021 содержат правовую позицию, основанную на необходимости оценить, насколько значительной являлась разница между фактическим доходом должника и размером дохода, указанным в представленных в банк документах, осуществлял ли должник незаконные действия в отношении получаемых доходов, на протяжении какого времени он исполнял обязательства перед кредиторами надлежащим образом, и имеются ли доказательства того, что должник действовал исключительно с целью недобросовестного осуществления прав, причинения вреда кредиторам и злостного уклонения от погашения долгов.

Таким образом, судебная практика исходит из необходимости определить истинные намерения должника, а также объективные обстоятельства, послужившие предпосылками для невозможности исполнения им обязательств. Такой подход видится обоснованным с точки зрения, как принципа добросовестности, так и принципа баланса интересов сторон.

Как справедливо отмечает Т.П. Подшивалов [1, с. 111], «[п]ринцип добросовестности состоит в том, что лица не только обязаны соблюдать закон, но и реализовывать свои права рачительно, так, как это принято в практике, т.е. действовать «как все», «как принято» (добрая совесть → совесть = совместное ведение - знание того, что знают все; всем понятное; вести себя как все). <...> Недобросовестность – это отход от обычных, принятых и распространенных стандартов поведения». Даже субъект, не обладающий специальными познаниями и не знакомый с содержанием ст.ст. 309, 310 ГК РФ, осознаёт, что обязательства должны исполняться надлежащим образом, и односторонний отказ от их исполнения недопустим. Процедура банкротства является экстраординарным инструментом, применимым исключительно в ситуациях, когда неисполнение обязательств обусловлено объективными причинами, а не волей должника.

При этом, вопреки мнению ряда правоприменителей, называющих представление интересов должника «чёрным сектором», а интересов кредитора – «красным сектором» банкротства, бремя доказывания при рассмотрении вопроса о добросовестности должника не должно перераспределяться. Изъятия из презумпции добросовестности установлены законом и актами толкования высших судов, и касаются они тех ситуаций, когда доказывание юридически значимых обстоятельств для кредитора объективно затруднено. Дела о банкротстве физических лиц, в которых основной объём требований заявлен профессиональными участниками гражданского оборота, очевидно, к подобным случаям относиться не могут.

Иное нарушало бы баланс интересов сторон, поскольку должник-физическое лицо не обладает специальными познаниями и в случае «штатной» ситуации при заключении и исполнении кредитных договоров отвечает признакам потребителя по смыслу ФЗ «О защите прав потребителей». В связи с этим вызывает некоторое недоумение, к примеру, вывод АС Чувашской Республики – Чувашии, изложенный в определении от 02.12.2022г. по делу №А79-4079/2019 о том, что «к гражданину-должнику законодателем предъявляются повышенные требования в части добросовестности».

Разумеется, в ситуации, когда требования основаны на заёмных обязательствах между физическими лицами или обязательствах, вытекающих из предпринимательской деятельности должника, соответствующие таким основаниям требования к доказательствам и доказыванию также должны сохраняться.

Проанализировав практику Арбитражного суда Уральского округа по делам, где должник не был освобождён от исполнения обязательств, автор выделил ряд общих критериев. Недобросовестным поведением суд кассационной инстанции считает следующее:

- последовательное заключение нескольких кредитных договоров с различными кредитными учреждениями в короткий срок (согласно Постановлению АС УО Ф09-5777/23 от 04.09.2023г. по делу А34-1478/2022 «само по себе подписание должником в один день кредитных договоров с разными банками свидетельствует о том, что она понимала невозможность одобрения последующего кредита в другом кредитном учреждении в связи с отсутствием соответствующего уровня доходов для его обслуживания и с учетом уже принятой на себя долговой нагрузки»);

- отсутствие пояснений относительно целей получения кредитов (Постановление АС УО № Ф09-4619/23 от 14.08.2023 г. по делу № А07-25214/2021 содержит прямое указание на то, что «объяснения должника относительно расходования полученных кредитных средств выходят за пределы добросовестного поведения должника при принятии кредитных обязательств»);

- факт длительного отсутствия у должника трудоустройства;

- отсутствие фактического изменения материального положения при прекращении исполнения обязательств;

- отсутствие подтверждения трудоустройства у работодателя, справка от которого была предоставлена при получении кредита;

- факт совершения сделок, отвечающих признакам ст.ст. 61.2, 61.3 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», вне зависимости от исхода их оспаривания в деле о банкротстве.

При этом сам по себе каждый из этих критериев не может считаться однозначным основанием для неосвобождения гражданина от дальнейшего исполнения обязательств. Имеет значение правовое поведение должника на протяжении всего периода времени от принятия на себя обязательств до окончания дела о банкротстве, полная совокупность фактических обстоятельств каждого конкретного дела.

Таким образом, видится верным намеченный вектор применения экстраординарного инструмента в виде освобождения должника от обязательств в зависимости от его добросовестности.

Библиографический список

1. Подшивалов Т.П. Запрет обхода закона в российском гражданском законодательстве и судебной практике / Т.П. Подшивалов // Вестник гражданского права. – 2015. – № 2. – С. 87–115.

Значение гражданского права и гражданского законодательства для реализации экономических прав граждан

В статье показано значение гражданского права и гражданского законодательства для реализации экономических прав граждан. Экономические права граждан выражаются в возможности выбора вида и формы осуществления экономической деятельности: самостоятельная экономическая деятельность (индивидуальная предпринимательская деятельность, доходная деятельность) и зависимая экономическая деятельность (трудовая деятельность). Сделаны выводы об экономической направленности гражданского законодательства, основанного на Конституции РФ; проанализированы примеры расширения и сужения гражданским законодательством свободы экономических прав граждан.

Ключевые слова: гражданское право, частное право, экономические права граждан, предпринимательская деятельность, доходная деятельность, свобода экономической деятельности.

В широком смысле гражданское право как отрасль права, регулирующее общественные отношения, окружает нас повсюду от рождения до смерти. Значение гражданского права для реализации экономических прав граждан заключается, в первую очередь, в его фундаментальности, которая выражается в следующих особенностях.

В контексте разделения права на частное и публичное, гражданское право является правом частным. Выдающиеся правоведы своего времени называли гражданское право частным правом. Например, Д.И. Мейер отмечал, что гражданское право – это частное право о правах и обязанностях частных лиц (граждан), стремящихся к удовлетворению своих материальных и духовных потребностей посредством имущественных отношений [1, с. 46–47]. И.А. Покровский писал, что «Гражданское право искони и по самой своей структуре было правом отдельной человеческой личности, сферой ее свободы и самоопределения» [2, с. 23]. Также Г.Ф. Шершеневич отмечал, что «правовые явления составляют вид явлений социальной жизни» [3, с. 32]. В связи с этим он называл гражданское право частью социологии и указывал, что «наука гражданского права должна подвергнуть своему исследованию законы развития того круга общественных явлений, которые известны под именем частнопровых отношений» [3, с. 32]. Основываясь на данных высказываниях, будет справедливым утверждение о том, что гражданское право – частное право или право конкретного индивида; право, регулирующее частные интересы.

Следующей особенностью гражданского права является предмет регулирования – круг общественных отношений, включающий в себя институты собственности, обязательств, наследования, предпринимательской деятельности. И.А. Покровский обращал внимание на то, что гражданское право охватывает сферу

экономических отношений, точнее все те «виды деятельности, которые посвящены производству и распределению экономических благ» [3, с. 48].

Е.А. Суханов отмечает, что в предмет гражданско-правового регулирования входят «товарно-денежные отношения, экономическая природа которых не подлежит сомнению» [4, с. 14]. В.Ф. Яковлев писал о том, что «гражданское право регулирует отношения в сфере экономики» [5, с. 43]. Таким образом, экономическая направленность гражданского права опосредована исторически. Действующий Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) в ст. 2 в перечне отношений, регулируемых гражданским законодательством, указывает отношения по определению правового положения участников гражданского оборота; договорные и иные обязательства; отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность или с их участием. Данные отношения основываются на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников.

Еще одной особенностью гражданского права является метод регулирования общественных отношений. В данном случае метод подразумевается как способ или средство воздействия на регулируемые общественные отношения. В свою очередь, способ или средство – это правовые нормы. В гражданском праве преобладают регулятивные и диспозитивные нормы. Диспозитивный метод правового регулирования предполагает свободу действий участников гражданского оборота.

Говоря об экономической направленности гражданского права, следует указать на экономические права граждан. Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) устанавливает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2). Конституция РФ является гарантом свободы экономической деятельности (ст. 8), реализации права каждого на использование своих способностей и имущества для осуществления предпринимательской и иной не запрещенной экономической деятельности (ст. 34), на свободное распоряжение своими способностями к труду, выбор рода деятельности и профессии (ст. 37). Инструментом частноправового регулирования отношений по реализации экономических прав граждан, направленным в развитие положений Конституции РФ, является ГК РФ. Не случайно В.Ф. Яковлев называл его «экономической конституцией» и «универсальным» Кодексом [5, с. 153]. М.И. Брагинский пишет, что «ГК по своей юридической силе в определенной мере приравнивается к федеральным конституционным законам. (...) он занимает положение «первого среди равных» – *primus inter pares*» [6, с. 302]. Иначе говоря, в иерархии нормативных правовых актов ГК РФ занимает одно из первых мест после Конституции РФ.

Как известно, в предмет гражданского законодательства входят отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность или с их участием (ст. 2 ГК РФ). Кодекс ведет речь только о предпринимательской деятельности и не использует категорию «экономическая деятельность». Представляется, что законодатель, возрождая частное право посредством принятия нового ГК РФ, сузил правовой режим свободной деятельности субъектов до предпринимательской деятельности, целью которой является получение прибыли. В

ГК РФ ничего не сказано о доходной деятельности, представляющей собой вид экономической деятельности. Прибыль и доход – это разные категории.

Согласно действующим нормам ст. ст. 2, 23 ГК РФ для граждан установлен только режим индивидуального предпринимательства (с государственной регистрацией в качестве индивидуального предпринимателя или без таковой в отношении некоторых видов деятельности, которые до настоящего времени в законодательстве не определены (самозанятость). При таком положении дел, очевидно, что с одной стороны, законодатель расширяет возможности реализации такого экономического права граждан как занятие предпринимательской деятельностью, а, с другой стороны, сужает конституционную свободу экономической деятельности. Объяснением этому служит факт того, что внесение изменений в ст. ст. 2 и 23 ГК РФ относительно осуществления индивидуальной предпринимательской деятельности без государственной регистрации было продиктовано идеей по выведению из налоговой тени граждан, которые не платят налоги с получаемых доходов от своей самостоятельной экономической деятельности (самозанятые граждане). Их деятельность является доходной, а не прибыльной, так как не в полной мере обладает легальными признаками предпринимательской деятельности (ст. 2 ГК РФ). Доходная деятельность не отражена буквально в ГК РФ.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Значение гражданского права (гражданского законодательства) для реализации экономических прав граждан состоит в том, что гражданское право регулирует сугубо частные интересы граждан. ГК РФ обладает экономической направленностью, так как в предмет регулирования ГК РФ входят основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности общественные отношения участников гражданского оборота, лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Гражданское право регулирует отношения по реализации экономических прав граждан посредством диспозитивного метода с помощью преобладающих в ГК РФ диспозитивных норм.

Гражданский кодекс РФ обладает иерархическим первенством после Конституции РФ. Однако в отличие от Конституции РФ не отражает в своем предмете регулирования экономическую деятельность. Отсутствие общего указания в ст. 2 ГК РФ на категорию экономической деятельности применительно к любым субъектам права, также, как и отсутствие указаний в ст. 23 ГК РФ о праве граждан на доходную деятельность в виде самостоятельной экономической деятельности, свидетельствует о сужении свободы экономической деятельности, не отражает права на выбор формы и вида экономической деятельности.

Библиографический список

1. Мейер Д.И. Избранные труды: в 2 т. / Вступит. слово д-ра юрид. наук, проф. П.В. Крашенинникова. – Т. 1. – М.: Статут, 2019. – 848 с.
2. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – 8-е изд. / И.А. Покровский – М.: Статут, 2020. – 351 с.
3. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права: (по изданиям 1912 и 1914-1915 гг.): в 2 т. / Г.Ф. Шершеневич. Т. 2. – М.: Статут, 2021. – 894 с.

4. Суханов Е.А. Гражданское право России – частное право / отв. ред. В.С. Ем. – М.: Статут. 2008. – 588 с.

5. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В.Ф. Яковлев. – 3-е изд., доп. – М.: Статут, 2022. – 252 с.

6. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский – М.: Статут, 2001. – Кн. 1. – 848 с.

УДК 347.952 (476)

*В.П. Скобелев, к.ю.н., заместитель декана по учебной работе
и образовательным инновациям юридического факультета БГУ
г. Минск, Республика Беларусь*

К вопросу о допустимости приостановления мер по обеспечению исполнения исполнительного документа

В статье обосновывается, что приостановлены могут быть только те обеспечительные меры, которые направлены на пресечение (прекращение, предупреждение) поведения должника, которое носит длящийся (или повторяющийся) характер. Если же соответствующее подведение должника является по своему характеру однократным (разовым), то никакого смысла в приостановлении обеспечительных мер нет.

Ключевые слова: исполнительное производство, судебный исполнитель, меры по обеспечению исполнения исполнительного документа, приостановление обеспечительных мер.

Одним из проблемных вопросов в регулировании исполнительного производства в Республике Беларусь является вопрос о допустимости приостановления судебными исполнителями мер по обеспечению исполнения исполнительных документов.

Из ч. 5–7 ст. 61 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. №439-З (далее – Закон об ИП) следует, что абсолютно любая ранее принятая судебным исполнителем мера по обеспечению исполнения исполнительного документа может быть не только отменена или заменена на другую обеспечительную меру, но также и приостановлена. Так, ч.5 ст. 61 Закона об ИП гласит, что принятые ранее судебным исполнителем обеспечительные меры могут быть заменены им другими мерами, приостановлены, отменены в порядке, установленном Законом об ИП и иными актами законодательства. Согласно ч.6 ст. 61 Закона об ИП замена одной меры по обеспечению исполнения исполнительного документа другой мерой, приостановление или отмена принятых обеспечительных мер производятся судебным исполнителем по ходатайству стороны исполнительного производства или по собственной инициативе. Наконец, ч.7 ст. 61 Закона об ИП предписывает направлять постановление судебного исполнителя о замене одной обеспечительной меры другой, о приостановлении или отмене принятых обеспечительных мер сторонам исполнительного производства, а также иным лицам, на которых возложена обязанность исполнения соответствующих обеспечительных мер.

С подобным подходом согласиться сложно. Полагаем, что приостановлены могут быть только те обеспечительные меры, которые направлены на пресечение (прекращение, предупреждение) поведения должника, которое носит длящийся (или повторяющийся) характер. Именно длящийся (повторяющийся) характер поведения должника, на пресечение (прекращение, предупреждение) которого направлена обеспечительная мера, обуславливает то, что, во-первых, возникает потребность именно в приостановлении, а не в отмене соответствующей обеспечительной меры (чтобы предоставить должнику необходимое время – в размере периода приостановления действия обеспечительной меры – на осуществление соответствующих длящихся (повторяющихся) действий), во-вторых, по окончании периода ее приостановления избранная судебным исполнителем мера не утратит своего обеспечительного значения (т.к. длящийся (повторяющийся) характер действий должника будет сохранять опасность (вероятность) того, что данные действия должник будет стремиться продолжить (повторить)).

И наоборот, если действия, на пресечение (прекращение, предупреждение) которых направлена мера по обеспечению исполнения исполнительного документа, по своему характеру являются: должнику не требуется какого-то растянутого во времени периода (в течение которого обеспечительная мера «не активна»), чтобы данные действия осуществить, эти действия могут быть совершены им очень оперативно (быстро) – сразу, как только действие обеспечительной меры будет прекращено, а коль скоро интересующие должника однократные (разовые) действия будут в полном объеме им совершены, то возобновление действия обеспечительной меры будет совершенно бессмысленным – данной мерой уже попросту будет нечего пресекать (прекращать, предотвращать).

С учетом изложенного полагаем, что судебным исполнителем могут быть приостановлены меры по обеспечению исполнения исполнительного документа, предусмотренные, например, абз. 5 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП (запрещение должнику совершать определенные действия, препятствующие исполнению исполнительного документа), абз. 6 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП (запрещение должнику пользоваться принадлежащим ему имуществом или установление пределов пользования этим имуществом), абз.7 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП (запрещение иным лицам совершать определенные действия, препятствующие исполнению исполнительного документа), абз. 9 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП (временное ограничение права должника на управление механическими транспортными средствами, моторными маломерными судами и права на охоту), потому что данные обеспечительные меры направлены (или могут быть направлены в отдельных случаях, как меры из абз. 5, 7 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП) на пресечение (прекращение, предотвращение) тех действий должника (иных лиц), которые имеют длящийся (повторяющийся) характер.

Напротив, приостановлению не подлежат обеспечительные меры, указанные, в частности, в абз.2 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП – «арест наличных денежных средств и (или) иного имущества должника, принадлежащих ему и находящихся у него и (или) третьих лиц», и абз. 3 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП – «арест денежных средств и (или) иного имущества должника, находящихся на его банковских счетах, во вкладах (депозитах) или на хранении в банках и (или) небанковских кредитно-финансовых организациях, электронных денег» (обеспечительную меру,

закрепленную абз. 4 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП в виде описи, изъятия имущества и передачи его на хранение, несмотря на ее аналогичность мерам, предусмотренным абз. 2 и абз. 3 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП, мы не затрагиваем, поскольку, как мы уже отмечали [1, с. 77–80], она не может являться мерой по обеспечению исполнения исполнительного документа). Данные обеспечительные меры направлены на пресечение (прекращение, предупреждение) поведения должника, которое имеет однократный (разовый) характер, а именно поведения в виде сокрытия, уничтожения, растраты, отчуждения принадлежащего ему имущества. Если арест будет приостановлен, то должник сможет тут же указанные действия осуществить, что приведет не только к девальвации значения ранее наложенного на имущество ареста, но и к фактической невозможности возобновления данной обеспечительной меры (т.к. имущества у должника уже нет). Собственно, даже сложно представить себе ситуацию, когда бы в рамках исполнительного производства могла вообще возникать потребность в приостановлении ареста имущества должника – ведь приостановление ареста открывает должнику неограниченные возможности по распоряжению данным имуществом и фактически равносильно отмене ареста.

Думается, что отмеченная проблема может быть решена или путем перечисления (через отсылку к соответствующим абзацам ч. 4 ст. 60 Закона об ИП) в ст. 61 Закона об ИП тех мер по обеспечению исполнения исполнительного документа, которые могут быть приостановлены, или путем указания (через аналогичную отсылку) в данной статье тех обеспечительных мер, приостановление которых недопустимо. В этом плане весьма показательным является то, что ч. 6 ст. 469 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК), ч. 6 ст. 334 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) как ранее (когда принятие обеспечительных мер в виде временного ограничения права должника на управление механическими транспортными средствами, маломерными судами и права на охоту относилось к компетенции суда), так и сейчас допускают возможность приостановления не абсолютно всех обеспечительных мер, которые могут применяться судами, а только отдельных из них (в настоящее время приостанавливаться может только обеспечительная мера в виде временного ограничения права должника на выезд из Республики Беларусь, а – также и обеспечительная мера по временному ограничению права должника на управление механическими транспортными средствами, маломерными судами и права на охоту).

Нельзя не обратить внимание также на то, что в ст. 61 Закона об ИП не урегулирован вопрос, каким образом приостановленные меры по обеспечению исполнения исполнительного документа возобновляют свое действие. Одно из двух: или судебным исполнителем должно выноситься специальное (отдельное) постановление о возобновлении действия ранее приостановленной обеспечительной меры, или же в постановлении о приостановлении обеспечительной меры судебному исполнителю следует изначально указывать тот срок, на который действие обеспечительной меры приостанавливается.

Мы склоняемся ко второму варианту решения вопроса. Прежде всего в пользу такого варианта говорит содержание ч. 6 ст. 469 ГПК и ч. 6 ст. 334 ХПК, согласно которым исполнение определения суда о применении обеспечительной меры

в виде временного ограничения права должника на выезд из Республики Беларусь приостанавливается на срок, установленный судом, т.е. подразумевается, что в определении о приостановлении исполнения ранее вынесенного определения о применении обеспечительной меры суд должен указывать срок этого приостановления. Кроме того, приложение 24 к Инструкции по исполнительному производству, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 7 апреля 2017 г. №67 (далее – Инструкция по ИП), которым была установлена форма постановления о приостановлении принятой меры по обеспечению исполнения исполнительного документа, прямо предписывало указывать в резолютивной части данного постановления срок, на который обеспечительная мера приостанавливается (упомянутое приложение, равно как и все остальные приложения к Инструкции по ИП, были исключены из нее постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 12 июня 2020 г. №92 «Об изменении постановления Министерства юстиции Республики Беларусь от 7 апреля 2017 г. №67»).

Библиографический список

1. Скобелев В.П. Правовое регулирование мер по обеспечению исполнения исполнительного документа: еще раз о проблемах / В.П. Скобелев // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. – Т. 13. – 2023. – №2. – С. 77–87.

УДК 347.51

*С.К. Соломин, д.ю.н., доцент, профессор ТюмГУ,
профессор Кузбасского института ФСИИ России
г. Новокузнецк, Россия*

О нравственных страданиях родственников ребенка вследствие причинения вреда его здоровью

В статье критическому анализу подвергается сформировавшийся в судебной практике подход, допускающий возмещение морального вреда лицам вследствие нарушения принадлежащего им неимущественного права на родственные и семейные связи.

Ключевые слова: моральный вред, нравственные страдания, компенсация, нематериальное благо, родственные и семейные связи.

Отсутствие в п. 1 ст. 150 ГК РФ исчерпывающего перечня нематериальных благ создало «благоприятную» почву не только для моделирования непоименованных в законе нематериальных благ, но и для создания достаточно широкого перечня личных неимущественных прав. К сожалению, законодатель никак не объясняет связь личного неимущественного права с нематериальным благом. В п. 2 ст. 150 ГК РФ законодатель по-разному определяет назначение личного неимущественного права в общем механизме защиты нематериальных благ: в одном случае оно наделяется такими же свойствами, как и нематериальное благо (это следует из абз. 1 п. 2 ст. 150 ГК РФ, где между сравниваемыми понятиями законодатель поставил союз «или»); в другом – характеризует исключительно правовой инструментарий, определяющий содержание конкретного способа за-

щиты нематериального блага (именно в этом контексте используется правовая конструкция личного неимущественного права в абз. 2 п. 2 ст. 150 ГК РФ, когда законодатель ведет речь о том, что защита нематериального блага может осуществляться, в частности, посредством признания судом факта нарушения личного неимущественного права). Правда, когда речь идет об использовании такого способа защиты гражданских прав, как компенсация морального вреда (ч. 1 ст. 151 ГК РФ), законодатель уже не делает акцент на различиях сравниваемых понятий: главное, чтобы имело место действие, которое с точки зрения направленности либо нарушает личное неимущественное право, либо посягает на нематериальное благо.

Возможно, по причине отсутствия какой-либо определенности в отношении содержания и объема сравниваемых понятий Верховный Суд РФ в постановлении от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» допускает возникновение права на компенсацию морального вреда в отношении любого действия, нарушающего личное неимущественное право потерпевшего или посягающего на принадлежащее ему нематериальное благо, независимо от того, содержится ли в законе прямое указание на возможность такой компенсации. В этой связи право на компенсацию морального вреда стали усматривать даже при совершении таких действий, которые не находятся в прямой причинно-следственной связи с возникшими нравственными страданиями.

Так, в одном из дел (определение СК по гражданским делам ВС РФ от 08.07.2019 № 56-КГПР19-7), нравственные страдания претерпела группа лиц, а именно: малолетний ребенок, которому непосредственно и был причинен вред здоровью источником повышенной опасности – эксплуатацией маневренного теплового вагона, принадлежащего ОАО «РЖД», а также ее близкие и родственники, задействованные в осуществлении ухода за ребенком (в результате причинения вреда здоровью ему была установлена инвалидность). Учитывая, что вред был причинен ребенку, не трудно определить нематериальное благо, на которое посягнул причинитель вреда (это здоровье несовершеннолетнего), а также личные неимущественные права, которые были нарушены (в частности, право на достойную жизнь, право на образование, право на труд, право на ведение активной жизни, право на общение со сверстниками). Сложнее решение этой задачи в отношении близких и родственников ребенка.

В обоснование своих нравственных страданий указанные лица ссылались на то, что необходимость осуществления постоянного ухода за ребенком внесла существенные коррективы в их жизнь в результате чего они теперь не могут продолжать активную общественную жизнь и трудовую деятельность. При таком обосновании создается впечатление, что виновником нарушения их душевного равновесия является не владелец источника повышенной опасности, а непосредственно сам малолетний ребенок.

Верховный Суд РФ интерпретировал доводы истцов следующим образом: они понесли не только нравственные, но и физические страдания, связанные с нарушением неимущественного права на родственные и семейные связи. При этом ВС РФ уточнил, что моральный вред близким и родственникам непосредственно связан с утратой здоровья малолетним ребенком (а не с действием источника по-

вышенной опасности). В итоге, когда суд попытался объяснить, каким образом утрата здоровья ребенком могла причинить моральный вред всем остальным истцам, он сосредоточился не на причинителе вреда (с точки зрения квалификации его действий, которые должны были нарушить личное неимущественное право на родственные и семейные связи), а на самом ребенке, состояние здоровья которого требовало постоянного ухода.

Как установил ВС РФ потребность в постоянном уходе за ребенком нарушает психологическое благополучие членов семьи; теперь у них отсутствует возможность лично продолжать активную общественную жизнь; возникла необходимость нести постоянную ответственность за состояние близкого человека. В связи с этим возникает вопрос – указанные последствия какое отношение имеют к нравственным и физическим страданиям членов семьи, которые должны быть связаны с нарушением неимущественного права на родственные и семейные связи? На наш взгляд, никакого. Даже если попытаться установить причину тех негативных последствий для близких и родственников, о которых ведет речь суд (и на которые ссылались истцы), то в качестве таковой следует рассматривать вынужденный уход за травмированным ребенком, а не наезд на него маневренного тепловоза. Иначе говоря, ВС РФ не смог определить те нравственные и физические страдания близких и родственников ребенка, которые должны были быть прямым следствием причинения вреда здоровью ребенка. В этой связи достоверной является позиция суда апелляционной инстанции (определение которого было отменено ВС РФ) о том, что переживания родных и родственников за судьбу потерпевшей и ее состояние здоровья производны от физических и нравственных страданий последней.

На наш взгляд, в рассматриваемом деле требования близких и родственников о компенсации морального вреда в принципе не могли быть удовлетворены, даже в том случае, если бы суду удалось найти личное неимущественное право, которое было нарушено ОАО «РЖД». Дело в том, что по правилам о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности (то есть о возмещении вреда независимо от вины его владельца), требовать компенсацию вправе только потерпевшая сторона. А в нашем деле потерпевшей является малолетний ребенок: его здоровье было повреждено, а значит, на принадлежащее ему нематериальное благо (здоровье) было совершено посягательство. Вопросы о компенсации морального вреда иным лицам (родственникам и близким) решаются по общим правилам ст. 151 ГК РФ и требуют установление вины должника в обязательстве по компенсации. Исходя же из обстоятельств дела, вина ОАО «РЖД» не была установлена.

Кроме того, ни одна из судебных инстанций не обратила внимание на следующий момент: нахождение малолетнего ребенка на железнодорожной станции является упущением законных представителей (в данной ситуации функции законного представителя выполнял опекун, который в числе с другими лицами заявил требование о компенсации причиненного ему морального вреда). Как нам представляется, вина опекуна в неисполнении функции, возложенной на него законом (п. 6 ст. 148.1 СК РФ), налицо. Соответственно, помимо ОАО «РЖД», обязанность компенсировать моральный вред ребенку должна быть возложена и на его опекуна. Учитывая судебную практику относительно того, как суды легко

моделируют личные неимущественные права, не исключено, что и в подобной ситуации, можно было бы придумать личное неимущественное право ребенка, которое было нарушено бездействием опекуна, например, право на должный надзор со стороны законного представителя.

УДК 347.51

*Н.Г. Соломина, д.ю.н., доцент, профессор ТюмГУ,
профессор Кузбасского института ФСИИ России
г. Новокузнецк, Россия*

О пределах применения абз. 1 п. 3 ст. 1079 ГК РФ к компенсации морального вреда лицам, понесших его в результате гибели близкого человека

В статье критическому анализу подвергается существующий в судебной практике подход, допускающий применение правил о солидарной обязанности владельцев источников повышенной опасности к требованию о компенсации морального вреда независимо от того, кем заявляется такое требование.

Ключевые слова: моральный вред, солидарная обязанность, источник повышенной опасности, нематериальное благо, личное неимущественное право.

Судебная практика придерживается позиции, согласно которой моральный вред, причиненный в результате взаимодействия источников повышенной опасности (далее – ИПО) третьему лицу, в силу п. 3 ст. 1079 ГК РФ компенсируется солидарно владельцами ИПО (абз. 2 п. 21 постановления Пленума ВС РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»). На первый взгляд, в таком подходе нет противоречий: он полностью соответствует закону, поскольку вытекает из смысла соответствующей нормы, а именно п. 3 ст. 1079 ГК РФ, предусматривающего, что «владельцы источников повышенной опасности солидарно несут ответственность за вред, причиненный в результате взаимодействия этих источников (столкновения транспортных средств и т.п.) третьим лицам...». Данное нормативное положение основано на том, что причиненный третьему лицу вред является нераздельным, а соответственно, на стороне должника в деликтном обязательстве имеет место множественность лиц, несущих солидарную обязанность. В качестве таковых выступают владельцы ИПО. Учитывая, что при причинении вреда личности третьего лица в виде повреждения здоровья одновременно имеет место и посягательство на его здоровье как нематериальное благо, нетрудно заметить, что субъектный состав на стороне должника в деликтном обязательстве и обязательстве по компенсации морального вреда совпадает – это будут все те же владельцы ИПО. При этом моральный вред (аналогично имущественному вреду) будет являться нераздельным, что и обуславливает характер обязанности содолжников при его компенсации – она является солидарной.

Правило о солидарной обязанности компенсировать моральный вред срабатывает и в случае, когда в результате взаимодействия ИПО третье лицо погибает. В данной ситуации количество деликтных обязательств равно количеству потерпевших (лиц, понесших ущерб в результате смерти кормильца). По этой же фор-

муле определяется и количество обязательств по компенсации морального вреда. При этом для цели компенсации морального вреда, причиненного потерпевшему смертью кормильца, основанием для обращения с соответствующим требованием будет выступать нарушение одного из личных неимущественных прав, связанных с нематериальным благом – жизнью кормильца, а именно, право потерпевшего на достойную жизнь.

Изложенное имеет важное значение: количественный состав содолжников (владельцев ИПО), характер долговой обязанности, личность кредитора в деликтном обязательстве проецируются исключительно на обязательство по компенсации морального вреда, возникшего в результате нарушения личного неимущественного права на достойную жизнь лица, понесшего ущерб в результате смерти кормильца. Соответственно, только по отношению к указанному лицу владельцы ИПО (результатом взаимодействия которых стала гибель кормильца) несут солидарную обязанность компенсировать моральный вред. Правоприменитель же пошел дальше и применил изложенный механизм взаимосвязи деликтного обязательства и обязательства по компенсации морального вреда на все случаи такой компенсации независимо от того, кто заявляет требование о компенсации морального вреда – лицо, понесшее ущерб в результате смерти кормильца, или иное лицо, связанное с погибшим узами брака, родством или свойством.

Так, в одном из дел, истец обратилась в суд с требованием о компенсации морального вреда в связи со смертью мужа: в результате столкновения транспортных средств ее муж, находившийся на пассажирском месте одного из автомобилей, получил травмы, повлекшие его смерть (определение СК по гражданским делам ВС РФ от 12.07.2021 № 13-КГ21-3-К2). Требование истицы было направлено к организации – собственнику автомобиля, в котором находился муж, даже несмотря на то, что виновным в данном дорожно-транспортном происшествии был признан собственник другого автомобиля, в отношении которого уже был вынесен приговор и на которого (по гражданскому иску) была возложена обязанность компенсировать моральный вред жене погибшего. Причина, по которой истица обратилась с требованием компенсации морального вреда к организации заключалась в том, что виновное лицо так и не исполнило решение суда.

ВС РФ подтвердил право истицы удовлетворить свое требование за счет организации как солидарного должника. Свою аргументацию правоприменитель выстроил вокруг тезиса о том, что смерть мужа истицы наступила в результате взаимодействия ИПО, владельцы которых согласно п. 3 ст. 1079 ГК РФ несут солидарную обязанность за вред, причиненный жизни данного лица. Проецируя данную модель ответственности на обязательство по компенсации морального вреда, которое возникает независимо от вины (абз. 2 ст. 1100 ГК РФ), суд применил общие правила об исполнении солидарной обязанности (ст. 323 ГК РФ).

В данной аргументации нас смущает то, что правоприменитель даже не стал исследовать вопрос о характере нарушенного личного неимущественного права истицы. А ведь только правильная оценка этого права позволяет определить подлежащие применению нормы позитивного права.

Исходя из обстоятельств дела, требование о компенсации морального вреда истица заявила в связи с гибелью близкого человека – ее физические и нрав-

ственные страдания выражались в чувстве постоянного беспокойства и бессоннице. Именно поэтому данное требование изначально было заявлено в отношении гражданина, вина которого в смерти мужа истицы была установлена приговором суда. Если бы речь шла о компенсации морального вреда, причиненного взаимодействием ИПО, то очевидно, что соответствующее требование истица заявила бы, не дожидаясь установления вины участников дорожно-транспортного происшествия в порядке уголовного судопроизводства. Однако, на наш взгляд, сделать этого она не могла.

Дело в том, что право требовать компенсацию морального вреда от владельцев ИПО неразрывно связано с правом на возмещение вреда, причиненного жизни гражданина взаимодействием ИПО. Эта формула имеет универсальный характер (т.е. она распространяется на все случаи определения лица, обладающего правом на компенсацию морального вреда при причинении вреда жизни гражданина). При этом к числу лиц, обладающих правом на возмещение имущественного вреда, причиненного жизни гражданина, закон относит лишь тех, которые понесли вред в результате смерти кормильца. Круг таких лиц исчерпывающим образом определен в п. 1 ст. 1088 ГК РФ и наша истица, учитывая обстоятельства дела, к ним не относится. А значит, она не относится и к тем лицам, которые вправе заявлять требование о компенсации морального вреда по правилам возмещения вреда, причиненного взаимодействием ИПО. Иными словами, в ситуации, которая подлежала оценке ВС РФ, отсутствуют солидарные должники.

Вместе с тем, истица, не относящаяся к числу лиц, понесших вред в результате смерти кормильца, тем не менее не лишена права требовать компенсации морального вреда, возникшего в связи со смертью близкого человека. Дело в том, что с жизнью гражданина как нематериальным благом связано не только право на достойную жизнь. К иным нематериальным правам, связанных с указанным нематериальным благом, можно отнести право на семейное благополучие, право на общение с родными и близкими и т.п. В зависимости от характера личного нематериального права, связанного с жизнью (как нематериальным благом), можно точно определить обладателя этого права, который при его нарушении вправе заявить требование о компенсации морального вреда.

Таким образом, истица имела право на компенсацию морального вреда, но не по основаниям, предусмотренных гл. 59 ГК РФ (в частности, при наличии вреда, возникшего в результате взаимодействия ИПО), а по общему основанию ст. 151 ГК РФ – наличие действия, нарушающего личные нематериальные права гражданина. В нашем случае таких прав может быть несколько, но все они так или иначе связаны с потерей близкого человека (а не наличием ущерба в связи со смертью кормильца).

Определив характер нарушенного личного нематериального права, нетрудно обозначить и юридико-формальные аспекты, связанные с компенсацией морального вреда: основанием возникновения права требовать компенсации морального вреда в судебном порядке является факт смерти мужа истицы; условием возложения обязанности выступает непосредственно вина причинителя вреда. Поскольку в рамках уголовного судопроизводства была установлена вина лишь одного лица, именно на это лицо (и никакое другое) суд может возложить обязанность компенсации морального вреда.

Учитывая изложенное, требование истицы не могло подлежать удовлетворению. К сожалению, из всех судебных инстанций по рассматриваемому делу только суд первой инстанции дал правильную оценку возникшим отношениям, отказав в удовлетворении иска.

УДК 347.9

*А.К. Усманов, ст. преподаватель СФ УУНиТ
г. Стерлитамак, Россия*

Роль гражданского процесса в обеспечении уважения личности и права на человеческое достоинство

В статье рассматривается роль судов общей юрисдикции Российской Федерации в обеспечении права на человеческое достоинство личности, а также проводится анализ правовых норм в сфере защиты чести и достоинства.

Ключевые слова: гражданское право, гражданский процесс, защита чести и достоинства, личность.

Слова всегда имели большой вес. Историки нашли упоминания о речевых правонарушениях еще в своде законов вавилонского царя Хаммурапи (ок. 1760 года д. н. э.). Так, за лжесвидетельство или ложное обвинение была положена казнь. Ответственность за правонарушения, совершенные посредством речевых действий, была зафиксирована в «Русской Правде» Ярослава Мудрого, древнерусском законодательном памятнике XI в. Так, в статье 30 в пространной редакции «Русской Правды» был зафиксирован штраф за оскорбление чужой жены.

Артикул воинский 1715 года Петра I продолжил принципиальную линию максимально сурового наказания за оскорбление царя. Так называемого «словопреступника» лишали жизни через отсечение головы [1, с. 68].

Однако, в настоящее время оскорбления приобрели в силу развития гуманистической цивилизации более сильную стилистическую окраску. На сегодняшний день, в России, оскорбления могут наказываться в зависимости от способа распространения по двум статьям Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях – ст. 5.61 и ст. 20.1.

От умысла и способа зависит не только квалификация, но и вид наказания. Не исключается, что во взаимосвязи с оскорблениями присутствует зачастую клевета в отношении потерпевшего. Что в конечном итоге, несет непоправимый вред для психического здоровья личности потерпевшего.

Для начала обратимся к некоторым определениям личности.

По мнению известного советского психолога, доктора педагогических наук – Леонтьева А.Н., личность – это совокупность общественных отношений, реализующихся в многообразных деятельности.

Так же, по мнению другого не менее значимого советского психолога, доктора педагогических наук – Ананьева Б.Г., личность – субъект общественного поведения и коммуникации [2, с. 23].

Таким образом, в приведенных определениях, личность формируется и определяется обществом, а значит и психическое здоровье личности зависит от общества.

Так, возвращаясь к теме статьи, хочется отметить, что любые действия, направленные на оскорбление, а равно на унижение чести и достоинства другого лица причиняют вред психическому здоровью личности.

Одним из способов защитить свои права, а также возместить вред, причиненный психическому здоровью, является исковое заявление.

Однако, если обратиться к гражданскому законодательству, то мы не найдем термин «оскорбление», а также не найдем основание, по которому может быть подано такое исковое заявление.

Так, согласно главе 59 ГК РФ исковое заявление о возмещении вреда, причиненного увечьем, иным повреждением здоровья или в результате смерти кормильца, в том числе иски о компенсации морального вреда, могут быть предъявлены гражданином как по общему правилу территориальной подсудности - по месту жительства ответчика (по месту нахождения организации), так и в суд по месту своего жительства или месту причинения вреда.

В приведенной главе гражданского кодекса законодатель отождествляет физическое повреждение с понятием вред здоровью. Но как же быть, если вместо физического вреда здоровью, истцу был причинен психический вред здоровью.

Наиболее верным и логичным будет применение судом статьи 6 ГК РФ – аналогия права. Так, при разрешении настоящего дела суд исходит из понятия оскорбления, предусмотренного статьей 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, где под оскорблением понимается унижение чести и достоинства лица, выраженной в неприличной форме, противоречащей нормам морали, нравственности.

При этом, в законодательстве также не определены понятия как честь и достоинство. Поэтому, суд опирается на мнение известных юристов и психологов.

Основные определения этим двум терминам дал доктор психологических наук, кандидат юридических наук Васильев В.Л.

По его мнению, честь – это общественная, устойчивая положительная моральная оценка деятельности индивида общественным мнением, объективная оценка личности, определяющая отношения общества к гражданину.

Достоинство – это высокая внутренняя самооценка лица собственных качеств, способностей, мировоззрения, своего общественного значения [3, с. 202].

Учитывая вышеуказанные термины, суды, как правило, исходят из того, что оскорблением является акт прямого действия, направленный на подавление интеллектуальной составляющей сознания личности с целью отрицания ценности деятельности лица, отрицания внутренней самооценки деятельности лица, отрицания внутренней самооценки собственных качеств, способностей, мировоззрения, своего общественного значения.

Таким образом, в частности, оскорбление, в форме высказывания негативного характера, выраженные в неприличной форме, с использованием ненормативной лексики, адресованные конкретному лицу, может нарушить его право на высокую внутреннюю самооценку (достоинство) и на положительное отношение к нему общества (честь).

На примере Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан из практики авторов можно рассмотреть гражданское дело по исковому заявлению гражданки К. к гражданину И. Так, согласно описанию истории они состояли в

достаточно близких, отношениях. Однако, в ходе отношений И. злоупотреблял алкоголем, вел разгульный образ жизни, не желая проходить обучение где бы то ни было. Гражданка К. же наоборот работала в сфере продаж и достаточно хорошо зарабатывала. Так, в результате интимной близости И., действуя против воли К. сделал несколько снимков, и использовал фотографии как способ манипуляции, достижения своей цели удержания ее под шантажом распространения фотографий в публичном доступе.

Шантаж он воплотил в реальности, в отношении И. было возбуждено уголовное дело по статьям 242, 137 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Однако, по мимо восстановления справедливости за незаконное собиране или распространение сведений о частной жизни у девушки осталась психическая травма, которая повлекла за собой вред психическому здоровью личности.

В рамках гражданского дела, между теми же сторонами Стерлитамакский городской суд прибегнул к способу защиты права потерпевшей в виде:

– Признания оскорблениями слов и выражений, которые использовались при сопровождении рассылки фотографий интимного содержания.

– Возложение обязанности удаления интимных фотографий с телефонов, ноутбуков, а также удаления данной информации со всех устройств.

– Взыскание компенсации морального вреда в размере 100000 рублей за фотографии, 30000 за нанесенные оскорбления, 15000 рублей судебные расходы, оплата государственной пошлины, а также 48 тысяч рублей расходы на проведение экспертизы в пользу экспертного учреждения.

Также суд обязал прекратить распространение порочащих сведений чести и достоинства истца.

В заключении, хотелось бы отметить, что на сегодняшний день, такой инструмент по защиты чести и достоинства личности, как защита своих прав в судебном порядке, не гарантирует и не направлен на восстановление психического здоровья, однако, как показывает практика, потерпевший может взыскать денежные средства с причинителя вреда, которые могут быть направлены на восстановление внутренней самооценки личности, а также на установление справедливости в обществе.

Библиографический список

1. История государства и права России: учебное пособие для вузов- 2-е изд., испр. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 180 с.

2. Ильин А.С. Реклама в коммуникационном процессе. курс лекций / А.С. Ильин. – М.: КНОРУС, 2009. – 144 с.

3. Васильев В.Л. Юридическая психология: учеб. для вузов по спец. «Правоведение»] – М.: Юрид. лит., 1991. – 461 с.

Перспективы исключения и изоляции заключений о результатах судебной экспертизы в гражданском процессе

В статье рассматривается возможность дополнительно гарантировать обеспечение состоятельности заключений экспертов в виде их сокрытия от лиц, производящих дополнительные или повторные экспертизы. Недопустимые доказательства, в том числе заключения, признанные таковыми до вынесения решения судом, должны физически и юридически исключаться из материалов дела.

Ключевые слова: гражданский процесс, заключение эксперта, экспертиза, независимость эксперта, доказательство

Назначение повторной или дополнительной судебной экспертизы в гражданском процессе является ведущим механизмом устранения недостатков, имеющих место быть при наличии результатов первоначального исследования (ст. 87 ГПК РФ, ст. 87 АПК РФ, ст. 83 КАС РФ).

Условия для назначения повторного или дополнительного исследования в кодексах раскрываются следующим образом:

– для дополнительной экспертизы – признания судом неполноты или неясности (в АПК РФ и ГПК РФ – «недостаточной ясности») заключения, при этом АПК РФ предусматривает дополнительное основание «при возникновении вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств дела»;

– для повторной экспертизы – возникновении сомнений обоснованности заключения или наличия противоречий в выводах эксперта.

Между тем на практике проблематично определить границы между сомнениями в правильности, неясностью и недостоверностью заключения эксперта для назначения повторной или дополнительной экспертизы. Тем более что такие категории «неполноты», «неясности», «сомнения в обоснованности» – сугубо субъективные и должны иметь весомое обоснование при вынесении определения.

В свою очередь проведение дополнительного или повторного исследования должно быть обеспечено гарантиями беспристрастности и объективности. Порядок назначения судебной экспертизы аналогичен порядку назначения первоначальной судебной экспертизы лишь за одним исключением, что должны быть изложены мотивы несогласия суда с ранее данным заключением эксперта или экспертов (ч. 3. ст. 87 ГПК РФ).

Далее необходимо выделить ряд иных действующих процессуальных средств устранения содержания недостатков заключения о результатах экспертизы помимо упомянутых, которые могут выступать как самостоятельно, так и обуславливать назначение повторного или дополнительного исследования:

вызов эксперта в процесс (ст. 187 ГПК РФ, ст. 86 АПК РФ, ст. 168 КАС РФ);

привлечение специалиста для дачи консультаций (ст. 188 ГПК РФ, ст. ст. 55.1, 87.1 АПК РФ, ст. 169 КАС РФ), а также рецензирование имеющихся экспертных заключений;

представление внесудебных заключений экспертов по инициативе сторон в качестве письменного или иного вида доказательства.

Подход приобщения внесудебных заключений уместен в случае, если помимо заключения эксперта, имеющегося в материалах дела, по инициативе стороны проведена альтернативная экспертиза, опровергающая выводы судебной или дающая основания усомниться в достоверности. Повторная независимая несудебная экспертиза – это исследование независимой экспертной организацией или независимым экспертом, проведенное по вопросам, уже изученным судебным экспертом, и, по возможности, по тем же материалам.

По мнению А.В. Дягилева: «представленное заключение, если оно имеет расхождения с заключением эксперта, полученным в соответствии с определением суда, может служить основанием для назначения судом дополнительной или повторной экспертизы. Либо суд может рассматривать альтернативное заключение в качестве доказательства по делу наряду с другим заключением эксперта» [1]. Таким образом, заключение внесудебной экспертизы может позволить довести до суда, что по результатам судебной экспертизы возможны иные и/или противоположные выводы, ставящие под сомнение достоверность и полноту результатов судебной экспертизы. Известно, что суд не может и не должен обладать специальными знаниями, соответственно, лишен возможности оценивать научную и методологическую основу экспертного исследования.

Между тем, с точки зрения Е.Р. Россинской, «единственной возможностью проверки его научной обоснованности и достоверности, является реальная состязательность экспертов» [2, с. 82]. Другие авторы поддерживают позицию, дополняя, что «обостряется необходимость в разработке состязательной модели экспертов, которая должна строиться на начальном этапе – этапе назначения экспертизы, а также на итоговом этапе, после дачи экспертами заключения» [3, с. 78]. Поддерживая авторов, мы приходим к выводу о необходимости предусмотреть в процессуальном законе дополнительные гарантии по следующей вытекающей проблеме.

Речь идет о наличии заключения и иных доказательств, судьба о допустимости и достоверности которых не разрешена на момент назначения повторной или дополнительной экспертизы. Важно иметь в виду, что при назначении экспертизы в распоряжение эксперта попадают абсолютно все материалы дела, в том числе и результаты ранее проведенных исследований (судебных и внесудебных). Такие доказательства могут быть негативным источником сведений для проведения дальнейших экспертиз и влиять на содержание выводов о их результатах. Негативным в том смысле, что все дальнейшие исследования рискуют оказаться менее беспристрастными, поскольку могут быть основанными на ранее произведенных экспертизах.

В этой связи актуально обратиться к проблемам института исключения доказательств. Исключение недопустимых доказательств имеет важное значение при оценке, в том числе и заключений экспертов. Однако на практике вопрос о его исключении из материала дела попросту не разрешается в отсутствие четко установленного правового механизма. Отмечены два подхода к исключению доказательств: физическое (изъятие) и юридическое (через вынесение определения об исключении).

А.В. Юдин как сторонник развития института исключения доказательств все же считает, что исключенное доказательство не должно физически изъято из дела с целью возможно будущей её проверки судами вышестоящей инстанции [3, с. 14]. Хотя оценка всех доказательств в совокупности и взаимосвязи осуществляется на этапе принятия решения суда в совещательной комнате, тем не менее вопрос о признании доказательства подложным, неотносимым или недопустимым зачастую разрешается на этапе судебного разбирательства. С другой стороны, может возникнуть ситуация, по которой результаты экспертного исследования, в том числе дополнительного и повторного, до удаления суда в совещательную комнату утрачивают свою доказательственную силу. Особо подчеркивается, что качество заключения эксперта находится напрямую зависит от доказательств, лежащих в основе выводов сведущего лица.

Возвращаясь к вопросу о предложении дополнительных механизмов, с учетом развития и совершенствования института исключения доказательств и перспективами исключения «порочного» заключения эксперта, мы придерживаемся следующего альтернативного подхода к оценке заключения эксперта, сформированного в выводах:

Заключение эксперта, не отвечающее требованиям относимости и допустимости, и признанное таковым, должно юридически (посредством вынесения определения) и фактически исключаться из материалов дела с целью недопущения к материалам при повторной экспертизе другим экспертом. Данное действие необходимо производить до удаления суда в совещательную комнату.

В случае установления оснований для назначения повторной или дополнительной экспертизы, с целью достижения объективности и беспристрастности проводимых исследований, необходимо применять метод изоляции ранее общенных в дело заключений экспертов. Изоляция представляет собой недопущение эксперта к результатам ранее произведенных исследований. В таком положении эксперт по вторичному исследованию проводит исследование как будто «по новой», со своей точки зрения и по своим методикам, не имея представления о ранее проведенной и не имеет возможности.

«Формальное» исключение и фактическая изоляция заключений о результатах судебной экспертизы будет выступать своего рода дополнительным механизмом в пользу реализации независимости экспертов и конкуренции их заключений.

Библиографический список

1. Дягилев А.В. Некоторые вопросы проведения экспертизы в арбитражном процессе / А.В. Дягилев // Юридический мир. – 1999. – № 5–6. – С. 97–99.
2. Судебная экспертиза в цивилистических процессах: научно-практическое пособие / под ред. Е. Р. Россинской. – М.: Проспект. 2018. – 704 с.
3. Кузбагаров А.Н., Федчун А.В. Необходимость обеспечения в конкуренции судебных экспертиз в условиях состязательного судопроизводства / А.Н. Кузбагаров, А.В. Федчун // Вестник гражданского процесса. – 2017. – Т. 7. – № 5. – С. 69–80.
4. Юдин А.В. Гражданскому и арбитражному процессу необходим институт исключения доказательств / А.В. Юдин // Российская юстиция. – 2008. – № 7. – С. 11–14.

Об эмоциях и их влиянии на действительность некоторых сделок

Статья посвящена анализу влияния эмоционального состояния физического лица на действительность некоторых сделок. Приводятся релевантные примеры из судебной практики. Разбирается вопрос о действительности сделки заключенной под влиянием эмоций в состоянии алкогольного опьянения.

Ключевые слова: эмоции, адееспособность, оспоримая сделка

На первый взгляд эмоции учитываются при правовом регулировании исключительно публично-правовых отношений. Считается, что общественная опасность преступления, совершённого в состоянии сильного душевного волнения (или аффекта) значительно ниже того же уголовно-наказуемого деяния, совершённого в обычном состоянии. Возникает вопрос: исчерпывается ли связь права и эмоций исключительно обозначенным примером? Можем ли мы говорить, например, о корреляции эмоций с отдельными видами оспоримых сделок?

Для начала надлежит определиться с терминами. Эмоция – это «выражение отношения человека к тому, что он чувствует, переживает» [1]. «Эмоция, – пишет И.В. Реверчук, – может рассматриваться как измененное или особое состояние сознания. Она может существовать относительно независимо от других состояний сознания, но обычно взаимодействует с ними и влияет на сосуществующие состояния или процессы в сознании» [7, с. 5]. Известный психолог С.Л. Рубинштейн отмечал, что: «Основной исходный момент, определяющий природу и функцию эмоций, заключается в том, что в эмоциональных процессах устанавливается связь, взаимоотношение между ходом событий, совершающимся в соответствии или в разрез с потребностями индивида, ходом его деятельности, направленной на удовлетворение этих потребностей, – с одной стороны, и течением внутренних органических процессов, захватывающих основные витальные функции, от которых зависит жизнь организма в целом, – с другой; в результате индивид «настраивается» для соответствующего действия или противодействия» [8, с. 514].

Исследуя заявленную тему, нельзя не упомянуть и о воззрениях на эмоции основателя психологической школы права Л.И. Петражицкого. Он в частности писал следующее: «Мы переживаем ежедневно многие тысячи эмоций, управляющих нашим телом и нашей психикой, вызывающих те телодвижения, которые мы совершаем, те представления и мысли, которые появляются в нашем сознании, и вообще заставляющих психо-физический аппарат изменяться и действовать так, как это соответствует их команде, но сами эти хозяева и управители остаются нормально незамеченными; каждый день нашей сознательной жизни представляет с момента пробуждения до момента засыпания цепь бесчисленных, сменяющих друг друга нормально скрытых и невидимых эмоций и их (отчасти тоже незримых, отчасти заметных) акций» [5, с. 269–270].

«Эмоции, – заключал Л.И. Петражицкий, – представляют по своей двойственной, раздражительно-моторной природе коррелят двойственной, центростремительно-центробежной, анатомической структуры нервной системы и двойственной, раздражительно-моторной физиологической функции этой системы и прототип психической жизни вообще с её двойственным пассивно-активным характером» [5, с. 266].

Итак, эмоции – это неотъемлемая составляющая психической жизнедеятельности человека, выражающаяся в переживании того, что с ним происходит и им совершается.

Далее перейдём к сделке, законодательное определение которой, как известно, содержится в ст. 153 ГК РФ. Согласно данному законоположению, сделка представляет собой действие гражданина и юридического лица, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. При её заключении, состояние гражданина (физического лица), в подавляющем большинстве случаев, имеет конституирующее значение. Эмоции в свою очередь и определяют это состояние. Под их влиянием гражданин может не понимать значения своих действий и руководить ими, что является основанием для квалификации её в качестве оспоримой (ст. 177 ГК РФ). О.А. Красавчиков предложил именовать такое состояние адееспособностью. «Причины адееспособности лица, при которой оно утрачивает волевою или интеллектуальную способности, могут быть самыми различными. Так, лицо может утратить способность к руководству своими действиями в результате длительного и глубокого истощения нервной системы в связи с перенесенной или еще переносимой тяжелой болезнью. В качестве причин указанного рода состояний может быть нервное потрясение, вызванное тем или другим тяжелым для лица известием. Наконец, временная утрата способности понимать значения своих действий или руководить ими может наступить в результате физических внешних воздействий (удар, ранение огнестрельным или холодным оружием, контузия и т.д.)» [10, с. 263].

Анализ судебной практики показывает, что в состоянии адееспособности происходит совершение самых различных сделок. Чаще всего это дарение, купля-продажа, составление/отмена завещания и (или) выдача доверенности. Встречаются и отказы от наследства. При этом в подавляющем большинстве случаев совершение таких сделок инициируется иными лицами. Как правило, в качестве таковых выступают выгодоприобретатели (одаряемые, наследники etc.). Так, по одному из дел, Ставропольский краевой суд, признавая оспоримые сделки недействительными, указал, что: истец всецело находился в витальной, эмоциональной и психологической зависимости от ответчиков, был легко им подчиняем. Данные лица являлись основными источниками связи с внешним миром, руководителями его инициативы и волеизъявления¹. В другом деле, Восьмой кассационный суд общей юрисдикции, признавая договор дарения недействительным, пришёл к выводу о том, что: в исследуемый период индивидуально-психологические особенности истца, которые подтверждаются клиническим диагнозом могли существенно снизить ее способность полноценно понимать зна-

¹ Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 13.04.2016 по делу № 33-2431/2016 // СПС «Консультант Плюс».

чение совершаемых действий, способность к смысловому восприятию и оценке существа сделки договора дарения. Ей была свойственна несоответствующая ситуации доверчивость, недоучет последствий сделки. В силу своих индивидуально-психологических особенностей истец испытывала психологическое и эмоциональное давление со стороны ответчиков, что в конечном итоге могло существенно повлиять на выражение ее волеизъявления¹. Признавая завещание недействительным, Шестой кассационный суд общей юрисдикции также отметил, что: сложившаяся социальная ситуация, а также индивидуально-психологические и психические особенности наследодателя оказали влияние на ее поведение в момент принятия решения по распоряжению своим имуществом. Отмечалась пассивность и несамостоятельность в принятии решения о завещании квартиры, решение было зависимым от влияния извне, с недостаточным формированием субъективного представления о существе заключаемого правового акта².

Отдельным аспектом рассматриваемой проблематики является вопрос о действительности сделки заключенной под влиянием эмоций в состоянии алкогольного опьянения. В доктрине на сей счёт содержится несколько подходов. Один из них предполагает, что такую сделку признать недействительной нельзя по ряду обстоятельств: «во-первых, в большинстве случаев человек и в состоянии опьянения не полностью теряет контроль над своими действиями; во-вторых, как правило, гражданин приводит себя в это состояние по собственной воле; в-третьих, если считать нахождение в состоянии опьянения основанием для признания сделок недействительными, то это породило бы неустойчивость гражданского оборота, так как степень воздействия алкоголя на различных людей различна и не всегда может быть распознана контрагентами»[4, с. 83]. Другой, напротив, допускает сие. Аргументируется это так: «Лицо, совершающее сделку, приобретает права и, что особенно важно, принимает на себя определенные обязанности. Оно должно поэтому отдавать себе полный отчет в характере юридических последствий, которые его действия могут повлечь за собою. Если этому препятствует состояние опьянения, к тому же обычно известное второму участнику сделки, последняя признается недействительной» [3, с. 271].

Судебной практике известны дела, в которых сделки, совершённые контрагентом в состоянии алкогольного опьянения, признаются недействительными (см., например: Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 27.12.2023 № 33-4678/2023 // СПС Консультант Плюс; Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 07.07.2021 № 88-8797/2021 по делу N 2-242/2019 // СПС Консультант Плюс). Для подобных случаев Верховный суд РФ постулирует, что такие сделки недействительны если обозначенное состояние препятствует лицу понимать значение своих действий (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.03.2021 № 48-КГ20-28-К7).

¹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.05.2022 № 88-9284/2022 // СПС «Консультант Плюс».

² Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22.12.2022 № 88-24949/2022 // СПС «Консультант Плюс».

В современной юридической литературе (А.А. Павлов, С.С. Занковский, С.М. Мотуренко) к судебным актам подобного рода высказывается весьма критическое отношение. «На наш взгляд, – пишут С.С. Занковский, С.М. Мотуренко, – судебная практика не должна идти навстречу лицам, впавшим в помутнение рассудка на почве пьянства. Признание сделки недействительной в силу ст. 177 ГК РФ, по существу, означает законодательную льготу для временно непонятливых лиц, когда между ними и внешним миром возникает стена, искажающая его восприятие. Однако эта стена не должна быть пропитана спиртом уже потому, что общество, а вслед за ним и законодатель относятся к пьянству негативно» [2, с. 23].

А.А. Павлов также отмечает, что: «дееспособное лицо должно нести риск последствий своего поведения. Вследствие этого действия гражданина, способствующие возникновению у него состояния, при котором он не мог понимать значение своих действий или руководить ими, должны исключать возможность оспаривания совершенной таким гражданином сделки, как минимум если контрагент является добросовестным. Обоснованием данного подхода могут выступать предписания п. 4 ст. 1 ГК РФ» [9]. Полагаем, что данные выводы *ceteris paribus* следует поддержать. Заключение сделки лицом, доведшим себя до состояния алкогольного (или иного) опьянения по общему правилу никоим образом не должно поощряться. Допустимость же оспаривания таковой – питательная среда для злоупотребления правом.

Библиографический список

1. Гуськов В.С. Терминологический словарь психиатра. – Москва. Медицина, 1965 // <https://vocabulary.ru/slovari/terminal>.
2. Занковский С.С., Мотуренко С.М. Проблемы сделок дееспособного лица в состоянии, когда оно не могло понимать значение своих действий или руководить ими. / С.С. Занковский // Юрист. – 2018. – № 12. – С. 19–25.
3. Иоффе О.С. Советское гражданское право. / О.С. Иоффе. – М.: Юридическая литература 1967. – 495 с.
4. Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР / под ред. Е.А. Флейшиц, О.С. Иоффе. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Юридическая литература, 1970. – 824 с.
5. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности: Эмоциональная психология. / Л.И. Петражицкий. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 328 с.
6. Подшивалов Т.П. Принцип добросовестности в регулировании защиты вещных прав. / Т.П. Подшивалов // Гражданское право. – 2017. – № 5. – С. 13–15.
7. Психофизиология и патопсихология эмоций и чувств: уч. пособие / И.В. Реверчук. – Ижевск, 2016. – 36с.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. / С.Л. Рубинштейн // Издательство: Питер, 2002. – 720 с.
9. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2018. [Электронное издание. Редакция 1.0] – 1264 с.
10. Советское гражданское право: учебник / под ред. О.А. Красавчикова. – М.: 1968. – Т.1. – 519 с.

Осуществление права на изображение гражданина после его смерти

В статье автором обращено внимание на проблему перехода права на изображение после смерти управомоченного лица и сделан вывод о возможности включения права на изображение, хотя и с более ограниченным объемом правомочий, в состав наследства.

Ключевые слова: право на изображение, наследники, осуществление права, защита права.

Осуществление личного неимущественного права при жизни лица предполагает совершение действий по осуществлению права самим субъектом, по своему усмотрению. В случае же смерти управомоченного субъекта возникает вопрос о том, возможно ли осуществлять и защищать личные права после смерти его носителя.

В качестве общего правила законом определено, что нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут защищаться другими лицами в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом (абз. 3 п. 2 ст. 150 ГК РФ). Из этой нормы следует: 1) разрешено защищать после смерти гражданина не любые нематериальные блага, а только те, в отношении которых будет прямое указание закона. В настоящее время – это честь, достоинство и деловая репутация гражданина (п. 1 ст. 152 ГК РФ), частная жизнь (п. 5 ст. 152.2 ГК РФ), авторство (ст. 1267, 1316 ГК РФ); 2) круг лиц, которым будет доверено решать вопросы защиты нематериальных благ, должен быть определен законом (по п. 1 ст. 152 ГК РФ – это любые заинтересованные лица, по п. 5 ст. 152.2 ГК РФ – это дети, родители, переживший супруг, а по ст.1267 и ст.1316 ГК РФ – это назначенное автором лицо либо наследники, их правопреемники и другие заинтересованные лица); 3) после смерти обозначенным в законе лицам дозволено решать лишь вопросы защиты нематериальных благ.

Относительно возможности осуществления другими лицами личных неимущественных прав, объектом которых признаются нематериальные блага, следовало бы руководствоваться установленным в ст.150 ГК РФ правилом о неотчуждаемости и непередаваемости нематериальных благ, что соотносится со ст. 1112 ГК РФ, исключающей из состава наследства нематериальные блага и личные неимущественные права. Однако возникает вопрос: на чем основана возможность дачи согласия на обнародование и использование изображения гражданина после его смерти? С одной стороны, после смерти субъекта право на изображение как тесно связанное с личностью, должно прекратиться. С другой стороны, по нормам ГК РФ правом дачи согласия на обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина наделяются дети, переживший супруг, а при их отсутствии - родители. Точно такая же возможность дать согласие на обнародование и дальнейшее использование изображения принадлежала самому управомоченному лицу при жизни. Если право на изображение рассматривать как само-

стоятельное субъективное право, которое включает в себя возможности по использованию (фиксации созданного образа в фотографических, аудиовизуальных и т.п. объектах) и распространению изображения (возможность разрешать или запрещать применение изображения третьим лицам), то смерть субъекта не прекратила возможность его осуществления. Е.А. Флейшиц в свое время прямо говорила о том, что в отношении права на собственное изображение допустимо «...перенесение на другое лицо осуществления права...» [4, с. 436]. М.Н. Малеева, размышляя над ситуацией пришла к выводу, что «узаконенная возможность осуществления и защиты неимущественных прав после смерти их обладателя третьими лицами приводит к мысли о существовании некоторых нематериальных благ в отрыве от личности в усеченном объеме» [3, с. 15]. В тоже время осуществлять можно только то право, которое лицу принадлежит. Получается, что предоставление законом возможности дачи согласия после смерти субъекта означает переход права на изображение. Переход личного права после смерти к иным лицам объясняется наличием имущественного интереса в использовании и распространении изображения, сохраняющегося после смерти управомоченного лица.

Право на изображение, как и право на имя следует относить к числу прав, объекты которых могут существовать в отрыве от личности с возможностью включения их в гражданский оборот, что вызывает вопрос о правовой природе этих прав, определяемых в качестве личных или имущественных. В немецкой доктрине права еще Й. Колер обосновывал концепцию *Immaterialguterrecht*, сообразно которой речь может идти о субъективных гражданских правах особого рода - самостоятельных имущественных правах на нематериальные объекты, вовлеченных в гражданский оборот [2].

Интересен в этом отношении казус, при разрешении которого Верховный Суд РФ вынужден был провести разграничение между правом на имя и правом на использование имени, допустив использование имени после смерти лица, не разрешив дилемму о том, как право на использование имени может существовать в отрыве от права на имя. Судом было указано: «право на имя принадлежит конкретному лицу в период его жизни, неотчуждаемо и непередаваемо, в том числе в порядке наследования. Вместе с тем гражданин может заключить соглашение об использовании своего имени за плату другими лицами в их творческой или экономической деятельности. При этом в отличие от права на имя из приведенных положений закона не следует, что право на использование имени прекращается со смертью лица, которому оно принадлежит, если иное не предусмотрено соглашением сторон. После смерти носителя имени защиту его имени может осуществлять заинтересованное лицо»¹. В этом случае право на имя и право на использование имени противопоставлены друг другу, но право на использование имени обусловлено наличием самого права на имя и вытекает из заключенного лицом при жизни договора, поэтому речь идет об исполнении договорных обязательств, не прекратившихся смертью лица. Право на использование имени лишь

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 10.

одно из правомочий, охватываемых содержанием права на имя. Признавая возможность его осуществления после смерти, становится очевидной ситуация перехода личного права, но в несколько ином, более ограниченном объеме. После смерти субъекта иные лица (вместо управомоченного) уже не могут решать вопросы по изменению имени, по применению псевдонима, но наличие имущественного интереса позволяет им продолжать использовать имя, что свидетельствует о признании возможным перехода личного права к наследникам, но не в полном объеме правомочий. Анализируя теорию правопреемства, Б.Б. Черепяхин подчеркивал, что «по общему правилу право у правопреемника имеет такое же содержание, как и у его правопреемника. Вместе с тем некоторое преобразование содержания этого права может иметь место...» [5, с. 318].

К числу лиц, к которым может переходить право на изображение закон относит детей, пережившего супруга и родителей. Несовпадение указанного перечня с кругом наследников оправдывается лишь наличием тесных, лично-доверительных отношений, связывающих наследодателя с членами его семьи, которые предполагается, должны быть в достаточной степени осведомлены о его желаниях, особенностях поведения и намерениях по использованию изображения после смерти. В доктрине приводят аргументы, оправдывающие невключение наследников в круг лиц, на усмотрение которым следовало бы предоставить решение вопроса об использовании изображения после смерти лица. А.А. Богустов объясняет эту ситуацию отсутствием личного интереса наследников и трансформацией «личного неимущественного блага в имущественное, включение его в коммерческий оборот, что противоречит его сущности и назначению» [1]. Между тем, предоставление права на использование изображения прямо указанным в законе лицам не свидетельствует о том, что такой трансформации личного блага не произойдет. Независимо от субъектного состава лиц, приобретающих право, его осуществление в коммерческих целях будет приносить материальную выгоду.

Что произойдет с правом на изображение при отсутствии лиц, обозначенных в законе? Верховный Суд РФ в Постановлении от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» определяет, что в случае смерти гражданина, смерти или отсутствия всех перечисленных в п. 1 ст. 152.1 ГК РФ лиц какого-либо согласия для обнародования и использования изображения данного гражданина не требуется (п. 49)¹. Тем самым определено право на свободное использование изображения без ограничений. Между тем такое решение вопроса расходится с содержанием принципа юридического равенства участников гражданских прав и равной судебной защиты. При отсутствии лиц, поименованных в законе как минимум, возможным был бы к учету интерес иного лица из числа наследников или членов семьи, проживающих совместно, а при их отсутствии – речь должна идти о прекращении права смертью лица.

¹ Постановлении от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8.

Таким образом, право на изображение, возможность осуществления которого предусмотрена после смерти его обладателя, может быть включено в состав наследства.

Библиографический список

1. Богустов А.А. Право лица на изображение в законодательстве государств евразийского региона: сравнительно-правовой анализ / А.А. Богустов // Вестник СГЮА. – 2023. – №1 (150) [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-litsa-na-izobrazhenie-v-zakonodatelstve-gosudarstv-evraziyskogo-regiona-sravnitelno-pravovoy-analiz> (дата обращения: 15.10.2023).
2. Кашанин А.В. О проблеме распоряжения личными неимущественными правами автора / А.В. Кашанин // Вестник гражданского права. – 2009. – № 4. – С. 43–98.
3. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита / М.Н. Малеина. – М.: МЗ Пресс. 2000. – 244 с.
4. Флейшиц Е.А. Избранное. Составитель: Е.А. Павлодский / Е.А. Флейшиц. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве Российской Федерации. 2007. – 480 с.
5. Черепяхин Б.Б. Труды по гражданскому праву / Б.Б. Черепяхин. – М.: Статут, 2001. – 479 с.

СЕКЦИЯ «МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ И ПОДДЕРЖКИ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА»

УДК 346.34

*Е.В. Белицина, аспирант РУДН имени Патриса Лумумбы,
Ю.Н. Белова, аспирант РУДН имени Патриса Лумумбы,
Я.М. Цандер, аспирант РУДН имени Патриса Лумумбы,
г. Москва, Россия*

Юридическая ответственность отдельных субъектов государственного оборонного заказа как механизм защиты интересов государства

Авторы статьи, изучая актуальную нормативную базу и используя практический опыт, рассматривают правовую природу юридической ответственности в сфере государственного оборонного заказа, как механизм защиты интересов государства, а также анализируют предпосылки преобразования юридической ответственности из административной в уголовную.

Ключевые слова: юридическая ответственность, уголовная ответственность, административная ответственность, государственный оборонный заказ, наказание, взыскание, механизм защиты.

Стремительно меняющаяся ситуация в мире диктует необходимость укрепления национальной безопасности, быстрого реагирования на изменяющиеся конъюнктурные условия, в том числе путем наращивания и трансформации потенциала правового регулирования практически во всех сферах жизни. Безусловно, потенциал оборонно-промышленного комплекса России должен поддерживаться на таком уровне, когда в полном объеме создаются необходимые условия для решения поставленных задач обеспечения обороны страны. Это «является основной целью государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности» (см. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»). В свою очередь увеличение объемов промышленного производства, ускорение темпов импортозамещения, размещение дополнительных объемов государственного оборонного заказа (ГОЗ) требуют видоизменения и ужесточения правовых норм, касающихся юридической ответственности субъектов ГОЗ, которые должны стать гарантом безусловного своевременного и качественного выполнения государственных заданий, оставаясь при этом в правовом поле. В связи с этим законодателем принимаются меры по усилению ответственности субъектов ГОЗ в сфере государственного оборонного заказа. По мнению Беляевой О.А. [1], государственный оборонный заказ – это фундаментальный массив методов государственного правового регулирования, который проявляется как в применении специальных регулирующих методов, так и в периодически возникающей необходимости внесения в систему норм об административных правонарушениях существенных изменений и дополнений. Целью данного исследования является выявление и изучение юридической ответственности отдельных субъектов ГОЗ как механизма защиты интересов государства, анализ предпосы-

лок ее преобразования из административной в уголовную, исследование ее правовой природы.

Федеральный закон от 29.12.2012 №275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (далее также – Закон о государственном оборонном заказе) определяет четкие правовые основы государственного регулирования отношений, связанных с особенностями формирования, размещения, исполнения государственного оборонного заказа. Участники ГОЗ (статья 15 Закона о государственном оборонном заказе) могут нести наряду с гражданско-правовой и дисциплинарной, также уголовную и административную ответственность. В целях достижения результатов исследования представляется необходимым рассмотреть подходы к определению – «юридическая ответственность». Обобщенное доктринальное определение «юридическая ответственность» традиционно упоминается как обязанность некоторого лица (субъекта) принимать на себя определенные соответствующими нормами права последствия в виде мер государственного принуждения, основанных на осуждении поведения правонарушителя. Обязательство из правонарушений исторически предполагает следующие основные цели и функции: возмещение вреда – восстановительная функция, и наказания – карательная функция. И.А. Покровский замечал, что «историческая эволюция этих обязательств привела к разделению этих функций: карательная функция перешла в сферу уголовного права, а для гражданского права осталась только функция восстановительная, нацеленная на организацию возмещения причиненного вреда» [2]. С.С. Алексеев указывал, что «историческое понятие «юридическая ответственность» сложилось в связи с необходимостью отразить применение таких юридических санкций, которые выражают общественное осуждение поведения правонарушителя и преследуют цель глубокого воздействия на него, на его волю и сознание, на ценностные ориентиры его поведения, нравственно-психические мотивы поступков» [3]. Мильков А.В. трактует юридическую ответственность как «последствие совершенного правонарушения и характеризует признаками, в соответствии с которыми юридическая ответственность означает осуждение лица, совершившего правонарушение, сопровождается применением к правонарушителю негативных мер принудительного характера, применяется государством и от имени государства» [4].

Ответственность за нарушения в сфере государственного оборонного заказа, как административная, так и уголовная, являясь мерой государственного принуждения, направлена, прежде всего, на защиту интересов государства вследствие нарушений исполнителем условий государственного контракта, уклонения от его заключения, а также на устранение возникающих неблагоприятных последствий. Среди массива административных норм, регулирующих ответственность исполнителя государственного оборонного заказа, можно выделить статьи: 7.29.1, 7.29.2, 14.55, 14.55.1, 14.55.2, 15.14, 15.37, 19.4.2, 19.5, 19.72 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Указанные статьи охватывают практически все нормы и правила, предусмотренные Законом о государственном оборонном заказе в отношении военного представительства государственного заказчика, головного исполнителя и исполнителя ГОЗ, исходя из правоотношений, складывающихся как в плоскости гражданско-правовой, так и административной или уголовной ответственности.

Уголовный кодекс Российской Федерации еще в 2017 году был значительно обновлен и при этом впервые обращаясь к сфере государственного оборонного заказа, дополнен новыми составами преступлений: статьей 201.1 и статьей 285.4.

По нашему мнению, введение в УК РФ указанных составов еще не является так называемой криминализацией, так как деяния, ответственность за которые предусмотрена поименованными выше нормами, еще до редактирования указанного нормативного акта подлежали квалификации по статьям 201 и 285 УК РФ. Эту точку зрения также поддерживают некоторые правоведы, отмечая, что «законодатель дифференцировал уголовную ответственность за должностные преступления и против интересов службы в коммерческих и иных организациях в зависимости от сферы деятельности, выделив в качестве объекта уголовно-правовой охраны правовые отношения, складывающиеся в сфере выполнения государственного оборонного заказа» [5].

Федеральным законом от 24 сентября 2022 №364-ФЗ были откорректированы пределы ответственности (административной) за нарушение условий контрактов и договоров в сфере государственного оборонного заказа. Положения об ответственности «за грубое нарушение» условий государственного контракта по ГОЗ, напротив – исключены. Отказ от нормы, содержащей понятие «грубое нарушение», фактически подменил административный инструмент воздействия на правонарушителя уголовным, придав ему форму соответствующей правовой нормы и изложив ее в новой редакции УК РФ (статьи 201.2, 201.3, 285.5, 285.6). УК РФ дополнился составами, содержащими обязательный признак для привлечения к уголовной ответственности – административную преюдицию в виде наказания за деяния, предусмотренные статьями 7.29.2 (см. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.02.2024 № Ф05-34230/2023 по делу № А40-89936/2023), 14.55 (см. Постановление Верховного Суда РФ от 04.09.2023 №45-АД23-6-К7) КоАП. Указанные нормы, призванные усилить ответственность исполнителей ГОЗ всех уровней, неизбежно привели к проявлению некоторых проблемных моментов в уголовном судопроизводстве. Так Конституционный суд РФ определил, что «лицо привлекается к уголовной ответственности за первое деяние по правилам не уголовного судопроизводства, а по нормам КоАП РФ» (см. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П). По мнению Д.С. Чикина [6] нормы с так называемой «административной преюдицией» подразумевают повторную оценку обстоятельств и фактически возведенную в двойную степень ответственность: правонарушение – это административное наказание, но и то же правонарушение – это уголовное наказание. Если в 2019 году ряд ученых [7] высказывал опасения, что система административной ответственности за совершенные правонарушения не справляется с задачами обеспечения основных принципов законодательства (защита охраняемых законом ценностей, общая превенция), но и негативно влияет на субъектов ГОЗ, которые предпринимают попытки отказа от дальнейшего в нем участия, то оценить влияние эффекта от фактической трансформации статей 7.29.2., 14.55 КоАП в Уголовный кодекс (201.2, 201.3, 285.5, 285.6) представляется крайне сложным с учетом тех целей и задач, которые стоят перед участниками государственного оборонного заказа в настоящее время. Как представляется, введение указанных составов преступлений потребует еще на стадии административного разбира-

тельства более подробного установления самого события административного правонарушения. Авторы поддерживают точку зрения, что «уголовная ответственность является самой суровой мерой государственного принуждения» [8]. В сравнении с уголовной, административная ответственность, в своей правовой природе, налагается за совершенные правонарушения в более «мягкой» форме, предусматривая вариативность применяемых к правонарушителю санкций. Между тем, нельзя не отметить, что для отношений в сфере государственного оборонного заказа уголовно-правовые нормы имеют двойное предупредительное значение, так как введены не только для предупреждения преступлений, но и административных правонарушений.

Полагаем, что юридическая ответственность отдельных субъектов ГОЗ, представляющаяся нам логической нормативной конструкцией, достаточно полно характеризует приемы реализации правовой ответственности за совершение правонарушений в области государственного оборонного заказа, а правовая природа такой ответственности представляется нам самостоятельным механизмом защиты, выстроенным с помощью уголовных и административных санкций и мер государственного принуждения по фактам нарушения субъектами законодательства в сфере государственного оборонного заказа. При этом, принимая во внимание вышеизложенное, мы придерживаемся точки зрения, что новации в уголовном и административном законодательстве РФ необходимо считать тенденцией к трансформации ответственности субъектов ГОЗ из административной в уголовную, что не сможет в дальнейшем не отразиться на самых разных областях их деятельности.

Библиографический список

1. Беляева О.А. Административная ответственность за нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу. / О.А. Беляева // Про госзаказ РФ. – 2022. – № 6. – С. 38–46.
2. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – М.: Статут, 1998. – С. 276.
3. Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. Т.1. / С.С. Алексеев. – М.: Юридическая литература, 1981. – С. 267.
4. Мильков А.В. Очерки теории гражданско-правовой ответственности: учебное пособие. / А.В. Мильков. – М.: Проспект, 2021. – С. 26–27.
5. Ермолович Я.Н. Уголовная ответственность за ненадлежащее исполнение государственного оборонного заказа и нарушение порядка осуществления государственных закупок / Я.Н. Ермолович // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. – 2019. – № 1. – С. 15–26.
6. Чикин Д.С. Преступление с административной преюдицией как вид сложного единичного преступления / Д.С. Чикин // Российский следователь. – 2012. – № 23. – С. 17–21.
7. Беляева О.А. Правовое регулирование государственного оборонного заказа: цивилистический и административно-правовой аспекты / О.А. Беляева, П.П. Кабытов, В.И. Кузнецов // Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 60–72.

8. Ожегова Г.А. К вопросу о юридической ответственности как мере государственного принуждения / Г.А. Ожегова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 11. – С. 40–43.

УДК 346.9

*А.Л. Белоусов, к.э.н., доцент, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Россия*

Вопросы защиты прав предпринимателей на современном этапе

В статье внимание автора уделено вопросам защиты прав предпринимателей в аспекте поиска путей повышения качества инвестиционного климата в стране. Акцент при этом сделан на проводимой реформе контрольно-надзорной деятельности и необходимости дальнейшего развития правового поля в данной сфере.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционный климат, защита прав, бизнес, предпринимательская деятельность.

Развитие экономики в условиях рыночных отношений невозможно без нормального функционирования предпринимательских отношений. Более того, для обеспечения устойчивости как экономической системы, так и выстраивания гармоничных социальных отношений в государстве, представители малого и среднего бизнеса должны выступать в роли ключевых акторов общественных отношений. В частности, по мнению автора в рамках сбалансированно выстроенной экономики именно предприниматели, а не бюрократия, должны составлять основу среднего класса государства. Помимо этого, малый и средний бизнес развиваясь, реализует свой продукт в виде товара, работы или услуги, и тем самым создает новые рабочие места, формирует соответствующую налоговую базу для наполнения бюджетов всех уровней.

В этой связи, задачей как законодателя, так и правоприменителей является формирование таких институциональных условий внешней среды, которые позволят предпринимателям развиваться. Здесь стоит отметить, что с момента ухода от плановых основ управления экономикой и начала рыночных преобразований, в Российской Федерации было сформировано обширное правовое поле в области защиты прав предпринимателей и отлажены инструменты поддержки представителей бизнеса. Кроме того, за последние три десятилетия также были разработаны и получили воплощение на практике достаточно действенные механизмы стимулирования инвестиционной активности.

Вместе с тем, в настоящее время в условиях усиления санкционного давления и наличия ряда объективных проблем в российской экономике особую актуальность приобретают вопросы реформирования регуляторных механизмов в части поддержки представителей малого и среднего бизнеса и усиления защиты их прав и интересов как во взаимоотношениях с иностранными контрагентами, так и с государством. Это обусловлено тем, что на сегодняшний день при значительном снижении на фоне санкций притока капитала из-за рубежа, важно поддержать инвестиционную активность внутри страны. Поэтому именно россий-

ский бизнес должен иметь желание вкладывать средства в российскую юрисдикцию. При этом рост инвестиционной активности возможен только при наличии благоприятного инвестиционного климата внутри государства. А он, являясь категорией многоаспектной, включает в себя целый спектр важнейших составных элементов [1, с. 22]. В частности, стоит назвать такие ключевые параметры положительного инвестиционного климата как:

- 1) стабильность и полнота законодательного регулирования;
- 2) возможность реальной защиты бизнесом своих прав и интересов;
- 3) поддержка субъектов предпринимательства со стороны государства;
- 4) свобода движения капитала;
- 5) низкий уровень административного давления на представителей бизнеса.

Каждый из названных параметров является по-своему важным и вместе с тем взаимосвязанным с другими элементами инвестиционного климата, и требует отдельного анализа. Поэтому в рамках данного исследования остановимся на такой составной части инвестиционного климата как защита прав предпринимателей в отношениях с государством.

Говоря о взаимоотношениях государства и бизнеса, стоит отметить, что в настоящее время, к сожалению, их нельзя рассматривать как равнозначных партнеров. Выстраиваемые между ними отношения в большинстве случаев носят вертикальный характер, где государство играет роль властного субъекта по отношению к предпринимателю.

С одной стороны, это вполне объяснимо: власть формулирует правила игры исходя из общественных интересов, а бизнес в свою очередь встраивается в заданные рамки. Однако при подобном выстраивании отношений очень важным становится не забывать про принцип свободы предпринимательской деятельности и исключить, либо по крайней мере минимизировать ограничительный характер мер там, где нет прямой угрозы публичным интересам. В противном случае происходит дестимулирование предпринимательской инициативы, сокращение инвестиционной активности и заметное падение качества конкурентных отношений.

Поэтому важен поиск баланса интересов между государством и предпринимателем. Публичный интерес безусловно должен быть соблюден, но без зримого ущерба для развития бизнеса [2, с. 85]. Еще в 2008 году действующий в то время Президент Российской Федерации Д. А. Медведев сказал знаменитую фразу: «Замучили проверки и всякого рода наезды по коммерческим наводкам. Надо, чтобы органы власти, правоохранительные органы перестали кошмарить бизнес»¹. В том же году была проведена знаковая реформа контрольно-надзорной деятельности, итогом которой стал Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Данный нормативный акт в значительной степени снизил административное бремя для предпринимателей при осуществлении в их отношении контрольно-надзорных мероприятий.

¹ <https://ria.ru/20080731/115363138.html>

Однако, спустя время назрела очередная реформа контрольно-надзорной деятельности. Так, в конце 2016 года президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам прошла утверждение Программа «Реформа контрольной и надзорной деятельности». В результате в 2020 году увидела свет связка двух нормативных актов:

Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»;

Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

Ключевыми задачами новых нормативных актов стали смещение акцентов с проверок со стороны государства на профилактику и предупреждение правонарушений, а также усиление гарантий для предпринимателей в рамках данных отношений. Помимо этого, заслуживает внимания и реализация программы регуляторной гильотины, также направленной на исключение излишней зарегулированности предпринимательской деятельности. Стоит отметить, что на сегодняшний день прошло еще не так много времени, чтобы оценить все результаты проведенной реформы. Однако, есть надежда, что новые подходы к регулированию в данной сфере дадут положительные результаты, и административная нагрузка на бизнес будет постепенно снижаться.

Библиографический список

1. Белоусов А.Л. Повышение качества инвестиционного климата в аспекте обеспечения развития российской экономики / А.Л. Белоусов // Управление, экономика и общество: проблемы и пути развития: сборник статей участников III Международной научно-практической конференции, Челябинск, 06 апреля 2023 года / под общей редакцией Е.П. Велихова, отв. за выпуск Е.А. Колесник. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2023. – С. 21–23.

2. Белоусов А.Л. Регулирование территориального развития через совершенствование преференциальных режимов осуществления предпринимательской деятельности / А.Л. Белоусов // Экономика. Налоги. Право. – 2021. – Т. 14, № 6. – С. 83–91.

УДК 346.2

*В.А. Болдырев, д.ю.н, профессор РГУП
г. Санкт-Петербург, Россия*

Гендерная политика и правовое регулирование предпринимательской деятельности

Обращаясь к проблеме реализации гендерной политики средствами позитивного права, автор приходит к выводу, что комплексное изучение системы методов стимулирования женщин-предпринимателей к деторождению и установление эффективности для этих целей нормативного правового инструментария станут приоритетными направлениями исследований в области предпринимательского права.

Ключевые слова: предпринимательское право, семейное право, демографическая политика, женское предпринимательство, семейное предпринимательство

Законодательство является одним из наиболее эффективных инструментов проведения в жизнь основных положений гендерной политики государства. Правотворческая деятельность, результатом которой являются нормы, согласующиеся либо входящие в противоречие с иными официально-концептуальными документами, в разной степени способствуют реализации положений разработанной доктрины. Идеалы патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру – названы в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹. Разработка правовых норм, призванных способствовать сохранению и укреплению названных идеалов – задача непростая, поскольку элементы, входящие в представленную систему ценностей, нередко находятся в состоянии противоречия.

Идеалы многодетности и созидательного труда в экономических укладах индустриального и постиндустриального общества находятся в условиях острого конфликта. У женщины, на плечи которой ложится бремя соответствия этим идеалам, нередко возникает когнитивный диссонанс от официальной позиции, содержащей названные установки, особенно когда они предстают перед ней в виде, искаженном средствами массовой информации. Выработка взвешенного подхода к решению задачи согласования имеющихся официально-концептуальных установок возможна в рамках предпринимательского права. Соответствующая работа должна учитывать ценность ролевого поведения в обществе, важность соответствия человека ролевым ожиданиям окружающих, а также возможность смены ролей по мере выполнения человеком функций и программ, заложенных природой и востребованных социумом.

И.В. Ершова отмечает: «Очевидно, что продуктивность предпринимательской деятельности женщин во многом обусловлена отношением к ее бизнесу членов семьи. И здесь особо значимо достижение баланса ролей: матери и хозяйки, с одной стороны, и предпринимателя, руководителя – с другой» [2, с. 14].

Ю.С. Мурзина и И.А. Русяев рассматривающие проблематику семейного бизнеса, пишут: «Увлекательным для супругов становится сам процесс ведения совместного бизнеса, который становится средой для саморазвития и самореализации» [4, с. 114]. Они же указывают, что «чем больше детей в бизнес-семье, тем выше реальная сплоченность семьи» [5, с. 39], полагая данное наблюдение ценным для выбора мер государственной поддержки бизнес-семей.

В.В. Кванина, Е.А. Громова и А.В. Спиридонова отмечают: «На наш взгляд, наличие детей у женщины-руководительницы как один из критериев отнесения деятельности, возглавляемой ею организации к женскому предпринимательству, представляется необъективным в силу того, что преференции будут предоставляться организации в целом, а не женщине-матери. Если же речь идет об индивидуальной предпринимательнице, то наличие детей может служить дополнительным фактором для государственной поддержки таких субъектов» [3, с. 60].

¹ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание Законодательства РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

Дифференцированный подход к различным субъектам предпринимательской деятельности можно принять за основу при определении мер, направленных на активизацию участия женщин в экономических процессах.

Выбор мер стимулирования женского предпринимательства должен быть крайне осторожным, поскольку любая дифференциация правового регулирования имеет тенденцию на дистанции времени приводить к фактической дискриминации либо тех, для кого устанавливался льготный режим, либо тех, кто был оставлен под действием общих норм. На наш взгляд, стимулирование женского предпринимательства должно осуществляться без установления дихотомического деления предпринимательства – женское/мужское – в федеральных законах. В то же время упоминание в законодательстве семейного бизнеса может стать важным шагом на пути государственной поддержки семьи и представляется правильным.

Разумным шагом могла бы стать грантовая поддержка женщин-предпринимателей или женщин, выполняющих функции единоличного исполнительного органа юридического лица, когда они имеют трех и более детей. Современные знания, накопленные естественными и социальными науками о стремлении человека к воспроизводству моделей поведения тех членов общества, которые считаются успешными, требует кардинального переосмысления роли социальной рекламы. Выделение проблематике женского бизнеса отдельного внимания в рамках научно-популярных и других социально значимых проектов, освещаемых публично, должно стать одним из основных направлений регулирования поведения человека без создания строгих социальных норм. Недооценка роли личного примера женщин, имеющих высокий статус в предпринимательском сообществе или системе органов власти, родивших несколько детей, пока остается частью медийной реальности.

Чрезвычайно высокий динамизм российского законодательства [1, с. 20] позволяет считать, что важнейшей задачей современной правовой науки является не стимулирование законотворческой деятельности в нужном направлении, а определение групп отношений, регулирование которых не требуется или несет за собой высокие риски для социума. Комплексное изучение системы методов стимулирования предприимчивого человека к деторождению, установление эффективности для этих целей нормативного правового регулирования могут стать приоритетными направлениями юридических исследований. Решение соответствующих задач потребует междисциплинарного сотрудничества правоведов со специалистами в иных областях социально-гуманитарного знания, а также учета накопленных данных в естественных, технических и медицинских науках.

Библиографический список

1. Болдырев В.А. Динамизм законодательства, регулирующего отношения в сфере экономики: отраслевые и междисциплинарные исследования / В.А. Болдырев // Университетские правовые диалоги: материалы Международной научно-практической конференции, 30–31 марта 2023 г. / под ред. Е.В. Титовой. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2023. – Ч. II. – С. 19–24.
2. Ершова И.В. Женское предпринимательство: от эмпирики и доктрины к правовому регулированию / И.В. Ершова // Lex russica. – 2022. – Т. 75. – № 8. – С. 9–22.

3. Кванина В.В. Государственная поддержка женского предпринимательства / В.В. Кванина, Е.А. Громова, А.В. Спиридонова // Женщина в российском обществе. – 2020. – № 4. – С. 52–65.

4. Мурзина Ю.С. Какие отношения в семейном бизнесе способствуют прибыльности предприятия? / Ю.С. Мурзина, И.А. Русяева // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2021. – Т. 6. – № 4(24). – С. 95–122.

5. Мурзина Ю.С. Тип семейных отношений у предпринимателей сферы малого семейного бизнеса / Ю.С. Мурзина, И.А. Русяева // Национальный психологический журнал. – 2022. – № 1(45). – С. 30–42.

УДК 346.26

*Н.Л. Бондаренко, д.ю.н., заведующий кафедрой
хозяйственного права БГУ,
Ю.Г. Конаневич, старший преподаватель БГУ,
М.С. Бондаренко, аспирант БГУ
г. Минск, Республика Беларусь*

Социальное предпринимательство, его цели и результат

Социальное предпринимательство является уникальным правовым и экономическим институтом. В статье проанализированы цели (социальный и экономический эффект) и результат социального предпринимательства.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социальный эффект, экономический эффект, социальная сфера, человеческий капитал

Социальное предпринимательство является уникальным правовым и экономическим институтом, в основу которого положена идея и методология партнерских отношений между государством с одной стороны и субъектами частного интереса – с другой стороны. Социальное предпринимательство – это фактическое объединение ресурсов государства и субъекта социального предпринимательства с целью достижения социального эффекта, обеспечивающего функционирование, развитие и расширение социальной сферы для непрерывного и эффективного производства человеческого капитала и охраны окружающей среды.

Социальное предпринимательство характеризует признак, не свойственный более ни одному правовому режиму предпринимательства, – безусловная привязка к организационной конструкции социальной сферы и правовой конструкции складывающихся в социальной сфере общественных отношений [2, с. 178]. Спецификой результата социального предпринимательства является его социальная и социально-политическая направленность. В основе целеполагания в социальном предпринимательстве находится социальный эффект как первичная цель и экономический эффект как факультативная (вторичная) цель, достижение которой позволяет формировать материальную основу для производства социальным предпринимателем материальных и нематериальных благ для развития социальной сферы [3, с. 60].

Социальный эффект от социального предпринимательства характеризуется тем, что:

1. Основным элементом правовой конструкции социального эффекта является не объем и качество произведенного субъектами социального предпринимательства человеческого капитала, необходимого государству и обществу для обеспечения непрерывного и эффективного функционирования, а произведенное социальное благо в виде решенной острой социальной проблемы, факультативным по отношению к которому является совокупность материальных и нематериальных благ экономического или социального характера, имеющих иную природу, нежели решенная острая социальная проблема.

При этом решенная острая социальная проблема (как основное произведенное благо) содержит в себе два элемента, имеющих одновременно социально-экономическое и социально-политическое значение: 1) ментальное здоровье общества, выражающееся прежде всего в уверенности общества в эффективности функционирования государства и 2) социально-политическая стабильность в обществе, обусловленная фактором состояния ментального здоровья общества.

2. Факультативным элементом социального эффекта от социального предпринимательства является: 1) кумулятивный эффект от благ, полученными индивидами и обществом от объема и качества произведенных социальных услуг и реализованных социальных проектов (например, количество реабилитированных и возвращенных к выполнению полноценной трудовой функции инвалидов; созданных специализированных рабочих мест для инвалидов и т.д.), от благ, созданных для целей охраны окружающей среды, животного и растительного мира (например, от создания приюта для бездомных животных); 2) количество рабочих мест, созданных при осуществлении функции социального предпринимательства.

3. Правовая и организационная конструкция социального эффекта от социального предпринимательства имеет четырехступенчатый характер:

– на первой ступени предполагается получение социального эффекта, обусловленного самим фактом решения острой социальной проблемы, позволяющей обеспечить ментальное здоровье общества;

– на второй ступени формируется обусловленная состоянием ментального здоровья общества социально-политическая стабильность;

– на третьей ступени социального эффекта находится фактически состоявшееся улучшение качественных и количественных характеристик социальной сферы, обуславливающее повышение уровня социального благополучия;

– на четвертой ступени происходит формирование социально-политической составляющей социального эффекта от повышения уровня социального благополучия и формирования психологической уверенности в эффективности партнерских отношений между государством, обществом и индивидами его составляющими общество; такая составляющая социального эффекта позволяет государству формировать стратегию долгосрочной социально-политической стабильности; именно данный элемент правовой и социальной конструкции социального эффекта позволяет определить природу деятельности, осуществляемой субъектами социального предпринимательства в качестве публичной хозяйственной деятельности [1, с. 82].

Таким образом, правовая и организационная конструкция социального эффекта от осуществления социального предпринимательства имеет нестандартную

природу, поскольку состояние партнерских отношений между субъектами публичного и частного интереса формирует у общества уверенность в том, что любые социальные проблемы могут быть решены, а также представление о соотношении взаимных обязательств государства и личности. Как следствие, социальная и правовая конструкция социального и политического эффекта от осуществления социального предпринимательства фактически совпадают в полном объеме.

Факультативной целью социального предпринимательства является экономический эффект, который не обязательно должен получить внешнюю форму дохода социального предпринимателя от совершенной им совокупности юридически значимых и фактических действий, составляющих правовую конструкцию социального предпринимательства, или расширение доли на товарном рынке.

Основной формой внешнего воплощения экономического эффекта от социального предпринимательства является способность произведенных социальным предпринимателем материальных и нематериальных благ породить в будущем добавленную стоимость в экономике. При этом в части компенсации затрат, понесенных социальным предпринимателем, последний может оказаться «в убытке» в текущий момент, однако может получить кумулятивный эффект в будущем.

Например, разработанная технология реабилитации инвалидов в совокупности с созданными для них рабочими местами и последующим делегированием исключительных прав на использование такой технологии другим заинтересованным субъектам, способно не только компенсировать затраты социального предпринимателя, но и создать целую отрасль национальной экономики; создание приюта для бездомных домашних животных способно существенно уменьшить в будущем расходы организаций системы жилищно-коммунального хозяйства на отлов и содержание таких бездомных животных и т.д.).

Экономический эффект от социального предпринимательства формируется и на макроэкономическом уровне: в конструкции ВВП присутствуют экономические показатели, сформированные по итогам функционирования его субъектов. Они отражаются в государственной статистике и составляют общий массив экономических результатов от функционирования национальной экономики.

В настоящее время в законодательстве Республики Беларусь отсутствует дефиниция социального предпринимательства и не определена его правовая и организационная конструкция. Однако фактически в стране имеется значительный массив общественных отношений, которые можно охарактеризовать как социальное предпринимательство или правоотношения с элементом социального предпринимательства.

Библиографический список

1. Конаневич Ю.Г. Публичная хозяйственная деятельность как вид хозяйственной деятельности / Ю.Г. Конаневич // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2023. – № 2 (72) – С. 75–83.

2. Бондаренко М.С. Социальная сфера как институциональная среда производства человеческого капитала, и сфера осуществления инвестиций в человеческий капитал / М.С. Бондаренко // Актуальные проблемы гражданского права. – 2022. – № 1 (19). – С. 165–179.

3. Бондаренко Н.Л. Социальное предпринимательство: проблемы идентификации и институционализации / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, М.С. Бондаренко // Юстиция Беларуси. – 2022. – № 6. – С. 54–62.

УДК 346.1

*М.С. Бондаренко, аспирант кафедры хозяйственного права БГУ
Н.А. Мешкова, аспирант кафедры хозяйственного права БГУ
г. Минск, Беларусь*

К вопросу о природе вторичного предпринимательства

В статье рассматривается природа вторичного предпринимательства сквозь призму субъектов, его осуществляющих. Внимание уделяется некоммерческим организациям, самозанятым лицам, а также некоммерческим микрофинансовым организациям, специфика деятельности которых позволяет выявить правовую природу вторичного предпринимательства.

Ключевые слова: вторичное предпринимательство, некоммерческие организации, самозанятые лица, некоммерческие микрофинансовые организации, вторичная предпринимательская деятельность.

Представители научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета рассматривают предпринимательство как любое волевое, инициативное и социально значимое поведение, предполагающее решение на систематической основе социально и экономически значимых проблем с целью получения экономического, социального, а иногда даже политического эффекта (например, при осуществлении политико-коммуникативной деятельности, а также в рамках института легальной экономической лоббистики) [1; 2; 3; 4].

Предпринимательство можно классифицировать по различным основаниям, и в частности, по критерию мотивации при реализации предпринимательской инициативы на: первичное предпринимательство (внешней формой выражения которого является предпринимательская деятельность) и вторичное предпринимательство – волевое, инициативное, социально-значимое поведение физических лиц и некоммерческих организаций, основной целью которого является получение социального эффекта, при этом предполагающее факультативное получение дополнительного дохода от осуществляемых видов деятельности (хозяйственной, хозяйственно-трудовой или творческой).

Любой, кто понимает разницу между коммерческой и некоммерческой организацией, столкнувшись с платными образовательными услугами в учреждении образования, задавался вопросом: как же такое возможно, ведь учреждение – это некоммерческая организация, фактически осуществляющая хозяйственную деятельность, являющуюся источником дохода. Удивление вызывает и понимание того, что лицо, оказывающее на возмездной основе услуги тамады на свадьбе, – это также субъект, получающий доход, однако не признаваемый в соответствии со ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь субъектом предпринимательской деятельности, хотя его деятельность облагается налогом. Приведем еще один пример. Так, в соответствии с подпунктом 2.2 п. 2 Указа Президента Республики Беларусь от 23 октября 2019 г. № 394 «О предоставлении и привле-

чении займов» закреплено право некоммерческой микрофинансовой организации предоставлять микрозаймы своим членам. Однако если детально проанализировать смысл, характер и содержание описанных выше проявлений деятельности, то можно выявить ряд закономерностей, позволяющих провести четкую грань между волевым инициативным поведением перечисленных субъектов.

Во-первых, каждый из них проявляет предпринимательскую инициативу, конструкция которой имеет отличительные особенности. Так, субъекты вторичного предпринимательства производят материальные и нематериальные блага не с целью получения прибыли, а с целью достижения социального эффекта и опосредованного им экономического эффекта. Например, учреждение образования осуществляет производство товара в виде образовательных услуг, обеспечивающих производство ментального и физического здоровья общества, компенсируя частично или полностью за счет платных услуг свои издержки и, возможно, получая дополнительный доход от таких услуг. Но хозяйственная деятельность учреждения образования организована на основе методологии расширенного (товарного) производства (что, с одной стороны, превращает его в хозяйствующего субъекта), но при этом такое расширенное (товарное) производство не позволяет обеспечивать систематическое получение прибыли, поскольку экономические издержки учреждения образования на выполнение свойственной ему социальной функции могут в непрогнозируемом режиме значительно превышать получаемый доход от платных услуг.

Тамада является занятым в экономике лицом по собственной инициативе, которое несет при этом издержки по обеспечению занятости самостоятельно. При этом оказываемые тамадой платные услуги позволяют компенсировать понесенные им издержки и обеспечить доход, необходимый для жизнеобеспечения, но не позволяющий ему перейти от методологии натурального хозяйства к методологии расширенного (товарного) производства.

Некоммерческие микрофинансовые организации предоставляют микрозаймы своим членам, в первую очередь, для получения социального эффекта, суть которого состоит в реализации идеи взаимной поддержки членов такой некоммерческой микрофинансовой организации. К тому же систематическое получение прибыли от осуществления такой деятельности невозможно, ибо доходы, полученные от осуществления такой деятельности, используются для обеспечения функционирования самой некоммерческой микрофинансовой организации.

Приведенные примеры свидетельствуют о неоднородности природы предпринимательской инициативы и предпринимательского поведения и позволяют констатировать, что вторичное предпринимательство – это, в первую очередь, социально значимое предпринимательство, осуществление которого возможно при наличии совокупности материальных и нематериальных благ, позволяющих перейти к их использованию не только в «экономическом режиме», но и в «социальном режиме».

Соответственно, вторичное предпринимательство – это институциональное явление и методология инициирования и реализации предпринимательской инициативы, а не вторичная предпринимательская деятельность, которая осуществляется путем совершения юридически значимых действий, направленных на со-

здание некоммерческой организации и осуществляемых на всех последующих за созданием этапах жизненного цикла некоммерческой организации.

Соответственно, вторичное предпринимательство представляет собою тип предпринимательства, формирующий правовой режим инициирования и реализации предпринимательской инициативы. При этом материальные и нематериальные блага производятся в данном случае с целью получения социального и опосредованного им политического эффекта, методология которого (производства) допускает возможность получения экономического эффекта в виде дохода, в том числе посредством участия в предпринимательской деятельности (то есть осуществления вторичной предпринимательской деятельности).

Следует отметить, что вторичное предпринимательство может являться и свойством государства при осуществлении последним государственного предпринимательства (фискальной хозяйственной деятельности). Так, создание государством некоммерческой организации и участие государства в таких организациях также образует признаки вторичного предпринимательства.

Таким образом, формами вторичного предпринимательства являются:

- 1) непредпринимательская хозяйственная деятельность некоммерческих организаций;
- 2) самозанятость физических лиц, содержащая элемент предпринимательской инициативы (самозанятость с элементом предпринимательской инициативы);
- 3) осуществление физическим лицом инвестиций, не образующее состава предпринимательской деятельности (индивидуальный инвестиционный процесс физического лица).
- 4) вторичная предпринимательская деятельность некоммерческих организаций;
- 5) осуществление государством и его административно-территориальными единицами государственного предпринимательства (фискальной хозяйственной деятельности) в форме участия в некоммерческих организациях, осуществляющих непредпринимательскую хозяйственную деятельность, приносящую доход.

Охарактеризовать же вторичное предпринимательство можно как:

- 1) волевое, инициативное поведение субъекта;
- 2) социально значимое и социально-ориентированное поведение субъекта;
- 3) правомерное поведение, имеющее две цели: основную цель – получение социального эффекта в любых формах его проявления и дополнительную (факкультативную) цель – получение экономического эффекта в виде дохода непредпринимательского характера, получаемого субъектами вторичного предпринимательства.

Библиографический список

1. Бондаренко Н.Л. Методологический подход к пониманию предпринимательства и предпринимательской деятельности, и определению методики преподавания учебных дисциплин, формирующих знания о них / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Актуальные проблемы гражданского права. – 2022. – № 1. – С. 9–24.
2. Конаневич Ю.Г. Политико-коммуникативная деятельность как как вид публичной хозяйственной деятельности, обеспечивающий реализацию внутренней и внешней политики государства и защиту национальных интересов / Ю.Г. Кона-

невич // Актуальные проблемы гражданского права. – 2020. – № 1 (15). – С. 62–77.

3. Основы предпринимательской деятельности: электронный учебно-методический комплекс для специальностей: 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право», 1-23 01 06-01 «Политология (политико-юридическая деятельность)» / Н.Л. Бондаренко [и др.]; БГУ, Юридический фак., Каф. хозяйственного права. – Минск: БГУ, 2022. – 84 с.

4. Страновой маркетинг: монография / Н.Л. Бондаренко [и др.]; под ред. Н.Л. Бондаренко. – Минск: Ковчег, 2022. – 652 с.

УДК 346

Е.А. Громова, к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права Юридического института ЮУрГУ г. Челябинск, Россия

Поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства в сфере цифровых инноваций и технологий

В статье рассматриваются проблемы в сфере государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в сфере цифровых инноваций и технологий. Делается вывод о необходимости совершенствования мер поддержки данных субъектов.

Ключевые слова: государственная поддержка, субъекты малого и среднего предпринимательства, цифровые инновации, цифровые технологии.

Создание благоприятных условий для развития цифровых инноваций и технологий является на сегодняшний день одной из детерминант дальнейшего прогрессивного развития Российской Федерации. Более того, современные геополитические условия таковы, что от достижения поставленной цели будет существенно зависеть способность обеспечения национальной безопасности страны, равно как и ее лидерства на мировой политической арене [10, с. 17; 11, с. 62].

Особое значение на современном этапе развития имеют субъекты малого и среднего предпринимательства в сфере цифровых инноваций и технологий (далее – СМСПЦиТ). Опыт таких развитых стран, как Китайская Народная Республика, Государство Япония и Соединенные Штаты Америки показывает, что стимулирование развития СМСПЦиТ, как наиболее эффективный способ разработки и внедрения технологий и инноваций, способно вывести страну в мировые лидеры [3, с. 30].

К сожалению, в нашей стране данный вид предпринимательства развит не так сильно. Эксперты связывают это с целым рядом экономических, правовых и иных факторов, среди которых: высокорисковый характер и значительная стоимость инновационных проектов, требующих привлечения дополнительных финансовых ресурсов [7, с. 592].

Стремясь изменить существующую ситуацию, государство активно применяет меры поддержки СМСПЦиТ. К сожалению, результаты исследований показывают, что существующих на сегодняшний день способов поддержки СМСПЦиТ явно недостаточно. Так, в результате проведенного социологического исследо-

вания выяснилось, что, отвечая на вопрос о том, эффективно ли на данный момент стимулируется предпринимательская деятельность СМСПЦиТ, превалирующее большинство респондентов (93,5%) оценили его весьма низко, что подтверждает результаты ряда ранее проведенных опросов и иных исследований в области развития и поддержки СМСПЦиТ [2].

Указанное предопределило необходимость решения задачи по развитию государственной поддержки СМСП как на федеральном, так и на региональном уровне 5, с. 42; 9, с. 54]. Так, создана Федеральная корпорация МСП, а также иные деятельность которых направлена на поддержку МСП [7, с. 121].

Базовый акт, регулирующий отношения в сфере развития МСП, – Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.06.2007 г. № 209-ФЗ (далее – Закон о МСП) – содержит следующие меры государственной поддержки: финансовую, имущественную, информационную, консультационную (ст. 16). Перечисленные виды государственной поддержки носят универсальный характер и распространяются на все категории СМСП. Помимо указанных форм государственной поддержки СМСП, данный закон включает и специальные формы такой поддержки (ст. 22 Закона о МСП).

Заметим, что действующее законодательство в сфере поддержки СМСП практически не содержит специальных форм поддержки деятельности СМСПЦиТ в современных геополитических условиях.

А те немногочисленные специальные меры поддержки, которые были введены, порождают определенные вопросы. Так, например, отдельные нормативные правовые акты предусматривают предоставление субсидий в целях кредитования высокотехнологичных, инновационных СМСП.

При этом анализ данных актов позволяет заключить, что такие кредиты могут быть предоставлены только юридическим лицам, относящихся к СМСП (в том числе, технологическим компаниям и малым технологическим компаниям), что не является справедливым по отношению к индивидуальным предпринимателям. В целом можно наблюдать определённую асимметрию распределения мер поддержки СМСПЦиТ: юридическое лицо имеет больше возможностей стать получателем государственной поддержки, нежели индивидуальный предприниматель.

Вместе с тем, важная роль индивидуального предпринимательства как фактора нормального существования национальной экономики и одного из способов эффективного удовлетворения нужд общества, не раз подчеркивалась представителями науки, экономики и политики [8; 4, с. 91].

В этой связи в целях обеспечения интересов индивидуальных предпринимателей представляется необходимым создание равных условий доступа субъектов МСП в сфере цифровых инноваций и технологий к мерам государственной поддержки деятельности таких субъектов.

Таким образом, анализ положений законодательства о предоставлении государственной поддержки СМСПЦиТ позволил выявить ряд недостатков в области предоставлении государственной поддержки СМСПЦиТ, а также предложить способы устранения обнаруженных недостатков и проблем. В этой связи разработанный автором инициативный проект Федерального закона «О внесении из-

менений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1, с. 284], содержащий, в частности, ряд предложений по совершенствованию законодательства о развитии МСП, направлен, в том числе, на повышение эффективности предоставления государственной поддержки СМСПЦиТ.

Библиографический список

1. Громова Е.А. Инициативный проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» / Е.А. Громова // Социальное управление. – 2023. – Т. 5. – № 7. – С. 284–287.

2. Громова Е.А. Стимулирующие правовые режимы предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий: результаты социологического исследования / Е.А. Громова // Социальное управление. – 2023. – Т. 5. – № 9. – С. 444–452.

3. Давыдова Ю.Х., Давыдов Р.Х. Проблемы развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации / Ю.Х. Давыдова, Р.Х. Давыдов // Экономика. Право. Общество. – 2017. – № 1. – С. 30–35.

4. Дадаян А.С. Место и роль индивидуальных предпринимателей в функционировании финансово-экономической системы государства / А.С. Дадаян // Экономика и право. – 2016. – № 9 (6). – С. 91–93.

5. Кванина В.В. Особенности правового режима отдельных форм имущественной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства / В.В. Кванина // Предпринимательское и корпоративное право. – 2016. – № 2. – С. 42–49.

6. Миронова Д.Д. Анализ инновационной активности малого и среднего предпринимательства ростовской области / Д.Д. Миронова // Экономика и социум. – 2015. – № 2 (15). – С. 592–595.

7. Саакян А.П. Анализ трансформации государственной финансовой поддержки малого и среднего предпринимательства в условиях цифровизации // Инновации и инвестиции. – 2020. – № 1. – С. 118–121.

8. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М.: Эксмо, 2007. – С. 34–37.

9. Спиридонова А.В. Особенности участия субъектов малого и среднего предпринимательства в программе партнерства при осуществлении закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц / А.В. Спиридонова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2016. – Т. 16. – № 4. – С. 54–59.

10. Gromova E., Ferreira D.B. Tools to stimulate Blockchain: application of regulatory sandboxes, special economic zones, and public-private partnerships / E. Gromova, D.B. Ferreira // International Journal of Law in Changing World. – 2023. – Т. 2. – № 1. – P. 17–36.

11. Gromova E., Petrenko S. Quantum Law: The Beginning / E. Gromova, S. Petrenko // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – V. 1. – No. 1. – P. 62–88.

Налогово-правовые механизмы государственной поддержки и защиты субъектов предпринимательства

В статье рассматривается система налогово-правовых механизмов государственной поддержки и защиты субъектов предпринимательства в Российской Федерации. Проведенный в работе анализ показал разнообразие применяемых налогово-правовых механизмов, при отсутствии их сбалансированной системы, что в целом может привести к нивелированию ожидаемого положительного эффекта от их применения.

Ключевые слова: государственная поддержка, экономическая безопасность, налоговая политика, налогово-правовые механизмы, налоговые льготы.

Экономическая безопасность государства предполагает оценку текущего состояния экономики на предмет степени ее соответствия установленным государственной политикой критериям. Согласно пункту 7 Указа Президента РФ «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» от 13 мая 2017 г. № 208 «экономическая безопасность – состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации». Государственная политика в целях достижения экономической безопасности направлена на достижение устойчивого роста реального сектора экономики, при этом, очевидно, что в условиях существующих угроз и вызов для обеспечения экономической безопасности требуется государственная поддержка и защита субъектов предпринимательства, включающая совокупность правовых, организационных и финансовых механизмов, обеспечивающих развитие предпринимательства. Государственная поддержка и защита субъектов предпринимательства не имеет общего правового регулирования, что может объясняться как разнообразием сфер предпринимательской деятельности и субъектов предпринимательства, так и отсутствием сбалансированной системы мер государственной поддержки. Представляется, что все правовые механизмы должны образовывать инфраструктуру различных форм и мер государственной поддержки, в ином случае ожидаемый положительный эффект может быть не достигнут. На текущий момент, правовое регулирование осуществляется точечно, например, в статье 16 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 № 209-ФЗ включает в инфраструктуру государственной поддержки таких субъектов «финансовую, в том числе гарантийную, имущественную, информационную, консультационную поддержку таких субъектов и организаций, поддержку в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации их работников, поддержку в области инноваций и промышленного производства, ремесленничества, поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность, поддержку

субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих сельскохозяйственную деятельность, поддержку участников программ развития поставщиков (исполнителей, подрядчиков)».

Среди правовых механизмов обеспечивающих государственную поддержку субъектов предпринимательства значительную роль играют налогово-правовые механизмы. В юридической литературе отмечается важность формирования сбалансированной системы налоговых льгот и иных мер налогового стимулирования [1, с. 18–28; 2, с. 32–35]. О.Н. Головченко отмечает, «перед государством стоит задача построения целостного механизма налогового стимулирования, реализация которого будет направлена на развитие малого, среднего и крупного предпринимательства, инновационной деятельности, производства, в определенной сфере деятельности, с целью увеличения экономического потенциала страны» [3, с. 68–70].

Традиционно среди налогово-правовых механизмов выделяют правовые механизмы, направленные на создание благоприятных условий, выражающихся в снижении налоговой нагрузки для отдельных категорий субъектов, в том числе, налоговые льготы; ускоренная амортизация; расчет налоговой базы с учетом, понесенных предпринимателями при осуществлении предпринимательской деятельности затрат и убытков прошлых лет; упрощенная система налогообложения [4, с. 106–116; 3, с. 68–70].

Налоговая политика Российской Федерации в качестве одного из направлений развития также традиционно ставит задачу легализации субъектов и их активов, для чего в качестве налогово-правового механизма применяется налоговая амнистия. Так, в соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.12.2017 № 436-ФЗ прекращению путем списания подлежит налоговая задолженность, сформированная у отдельных категорий налогоплательщиков по состоянию до 2015 года.

Кроме того, в целях модернизации экономики используются налоговые освобождения, налоговые инвестиционные кредиты, применяемые для субъектов предпринимательской деятельности, осуществляющие определенные виды деятельности. К последней группе относятся отдельные специальные налоговые режимы, такие как патентная система налогообложения и единый сельскохозяйственный налог; а также налоговые каникулы, освобождения от уплаты налога общего и специального характера.

Так, освобождения от исполнения налоговой обязанности общего характера, например, предусмотрены ст. 145 Налогового Кодекса Российской Федерации, для всех субъектов, соответствующих условиям: включая применения специальной системы налогообложения. Освобождения от исполнения налоговой обязанности специального характера, закреплено в статье 145.1 Налогового Кодекса Российской Федерации и устанавливает порядок освобождения от обязанности по уплате НДС для «организаций, получивших статус участника проекта по осуществлению исследований, разработок и коммерциализации их результатов в соответствии с Федеральным законом «Об инновационном центре «Сколково» либо участника проекта в соответствии с Федеральным законом «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации» от 29 июля 2017 года № 216-ФЗ».

В современных условиях появились новые задачи, а, следовательно, и пути их решения. Изменения в экономике государства, спровоцированные изменениями, как внешнеполитических факторов, так и внутренних, повлекли возникновения новых налогово-правовых механизмов воздействия на правоотношения.

К таким «новым налогово-правовым механизмам» можно отнести следующие.

Налогово-правовые механизмы, направленные на создание временных условий компенсационного характера в части изменения сроков исполнения налоговых обязанностей (отсрочка срока исполнения налоговых обязательств), мораторий на проведение плановых контрольных (надзорных) мероприятий.

Налогово-правовые механизмы, направленные на создание бесконтактной среды взаимодействия налогоплательщиков и налоговых органов путем внедрения таких сервисов как «личный кабинет налогоплательщика», развития экосистемы сервиса «госуслуги», внедрение экспериментального налогового режима налог на профессиональный доход возможность удаленного осуществления регистрационных действий [5, с. 185–188; 6, с. 223–226; 7, с. 5–12].

Налогово-правовые механизмы, направленные на внедрение цифровых технологий в администрирование налогообложения. В данном случае речь идет как о ранее упомянутых новшествах в части взаимодействия между налогоплательщиками, так и, например, экспериментальном налоговом режиме – автоматическая упрощенная система налогообложения.

Налогово-правовые механизмы, направленные на упрощение процедур налогового администрирования путем введения единого налогового счета [8, с. 138–141; 9, с. 32–36].

Налогово-правовые механизмы, направленные на создание благоприятных условий для добровольной легализации предпринимательской деятельности. Такую цель ставит перед собой законодатель при проведении эксперимента по внедрению специального налогового режима налог на профессиональный доход [10, с. 107–112; 11, с. 131–140].

Налогово-правовые механизмы, направленные на поддержку отдельных видов деятельности. Например, речь идет о налоговом стимулировании развития IT-отрасли [12, с. 183–205; 13, с. 254–258].

Налогово-правовые механизмы являются существенным фактором развития отечественной экономики, проведенный анализ показал их широкое применение законодателем. Отдельными исследователями проводятся попытки анализа эффективности применения налогово-правовых механизмов. Кроме того, «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики» на текущий период содержит результаты осуществляемой работы «по систематизации и анализу предоставляемых налоговых льгот (налоговых расходов)». Одновременно, можно сделать вывод о том, что представленная в настоящей работе классификация показала использование налогово-правовых механизмов для решения лишь отдельных задач и как следствие отсутствие сбалансированной системы налогово-правовых механизмов государственной поддержки и защиты субъектов предпринимательства.

Библиографический список

1. Данданян Д.А. Налоговые льготы как форма государственной поддержки / Д.А. Данданян // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2014. – № 2. – С. 18–28.
2. Василенко Д.В. Механизм государственной поддержки субъектов предпринимательства в условиях ограниченного финансирования / Д.В. Василенко // XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития: материалы Международная научно-практическая конференция (Екатеринбург, 15–16 марта 2018 года). – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. – С. 32–35.
3. Головченко О.Н. К вопросу о налоговом стимулировании инвестиционной деятельности в новых экономических условиях / О.Н. Головченко // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 6. – С. 68–70.
4. Хамирзова С.К. Роль налогового стимулирования в системе мер государственной поддержки промышленных предприятий / С.К. Хамирзова, А.У. Ушхо // Новые технологии. – 2020. – № 2. – С. 106–116.
5. Орлова Е.Ю. Влияние современных электронных технологий на отношения налоговых органов и налогоплательщиков / Е.Ю. Орлова, П.В. Седаев, С.В. Устинкин // Власть. – 2022. – № 5. – С. 185–188.
6. Ильин А.Ю. Электронный документооборот и его влияние на эффективность контрольной работы налоговых органов / А.Ю. Ильин, О.Е. Царева // Образование и право. – 2022. – № 4. – С. 223–226.
7. Артемьева С.С. Совершенствование взаимодействия граждан с налоговыми органами / С.С. Артемьева // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2020. – № 2. – С. 5–12.
8. Орлова Н.Ю. Единый налоговый счет: преимущества и недостатки / Н.Ю. Орлова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2023. – № 7 (107). – С. 138–141.
9. Ильин А.Ю. Единый налоговый платеж как система налогового стимулирования предпринимательства / А.Ю. Ильин // Право и управление. – 2023. – № 1. – С. 32–36.
10. Абакарова Р.Ш. Особенности налогового режима «Налог на профессиональный доход» / Р.Ш. Абакарова // Вестник ГУУ. – 2020. – № 10. – С. 107–112.
11. Гончаренко Л.И. Налог на профессиональный доход: риски и потенциал / Л.И. Гончаренко, А.С. Адвокатова // Экономика. Налоги. Право. – 2020. – № 5. – С. 131–140.
12. Перепелица М.А. Особенности налогового регулирования IT-отрасли в России и государствах Евразийского Экономического Союза / М.А. Перепелица, В.В. Мирончуковская, Т.Н. Ёркина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – № 4 (Т 16). – С. 183–205.
13. Григоренко В.А. Механизмы поддержки отечественной отрасли цифровых услуг в период санкций / В.А. Григоренко, Э.В. Степанова // E-Scio. – 2022. – № 5 (68). – С. 254–258.

Списание неустойки по государственным (муниципальным) контрактам как антикризисная мера

В статье рассматриваются проблемы списания начисленных сумм неустоек (штрафов, пеней) поставщикам за неисполнение государственного (муниципального) контракта. Основания и условия списания неустоек по государственным контрактам предусматриваются на подзаконном уровне.

Ключевые слова: неустойка, освобождение от ответственности, государственный (муниципальный) контракт, антикризисные меры, баланс интересов.

В условиях рыночной экономики государство реагирует на экономические, политические и международные события с помощью различных мер, в том числе антикризисных, чтобы поддержать стабильность экономики и общества, а также адаптировать их к новым условиям.

Учитывая важную роль, которая отводится государственным (муниципальным) контрактам в обеспечении государственных и муниципальных нужд страны, государство заинтересовано в соблюдении сторонами условий государственных (муниципальных) контрактов.

Однако в силу ряда причин исполнение государственных контрактов в отдельных случаях становится невозможным. С целью поддержания стабильного функционирования системы государственных закупок, в случаях не исполнения госконтрактов, было принято постановление Правительства РФ от 04.07.2018 № 783 «О списании начисленных поставщику (подрядчику, исполнителю), но не списанных заказчиком сумм неустоек (штрафов, пеней) в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, предусмотренных контрактом» (далее – постановление № 783).

В постановлении № 783 определены основания и правила для списания начисленных и неуплаченных неустоек в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств в 2015, 2016 и 2020 годах. Согласно пункта 2 постановления № 783, списание начисленных и неуплаченных сумм неустоек (штрафов, пеней) осуществляется по контрактам, обязательства по которым исполнены в полном объеме.

Из этого правила есть исключения, когда допускается списание неустойки:

а) контракты, по которым в 2015, 2016 и 2020 гг. по соглашению сторон изменены срок исполнения контракта, и (или) его цена, и (или) цена единицы товара, работы, услуги, и (или) количество товаров, объем работ, услуг;

б) контракты, по которым в 2020 г. обязательства не исполнены в полном объеме по независящим причинам в связи с невозможностью исполнения контракта из-за распространения новой коронавирусной инфекции;

в) контракты, по которым в 2021 и 2022 гг. обязательства не были исполнены в полном объеме из-за существенного увеличения цен на строительные ресурсы, повлекшего невозможность исполнения контракта;

г) контракты, по которым обязательства не были исполнены полностью из-за возникновения при исполнении контракта независимых от сторон обстоятельств, которые повлекли невозможность его исполнения без изменения условий в связи с мобилизацией в РФ, в связи с введением санкций и/или мер ограничительного характера.

Таким образом, в постановлении № 783 установлены основания для списания неустоек либо в силу изменения условий госконтракта, либо в силу обстоятельств, которые могут быть отнесены к обстоятельствам непреодолимой силы.

Устанавливая в качестве антикризисной меры возможность списания неустоек по госконтрактам, государство таким образом стремится поддержать бизнес и снизить финансовую нагрузку на предпринимателей. Однако меры законодательного реагирования по освобождению от гражданско-правовой ответственности субъектов предпринимательства носят избирательный характер, как, например, в рассматриваемом нами случае [2, с. 122].

Кроме того, принимаемые антикризисные меры подвергаются критике в научной литературе. Одни исследователи видят недостаточную урегулированность данных отношений, в частности, неопределенность в применении положений постановления № 783 для сторон контракта [4]. Другие отмечают, что отсутствие критериев определения обстоятельств непреодолимой силы в ситуациях списания неустоек по госконтрактам порождает неоднородность практики применения указанных норм самими заказчиками и лишает данный институт правовой определенности [3].

Анализ высказанных взглядов позволяет сделать вывод, что основания для освобождения от ответственности, указанные в постановлении № 783, требуют разъяснения применения. Кроме того, судебная практика по данной категории дел складывается неоднозначно.

Так, по первому основанию списанию подлежат неустойки, если в 2015, 2016 и 2020 годах стороны по согласию изменили условия контракта (пп. «а» п. 2 постановления № 783).

В одних случаях суды отказывают в списании неустойки по данному основанию (постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.11.2022 по делу № А40-250592/2021), в других случаях исходят из обязанности заказчика списать начисленную неустойку (постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 09.03.2023 по делу № А03-6214/2022).

Следует отметить, что при разрешении споров в указанном случае суды отталкиваются от того, что если изменение условий контракта происходит с целью исполнения контракта, то основания для списания неустойки отсутствуют. Например, стороны согласовали новый срок исполнения контракта. В таких случаях изменение условий контракта, с целью его выполнения, уже является самостоятельной мерой поддержки поставщика, списание неустойки за нарушение новых условий договора не предусмотрено.

Если же изменение контракта носило корректирующий характер, например, изменение фактического размера площадей, продление сроков и другие условия, которые не привели к упрощению исполнения поставщиком контракта или его выгоде, то такое изменение контракта нельзя признать состоявшейся мерой поддержки, поэтому неустойка списывается.

Таким образом, само изменение условий контракта суды толкуют как меру государственной поддержки, направленную на упрощение исполнения контракта в условиях экономического кризиса, в связи с чем списание неустойки будет дублировать уже оказанную меру поддержки, что является избыточной мерой поддержки поставщика, создающей преимущество по сравнению с иными поставщиками, которым неустойка списана без изменения условий [2, с. 125].

Следует согласиться со взглядами тех ученых, которые считают, что основания освобождения от ответственности, перечисленные в постановлении № 783, не являются характерными для отечественной системы права [1, с. 18]. Учитывая положительный опыт действия данной антикризисной меры в 2015, 2016 годах, высказываются предложения о принятии специального закона о списании неустоек в сфере госзакупок на постоянной основе для поставщиков, подтвердивших свою добросовестность положительным опытом исполнения контрактов в прошлом [1, с. 28].

Государство, с одной стороны, стремится поддержать стабильное функционирование системы государственных закупок. С другой стороны, предприниматель – участник системы госзакупок осуществляет свою деятельность с целью получения прибыли. Таким образом, при освобождении от ответственности в сфере государственных закупок важно соблюдать баланс интересов сторон госконтракта. Интересы каждой из сторон госконтракта должны быть по справедливости учтены и защищены в рамках данного контракта. Обе стороны имеют определенные интересы и балансирование этих интересов является весьма важным.

Постановление № 783 является одной из принятых государством антикризисных мер, реализуемой для смягчения негативного воздействия кризиса на сферу госзакупок.

Библиографический список

1. Богдан В.Г. Об основаниях освобождения от гражданско-правовой ответственности в сфере государственных закупок / В.Г. Богдан // Вестник арбитражной практики. – 2021. – № 5. – С. 18–28.
2. Зимнева С.В. Освобождение от ответственности участников государственных закупок: баланс интересов сторон / С.В. Зимнева, М.Ф. Лукьяненко // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2023 – Том 9. – № 4. – С. 122–137.
3. Курц Н.А. Списание неустоек в сфере государственных и муниципальных закупок: проблемы правоприменения / Н.А. Курц // Вестник арбитражной практики. – 2022. – № 3. – С. 74–81.
4. Павлов Д.М. Проблемы взыскания неустойки (штрафа, пени) за неисполнение или ненадлежащее исполнение поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств по государственным (муниципальным) контрактам / Д.М. Павлов, А.В. Казарин // Образование и право. – 2019. – № 4. – С. 88–93.

Судебные и внесудебные способы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности: сравнительный анализ

Защита прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности является важнейшим условием развития рыночной экономики и делового климата в стране. В настоящее время предприниматели сталкиваются с различными нарушениями своих прав со стороны контрагентов, органов власти и иных лиц. В связи с этим актуальной проблемой является выбор оптимальных способов защиты нарушенных прав бизнеса с учетом специфики конкретной ситуации.

Ключевые слова: защита прав, субъекты предпринимательской деятельности, оптимальный способ защиты.

В отечественной правовой системе предусмотрен комплекс механизмов защиты прав предпринимателей, которые можно разделить на судебные (рассмотрение споров арбитражными судами, судами общей юрисдикции, третейскими судами) и внесудебные (переговоры, медиация, административные процедуры, обращение к уполномоченному по защите прав предпринимателей и др.) [1, с. 39]. Каждый из этих способов имеет свои особенности, преимущества и недостатки, которые необходимо учитывать при выборе стратегии защиты.

Судебная форма защиты основана на четких процессуальных правилах, установленных законом. Это обеспечивает единообразие и предсказуемость процесса, равенство сторон в процессуальных правах, возможность всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела. Беспристрастность и независимость судей позволяет принимать правосудные решения, основанные на законе и фактах дела, без влияния заинтересованных лиц и ведомств. Наконец, вступившие в силу судебные постановления носят общеобязательный характер и подлежат принудительному исполнению на всей территории страны, что является ключевой гарантией реальной защиты нарушенных прав [2, с. 111].

Вместе с тем, судебным разбирательствам присущ и ряд недостатков. В первую очередь, это длительность процесса, обусловленная процессуальными сроками, загруженностью судов, возможностью обжалования решений в вышестоящие инстанции. Нередки ситуации, когда с момента подачи иска до фактического исполнения решения проходят годы, что снижает оперативность и эффективность судебной защиты [3, с. 5].

Другая проблема – высокие судебные издержки, включающие уплату госпошлины, оплату услуг представителей и экспертов, транспортные и иные расходы. Для многих предпринимателей, особенно представителей малого бизнеса, бремя судебных расходов становится непосильным, делая правосудие фактически недоступным [4, с. 54].

Публичность судопроизводства – еще один фактор, сдерживающий обращение бизнеса в суд. Рассмотрение дела в открытом процессе предполагает раз-

глашение коммерческой информации, которая может быть использована конкурентами. Сам факт судебного спора способен негативно повлиять на деловую репутацию компании, ее отношения с партнерами и клиентами [5, с. 68]. Наконец, конфронтационный характер судебных тяжб зачастую приводит к эскалации конфликта между сторонами, разрушению партнерских связей и нежеланию продолжать сотрудничество после вынесения решения, даже если оно в пользу истца [6, с. 15].

В свою очередь, достоинства внесудебных способов защиты прав предпринимателей заключаются в конфиденциальности, экономичности, гибкости процедур, нацеленности на поиск компромисса и сохранение партнерских отношений.

Переговоры, медиация и иные несудебные формы разрешения споров проходят в закрытом режиме, без разглашения информации о сути конфликта и его участниках [7, с. 249]. Это позволяет сторонам избежать репутационных потерь и сохранить в тайне коммерческие секреты. Сама процедура носит неформальный и согласительный характер – стороны на равных, при содействии посредника, ищут взаимоприемлемое решение проблемы, идут на уступки, находят точки соприкосновения интересов.

С точки зрения временных и финансовых затрат внесудебные механизмы также выглядят предпочтительнее. Процедура медиации или переговоров может быть организована в кратчайшие сроки и завершиться за несколько сессий. При этом расходы сторон ограничиваются, как правило, оплатой услуг медиатора или юристов, что в разы меньше средних судебных издержек [8, с. 31].

Процедурные правила альтернативных способов разрешения споров отличаются гибкостью – их определяют сами участники исходя из специфики ситуации и своих потребностей. Это позволяет «настроить» процесс под конкретный спор, сэкономить время на формальностях и сосредоточиться на существовании проблемы [9, с. 102].

Самое же главное – внесудебные инструменты изначально нацелены на поиск консенсуса, сближение позиций сторон, выработку решения, в максимальной степени учитывающего интересы каждого. Это создает основу для продолжения партнерских отношений, предотвращает эскалацию конфликта и повышает шансы на добровольное исполнение достигнутых договоренностей [10, с. 60].

С другой стороны, внесудебные способы защиты прав не лишены недостатков. Главный из них – отсутствие у большинства соглашений, заключенных в рамках АРС, механизма принудительного исполнения [11, с. 77]. Медиативное соглашение, как и положения мирового договора, носят добровольный характер. Если одна из сторон откажется от исполнения взятых обязательств, принудить ее можно будет только путем обращения в суд, что фактически нивелирует достигнутый во внесудебном порядке результат.

Кроме того, эффективность несудебных процедур напрямую зависит от готовности участников идти на компромисс, их добросовестности и стремления решить спор. Если одна из сторон намеренно затягивает переговоры, уклоняется от поиска консенсуса или вовсе игнорирует призывы сесть за стол переговоров, внесудебные инструменты оказываются бессильными [12, с. 166]. В подобных случаях, волей-неволей приходится обращаться в суд, как единственный способ принудительной реализации своего права.

Таким образом, проведенный анализ показал, что и судебные, и альтернативные формы защиты прав предпринимателей имеют свои плюсы и минусы. Универсального «идеального» способа восстановления нарушенных прав не существует – выбор зависит от целого ряда факторов, начиная от предмета спора и заканчивая личными качествами и установками участников. Представляется, что наиболее эффективная стратегия предполагает разумное сочетание обоих механизмов – несудебных процедур как основного средства урегулирования разногласий и судебного разбирательства как «последнего довода», обеспечивающего принудительную защиту в случае неудачи примирения [13, с. 147].

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что единого оптимального способа защиты прав предпринимателей не существует. Выбор между обращением в суд или использованием внесудебных процедур зависит от целого ряда факторов: характера спорных правоотношений, субъектного состава конфликта, цены иска, необходимости сохранения конфиденциальности, перспектив исполнения решения и др. [14, с. 121.]

В случаях серьезных правонарушений, причинения существенного ущерба бизнесу, возникновения масштабных и сложных экономических споров наиболее действенным механизмом защиты выступает судебная форма. Внесудебные способы более эффективны для разрешения текущих коммерческих разногласий, когда важно сохранить деловые связи и избежать репутационных потерь.

При этом оптимальной представляется такая стратегия защиты, которая предполагает гибкое сочетание обеих форм – первоначальные попытки мирного внесудебного урегулирования спора и обращение в суд как последнее средство в случае недостижения компромисса. Это позволяет обеспечить сбалансированную защиту прав и интересов предпринимателей с учетом всех обстоятельств конкретного дела.

Закключение. Сравнительный анализ продемонстрировал, что в правовой системе сосуществуют и дополняют друг друга судебные и внесудебные механизмы защиты прав предпринимателей. Каждый из них имеет свою специфику и сферу оптимального применения. Стратегически верным является комбинирование обеих форм с учетом характера спора и интересов сторон.

Думается, что дальнейшие перспективы совершенствования системы защиты прав бизнеса связаны с развитием альтернативных методов разрешения споров, повышением уровня правовой культуры предпринимателей, укреплением независимости и авторитета судебной власти. Это позволит сформировать благоприятную среду для ведения бизнеса в стране и обеспечить надежные гарантии прав и законных интересов предпринимателей.

Библиографический список

1. Багандов А.Б. Формы и способы защиты прав предпринимателей: общетеоретический аспект / А.Б. Багандов // Юридический вестник ДГУ. – 2013. – № 1. – С. 39–40.
2. Анюхина И.В. Нарушения прав предпринимателей: виды и способы защиты / И.В. Анюхина // Lex Russica. – 2016. – № 3. – С. 111–112.
3. Султонова Т.И. Формы и способы защиты прав предпринимателей в России / Т.И. Султонова // Universum: экономика и юриспруденция. – 2018. – № 4. – С. 5–6.

4. Агапов А.Б. Административная ответственность / А.Б. Агапов. – М.: Статут, 2000. – С. 68.
5. Вдовин И.А. Механизм правовой защиты предпринимательства в России / И.А. Вдовин. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2002. – С. 54.
6. Воронцова О.В. Приоритетные способы защиты прав предпринимателей / О.В. Воронцова // Законодательство и экономика. – 2006. – № 10. – С. 15–16.
7. Жилинский С.Э. Предпринимательское право / С.Э. Жилинский. – М.: Норма, 2007. – С. 249–250.
8. Севастьянов Г.В. Концепция частного процессуального права (права альтернативного разрешения споров) / Г.В. Севастьянов // Третейский суд. – 2009. – № 1. – С. 31.
9. Давыденко Д.Л. Мирное соглашение как средство внесудебного урегулирования частноправовых споров (по праву России и некоторых зарубежных стран): дисс. ... канд. юрид. наук. / Д.Л. Давыденко. – М., 2004. – С. 102.
10. Зверева Н.С. Взаимодействие альтернативных методов урегулирования споров и гражданского судопроизводства в праве России и Франции / Н.С. Зверева. – СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. – С. 60.
11. Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции. / С.И. Калашникова. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – С. 77.
12. Нигматуллина Т.А. Альтернативные формы разрешения споров: причины их популярности и эффекты внедрения / Т.А. Нигматуллина // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 4. – С. 166.
13. Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права / В.В. Ярков. – Екатеринбург: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1992. – С. 147.
14. Коннов А.Ю. Понятие, классификация и основные виды альтернативных способов разрешения споров / А.Ю. Коннов // Журнал российского права. – 2004. – № 12. – С. 121–122.

УДК 346.5

А.А. Кальгина, к.ю.н., доцент, зав. кафедрой гражданского и предпринимательского права МГИМО (Одинцовский ф-л), г. Одинцово, Россия

Некоторые аспекты государственной поддержки инновационной и научной деятельности (на примере поддержки условий для развития инноваций и науки в Московской области)

В статье анализируются формы государственной поддержки инновационной деятельности, рассматриваются системные мероприятия Правительства Московской области, способствующие внедрению инноваций и увеличению предпринимательских возможностей субъектов.

Ключевые слова: инновации, предпринимательство, меры государственной поддержки, наука, образование, ученые.

Конституция РФ как основной источник национальной правовой системы гарантирует предпринимателям (юридическим лицам и ИП) право на свободную

коммерческую деятельность, использование инноваций во всех сферах общественной жизни, их реализации при помощи законных средств добросовестной конкуренции

Внедрение инновационных технологий в жизни современной России, несомненно, оказывают большое влияние на жизнь российского общества. Необходимо отметить тот факт, что в нашей стране за последнее десятилетие экономисты насчитывают такое количество разработок в сфере инноваций, что их число значительно улучшает продолжительность и качество жизни, способствует появлению новых услуг и продуктов питания; подобного рода нововведения делают российскую экономику конкурентноспособной на мировом рынке. Для более успешного внедрения инноваций необходимо содействие государственных органов во всех видах экономической, научной и пр. видах деятельности.

Что мы видим в настоящее время в России? Разработка и внедрение Правительством РФ, правительствами субъектов РФ специальных мер, которые, прежде всего, направлены на поддержку инновационных проектов, приветствуется всеми хозяйствующими субъектами. Однако, конечно же требуется большая эффективность разработанных мер.

Актуальность же инновационной научной деятельности объясняется востребованностью в самых разнообразных сферах: в образовании и медицине, транспортной и промышленной сферах и ряде других. Благодаря внедрению новейших инновационных научных разработок стало возможным повысить уровень эффективности компаний и учреждений, что означает возможность для предприятий стать более конкурентоспособными при минимальном уровне финансовой устойчивости. Ввиду реализации ряда задач по инновационному планированию субъектам предпринимательской деятельности удалось отчасти снизить производственные расходы, что предполагает увеличение возможности получения прибыли, достигая высокие параметры качества предлагаемых услуг и продуктов населению.

Рассмотрим различные формы гос. поддержки инновационной деятельности (что зависит от множества факторов):

Налоговые льготы: компании, ведущие инновационную деятельность получают возможность снизить свою финансовую нагрузку, а освободившиеся финансовые средства эффективно использовать для проведения необходимых исследований и разработок.

Гранты и субсидии: данный вид помощи направлен на осуществление ряда исследований в научной сфере и инновационных разработок, создание инновационных продуктов, услуг и методов. В частности, в Подмосковье, гранты получают студенты, ученые, реализуются стартапы, которые активно занимаются разработкой новых технологий или наукоемкой продукции [1, с. 44–49].

Субсидии: вид помощи, предоставляемый компаниям, стремящимся расширить свой бизнес именно за счет продвижения инноваций. Благодаря такого рода поддержке, компании могут разрабатывать новейшие продукты, улучшить уже существующие технологии. [2, с. 164–172].

Еще один вид поддержки – это патентные льготы, здесь мы говорим о снижении базы налогообложения; вариант экономии, которым активно пользуются компании, внедряющие инновации. Главное условие – факт зарегистрированных

изобретений в Роспатенте, что подтверждено документом на право использования изобретения.

Специальные программы – они имеют своей целью оказать экономическую помощь тем субъектам, которые инициативно и благополучно занимаются внедрением инноваций и продвижением инновационных проектов.

Рассмотрим еще одну дополнительную форму гос. поддержки инновационной деятельности – образовательные программы, смысл которых выражается в ряде форм повышения квалификации и поддержании высокого уровня подготовки специалистов инновационной экономики. Такого рода программы крайне востребованы, поскольку кадровый резерв государства – одна из задач инновационной экономики.

Инновационные программы в образовательной сфере призваны играть значимую роль, привлекая как можно большее количество молодёжи: ученых, молодых специалистов предприятий и учреждений, студентов высших и средних специальных учебных заведений к процессу обучения в области внедрения новых технологий и инноваций. Поддержка молодым ученым и студентам предоставляется в виде программ грантового финансирования в области инноваций.

В соответствии пунктом 30 «т» стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации, утвержденным распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.04.2019 №768-р, в Подмосковье реализуются системные мероприятия, направленные на создание институциональной среды, способствующей внедрению инноваций и увеличению возможности хозяйствующих субъектов по внедрению новых технологических решений. Правительство Подмосковья создает все необходимые условия для развития науки и инноваций в регионе.

В Московской области вручаются премии физическим лицам на конкурсной основе за достижение молодыми учеными и специалистами выдающихся научных и (или) научно-технических результатов в приоритетных для Московской области направлениях развития науки, технологий и техники, а также за разработку новой техники, технологий и методик, способствующих продвижению инноваций в экономику и социальную сферу.

Разработанные соискателем материалы с нанонаполнителями позволят обеспечить оперативное устранение дефектов и дальнейшую надежную эксплуатацию промышленного оборудования и теплосетей жилищно-коммунального хозяйства на территории Московской области. С помощью многокомпонентных материалов на полимерной основе планируется осуществление процесса холодной молекулярной сварки. Появится возможность устранения трещин, сколов, последствий абразивного, коррозионного кавитационного и механического износа.

Также подобная технология обеспечит продление жизненного цикла оборудования. При этом себестоимость ремонтных работ в 3–10 раз ниже, чем при традиционных способах ремонта. Полученные результаты научной деятельности позволят выполнить операцию импортозамещения, приведут к улучшению качества жизни населения, сбережению энергоресурсов и увеличению производительности промышленных предприятий.

Кратко рассмотрим, как именно поддерживают науку в Подмосковье. Исследования и разработки подмосковных ученых не раз становились значимыми событиями в международном научном сообществе. В Московской области действуют восемь наукоградов и более сотни научно-исследовательских организаций. Власти региона стимулируют научную деятельность с помощью обширного пакета мер поддержки. Всего в Московской области доступны двенадцать программ – гранты, премии, субсидии, социальная ипотека и другие [3. mosreg.ru.], некоторые из них:

Социальная ипотека: для молодых ученых и специалистов научных организаций, а также молодых уникальных специалистов оборонно-промышленного комплекса;

Гранты на реализацию проектов;

Премии вручают за выдающиеся результаты в сферах науки, технологий и техники;

Премии губернатора за коммерциализацию исследований и разработок;

Субсидии на развитие наукоградов;

Субсидии для ЦМИТ;

Помощь в выявлении инновационной продукции и информационная поддержка.

Итак, Правительство Московской области оказывает весомую поддержку для развития экономики в регионе, но несмотря на это, автор полагает, что необходимы дополнительные меры по привлечению инвесторов, что даст возможность развивать активно научную базу и развивать предприятия, деятельность которых связана с инновациями.

Библиографический список

1. Репьев А.Г. Грант как правовая форма поддержки инноваций: понятие, содержание, отличие от смежных категорий / А.Г. Репьев, И.В. Першина // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 1 (53). – С. 44–49.

2. Янина Е.Д. Развитие инноваций в России. Меры государственной поддержки и институты развития / Е.Д. Янина // Столыпинский вестник. – 2020. – Т. 2. – № 2. – С. 164–172.

УДК 342.9, 346, 347

*В.В. Кванина, д.ю.н., профессор, зав. кафедрой
предпринимательского, конкурентного и экологического права ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Правовая природа института обязательных требований в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности

В рамках реформы контрольно-надзорной деятельности «легализован» институт обязательных требований, сущностью которого является ограничение прав субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности в целях защиты охраняемых законом ценностей. В статье делается вывод о междисциплинарном характере института обязательных требований, ограничительные ме-

ры которого одновременно являются и частноправовыми мерами защиты охраняемых законом ценностей.

Ключевые слова: обязательные требования, предпринимательская и иная экономическая деятельность, механизм защиты.

Право на осуществление предпринимательской и иной экономической деятельности является неотъемлемым конституционным правом (ст.ст. 8, 34 Конституции РФ), если оно не нарушает права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17). Исходя из этого свобода предпринимательской деятельности не может носить абсолютный характер [1, с. 49]. Конституционный Суд РФ по данному вопросу неоднократно подчеркивал, что «федеральный законодатель вправе определять порядок и условия осуществления предпринимательской деятельности, устанавливая с учетом специфики тех или иных видов такой деятельности дополнительные требования к занимающимся ею лицам – при соблюдении соответствия вводимых ограничений конституционно закрепленным критериям» (Информация Конституционного Суда РФ «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018–2020 годов)», подготовлена Секретариатом Конституционного Суда РФ (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2020 г.)).

Одним из инструментов, сдерживающих нарушение охраняемых законом ценностей, выступают обязательные требования, предъявляемые к осуществлению предпринимательской и иной экономической деятельности.

В рамках осуществленной реформы контрольно-надзорной деятельности институт обязательных требований получил свою легальную «прописку» в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 247). Обязательные требования – это требования, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, оценка соблюдения которых осуществляется в рамках государственного контроля (надзора), муниципального контроля, привлечения к административной ответственности, предоставления лицензий и иных разрешений, аккредитации, оценки соответствия продукции, иных форм оценки и экспертизы (ч. 1 ст. 1 ФЗ № 247).

Институт обязательных требований в литературе чаще всего рассматривается в качестве института административного права [2]. Однако его предназначение не ограничивается только сферой публичных отношений, он одновременно направлен и на защиту частноправовых интересов. Это непосредственно следует и из самого ФЗ № 247: в ч. 1 ст. 6 закона обязательные требования отнесены к мерам защиты охраняемых законом ценностей.

Необходимо отметить, что в гражданском законодательстве используется другая терминология – способы защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ), под которыми «обычно понимаются предусмотренные законодательством средства, с помощью которых могут быть достигнуты пресечение, предотвращение, устранение нарушения права, его восстановление и (или) компенсация потерь, вызванных нарушением права» [3, с. 628].

В системе способов защиты гражданских прав, предусмотренных ст. 12 ГК РФ, обязательные требования могут быть отнесены к иным способам, преду-

смотренным законом. В теории гражданского права способы защиты гражданских прав подразделены на три группы: 1) способы защиты, применение которых позволяет подтвердить (удостоверить) защищаемое право либо прекратить (изменить) обязанность; 2) способы защиты, применение которых позволяет предупредить или пресечь нарушение права; 3) способы защиты, применение которых преследует восстановить нарушенное право и (или) компенсировать потери, понесенные в связи с нарушением права [3, с. 629–631]. Применительно к данной классификации способов защиты гражданских прав обязательные требования в полной мере можно отнести ко второй группе способов защиты гражданских прав, целью которых является «заставить или побудить нарушителя прекратить действия, нарушающие субъективное гражданское право, либо предупредить такие действия» [3, с. 630).

Данный тезис подтверждается ч. 1 ст. 5 ФЗ № 247, согласно которой обязательные требования могут устанавливаться исключительно в целях защиты жизни, здоровья людей, нравственности, прав и законных интересов граждан и организаций, непричинения вреда (ущерба) животным, растениям, окружающей среде, обороне страны и безопасности государства, объектам культурного наследия, защиты иных охраняемых законом ценностей. Иными словами, установление обязательных требований направлено на предупреждение нарушения законных интересов.

Учитывая, что обязательные требования ограничивают права и интересы субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, законодатель предусмотрел механизм их защиты в виде принципов установления и оценки применения обязательных требований: законности, обоснованности обязательных требований, правовой определенности и системности, открытости и предсказуемости, исполнимости обязательных требований (ст. 4).

При этом законодателем сделан акцент на установлении обязательных требований. Рассмотрим данный вывод на принципе законности.

Принцип законности является универсальным принципом всей правовой системы; он характерен как для отдельных отраслей права, так и их институтов. Он прежде всего закреплен в Конституции РФ: «органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы» (ч. 2 ст. 15). Иными словами, данный принцип означает, что все субъекты в своей деятельности должны руководствоваться требованиями законодательства.

В ФЗ № 247 принцип законности раскрывается через цель установления обязательных требований (защита жизни, здоровья людей, нравственности, прав и законных интересов граждан и организаций, непричинения вреда (ущерба) животным, растениям, окружающей среде, обороне страны и безопасности государства, объектам культурного наследия, защиты иных охраняемых законом ценностей (ст. 5). Это предполагает, что при отсутствии риска причинения вреда обязательные требования к осуществлению предпринимательской и иной экономической деятельности не могут быть установлены.

Через интересы субъектов предпринимательской деятельности раскрыты в законе и иные принципы установления обязательных требований.

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу о том, что обязательные требования направлены как на защиту охраняемых законом ценностей, так и на недопущение ограничения прав и интересов субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, выходящих за разумные пределы защиты прав указанных ценностей.

Библиографический список

1. Якимова Е.М. Концепция свободы предпринимательской деятельности как элемент экономической основы конституционного строя в России и в мире: поиск оптимального решения / Е.М. Якимова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 1. – С. 47–51.

2. Ноздрачев А.Ф. Обязательные требования как новационный институт административного права: идеи, содержание, принципы и уровни правового регулирования / А.Ф. Ноздрачев // Административное право и процесс. – 2022. – № 3. – С. 19–24.

3. Брагинский М.И. Договорное право: общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Изд-во «Статут», 1998. – 682 с.

УДК 346.24/.26 (476)

*О.М. Куницкая, к.ю.н., доцент БГУ
г. Минск, Беларусь*

Способы осуществления инвестиций и меры государственной поддержки по законодательству Республики Беларусь

В статье исследуется правовое регулирование способов осуществления инвестиций и общественных отношений, возникающих при оказании государственной поддержки при осуществлении инвестиций определенным способом. Обозначены отдельные его недостатки и направления по их устранению с учетом реализации мер защиты имущественных прав инвестора.

Ключевые слова: инвестиции; инвестор; способы осуществления инвестиций; государственная поддержка.

После ликвидации Инвестиционного кодекса в Республике Беларусь основным Законом в данной сфере стал Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» (далее – Закон об инвестициях). Из инвестиционного законодательства был исключен термин «инвестиционная деятельность», и появилось такое словосочетание как «осуществление инвестиций». Закон об инвестициях не определяет, что такое «осуществление инвестиций», в отдельной норме устанавливает способы осуществления инвестиций.

Так, в соответствии со ст. 4 Указанного Закона на территории Республики Беларусь инвестиции осуществляются следующими способами: созданием коммерческой организации; приобретением, созданием, в том числе путем строительства, объектов недвижимого имущества; приобретением прав на объекты интеллектуальной собственности; приобретением акций, долей в уставном фонде, паев в имуществе коммерческой организации, включая случаи увеличения уставного фонда коммерческой организации; на основе концессии; в рамках гос-

ударственно-частного партнерства; иными способами, кроме запрещенных законодательными актами.

Отметим, что концессия появилась в праве Республики Беларусь еще в Инвестиционном кодексе Республики Беларусь от 22 июня 2001 г., № 37-З, и в статье 5 обозначалась как форма инвестиционной деятельности, в виде «приобретения имущества или имущественных прав». Статья 49 данного кодекса гласила: «инвестиционная деятельность в отношении недр, вод, лесов, земель и объектов, находящихся только в собственности государства, либо деятельность, на осуществление которой распространяется исключительное право государства, может осуществляться на основе концессий».

В преамбуле Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г., № 63-З «О концессиях» (далее – Закон о концессиях) определено, что данный Закон «устанавливает правовые основы осуществления инвестиций на основе концессий на территории Республики Беларусь...». Концессия – это право владения и пользования объектом концессии или право на осуществление вида деятельности (ст. 1 Закона о концессиях).

Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г., № 345-З «О государственно-частном партнерстве» (далее – Закон о ГЧП) определяет правовые условия государственно-частного партнерства.

Конкретных правовых форм, в которых реализуются способы осуществления инвестиций, в самом Законе об инвестициях не предусмотрено. Они определены в специальном законодательстве о каждом способе осуществления инвестиций.

Правовое регулирование способов осуществления инвестиций основывается на межотраслевых связях различных отраслей и подотраслей законодательства.

Согласно нормам инвестиционного законодательства способы осуществления инвестиций – не есть способы осуществления инвестиционной деятельности. Законодатель определил понятие инвестора, в котором осуществление инвестиций названо практически единственным признаком определения «инвестор». Осуществление инвестиций законодатель выразил через способы.

С 2022 году в Закон об инвестициях включено понятие «инвестиционный проект», означающий «комплекс мероприятий, предусматривающий осуществление инвестиций, подтверждаемый документами, обосновывающими условия, способы осуществления инвестиций, источники их финансирования, а также сроки реализации такого проекта» (ст. 1 Закона об инвестициях). Из такого определения следует, что данный комплекс мероприятий, в т.ч. обосновывает способы осуществления инвестиций. Надо полагать, он ввиду отсутствия каких-то особых предписаний имеет отношение ко всем способам осуществления инвестиций.

В п. 7 Правил по разработке бизнес-планов инвестиционных проектов, утвержденных Постановлением Министерства экономики Республики Беларусь от 31 августа 2005 г. № 158 указаны цели разработки бизнес-плана инвестиционного проекта, а именно, обоснование: возможности привлечения организацией инвестиций в основной капитал; целесообразности оказания организации, реализующей проект, мер государственной поддержки.

В п. 2 указанных Правил предусмотрены стадии жизненного цикла инвестиционного проекта (предынвестиционная, инвестиционная и эксплуатационная,

при необходимости – ликвидационная) и говорится об осуществлении в прогнозируемых условиях инвестиционного проекта на всех стадиях.

Таким образом, инвестиционный проект нужен в том случае, если инвестор намерен получить государственную поддержку.

Государственная поддержка – это финансовая и иная поддержка, оказываемая в виде льгот и (или) преференций, предоставляемых инвесторам и (или) организациям, реализующим инвестиционные проекты, в рамках 1) заключаемых инвестиционных договоров с Республикой Беларусь, 2) привлечения внешних государственных займов, выдаваемых гарантий Правительства Республики Беларусь по кредитам и займам, а также 3) в иных случаях, установленных законодательными актами (п. 2 Положения о порядке организации разработки, утверждения и рассмотрения бизнес-планов инвестиционных проектов, а также проведения экспертизы инвестиционных проектов, утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 мая 2014 г. № 506 «О бизнес-планах инвестиционных проектов»).

Согласно ст. 5 Закона об инвестициях предоставление инвесторам льгот и (или) преференций, иных мер государственной поддержки названо среди принципов осуществления инвестиций. При этом их предоставление зависит от территории, вида деятельности (сектора экономики), объекта, объемов, источников и условий осуществления инвестиций, а также сроков реализации инвестиционного проекта, и иных оснований.

Статья 3 Закона об инвестициях определяет, что порядок и (или) особенности предоставления отдельных льгот и (или) преференций, установленных в соответствии с Законом об инвестициях, могут регулироваться налоговым законодательством, законодательством об охране и использовании земель, в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности. Полагаем, что данное положение приобретает общий характер, свойственный для хозяйственной деятельности в целом, где законодательством предусматриваются льготы и (или) преференции, независимо от того, были осуществлены инвестиции или нет.

Право на государственную поддержку у инвестора возникают и реализуются при выполнении дополнительных условий. Так, согласно ст.13 Закона об инвестициях: 1. Инвесторы вправе использовать льготы и (или) преференции, иные меры государственной поддержки при осуществлении инвестиций в приоритетные виды деятельности (секторы экономики) для осуществления инвестиций и в иных случаях, установленных законодательством. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 12 мая 2016 г. № 372 «О приоритетных видах деятельности (секторах экономики) для осуществления инвестиций» установило данные «приоритетные виды деятельности» и «приоритетные сектора экономики»; 2. Инвесторам – юридическим лицам Республики Беларусь, по инвестиционным проектам, соответствующим приоритетным видам деятельности (секторам экономики), может оказываться поддержка в виде бюджетных трансфертов за счет средств республиканского бюджета, в установленных порядке и размерах; 3. Государственная финансовая поддержка в виде предоставления бюджетных займов для реализации инвестиционных проектов может оказываться по решению Президента Республики Беларусь.

Помимо перечисленных мер государственной поддержки по инвестиционным проектам, по Указу Президента Республики Беларусь от 19 сентября 2022 г. № 330 «О распоряжении государственным имуществом» и постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 3 марта 2023 г. № 165 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 19 сентября 2022 г. № 330» предусмотрена безвозмездная передача имущества в собственность инвестору для реализации инвестиционного проекта.

Таким образом, при осуществлении инвестиций тем или иным способом государственная поддержка оказывается при определенных условиях, а также при наличии инвестиционного проекта.

Инвестиционный проект соответствует инвестиционной деятельности, не соответствует осуществлению инвестиций.

Инвестиционный проект, исходя из легального определения, шире по содержанию, чем способ осуществления инвестиций. Действия, отражающие способы осуществления инвестиций (приобретение, создание, увеличение объектов гражданских прав и др.) входят только в отдельные, т.н. начальные стадии жизненного цикла инвестиционного проекта, т.е. не охватываются инвестиционным проектом в целом.

Правомерно встает вопрос о необходимости включения специальной оговорки в Закон об инвестициях относительно применения инвестиционного проекта к тому или иному способу осуществления инвестиций, либо условий, при которых необходим инвестиционный проект при осуществлении инвестиций определенным способом.

В целом можно заключить, что в настоящее время инвестиционное законодательство формируется путем внесения изменений и дополнений, необходимых для устранения пробелов в правовом регулировании, по Закону об инвестициях и по Закону о концессиях и ГЧП в отдельности. Но такой подход приводит к тому, что каждый из специальных законов развивается автономно.

Нельзя допустить, чтобы родственные по своей природе отношения, связанные со способами осуществления инвестиций, регулировались в отрыве друг от друга. Это может привести к размыванию единой концепции инвестиционной сферы.

УДК 346.9

С.В. Лихолетова, к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права Юридического института ЮУрГУ г. Челябинск, Россия

Защита прав субъектов предпринимательской деятельности при изменении документов градостроительного зонирования и планировки территории

В статье рассматриваются отдельные вопросы, связанные с необходимостью защиты прав субъектов предпринимательской деятельности при изменении правил землепользования и застройки муниципальных образований, проектов планировки территории и проектов межевания территории. Изменение указанных

документов урегулировано земельным и градостроительным законодательством, которое не предусматривает достаточных механизмов защиты.

Ключевые слова: правила землепользования и застройки, документация по планировке территории, защита прав субъектов предпринимательской деятельности, виды разрешённого использования земельных участков.

Осуществление предпринимательской деятельности может быть связано с необходимостью использования земельных участков, правовой режим которых определяется в соответствии со статьёй 7 Земельного кодекса Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (далее – ЗК РФ) исходя из их принадлежности к той или иной категории земель и разрешённого использования. Указанные характеристики применительно к конкретному земельному участку определяются на основе документов градостроительного зонирования и документации по планировке территории.

К документам градостроительного зонирования относятся правила землепользования и застройки муниципальных образований. В соответствии со статьёй 30 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (далее – ГрК РФ) они направлены на создание условий для устойчивого развития территории муниципального образования, сохранения окружающей среды и объектов культурного наследия. Создаются условия для планировки территории. В качестве целей устанавливаются также следующие: 1) обеспечение прав и законных интересов юридических лиц, в том числе правообладателей земельных участков и объектов капитального строительства; 2) создание условий для привлечения инвестиций в том числе путем предоставления возможности выбора наиболее эффективных видов разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства.

Градостроительное зонирование предполагает определение территориальных зон и установление в отношении каждой из них градостроительных регламентов. Именно в последних устанавливаются виды разрешённого использования земельных участков, в том числе строительства капитальных объектов, которые доступны для субъектов предпринимательской деятельности, являющихся правообладателями того или иного участка.

Документация по планировке территории, включающая проект планировки территории и проект межевания территории, подготавливается в целях обеспечения устойчивого развития территорий, направленного на обеспечение при осуществлении градостроительной деятельности безопасности и благоприятных условий жизнедеятельности человека, ограничение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и обеспечение охраны и рационального использования природных ресурсов в интересах настоящего и будущего поколений. При наличии утверждённых проектов планировки территории планирование и использование земельных участков, относящихся к собственности публично-правовых образований, должно осуществляться в соответствии с ними. Ими может быть предусмотрено образование земельных участков, их изъятие для государственных и муниципальных нужд.

Указанные документы имеют большое значение для рационального использования территории, для обеспечения публичных и частных интересов, при определении допустимых видов деятельности и строительства капитальных объек-

тов. Они могут быть изменены в связи с изменением интересов и потребностей в использовании территории. В связи с этим возникает ряд вопросов, связанных с необходимостью защиты прав субъектов предпринимательской деятельности.

При разработке и утверждении правил землепользования и застройки могут изменяться территориальные зоны (их расположение, вид). Несмотря на наличие института общественных обсуждений или публичных слушаний, комиссией могут быть рассмотрены предложения об установлении территориальных зон с учётом развития различных видов производственной деятельности. Особое значение имеет определение зон производственно-складских объектов различных классов опасности. На земельных участках, относящимся к таким зонам, предполагается строительство капитальных объектов, для которых устанавливаются зоны с особыми условиями использования территорий, в пределах которых может исключаться или ограничиваться предпринимательская деятельность, не отвечающая режиму соответствующей зоны. В такую зону могут попасть участки, на которых расположены уже существующие капитальные объекты, или которые были приобретены ранее субъектами предпринимательской деятельности [3, с. 26].

При утверждении новых правил землепользования и застройки могут поменяться виды разрешённого использования земельных участков: ранее установленные виды могут быть исключены из градостроительного регламента той или иной территориальной зоны. Формально это приведёт к тому, что в соответствии со статьёй 85 ЗК РФ земельные участки и связанные с ними объекты недвижимости не будут соответствовать установленному градостроительному регламенту. И хотя в указанной статье содержится гарантия «использования участка и объектов недвижимости без установления срока приведения их в соответствие с регламентом», это может повлечь ограничения в осуществлении предпринимательской деятельности.

Использование таких категорий как «зона развития», «зона стабилизации» и «зона сжатия» также оказывает воздействие на использование территорий, которые призваны учитывать уровень их освоения и развития, обеспечения населения социальными объектами и объектами инфраструктуры. В их пределах определяются возможности градостроительной трансформации. Важным вопросом для субъектов предпринимательской деятельности является то, какие принципы закладываются в основу территориального зонирования. Например, это может быть принципы «получения максимально возможной прибыли с единицы земельного участка», «развития инвестиционных возможностей территории», «создания гуманной и здоровой полифункциональной градостроительной среды с инновационной и экологической составляющей» [1, с. 19].

Изменение документации по планировке территории может осуществляться по инициативе органов власти. С течением времени и в связи с изменением градостроительного законодательства органы местного самоуправления осуществляют актуализацию данной документации. На практике встречаются случаи, когда проекты планировки и проекты межевания территории лишь формально «освежаются», а фактически не приводятся в соответствие с существующими изменениями в использовании территории. Это может привести к отказам в

формировании участков, в выдаче разрешений на строительство и к иным ограничениям хозяйственной деятельности [2, с. 136–137].

Требуют дополнительной защиты права субъектов предпринимательской деятельности, которые ограничиваются в связи с тем, что в документации по планировке территории предусматривается использование земельных участков, требующее их изъятия. В статье 45 ГрК РФ предусмотрена гарантия, согласно которой «проект планировки территории, предусматривающий размещение объектов, в связи с которым допускается изъятие для государственных и муниципальных нужд, не действует в части определения границ зон планируемого размещения таких объектов в случае, если в течение шести лет со дня утверждения такого проекта планировки территории не принято решения об изъятии». Данная мера требует дополнительного правового регулирования. В частности, необходимо закрепить процедурные вопросы признания проекта планировки территории не действующим в части, об основаниях установления ограничений на срок шесть лет, возмещения убытков субъектам предпринимательской деятельности за указанный период.

В случаях, установленных земельным законодательством (например, статьи 11.3, 39.11 и 39.28 ЗК РФ), предоставление и образование земельных участков связывается с наличием утверждённой документации по планировке территории. Если интересы субъекта предпринимательской деятельности не учтены в утверждённых проекте планировки и проекте межевания территории, то в них придётся вносить изменения за свой счёт. Эта процедура является достаточно затратной. Проект планировки может охватывать достаточно большую территорию.

Таким образом, можно отметить, что изменение документов градостроительного зонирования и планировки территории урегулировано земельным и градостроительным законодательством, которое не предусматривает достаточных механизмов защиты прав субъектов предпринимательской деятельности.

Библиографический список

1. Аршакян А.А. Задачи градостроительных трансформаций функциональных зон / А.А. Аршакян, З.Г. Мамян // *Архитектура, строительство, транспорт*. – 2021. – № 2 (96). – С. 17–23.
2. Башарин А.В. Значение документации по планировке территории при выдаче разрешения на строительство и легализации самовольных построек / А.В. Башарин, С.В. Стрембелев / *Закон*. – 2021. – № 10. – С. 135–148.
3. Трутнев Э.К. Вопросы установления санитарно-защитных зон / Э.К. Трутнев // *Имущественные отношения в РФ*. – 2019. – № 7 (214). – С. 22–37.

УДК 346.2

*Н.А. Мешкова, аспирант кафедры хозяйственного права БГУ,
А.И. Сергеев, студентка 3 курса БГУ
г. Минск, Республика Беларусь*

Изобретательство и рационализаторство как тип самозанятости

В статье рассматривается деятельность изобретателей и рационализаторов как тип самозанятости. Внимание акцентируется на историческом развитии правового

регулирования рационализаторства и изобретательства. Сопоставление организационной и правовой конструкции рационализаторства и изобретательства, а также самозанятости, позволило констатировать необходимость признания деятельности, осуществляемой рационализаторами и изобретателями хозяйственно-трудовой (единственным институтом, в рамках которого хозяйственно-трудовая деятельность осуществляется, является самозанятость).

Ключевые слова: рационализаторство, изобретательство, самозанятость, творческая деятельность, хозяйственно-трудовая деятельность.

Статья 13 Конституции Республики Беларусь гарантирует всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, а ст. 51 гарантирует свободу художественного, научного, технического творчества и преподавания. В данной связи актуальной является постановка вопроса о правовом положении рационализаторов и изобретателей, а также правовом режиме осуществления рационализаторской и изобретательской деятельности, ввиду фактического создания дополнительного продукта в экономике, отнюдь не всегда учтенного в статистике, ввиду отсутствия надлежащего механизма, позволяющего легализовать осуществление такой деятельности. В качестве такого института, полагаем, возможно рассмотреть самозанятость, институционализация которой, в свою очередь, обусловлена именно научно-техническим прогрессом.

Еще в советский период был создан правовой режим рационализаторства и изобретательства. Подтверждением тому является наличие таких нормативных правовых актов, действующих в то время, как Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР (далее – СНК РСФСР) от 30 июня 1919 г. «Об изобретениях», Постановление СНК РСФСР от 12 сентября 1924 г. «О патентах на изобретения», Постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по содействию изобретательству», Постановление Центрального исполнительного комитета СССР (далее – ЦИК СССР) № 3 и СНК СССР № 256 от 9 апреля 1931 г. «О введении в действие положения об изобретениях и технических усовершенствованиях», Положение об изобретениях и технических усовершенствованиях, утвержденное Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 9 апреля 1931 г. № 3/256, Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, утвержденное Постановлением Совета Министров СССР от 24 апреля 1959 г. № 435, Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, утвержденное Постановлением Совета Министров СССР от 21 августа 1973 г. № 584.

Сегодня правовое положение рационализаторов определяется Положением о рационализаторстве, утвержденным Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 февраля 2010 г. № 209 (далее – Положение о рационализаторстве), а правовое положение изобретателей – Законом Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. № 160-З «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» (далее – Закон о патентах), Законом Республики Беларусь от 13.04.1995 № 3725-ХІІ «О патентах на сорта растений», Законом Республики Беларусь от 07.12.1998 № 214-З «О правовой охране топологий интегральных микросхем». При этом анализ актуального регулирования рационализаторства и изобретательства, его сопоставление с регулированием, установленным в советский период, позволяет констатировать, что природа рассматриваемой деятельности не изменилась, однако сегодня имеет место проблема в виде отсут-

ствия механизма, позволяющего определить механизм и методологию осуществления рационализаторской и изобретательской деятельности.

На наш взгляд, наиболее подходящей и фактически закреплённой (хотя и недостаточно системной) является механизм и методология осуществления деятельности в режиме самозанятости, ввиду «совпадения» организационной и правовой конструкции рационализаторства и изобретательства, а также самозанятости.

Деятельность самозанятых лиц представляет собою индивидуальную налогооблагаемую непредпринимательскую хозяйственную деятельность (в случае, когда является публичной монополией), хозяйственно-трудовую и творческую деятельность [1]. При этом такая творческая деятельность может как содержать элемент предпринимательской инициативы, так и не содержать. Сконцентрируем внимание именно на творческой деятельности самозанятых лиц, не содержащей элемента предпринимательской инициативы, ибо именно такой деятельностью фактически является деятельность рационализаторов и изобретателей. Ввиду данного обстоятельства представляется, что легализацию творческой деятельности рационализаторов и изобретателей представляется следует осуществлять путем признания ее хозяйственно-трудовой (т.е. деятельности, представляющей собой совокупность хозяйственных операций, осуществляемых физическими лицами и домохозяйствами, сочетающей в себе одновременно элементы трудовой и хозяйственной деятельности [2; 3]).

Данное обстоятельство обусловлено уже отмеченным ранее «совпадением» правовой и организационной конструкции рационализаторства и изобретательства, а также самозанятости (являющейся единственным институтом, в рамках которого возможно осуществление хозяйственно-трудовой деятельности). Соответственно, позволим себе следующую констатацию:

Деятельность рационализаторов и изобретателей – это творческая деятельность.

Субъектом, осуществляющим рационализаторскую и изобретательскую деятельность, может выступать только физическое лицо (группа физических лиц).

Цель осуществления рационализаторской и изобретательской деятельности заключается в достижении социального эффекта (основная цель).

Результатом осуществления рационализаторской и изобретательской деятельности является рационализаторское предложение (изобретение), т.е. объект прав, являющийся объектом интеллектуальной собственности.

Таким образом, изобретательство и рационализаторство представляет собою тип самозанятости, а «легализация» нового продукта, созданного в результате осуществления такой деятельности, видится в признании деятельности рационализаторов и изобретателей хозяйственно-трудовой деятельностью.

Библиографический список

1. Мешкова Н.А. Понятие и правовая природа самозанятости / Н.А. Мешкова // Актуальные проблемы гражданского права. – 2023. – № 1. – С. 266–279.
2. Конаневич Ю.Г. Хозяйственная деятельность в системе общественных отношений / Ю.Г. Конаневич // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2021. – № 1 (71). – С. 68–72.

3. Бондаренко Н.Л. Хозяйственные правоотношения: понятие и виды / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Право. Экономика. Социальное партнерство [Электронный ресурс]: материалы междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 92-летию учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», Минск, 28 апреля 2022 г. / Междунар. ун-т «МИТСО»; редкол.: В.М. Поздняков (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Междунар. ун-т «МИТСО, 2023. – 692 с.

УДК 346

*В.А. Мосин, к.ю.н., доцент ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Проведение собрания кредиторов в деле о банкротстве с использованием сети «Интернет»

На основании анализа действующего законодательства и судебной практики автор рассматривает возможность дистанционного проведения собрания кредиторов с использованием технических (электронных) средств, исследует актуальные правовые проблемы в этой области и предлагает средства их решения.

Ключевые слова: решение собраний, собрание кредиторов, банкротство, дистанционное участие, электронные и технические средства, цифровизация права.

Традиционно выделяют две основные формы голосования на собраниях участников гражданско-правовых сообществ – очная и заочная. Очная предполагает принятие решений путем совместного присутствия (заседания) и голосования на собрании в конкретном месте и в конкретное время, заочная – направление бюллетеней для голосования в течение определенного периода без необходимости совместного присутствия. На ряду с двумя названными формами голосования может допускаться их совмещение (очно-заочное голосование).

Указанные формы проведения собраний также закреплены в ст. 181.2 ГК РФ (глава 9.1 «Решения собраний гражданско-правовых сообществ»). При этом как для очного, так и для заочного голосования ГК РФ прямо предусматривает возможность дистанционного участия с использованием «электронных либо иных технических средств». Учитывая, что использование таких технических (электронных) средств так или иначе предполагает обмен данными через сеть «Интернет», условно обозначим такой способ проведения собрания как проведение собраний с использованием сети «Интернет».

Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве) в главе I не содержит общих положений о возможности проведении собраний кредиторов в заочной форме и о проведении собрания с использованием технических средств. Можно сказать, что такие положения включены в закон в порядке исключения, например:

(а) п. 5 ст. 9.1 Закона о банкротстве, допускающий заочное голосование на собрании кредиторов на время действия моратория;

(б) ст. 12.1 Закона о банкротстве, закрепляющая возможность заочного голосования при проведении собраний работников и бывших работников должника;

(в) статьи 189.1 и 201.12 Закона о банкротстве, позволяющие осуществление заочного голосования при банкротстве отдельных категорий юридических лиц – соответственно кредитного потребительского кооператива и застройщика;

(г) ст. 213.8 Закона о банкротстве, относящуюся к банкротству физических лиц, которая допускает проведение заочных собраний в электронной форме.

При этом постановление Правительства РФ от 06.02.2004 № 56, устанавливающее общие правила подготовки и проведения собраний кредиторов, вообще не содержит положений относительно заочного голосования на собрании и дистанционного участия в нем.

Таким образом, Закон о банкротстве и подзаконные нормативные акты по общему правилу не предусматривают возможность проведения собраний посредством сети «Интернет» для кредиторов должника – юридического лица. При банкротстве граждан соответствующая норма существует, но при этом использование технических средств допускается только применительно к заочному голосованию.

Такое фрагментарное правовое регулирование приводит к тому, что на практике при банкротстве физических лиц электронное голосование отождествляется с заочной формой проведения собрания, а при банкротстве юридических лиц – возможность заочного и электронного голосования вообще может быть поставлена под сомнение (например, постановление 18 ААС от 16.09.2020 г. по делу № А76-11196/2020).

Обозначенный правовой пробел отчасти был устранен в обзоре судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства (утв. Президиумом ВС РФ 26.12.2018). В нем указывалось, что в порядке аналогии закона к проведению собраний кредиторов должника – юридического лица допустимо применение положений ст. 213.8 Закона о банкротстве, регулирующей порядок проведения собраний в форме заочного (в том числе электронного) голосования в деле о банкротстве гражданина. Важно отметить, что применение такой аналогии допускается при условии, что на очном собрании кредиторов было принято решение, допускающее последующее проведение заочного голосования.

В то же время проведение собраний кредиторов в деле о банкротстве с использованием технических средств является насущной необходимостью, в том числе в контексте процесса цифровизации права. Зачастую участие в очном собрании кредиторов может быть затруднено, поскольку собрание кредиторов по общему правилу проводится по месту нахождения должника (п. 4 ст. 14 Закона о банкротстве), а местонахождение кредиторов может быть рассредоточено по территории страны. Территориальная удаленность кредиторов может являться проблемой и в случае отправки бланков на бумаге ввиду длительности сроков доставки почтовых отправлений.

В качестве достоинств проведения собраний кредиторов посредством сети «Интернет» в научной литературе отмечается уменьшение текущих расходов в деле о банкротстве, сокращение издержек в целом у кредиторов и связанное с этим повышение интереса к участию в собрании у миноритарных кредиторов, появление дополнительных гарантий фиксации материалов собрания и упроще-

ние обмена материалами собрания между участниками дела о банкротстве и судом [1].

В профессиональном сообществе также отмечается тенденция к росту электронных собраний [2]. Среди наиболее заметных сервисов по предоставлению услуг, связанных с дистанционными собраниями можно выделить Коннектор (SobKred.ru), Tender.one, Bankro.tech, МЭТС, Россия онлайн и другие [3].

В судебной практике, как правило, поддерживается право кредиторов в деле о банкротстве юридического лица на проведение собраний с использованием сети «Интернет». Отмечается, что проведение собраний в электронной форме отвечает положениям гл. 9.1 ГК РФ (например, постановление 5 ААС от 24.11.2022 по делу № А24-7228/2018). Суды также указывают, что проведение собрания в электронной форме позволяет избежать транспортных расходов для всех участников, а реализация такой возможности в будущем не исключает судебного контроля в отношении решений, принятых в таком порядке (постановление 11 ААС от 28.10.2021 по делу № А55-28138/2020 и определение ВС РФ от 14.03. 2022 г. № 306-ЭС22-696).

Вместе с тем, имеются и судебные акты, в которых проведение собрания кредиторов в заочной форме с использованием сети «Интернет» признается ненадлежащим способом. Например, в одном из дел суд пришел к такому выводу в ситуации, когда заочное собрание было проведено в отсутствие ранее принятого очного решения, допускающего дистанционное голосование (постановление 8 ААС от 22.02.2024 г. по делу № А46-21267/2022). В этом споре судом также было отмечено, что объективных предпосылок для проведения собрания в заочной форме не имелось, в частности управляющий не доказал экономическую целесообразность избрания такой формы с учетом большого числа конкурсных кредиторов или их удаленности друг от друга и управляющего. В обоснование своих выводов судом также было отмечено, что заочное собрание не позволяет участвовать в обсуждении вопросов повестки дня миноритарному кредитору, а технические возможности конкретной электронной площадки ограничили голосование по одному из вопросов повестки дня.

Учитывая вышеизложенное, действующее правовое регулирование проведения собраний кредиторов в деле о банкротстве посредством сети «Интернет» обнаруживает ряд проблем, в том числе:

а) Законом о банкротстве не предусмотрена возможность проведения в электронной форме очных собраний;

б) Законом о банкротстве прямо не определено, относится принятие решения о проведении собрания с использованием сети «Интернет» при банкротстве юридического лица к компетенции собрания кредиторов или конкурсного управляющего. Это в свою очередь создает риск того, что арбитражный управляющий, который в основном выступает инициатором проведения собраний, может без согласования с кредиторами перенести проведение собраний (как очных, так и заочных) в электронную форму, даже когда для этого нет каких-либо объективных причин, то есть имеется место для проведения собрания, отсутствует территориальная удаленность и т.д.

в) Законом о банкротстве и подзаконными актами не установлены детальные требования к порядку и условиям проведения собрания с использованием сети «Интернет»;

г) Некоторые участники собраний могут быть ограничены в возможности участия в нем по причине отсутствия необходимой технической возможности. Особенно это актуально, если проведение собрания требует наличия квалифицированной электронной подписи (КЭП), которой может не быть у кредитора (представителя) кредитора;

д) Если электронная площадка не требует обязательного наличия КЭП для голосования, то возникает обратная проблема – достоверно установить участвующее в голосовании лицо может быть невозможно;

е) Участие в собрании в электронной форме может быть затруднено по причине необходимости изучения требований конкретной электронной площадки, например, объем руководства пользователя (мануала) для проведения собрания на электронной площадке Bankro.tech составляет 209 листов;

ж) Кредиторы могут столкнуться с проблемой фиксации и последующего доказывания фактов голосования и подтверждения обстоятельств голосования (обсуждения вопросов повестки дня), когда электронная площадка не предусматривает техническую возможность сохранения доказательств, связанных с процессом голосования.

Решение указанных проблем полностью лежит в плоскости совершенствования действующего нормативного правового регулирования, в котором на наш взгляд, должны быть заложены следующие положения:

1) в главе I «Общие положения» Закона о банкротстве должно быть прямо предусмотрена возможность проведения собраний с использованием технических средств (как для заочных, так и для очных собраний);

2) кредиторы имеют приоритет перед арбитражным управляющим в выборе формы проведения собрания;

3) если кредиторы не приняли решение о форме проведения собрания, за арбитражным управляющим следует признать право на проведение собраний дистанционно при наличии объективных препятствий для очного голосования (отсутствие места проведения собрания или средств, территориальная удаленность участников и пр.);

4) разногласия между управляющим и кредиторами относительно формы проведения собрания могут быть решены судом в порядке ст. 60 Закона о банкротстве;

5) на уровне подзаконного акта должны быть установлены единые и детальные требования к порядку и условиям проведения собраний в электронной форме, с тем, чтобы пользователи всех электронных площадок имели равные возможности.

Библиографический список

1. Телюкина М.В. Некоторые проблемы цифровизации конкурсных отношений / М.В. Телюкина // Проблемы создания цифровой экосистемы: правовые и экономические аспекты: монография (коллектив авторов) – М.: «Юстицинформ», 2021.

2. Арбитражные управляющие распробовали электронный формат собраний кредиторов [Электронный ресурс] // URL: <https://proban.krotstvo.ru/news/arbitraznye-upravliaiushhie-rasprobovali-elektronnyi-format-sobranii-kreditorov-3146> (дата обращения: 01.04.2024).

3. Липкин И.Б. Практика использования дистанционного электронного голосования в банкротстве [Электронный ресурс] / И.Б. Липкин // URL: <https://fedresurs.ru/news/a9ee2b26-a252-47be-9773-56592fc6a359> (дата обращения: 01.04.2024).

УДК 347.1

*О.Н. Печерцева, к.э.н., доцент ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Репутационные риски и правовая защита деловой репутации

Развитие современных информационных технологий привело к росту репутационных рисков, реализация которых может иметь негативное воздействие на деловую репутацию и, как следствие, успешность функционирования фирмы. Минимизировать репутационные потери призваны правовые способы защиты деловой репутации фирмы.

Ключевые слова: деловая репутация, защита деловой репутации, репутационные риски, репутационные потери.

Под деловой репутацией в предпринимательстве принято понимать сформировавшееся коллективное восприятие деятельности фирмы в профессиональной сфере, характеризующее определенным уровнем доверия сотрудников, клиентов, партнеров. Деловая репутация фирмы квалифицирована в Гражданском кодексе как нематериальный актив. К таким видам активов относят: имидж компании; клиентская база; квалификация работников и условия их труда; устойчивость деловых и партнерских отношений; опыт работы на рынке; финансовые результаты; конкурентоспособность; корпоративная культура; маркетинговая и сбытовая политика; известность фирменных наименований, торговых марок; HR-бренд; качество услуг и продукции; инвестиционная привлекательность; контакты с общественностью; благотворительная деятельность [1].

Оценить деловую репутацию можно с использованием качественных и количественных показателей. Качественные показатели определяются на основе: рейтингов, экспертных оценок; социологических опросов; анализа отзывов, медиа, социальных сетей и т.д. Количественные рассчитываются с помощью методов: избыточных прибылей, балансового, аналитического [2, с. 19].

Показатель оценки уровня деловой репутации оказывает значительное влияние на итоговую рыночную стоимость организации. Положительная деловая репутация способствует увеличению балансовой стоимости фирмы. По оценкам специалистов, до 85% рыночной стоимости компании приходится на деловую репутацию. Изменение индекса репутации на 1% может приводить к изменению рыночной стоимости компании на 3% [3, с. 37].

Современное развитие информационных технологий привело к росту репутационных рисков. Репутационные риски – это вероятность изменения коллектив-

ного мнения о компании в негативную сторону, что может привести к падению доходов, разрыву партнерских отношений и уходу клиентов.

Репутационные риски делятся на внешние и внутренние. Внешние риски связаны с негативным воздействием извне (действия партнеров, конкурентов, клиентов), а внутренние могут быть вызваны действиями внутри компании (персонал). Главная цель анализа репутационных рисков фирмы заключается в необходимости минимизации репутационных потерь. Под репутационными потерями понимается любое негативное воздействие на деловую репутацию фирмы.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» отмечается, что успешность деятельности фирмы во многом зависит от ее деловой репутации. С целью защиты деловой репутации фирма вправе оспаривать как сведения порочащие ее деловую репутацию, так и просто не соответствующие действительности (п. 10 ст. 152 ГК РФ).

В случае умаления репутации, фирма вправе защищать свое право путем заявления требования о возмещении вреда, причиненного её репутации. Под вредом, причиненным деловой репутации, понимается любое ее умаление, которое проявляется в наличии у фирмы убытков, обусловленных распространением порочащих сведений и других неблагоприятных последствиях, как например, утрата положительного мнения о его деловых качествах, утрата конкурентоспособности, невозможность планирования деятельности и т.д. (п. 21 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2017)).

Признаками, характеризующими нанесения вреда деловой репутации, являются:

- 1) фактическое распространение ложной или не соответствующей действительности информации, порочащей деловую репутацию;
- 2) фактическое нанесения ущерба деловой репутации;
- 3) наличие причинно-следственной связи между действиями ответчика и возникновением неблагоприятных последствий (Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 июля 2012 г. № 17528/11).

Законом установлена специальная подведомственность арбитражным судам дел о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (п. 5 ч. 1 ст. 33 Арбитражного процессуального кодекса РФ). В арбитражные суды России ежегодно поступает до 1000 дел о защите деловой репутации, так, например, в 2021 поступило 899 таких дел, в 2022 г. – 716, за первую половину 2023 г. – 353. Процент удовлетворения требований составляет примерно 30%, что связано со сложностью сбора доказательств по данной категории дел [2].

В соответствии с п. 1 ст. 152 ГК РФ определено, что обязанность доказывания соответствия действительности распространенных сведений лежит на ответчике. Истец должен доказать: факт распространения сведений и их порочащий характер (п. 9 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 3 от 24.02.2005); наличие сложившейся положительной деловой репутации и причиненный ей вред.

Статьей 152 Гражданского кодекса предусмотрены следующие способы защиты деловой репутации фирмы: опровержение недостоверных сведений; публикация ответа в тех же источниках; замена или отзыв документа, содержащего порочащие сведения; удаление недостоверной информации; запрещение дальнейшего распространения указанных сведений; признание сведений недостоверными; возмещение убытков.

Библиографический список

1. Деловая репутация: анализ и оценка [Электронный ресурс] // Журнал Директор по персоналу. – URL: <https://www.hr-director.ru/article/67109-delovaya-reputatsiya-analiz-otsenka-18-m4> (дата обращения 02.04.2024).
2. Защитить деловую репутацию: инструкция [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.ru/story/227853/> (дата обращения 02.04.2024).
3. Моисеева В. Практика управления репутацией компании во время кризиса / В. Моисеева // Управление компанией. – 2002. – №6(13). – С. 37.

УДК 347.963

Н.А. Полякова, к.ю.н. доцент кафедры прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства и участия прокурора в гражданском, административном судопроизводстве и арбитражном процессе Университета прокуратуры Российской Федерации г. Москва, Россия

Роль органов прокуратуры в механизме защиты субъектов предпринимательства

Выработка и внедрение действенных механизмов защиты прав хозяйствующих субъектов несомненно влияет на формирование благоприятного делового климата в государстве, способствует его благополучному социально-экономическому развитию, позволяет успешно преодолевать новые глобальные вызовы. Своевременное прокурорское реагирование на факты ущемления прав предпринимателей способствует повышению защищенности всех участников гражданских правоотношений. Вектор развития проактивного прокурорского надзора за исполнением законов, целью которого является, прежде всего, не реакция на уже свершившиеся правонарушения, а их предотвращение и недопущение негативных последствий, безусловно будет способствовать соблюдению баланса интересов общества, бизнеса и государства. В статье на практических примерах надзорной работы освещаются вопросы реализации прокурорами предоставленных полномочий в сфере защиты прав субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, государственный контроль, контрольные (надзорные) мероприятия, средства прокурорского реагирования.

Взятый Российской Федерацией курс на снижение административных процедур несомненно способствует обеспечению устойчивого социально-экономического развития государства.

Роль органов прокуратуры в механизме защиты прав добросовестных предпринимателей и инвесторов, в том числе иностранных, трудно переоценить. Зна-

чение этой работы подчеркивается на международном уровне. Так, в ноябре 2023 г. участники 21-го заседаний Генеральных прокуроров государств-членов Шанхайской организации сотрудничества договорились надзирать за созданием благоприятных условий для ведения предпринимательской деятельности, используя для этого все формы сотрудничества [2].

Надзорные и иные полномочия прокуроров, в том числе при рассмотрении планов проведения плановых проверок, согласования неплановых контрольных (надзорных) мероприятий, используются в целях устранения препятствий для осуществления законной предпринимательской деятельности.

Думаю, излишне упоминать, коллеги, что обеспечение надзора на данном направлении имеют специфику.

Начинается работа с участия органов прокуратуры в формировании плана проверок.

В силу ч. 6.4 ст. 9 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», который продолжает применяться по отдельным видам контроля до 31 декабря 2024 года, Генеральная прокуратура Российской Федерации формирует ежегодный сводный план проведения плановых проверок. Такая формулировка перекладывает ответственность за законность включения контрольных мероприятий в план с органов контроля на органы прокуратуры, что, по моему мнению, искажает надзорные функции прокурора.

Так, п. 2.3 Порядка формирования органами прокуратуры Российской Федерации ежегодного сводного плана проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, утвержденного приказом Генерального прокурора РФ от 08.11.2019 № 783, возлагает обязанность загрузки планов в достаточно короткий срок (до 10 сентября) в информационную систему, с помощью которой формируется сводный план, на органы прокуратуры.

Но мы понимаем, что этот срок может быть нарушен прокурором по субъективным (проведение иных надзорных мероприятий) или объективным (сбои в работе информационной системы) причинам. И в этом случае каковы последствия? Войдут ли своевременно предложенные органом контроля плановые мероприятия в сводный план или у прокурора после истечения установленного срока не будет возможности загрузить план в Единый реестр проверок?

Так, при формировании плана на 2024 год двумя региональными прокуратурами не были загружены в ЕРП проекты планов ряда федеральных органов контроля и ответственность за угрозу срыва контроля (надзора) на поднадзорных территориях легла на их плечи.

Формирование плана – это часть контрольно-надзорной функции государственного органа. А функция – базовая сфера деятельности этого органа. Некоторые возразят: вызовы современного мира, как и общепланетарные и локальные кризисы, побуждают меняться государственную власть, в том числе в части исполнения функций. Но это не отменяют сам феномен государства. Любая функция представляет собой внешнее прикладное выражение системы или явления, обусловленное его природой и назначением [1]. Одной из руководящих идей

при распределении функций является для законодателя то, что объективно различное должно быть разделено и субъективно [3].

В свою очередь функции прокуратуры определены ст. 1 закона о прокуратуре и заключаются в надзоре за исполнением закона.

Другое дело Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

Согласно ч. 4 ст. 61 этого закона органы прокуратуры рассматривают проекты ежегодных планов органов контроля на предмет законности включения или не включения в них плановых мероприятий.

Данные ведомственной статистической отчетности свидетельствуют о скупупулезной проверке прокурорами поступивших предложений контролирующих органов. Так по результатам рассмотрения проектов планов на 2024 год прокурорами отклонено 69,5% проверок и из предложенных 147 тысяч осталось 45.

Анализ нарушений, выявленных Генеральной прокуратурой при организации этой работы, дает возможность определить реперные/болевые точки.

Органы контроля продолжают путаться в применении 294-ФЗ и 248-ФЗ, не указывают конкретных правовых оснований, послуживших поводом для планирования контрольного мероприятия, нарушают периодичность проверок, превышают предельную продолжительность проверок в отношении микро- и малых предприятий.

Это требует от прокуроров повышения внимания к исполнению названных полномочий, дополнительных мер по предупреждению незаконных проверок.

Еще одно не менее актуальное в период действия моратория на проведение проверок – рассмотрение заявлений контролирующих органов о согласовании проведения внеплановых контрольных мероприятий.

В 2023 г. каждое второе заявление, поступившее в порядке 294-ФЗ, прокурорами отклонялось. Еще больший процент отказов в согласовании проведения контрольных мероприятий наблюдается по 248-ФЗ (71%).

На этом направлении также требует внедрения проактивный прокурорский надзор.

Можно привести примеры территориальных прокуратур, которые в условиях современных вызовов уже перестроили работу, переориентировались на профилактику нарушений.

Так, прокурорами путем объявлений предостережений руководителям контролирующих органов о недопустимости нарушений правил введенного моратория удалось предотвратить проведение внеплановых КНМ в Саха (Якутии), Карачаево-Черкесской, Удмуртской республиках, Липецкой области и других регионах.

С целью недопущения необоснованных внеплановых КНМ по индикаторам риска, противоречащим закону, прокуратурой Свердловской области проведена комплексная работа по корректировке правовой базы присвоения категорий рисков хозяйствующих субъектов. Для восстановления законности потребовалось опротестование перечней индикаторов риска при осуществлении земельного контроля во всех муниципалитетах. Губернатор области проинформирован во состоянии законности в целях принятия управленческих решений по пересмотру

и актуализации, утвержденных органами регионального государственного контроля (надзора) и муниципального контроля перечней индикаторов риска.

Аналогичные нормы, включавшие в положениях о региональных видах государственного контроля противоречащие закону индикаторы риска, как-то объявление хозяйствующему субъекту предостережений, потребовали вмешательства прокуроров Мурманской области, Забайкальского края и других.

Наряду с профилактическими мерами прокуроры продолжают работу по пресечению выявленных нарушений закона. Отмечу, что количество проводимых прокурорами и выявляемых нарушений закона в изучаемой мной сфере не снижается.

Так, прокурорами в 2023 году проведено 23,5 тысячи проверок законности деятельности контролирующих органов (2022 г. – 20,9, +12,8%), выявлено 47,2 тыс. нарушений (2022 г. – 43,4, +8,8%).

В результате мониторинга ЕРКНМ прокурорами выявляются проверки, проведенные без согласования с органом прокуратуры.

По данным фактам возбуждаются дела об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 19.6.1 КоАП РФ, и параллельно в целях корректировки работы контролирующего органа вносятся представления (Мурманская область, прокуратура Кольского района).

Требуют вмешательства прокуроров нарушения при внесении информации о проверках в ЕРКНМ. Прокуроры продолжают корректировать эту работу путем внесения представлений, а в отношении виновных в нарушении должностных лиц возбуждать дела по ч. 3 ст. 19.6.1 КоАП РФ (Забайкальский край в региональные ГИТ, МЧС, УФССП и др.).

И перечень выявляемых нарушений в деятельности контролирующих органов можно продолжать и продолжать.

Все это говорит о злободневности вопроса административного давления на бизнес.

В заключении отмечу, что несомненно своевременное прокурорское реагирование на факты ущемления прав предпринимателей способствует повышению защищенности всех участников гражданских правоотношений.

Однако вектор развития проактивного прокурорского надзора за исполнением законов, целью которого является, прежде всего, не реакция на уже свершившиеся правонарушения, а их предотвращение и недопущение негативных последствий, нуждается в дополнительном развитии так как будет способствовать соблюдению баланса интересов общества, бизнеса и государства.

Библиографический список

1. Марченко М.Н. Теория государства и права: учеб. 2-е изд. / М.Н. Марченко. – М., 2006. – 680 с.

2. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан // URL: [https:// www. prokuratura. tj/ru/news/2365-press-reliz-o-rabochem-vizite-9.html](https://www.prokuratura.tj/ru/news/2365-press-reliz-o-rabochem-vizite-9.html) (дата обращения: 01.10.2023).

3. Современные проблемы организации публичной власти: монография / С.А. Авакьян, А.М. Арбузкин, И.П. Кененова и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: Юстицинформ, 2014. – 596 с.

Современные подходы к стимулированию эколого- и социально-ответственного корпоративного управления

В статье рассмотрены современные подходы к стимулированию эколого- и социально-ответственного корпоративного управления. Авторы подчеркивают, что несмотря на добровольность внедрения принципов ответственного ведения бизнеса, всё большее число корпораций следуют этой мировой тенденции.

Ключевые слова: корпоративное управление, ответственное ведение бизнеса, устойчивое развитие, ESG.

Концепция устойчивого развития прочно вошла во все сферы жизни общества и государства. В корпоративной сфере все большее число компаний следуют практикам ответственного ведения бизнеса, которые включают повышенные показатели социальной и экологической ответственности. В свою очередь в инвестиционной сфере квалифицированные инвесторы отдают предпочтения корпорациям, придерживающихся политики устойчивого развития. Так, на конец 2020 г. инвесторы вложили более 12,2 млрд. долларов в фонды, чья деятельность основана на учете экологического и социального аспектов, а также стандартов корпоративного управления. Некоторые эксперты ожидают, что к 2040 г. эта сумма достигнет 50 трлн. долларов [1].

Современные подходы к стимулированию эколого- и социально-ответственного корпоративного управления могут включать в себя различные инструменты и механизмы, направленные на поощрение компаний к внедрению более устойчивых и ответственных практик. Это может быть осуществлено через разработку соответствующих законов и нормативов, создание стимулов и преференций для компаний, активно внедряющих экологически и социально ответственные практики, а также через публичное признание и поощрение лидеров в этой области.

Однако, важно учитывать, что такие меры должны быть основаны на четких и объективных критериях, чтобы избежать злоупотреблений и манипуляций. Кроме того, необходимо обеспечить прозрачность и открытость процессов стимулирования и оценки экологической и социальной ответственности корпораций.

Внедрение принципов ответственного ведения бизнеса в деятельность корпорации носит добровольный характер. В связи с этим для того, чтобы стимулировать ответственное ведение бизнеса мировое сообщество предложило правительствам различных стран поддержать данный подход путем предоставления финансирования, а также иных способов государственной поддержки.

Так, в документе ООН «Повестка дня XXI века» (принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14.06.1992 г.) сначала было обозначено только одно направление инвестирования – развитие и охрана окружающей среды (п. 1.4). В документе было предусмотрено, что правительства должны определить и внедрить соответствующий комплекс экономических механизмов и нормативных мер, которые будут способствовать использованию

более экологически чистых производств с упором на мелкие и средние предприятия. Следует также поощрять добровольные частные инициативы (п. 30.8).

В 2002 году международное сообщество заговорило уже о необходимости государственных и частных инвестиций в различные мероприятия и компании, реализующие принципы устойчивого развития. Этот подход был реализован в Монтеррейском консенсусе (принят 18-22.03.2002 г. на Международной конференции по финансированию развития, Монтеррей, Мексика).

В этом же году был принят «План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию» (Резолюция 2. План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию. A/CONF.199/20. 26.08 – 4.09.2002 г.), который зафиксировал механизмы, способствующие повышению инвестиционной привлекательности корпораций за счет повышения степени корпоративной экологической и социальной ответственности и подотчетности (пп. 18, 49, 86, 106, 140).

Таким образом, после 2002 года у инвесторов появился выбор: инвестировать в компании с традиционным подходом к осуществлению деятельности либо инвестировать в компании, придерживавшихся принципов ответственного ведения бизнеса. Поскольку большинство стран мира следуют общемировой повестке ООН по устойчивому развитию, то появился общий тренд по стимулированию ответственного ведения бизнеса и тем самым повышению инвестиционной привлекательности таких корпораций.

В развитие этой идеи в 2006 году Финансовая инициатива Программы ООН по окружающей среде (United Nations Environment Programme Finance Initiative – UNEP FI) разработала принципы ответственного инвестирования (далее – PRI).

После PRI появились другие программы ООН. Например, Принципы ответственного инвестирования в агропродовольственные системы (утверждены Комитетом по всемирной продовольственной безопасности 15.10.2014 г.) предусматривают 10 принципов, на основе которых должна осуществляться инвестиционная деятельность в агропродовольственных системах, что позволит обеспечить продовольственную безопасность. А в 2015 г. была утверждена Аддис-Абейская программа действий третьей Международной конференции по финансированию развития (принята Генеральной ассамблеей ООН A/69/L.82 от 27.07.2015 г.).

В зарубежной литературе отмечается, что уже в 2014 г. фокус внимания менеджеров частных финансовых фондов был направлен на социально ответственное инвестирование. Например, Кляйнер Перкинс, один из ведущих управляющих фондами венчурного капитала Кремниевой долины, в 2007 г. нанял лауреата Нобелевской премии мира Эла Гора, чтобы тот помог им сосредоточиться на социально ответственных инвестициях [2].

В России правовой основой ответственного инвестирования являются рекомендательные акты Банка России таким как: Информационное письмо Банка России от 15.07.2020 г. № ИН-06-28/111 «О рекомендациях по реализации принципов ответственного инвестирования», Информационное письма Банка России от 30.06.2023 г. № ИН-02-05/46 «О рекомендациях по разработке методологии и присвоению ESG-рейтингов (рейтингов устойчивого развития)».

Финансирование устойчивого развития и его составной «зеленой» части является одной из приоритетных задач, заложенных в Стратегии социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г. (утв. Распоряжением Правительства РФ от 29.10.2021 г. № 3052-р). При этом в нормативных актах, принятых за последние 3-5 лет, подчеркивается связь устойчивого финансирования/развития и зеленого финансирования/развития.

Таким образом, современные подходы к стимулированию эколого- и социально-ответственного корпоративного управления играют важную роль в построении устойчивого и ответственного бизнеса, способного удовлетворить потребности текущих поколений, не ущемляя возможности будущих.

Библиографический список

1. Blume M. A Beginner's Guide to Socially Responsible Investing / M. A. Blume. – URL: <https://hbr.org/2021/12/a-beginners-guide-to-socially-responsible-investing> (дата обращения: 01.04.2024).

2. Cumming, D.J., Johan S.A. 4 – Fundraising and Regulation. Venture Capital and Private Equity Contracting (Second Edition) / D.J. Cumming, S.A. Johan. – Elsevier, 2014. – Pp. 79–143. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/B9780124095373000049> (дата обращения: 01.04.2024).

УДК 346.7

*М.П. Рубанова, к.ю.н., преподаватель СПбГУ
г. Санкт-Петербург, Россия*

Инвестиционные платформы как механизм поддержки субъектов предпринимательства

Привлечение инвестиций через современные инвестиционные платформы представляет собой новые возможности сложное правовое поле, на которое влияют многие факторы. Цель данной работы – рассмотреть правовые аспекты привлечения инвестиций с использованием инвестиционных платформ как механизм поддержки субъектов предпринимательства. Среди ключевых вопросов, которые будут рассмотрены, можно выделить регулирование ответственности инвестиционных платформ, риски инвесторов и лиц, привлекающих инвестиции, взаимодействие с национальной правовой системой. Автором применены методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой и формально-юридический методы, а также метод статистического анализа.

Ключевые слова: инвестиционные платформы, правовое регулирование, привлечение инвестиций, Российская Федерация.

Кредитные организации или специальные фонды часто отказывают предпринимателям в предоставлении денежных средств в связи с низкой обеспеченностью возврата заемных денежных средств и усилением контроля со стороны Банка России, и введением макропруденциальных лимитов. В связи с этим инвестиционные платформы становятся перспективным инструментом привлечения инвестиций, что подтверждается статистическими данными о росте их числа и объема собранных средств.

Анализ практики применения норм о инвестиционных платформах позволяет выявить ряд проблем и перспектив в данной сфере. В частности, по данным Банка России, в 2022 году было выявлено 3 нелегальных оператора инвестиционных платформ.

В этой связи особенно актуальным становится вопрос об эффективности правового регулирования привлечения инвестиций с помощью инвестиционных платформ для развития предпринимательской деятельности.

Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.08.2019 г. № 259-ФЗ (далее – Закон о привлечении инвестиций с использованием Инвестиционных Платформ) не регулирует отношения по привлечению инвестиций с помощью краудфинансирования в привычном понимании – когда объявляется сбор для проекта с социальной направленностью. Например, на платформе «Планета.ру» объявлен сбор для строительства кузницы в Кировской области, первым проектом которой будет создание кованых ворот для детского сада [5]. Финансирование можно осуществить как перечислением денежных средств, так и посредством покупки сувенирных изделий. При этом внесенные денежные средства возврату не подлежат, проценты на них не начисляются и не уплачиваются.

Подобное финансирование проектов Законом о привлечении инвестиций с использованием Инвестиционных Платформ не регулируется. В поле регулирования данного Закона попадает исключительно коммерческий краудфандинг – привлечение юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем инвестиций на специальных платформах, операторы которых внесены в Реестр Операторов инвестиционных платформ, размещенный на сайте Банка России [8].

Изначально наиболее распространенным являлся способ привлечения инвестиций, предусмотренный пунктом 1 статьи 6 Закона о привлечении инвестиций с использованием Инвестиционных Платформ, а именно – краудлендинг, то есть предоставление займов. Краудинвестинг (инвестирование путем приобретения ценных бумаг) стало применяется для реализации проектов, осуществляемых предприятиями малого и среднего бизнеса, в том числе и стартапы и в течение 2022 г. получило сопоставимое с краудлендингом распространение [4].

Несмотря на то, что Операторы инвестиционных платформ заявляют инвесторам о том, что к привлечению инвестиций допускаются лишь самые надежные проекты, на практике проверка носит, прежде всего, формальный характер. Об этом говорят:

Информация, предоставляемая лицам, привлекающим инвестиции. Например, сайт инвестиционной платформы Поток в информационно-коммуникационной сети «Интернет» содержит следующую информацию: «высокий процент одобрений», «рассмотрение за 1 день», «никаких походов в офис и бюрократии – отправим деньги на р/с в любой банк».

Аналитические материалы Банка России: в действительности общий объем просроченной задолженности лиц, привлекающих инвестиции перед инвесторами по состоянию на конец 2022 г. составил 828 млн руб. (9,9% от общего объема привлеченных лицами, привлекающими инвестиции, денежных средств по действующим договорам займа), в то время как доля просроченной задолженности

по кредитам, выданным кредитными организациями в 2022 г., в среднем составляла 5% [4, 7].

При этом, в зависимости от надежности лицам, привлекающим инвестиции, присваиваются разные категории – то есть, осуществляется скоринг предпринимателей. От результатов скоринга зависит процент (вознаграждение), который получает инвестор и ставка займа, которое получает лицо, привлекающее инвестиции. В целях снижения риска оказания Оператором инвестиционной платформы услуг по привлечению инвестиций Банк России рекомендует, но не обязывает разработать и утвердить внутренний документ, регламентирующий порядок осуществления проверки соответствия лиц, привлекающих инвестиций и лиц, намеревающихся заключить договор об оказании услуг по привлечению инвестиций.

И лишь в случае осуществления Оператором финансовой платформы Скоринга – Банк России рекомендует разработать и утвердить внутренний документ, регламентирующий порядок его проведения, оставляя на усмотрение оператора перечень оцениваемых в рамках Скоринга показателей, сроки и порядок проведения Скоринга, правила определения результатов, периодичность и порядок проведения процедуры пересмотра результатов Скоринга, а также порядок привлечения третьих лиц для проведения Скоринга (если такие лица привлекаются).

В связи с этим необходимо указать как минимум два недостатка инвестиционных платформ. Во-первых, недоверие инвесторов из-за непрозрачных скоринговых систем, оценивающих надежность заемщика. Во-вторых, практика использования уязвимостей системы инвестиционных платформ недобросовестными заемщиками, которые поднимают себе рейтинг искусственно. В этих случаях кредитная история формируется из мелких сумм. Приобретение высокого скорингового рейтинга позволяет недобросовестному заемщику получить значительный заем, который он возвращать не будет.

Кроме того, в сочетании с недостаточным регулированием контекстной рекламы, в частности, в видеороликах, размещаемых на видеохостинге «Ютуб» и снижением доверия к традиционным формам вкладов, указанные выше обстоятельства приводят к возможности агрессивной маркетинговой политики операторов инвестиционных платформ, которая создает у потребителей иллюзию гарантированного дохода и повышенной надежности инвестиций, осуществляемых с помощью инвестиционных платформ.

Исследование инвестиционных платформ и их взаимодействие с реальным сектором экономики в России демонстрирует ряд основных выводов:

1. Анализ правового регулирования и практики применения норм о инвестиционных платформах позволяет выделить ряд проблем, требующих решения. В частности, необходимо усовершенствование механизмов защиты прав инвесторов, усиление контроля за деятельностью инвестиционных платформ и уточнение требований к организаторам этих платформ.

2. Инвестиционные платформы позволили неквалифицированным инвесторам инвестировать под присмотром Центрального Банка имеющиеся у них денежные средства в бизнес юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые не могут или не хотят кредитоваться в финансовых организациях.

В заключение, инвестиционные платформы, несмотря на некоторые препятствия, представляют собой современный инструмент поддержки предпринимательства в России. Однако успешное их применение потребует адаптации законодательства к современным экономическим тенденциям, в том числе цифровизации.

Библиографический список

1. Баранников А.Л. Краудфандинг и краудинвестинг – новые инструменты привлечения инвестиций в Индустрии 4.0 / А.Л. Баранников, Л.И. Донскова // Новая экономика России в Индустрии 4.0: материалы Всеросс. (нац.) научно-практической конференции / под ред. А.В. Семенова, Л.Г. Руденко, Н.В. Бушуевой. – М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2022.
2. Безмертная Е.Р. Краудфандинг и иные формы инвестирования как альтернатива банковскому кредитованию / Е.Р. Безмертная // Финансовые рынки и банки. – 2019. – №4. – С. 73–78.
3. Клинов А.О. Правовое регулирование краудфандинга в России и за рубежом / А.О. Клинов // Закон. – 2018. – № 2. – С. 90–105.
4. Обзор платформенных сервисов в России (операторы инвестиционных платформ, операторы информационных систем и оператор финансовых платформ). Информационно-аналитический материал. 2023 [Электронный ресурс] // URL: <https://xn--80a3bf.xn--p1ai/library/obzor-CFA-CBR>
5. Планета.ру [Электронный ресурс] // URL: <https://planeta.ru/campaigns/190866?ysclid=ljumlhda2d861142128>
6. Савалей В.В. Развитие альтернативных форм финансирования проектов с применением цифровых технологий / В.В. Савалей // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2021. – Т. 13. – № 1. – С. 45–61.
7. Хуснатдинов И.А. Рынок альтернативных способов привлечения финансирования: инвестиционные платформы / И.А. Хуснатдинов, А.Л. Баранников, А.Ш. Гизятова, Е.Н. Киселева, С.Ю. Ерошкин // Компетентность (Competency Russia). – 2023. – № 4.
8. Центральный Банк России [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/146720/platform_services_20230515.pdf

УДК 346.1

*Н.В. Рубцова, к.ю.н., доцент НГУЭУ
г. Новосибирск, Россия*

О соотношении хозяйственной и предпринимательской деятельности

В статье рассматриваются признаки хозяйственной деятельности как особого вида экономической деятельности. Обосновано отнесение производственной деятельности к хозяйственной, а не предпринимательской деятельности. Сделан вывод о самостоятельности хозяйственной деятельности, которую следует выделять наряду с предпринимательской.

Ключевые слова: хозяйственная деятельность, производственная деятельность, предпринимательство.

В законодательстве и научной литературе встречается термин «хозяйственная деятельность», который чаще использовался в период развития административно-командной экономики. В советском законодательстве этот термин обозначал деятельность хозяйствующих субъектов. Так, А.А. Собчак определял хозяйственную деятельность как «деятельность, которая состоит в создании, распределении и доведении до потребителей продукции, предназначенной для удовлетворения потребностей народного хозяйства и населения. Ею охватываются отношения не только производства, но также распределения и обмена» [6, с. 9]. То есть, учитывая легальное определение предпринимательской деятельности, можно сделать вывод о том, что термин «хозяйственная деятельность» шире, чем «предпринимательская», поскольку включает и производственную деятельность. Также широкое определение хозяйственной деятельности предлагает Г.Л. Знаменский, показывая связи хозяйственной деятельности с производством и реализацией продукции, выполнением работ и оказанием услуг, а также с обеспечением их производителей необходимыми ресурсами [1, с. 9]. При этом Г.Л. Знаменский подчеркивает сочетание в хозяйственных отношениях частного и публичного, считает, что «хозяйственные отношения бинарны, состоят из двух взаимодействующих и взаимосвязанных элементов – имущественных и организационных» [1, с. 17]. В советский период встречается и термин «производственно-хозяйственная деятельность», в котором выделяется именно производственная функция хозяйственной деятельности [3, с. 12–13].

Заметим, что в современном законодательстве производственная деятельность также рассматривается как разновидность хозяйственной деятельности. Так, согласно п. 1 ст. 1 Федерального закона от 11.06.2003 №74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» крестьянское (фермерское) хозяйство представляет собой объединение граждан, связанных родством и (или) свойством, имеющих в общей собственности имущество и совместно осуществляющих производственную и иную хозяйственную деятельность (производство, переработку, хранение, транспортировку и реализацию сельскохозяйственной продукции), основанную на их личном участии.

Вместе с тем, смешение терминов законодателем порождает и разное их понимание исследователями. Так, Г.Ф. Ручкина отождествляет хозяйственную деятельность с активной экономической осуществляемой на свой риск деятельностью, связанной с пользованием имуществом, продажей товаров, выполнением работ или оказанием услуг (как направленной на систематическое получение прибыли, так и не имеющей такой цели) [5, с. 20]. На наш взгляд, указанные автором признаки являются сущностной характеристикой не хозяйственной, а именно предпринимательской деятельности. Содержание же хозяйственной деятельности, в первую очередь, основывается на том, что это «деятельность в сфере материального производства, связанная с организацией использования имущества для изготовления и реализации продукции, выполнения работ и оказания услуг» [7, с. 18].

Соответственно предпринимательскую деятельность можно определить только как часть хозяйственной деятельности [2, с. 42], поскольку осуществление хозяйственной деятельности не обязательно должно быть направлено на получение прибыли, что, в свою очередь, составляет один из признаков предприниматель-

ской деятельности. Хозяйственная деятельность может осуществляться и для собственных нужд субъекта [4, с. 18], поэтому не всякая хозяйственная деятельность может считаться предпринимательской, если она не направлена на получение прибыли. Вместе с тем, производственный аспект может составлять также сущность предпринимательской деятельности, если он связан с последующей реализацией товаров.

Несмотря на то, что в современных научных исследованиях наряду с термином «предпринимательская деятельность» чаще используется термин «экономическая деятельность», в нормативно-правовых актах предпочтение отдается термину «хозяйственная деятельность». В частности, такая терминология встречается в Гражданском кодексе РФ (ст. ст. 107, 748, 1350 и др.), Жилищном кодексе РФ (ст. ст. 120, 150-152), Земельном кодексе РФ (ст. ст. 1, 7, 12, 13, 31, 56 и др.), Налоговом кодексе РФ (ст. ст. 150, 288.1, 333.2, 346.26 и др.), Трудовом кодексе РФ (ст. 193), Уголовном кодексе РФ (ст. 185.1) и т. д. Также этот термин активно используется в судебной практике. Так, согласно п. 6 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» под обычной хозяйственной деятельностью следует понимать любые операции, которые приняты в текущей деятельности соответствующего общества либо иных хозяйствующих субъектов, занимающихся аналогичным видом деятельности, сходных по размеру активов и объему оборота, независимо от того, совершались ли такие сделки данным обществом ранее. Т. е. под хозяйственной деятельностью понимаются любые операции, составляющие основу деятельности организации.

Заметим, что и законодательство ряда стран оперирует термином «хозяйственная деятельность».

Проанализировав вышеуказанные понятия, можно заключить, что предпринимательская деятельность уже экономической и хозяйственной деятельности и относится к одной из разновидностей экономической деятельности.

Библиографический список

1. Знаменский Г.Л. Новое хозяйственное право. Избранные труды: сб. науч. трудов / Г.Л. Знаменский. – Киев: Юринком Интер, 2012. – 488 с.
2. Михайлов А.В. Теоретические и практические проблемы правового регулирования хозяйственных отношений в современных условиях / А.В. Михайлов // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики. Материалы международного научно-практического круглого стола. В 2-х частях. Ч. 2. Отв. ред. Н. Л. Бондаренко. – Минск: БГУ, 2021. – С. 42–47.
3. Первушин А.Г. Хозяйственный договор в деятельности предприятий сельского хозяйства / А.Г. Первушин. – М.: «Юрид. лит.», 1976. – 224 с.
4. Правовое регулирование экономической деятельности: единство и дифференциация: монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.А. Мохов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 464 с.
5. Ручкина Г.Ф. Понятие и содержание экономической деятельности и ее соотношение с хозяйственной и предпринимательской деятельностью / Г.Ф. Ручкина // Юрист. – 2003. – № 2. – С. 19–21.

6. Собчак А.А. Правовое регулирование хозяйственной деятельности / А.А. Собчак. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. – 67 с.

7. Хозяйственное право: учебник / под ред. В.К. Мамутова. – Киев: Юринком Интер, 2002. – 910 с.

УДК 34: 631.145

*А.Х. Селезнева, к.ю.н., доцент БашГАУ
г. Уфа, Россия*

КФХ и хозяйственные товарищества: общее и особенное

В статье приводится сравнительный анализ крестьянских (фермерских) хозяйств, создаваемых в качестве юридических лиц с хозяйственными товариществами. Делается вывод о том, что несмотря на общие черты указанных организационно-правовых форм предпринимательства, фермерские хозяйства обладают своей спецификой, в силу которой выделяются законодателем в качестве отдельного вида юридических лиц. Делается вывод о необходимости принятия в целях защиты интересов фермерских хозяйств, действующих как юридические лица, специального закона, подробно регламентирующего их правовой статус.

Ключевые слова: КФХ, фермерское хозяйство, хозяйственные товарищества, полное товарищество, командитное товарищество, товарищество на вере, аграрное предпринимательство, юридическое лицо, корпоративная организация

После появления в 2012 году в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) новой статьи 86.1, предусматривающей возможность создания крестьянского (фермерского) хозяйства (далее – КФХ, фермерское хозяйство) в качестве организационно-правовой формы юридического лица, в научной литературе не угасают споры о правовом статусе такой организации. Учеными-правоведами высказывается в том числе мнение о том, что КФХ является разновидностью товариществ [2, с. 327; 3, с. 141]. Указывается, что КФХ без образования юридического лица есть не что иное как простое товарищество, а своим имуществом [1, с. 280].

Поскольку участниками полного товарищества могут быть только индивидуальные предприниматели, тогда как в фермерском хозяйстве такой статус есть только у главы КФХ, Шишмарева Т.П. считает, что КФХ является разновидностью командитного товарищества; в частности, на это указывает то обстоятельство, что структурно норма ст. 86.1 ГК РФ расположена в разделе 3.1 после раздела 3 «Товарищество на вере» [4, с. 151].

Конечно же, общие черты между КФХ и хозяйственными товариществами имеются; впрочем, как и с другими корпоративными организациями. Между тем, в отличие от товариществ, фермерское хозяйство обладает своими, присущими только ему, особенностями. Таковыми, на наш взгляд, являются следующие:

фермерское хозяйство – это форма ведения семейного бизнеса;

если хозяйственные товарищества могут создаваться в любом секторе экономики, то КФХ – исключительно в сфере сельского хозяйства;

полные товарищества – объединение предпринимателей, количество которых законодательно не ограничивается, в КФХ статус ИП требуется только для главы фермерского хозяйства;

участниками полного товарищества могут выступать не только индивидуальные предприниматели, но и коммерческие юридические лица, тогда как фермерское хозяйство всегда есть объединение граждан;

члены фермерского хозяйства объединяются для совместной производственной или иной хозяйственной деятельности, тогда как хозяйственные товарищества могут заниматься любыми видами предпринимательской деятельности;

в фермерских хозяйствах требуется, как правило, личное трудовое участие членов КФХ в его деятельности, в хозяйственных товариществах – полные товарищи обязаны принимать личное участие в предпринимательской деятельности;

учредительным документом хозяйственных товариществ является учредительный договор, фермерского хозяйства – устав;

управление деятельностью хозяйственных товариществ осуществляют полные товарищи по их общему согласию, органы управления, как правило, не предусмотрены, тогда как высшим органом управления КФХ как корпоративной организации, в отношении которой ГК РФ не делает исключений, является общее собрание участников;

если в полном товариществе, пока иное не предусмотрено учредительным договором, любой участник вправе действовать от имени товарищества, то в фермерском хозяйстве – такими полномочиями обладает, как правило, только глава КФХ.

Таким образом, на наш взгляд, КФХ нельзя отнести ни к полным, ни к командитным товариществам. Это особая организационно-правовая форма юридического лица с присущими только ему признаками, объективно выделяющих КФХ от других форм юридических лиц.

В целях исключения дальнейших споров о природе КФХ как юридического лица и в целях защиты интересов таких фермерских хозяйств считаем необходимым ускорить принятие специального федерального закона, определяющего особенности указанной формы ведения аграрного бизнеса.

Библиографический список

1. Гражданское право: учебник в 3 т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева. – М.: Проспект, 2018. – 1040 с.
2. Корпоративное право: учебный курс в 2 т. Т. 1 / под ред. И.С. Шиткина. – М.: Статут, 2017. – 976 с.
3. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право / Е.А. Суханов. – М.; Статут, 2014. – 456 с.
4. Шишмарева Т.П. Правовой статус крестьянского (фермерского) хозяйства как семейного предприятия / Т.П. Шишмарева // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 12. – С. 147–155.

К вопросу о природе принципа свободы хозяйственной деятельности

Природа принципа свободы хозяйственной (экономической) деятельности имеет нестандартный характер. Место данного принципа находится в системе принципов, регулирующих осуществление хозяйственной деятельности. Одновременно с этим принцип свободы хозяйственной деятельности носит общесоциальный характер.

Ключевые слова: хозяйственное право; принципы хозяйственного права; хозяйственная деятельность; свобода хозяйственной деятельности; принцип свободы хозяйственной деятельности.

Свобода хозяйственной деятельности и принцип свободы хозяйственной деятельности практически не исследованы в юридической науке. В рамках изучения механизмов защиты и поддержки субъектов предпринимательства является необходимым анализ природы принципа свободы хозяйственной деятельности. Определение природы данного принципа позволит сформировать целостное представление о пределах его допустимости в рамках деятельности, направленной на защиту и поддержку субъектов хозяйственной деятельности.

К числу принципов хозяйственного права, по общему правилу, относят следующие принципы:

- принцип свободы осуществления хозяйственной деятельности;
- принцип равенства субъектов, осуществляющих хозяйственную деятельность;
- принцип баланса интересов в сфере осуществления хозяйственной деятельности;
- принцип свободы конкуренции;
- принцип государственной поддержки субъектов, осуществляющих хозяйственную деятельность;
- принцип сочетания государственного регулирования условий осуществления хозяйственной деятельности и саморегулирования хозяйственной деятельности;
- принцип стабильности условий осуществления хозяйственной деятельности [1, с. 15–16].

Как видно из данного перечня, принцип свободы осуществления хозяйственной деятельности находится на первом месте среди иных принципов хозяйственного права, что является неслучайным. Принцип свободы осуществления хозяйственной деятельности или более кратко принцип свободы хозяйственной деятельности является основополагающим для отрасли хозяйственного права. Так Бондаренко Н.Л. определяет принцип свободы хозяйственной деятельности в качестве первоочередного в системе принципов хозяйственного права [2, с. 193].

В первую очередь, это связано с тем, что данный хозяйственно-правовой принцип присущ всем системам хозяйствования. Принцип свободы хозяйствен-

ной деятельности присущ всем системам общественных отношений, направленных на производство материальных и нематериальных благ в рамках осуществления хозяйственной деятельности, хозяйственно-трудовой и (или) творческой деятельности.

Вместе с этим место принципа свободы хозяйственной деятельности находится не только в рамках отрасли хозяйственного права, но и в рамках более масштабной системы: в системе принципов, регулирующих осуществление хозяйственной деятельности, куда входят не только хозяйственно-правовые принципы. Расширение сферы реализации принципа свободы хозяйственной деятельности связано с его тесной связью с регулированием экономики и нестандартным характером данного принципа.

Отдельные подтверждения данного положения можно найти в научной литературе. Так, на взгляд С.Г. Дробязко, современные правовые системы мира закрепляют нравственно-правовые, экономико-правовые, эколого-правовые и политико-правовые принципы. В свою очередь, к экономико-правовым принципам, на взгляд ученого, можно отнести, в том числе экономический плюрализм при наличии частной и государственной форм собственности, паритетность форм собственности, свободу конкуренции, антимонополизм, а также свободу предпринимательства [3].

Принцип свободы хозяйственной деятельности предваряет и определяет государственное регулирование экономики. Данный принцип задает общесоциальный контекст при установлении правовых и организационных основ государственного прогнозирования и планирования, а также при разработке документов государственного прогнозирования и планирования.

В связи с принятием Закона Республики Беларусь от 12 июля 2023 года № 279-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь» принята новая редакция Закона Республики Беларусь от 5 мая 1998 года № 157-З «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь» (далее по тексту – «Закон о государственном прогнозировании и планировании»).

В статье 2 Закона о государственном прогнозировании и планировании перечислены принципы, лежащие в основе государственного прогнозирования и планирования. Согласно данной статье, государственное прогнозирование и планирование основываются на принципах научной обоснованности, системности, открытости, преемственности и непрерывности, реалистичности, сценарности (вариантности) прогнозов, измеримости поставленных целей и задач, гибкости, а также эффективности.

Закрепление принципа научной обоснованности подчеркивает необходимость учета принципа свободы хозяйственной деятельности в сфере государственного прогнозирования и планирования. Более того, принцип свободы хозяйственной деятельности связан с иными поименованными в Законе о государственном прогнозировании и планировании принципами: системность, реалистичность и др.

В Российской Федерации действует Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Согласно статье 7 данного Федерального закона, организация и функционирование си-

стемы стратегического планирования основываются, в том числе на принципах сбалансированности системы стратегического планирования, результативности и эффективности стратегического планирования, реалистичности.

В частности, в соответствии со статьей 7 вышеуказанного Федерального закона от 28 июня 2014 года № 172–ФЗ принцип реалистичности означает, что при определении целей и задач социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности участники стратегического планирования должны исходить из возможности достижения целей и решения задач в установленные сроки с учетом ресурсных ограничений и рисков. В свою очередь, принцип свободы хозяйственной деятельности является гарантией обеспечения социальных и экономических прав, неразрывно связан с национальной безопасностью. Более того, в организационно-правовую конструкцию данного принципа включены границы реализации.

Соответственно, анализ законодательных положений в сфере государственного прогнозирования и планирования демонстрирует допустимость, с учетом ограничений, принципа свободы хозяйственной деятельности в рамках государственного регулирования экономики, а также возможность определения природы принципа свободы хозяйственной деятельности в качестве общесоциального и хозяйственно-правового.

Библиографический список

1. Хозяйственное право: электронный учебно-методический комплекс для специальностей: 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право», 1-23 01 06-01 «Политология (политико-юридическая деятельность)» / Н.Л. Бондаренко [и др.]; БГУ, Юридический фак., каф. хозяйственного права. – Минск: БГУ, 2022. – 197 с.
2. Бандарэнка Н.Л. Канстытуцыйная прырода прынцыпаў заканадаўства Рэспублікі Беларусь аб гаспадарчай дзейнасці / Н.Л. Бандарэнка // Веснік Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь. – 2020. – № 4. – С. 191–200.
3. Дробязко С.Г. Принципы права / С.Г. Дробязко // Белорусская юридическая энциклопедия. В 4 т. Т. 3. П-С. – Минск, 2010. – С. 293.

УДК 346

А.В. Тихомирова, к.ю.н. доцент кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права Юридического института ЮУрГУ г. Челябинск, Россия

Отдельные вопросы государственного регулирования развития органического сельского хозяйства в Российской Федерации

Появление в правовом поле России нового направления сельского хозяйства – органического создает условия для обеспечения стабильного повышения качества и уровня жизни населения, обеспечивает выполнение общенациональных функций.

Автор проанализировал отдельные вопросы государственного регулирования развития производства органической сельскохозяйственной продукции, выявил пробелы правового регулирования.

Ключевые слова: органическое сельское хозяйство; государственное регулирование развития производства органической сельскохозяйственной продукции; меры государственной поддержки производства органической продукции.

Разработка и внедрение во второй половине XX века новых, для того периода времени, агротехнологий, удобрений, пестицидов и агротехники позволили накормить большую часть человечества. На первых порах общество пребывало в эйфории, было заинтересовано лишь в увеличении производства сельскохозяйственной продукции. Но в последствие, производство и переработка, полученной таким путем сельскохозяйственной продукции, привели к увеличению негативного воздействия на земельные и водные ресурсы, резкому росту деградации пахотных земель сельскохозяйственного назначения и снижению их плодородия, заражению пестицидами водных объектов и т.д. Периодические вспышки на разных территориях нашей планеты заболеваний культурных растений и дикоросов, сельскохозяйственных животных и птицы (коровье бешенство, свиная чума, птичий грипп, сибирская язва, ящур и другие заболевания домашних животных), пчел, аквакультур и т.д., характерных для традиционного сельского хозяйства, способны на нет свести все достижения, полученные агропромышленным комплексом в прошлом столетии, привели к осознанию человеком возможных негативных последствий употребления продуктов питания, полученных от больных или пролеченных растений и животных; породили недоверие к генетически модифицированным продуктам и т.д. Под влиянием изложенного в конце XX века в мире произошло постепенное переосмысление ценности питания как основы формирования иммунитета организма человека.

Одним из перспективных направлений мировой экономики является органическое сельское хозяйство, т.е. совокупности «видов экономической деятельности по производству сельскохозяйственной продукции, оказанию услуг в целях обеспечения населения российскими продовольственными товарами, промышленности сельскохозяйственным сырьем, при осуществлении которых применяются способы, методы и технологии, направленные на обеспечение благоприятного состояния окружающей среды, укрепление здоровья человека, сохранение и восстановление плодородия почв» (ст. 2 Федерального закона «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 № 280-ФЗ). Использование биопрепаратов, сидератов, органических и микробиологических удобрений позволяет снизить негативное воздействие на окружающую среду; предотвратить загрязнение водных наземных и подземных объектов отходами и минеральными удобрениями, деградацию почв; поддержать природное равновесие; производить сельскохозяйственную продукцию, обеспечивающую укрепление здоровья человека; сохранять и восстанавливать плодородие почв и «нарушенный человеком баланс между биосферой и техносферой» (см.: выступление на Генеральной Ассамблеи ООН Президента РФ В.В. Путина, 28.09.2015).

Органическое сельское хозяйство позволяет сохранять и восстанавливать плодородие почв, улучшает агробιοценозы и экосистемы. Но, на практике снижение нагрузки на окружающую среду; отказ сельхозпроизводителей от использования минеральных удобрений, антибиотиков, стимуляторов роста и гормональных препаратов, химических и генно-модифицированных кормов, агрессив-

ных технологий и агротехники приводит к большим финансовым, трудовым и иным расходам, и к резкому (в 5 – 6 раз) удорожанию производства продуктов питания (см.: <https://rosng.ru/tags/organicheskoye-sel-skoye-khozyaystvo>), что объясняет небольшой 8 – 10 % прирост производства органической продукции в год.

Органическая продукция – это экологически чистые сельскохозяйственная продукция, сырье и продовольствие. Основные направления правового федерального и регионального регулирования направлены на производство детского питания, крупы и муки, мясной и молочной продукции, консервов, продуктов переработки овощей и фруктов, но не затрагивает вопросы правового регулирования производства продуктов органического пчеловодства (Федеральный закон «О пчеловодстве в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 490-ФЗ). При этом Законодатель исключает из перечня органической продукции рыбную продукцию, что, на наш взгляд, противостоит природе. Вопросы к безопасности производства и воспроизводства рыбных ресурсов, в том числе, в искусственной среде много. Помимо прочего законодатель обделил вниманием дикоросы – съедобные грибы и дикорастущие травы, зелень, плоды и корни которых могут использоваться в питании и для производства лекарственных растений.

В июле 2023 г. в России принят документ стратегического планирования в сфере органического сельского хозяйства «Стратегии развития производства органической продукции в Российской Федерации до 2030 года». Предполагается, что реализация Стратегии позволит увеличить: а) площадь сельскохозяйственных земель, на которых применяются органические технологии до 4,2 млн га; б) производство органической продукции до 114,5 млрд руб; в) потребление такой продукции на внутреннем (до 149,8 млрд. руб.) и международном рынках (до 27,8 млрд. руб.) посредством:

обеспечения признания российских сертификатов соответствия производства органической продукции странами – импортерами органической продукции.

Сертификация органической продукции является основным инфраструктурным индикатором уровня развития российского рынка продукции с улучшенными характеристиками. На базе автономной некоммерческой организации «Российская система качества» работает секретариат межгосударственного технического комитета по стандартизации МТК 557 «Продукция органического производства», за которым закреплена основная органический стандарт ГОСТ 33980-2016 «Продукция органического производства. Правила производства, переработки, маркировки и реализации». Роскачество также ведет работу по эквивалентности российских стандартов зарубежным. Первым государством, признавшим сертификаты выдаваемые АНО Роскачество стал Катар;

2) внедрения и использования передовых научно-технических разработок в области органического сельского хозяйства. Например, Союз органического земледелия – член международной федерации за органическое сельское хозяйство IFOAM, член международной технологической платформы TP Organic регулярно проводит практическое обучение органическому сельскому хозяйству;

3) стимулирования развития предпринимательской деятельности в сфере производства такой продукции (так, планируемая площадь органического земледелия к 2030 г. должна составлять более 4,2 млн. га).

В настоящее время в реестре Роскачество зарегистрировано всего 170 производителей органической продукции, только в 50 регионах страны производят сертифицированную органическую продукцию, что ничтожно мало для нашей страны.

Основа специального правового режима органического сельского хозяйства заложена Конституцией РФ (ст. 75.1), предусматривающей создание условий для устойчивого экономического роста и Законом об органической продукции (ст. 9), который определил условия оказания государственной поддержки – это производство органической продукции. Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» от 29.12.2006 № 264-ФЗ легализовал, без привязки к органическому с/хозяйству, общие формы финансовой государственной поддержки в сфере развития сельского хозяйства: кредитование производителей сельскохозяйственной продовольственной продукции (ст. 11); развитие системы страхования рисков в сельском хозяйстве (ст. 12); выполнение мероприятий по повышению плодородия земель (ст. 13); осуществление зерновых интервенций; установление квот, пошлин и иных протекционистских мер на импорт такой продукции (ст. 14; п. 3 ч. 1 ст. 15); и информационную поддержку (ст. 17). Формы такой поддержки не конкретны, они не стимулируют сельхозпроизводителей использовать органические агротехнические технологии.

На Федеральном уровне предусмотрены приоритетные меры господдержки производителей органической продукции (Закон об органической продукции), а на региональном уровне они конкретизированы с учётом специфики сельскохозяйственной отрасли субъекта РФ (например, Законом РТ «О развитии производства органической продукции в Республике Татарстан» от 05.05.2021 № 34-ЗРТ; Законом КК «О развитии производства органической продукции на территории Краснодарского края» от 05.06.2019 № 4077-КЗ и Законом ВО «О производстве органической сельскохозяйственной продукции в Воронежской области» от 25.12.2015 № 226-ОЗ, Закон СО «О государственной поддержке производства и реализации сельскохозяйственной продукции (в том числе органической продукции) в Саратовской области» от 04.11.2003 № 68-ЗСО).

Основной мерой стимулирования производства органической сельхозпродукции является субсидирование, которое преимущественно проводится в рамках региональных программ.

Так, например, за счет региональных бюджетов обеспечивается возмещение части затрат на: а) проведение геномной оценки племенной ценности крупного рогатого скота в Воронежской области; б) осуществление мер по снижению пестицидной нагрузки и биологизации земли в Белгородской и Воронежской областях; в) сертификацию и приобретение биопрепаратов для органического земледелия в Воронежской области; г) подтверждение соответствия продукции стандартам в сфере производства органической продукции в Новосибирской области и т.д. В настоящее время к традиционным субсидиям, предоставляемым регионами сельхозпроизводителям на стимулирование производства молока, масличных и зерновых культур, плодово-ягодных насаждений, овощей открытого и защищенного грунта и т.д., добавляются и условия, стимулирующие сельхозпроизводителей производить органическую продукцию. Например, условия субсидирования в Республике Мордовия и Московской области на производ-

ство коровьего и козьего молока предусматривается применение повышающих коэффициентов при наличии органического сертификата на данную продукцию (см.: Портал предоставления мер финансовой государственной поддержки);

4) оказания содействия российским производителям органической продукции в продвижении на внешние рынки, в том числе путем обеспечения их участия в проводимых специализированных выставках и бизнес-миссиях за рубежом.

Полагаем, что законодателю необходимо: а) закрепить легальный порядок экспорта органической продукции; б) разработать комплекс мер государственной поддержки для стимулирования экспорта органической продукции, например, компенсация части затрат на сертификацию органической сельхозпродукции за рубежом и участие отечественных производителей органической продукции в международных выставках и ярмарках;

5) продвижения органической продукции среди потребителей и производителей.

Комитетом Совета Федерации Федерального Собрания РФ по аграрно-продовольственной политике и природопользования Министерства сельского хозяйства РФ и автономной некоммерческой организацией «Российская система качества» объявлен в 2024 г. Национальный органический конкурс, направленный на развитие ранка органической продукции, формирование привычек населения нашей страны к здоровому образу жизни, внедрение принципов устойчивого развития органического сельского хозяйства, поощрение передового опыта в развитии такой продукции в России и ЕАЭС, повышение экспортного потенциала органической продукции.

В нашей стране отсутствует статистический учет производства и потребления органической продукции, необходимый для объективного исследования, полагаем, что законодатель должен ликвидировать данный пробел;

б) заключения Соглашения о порядке признания в рамках Евразийского экономического союза продукции органической;

7) разработки и реализации программ профессиональной подготовки и переподготовки кадров для органического сельского хозяйства на базе образовательных организаций высшего образования и образовательных организаций дополнительного профессионального образования.

УДК 347.19

*О.А. Чепарина, к.ю.н., доцент Казанского федерального университета
г. Казань, Республика Татарстан, Россия*

Этический комплаенс организации: предпосылки внедрения

В статье рассматриваются правовые и иные предпосылки формирования этического комплаенса в организации, исследуются положения законодательства, а также требования регуляторов, составляющие основу и служащие индикаторами для внедрения этического комплаенса как элемента системы управления юридическим лицом.

Ключевые слова: юридическое лицо, комплаенс, этические принципы, ESG.

Само явление комплаенс неразрывно связано с этическими принципами, установками на приверженность компаний лучшим практикам, честному и этичному ведению бизнеса, принципу социальной ответственности. В Международном стандарте ISO 37301 «Системы управления соответствием требованиям – Требования с руководством по применению» предусмотрено, что организации, которые стремятся быть успешными в долгосрочной перспективе, должны создавать и поддерживать культуру соответствия, учитывая потребности и ожидания заинтересованных сторон. Соблюдение требований становится устойчивым благодаря его внедрению в культуру организации, а также в поведение и отношение людей, работающих в ней. Эффективная общеорганизационная система управления соответствием позволяет организации продемонстрировать свою приверженность соблюдению соответствующих законов, нормативных требований, отраслевых кодексов и организационных стандартов, а также стандартам эффективного управления, общепринятой передовой практике, этике и ожиданиям общества.

Таким образом, комплаенс – это система управления организацией, сущность которой состоит в приверженности соблюдению законов, иных нормативных требований, требований регуляторов, стандартам эффективного управления, общепринятой передовой практике, этике и ожиданиям общества.

Этическая составляющая изначально присуща функции комплаенс, поскольку комплаенс сформировался как ответ на многочисленные коррупционные скандалы, связанные с нечестным ведением бизнеса, и по своей сути явился реакцией государства на такие скандалы. Комплаенс воплотился не только в императивных нормах законов, но и в принципах ведения бизнеса, содержащихся в актах мягкого права (*soft law*). С одной стороны этические требования и нормы послужили основой комплаенс как функции, с другой, этический комплаенс сформировался как отдельный вид комплаенс со своим содержанием и особенностями.

В научной литературе комплаенс рассматривают как неотъемлемую часть корпоративной культуры компании, при которой выполнение каждым сотрудником своих должностных обязанностей, должно соответствовать стандартам законности и добросовестности, установленным компанией для ведения своей деятельности [1, 29]

В доктрине присутствует позиция по разделению комплаенс на юридический и этический. Юридический комплаенс устанавливает нормы обеспечения принципы законности ведения предпринимательской деятельности. С этической точки зрения комплаенс обеспечивает соответствие предпринимательской деятельности отраслевым стандартам, закреплённым в актах саморегулируемых организаций и внутренним нормам компании [2, 30].

Если обратиться к предпосылкам комплаенс в праве, нельзя не остановиться на принципе добросовестности участников гражданских отношений (ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации), согласно которому при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Не допускается использование граж-

данских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке. (п.1 ст. 10 ГК РФ). В соответствии с п. 2 ст. 6 ГК РФ при невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости.

В соответствии с п. 3 ст. 53 ГК РФ лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно. Такую же обязанность несут члены коллегиальных органов юридического лица (наблюдательного или иного совета, правления и т.п.). В соответствии с п. 4 ст. 65.2 ГК РФ участник корпорации обязан не совершать действия, заведомо направленные на причинение вреда корпорации; не совершать действия (бездействие), которые существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей, ради которых создана корпорация.

Кодекс корпоративного управления (письмо Банка РФ от 10.04.2014 № 06-52/2463) [1] предусматривает, что многие вопросы, связанные с корпоративным управлением, лежат за пределами законодательной сферы и имеют этический, а не юридический характер. Многие положения законодательства, регулирующие в том числе корпоративное управление, основываются на этических нормах и на нормах общепринятой деловой практики. Обществам следует действовать в соответствии не только с нормами законодательства, но и с этическими нормами, которые нередко являются более строгими, чем нормы законодательства (п. 3). Кодекс предусматривает, что корпоративное управление должно быть основано на принципе устойчивого развития общества и повышения отдачи от инвестиций в акционерный капитал в долгосрочной перспективе. Для этого обществу необходимо определить свою миссию и внедряемые корпоративные ценности, которые станут для членов органов управления и работников общества инструментом достижения его стратегических целей (п. 4).

Кодекс рекомендует создавать с учетом масштабов деятельности и уровня риска комитеты совета директоров по этике, комитет по здоровью, безопасности и окружающей среде и др. (п. 2.8.4.) Работа комитета по этике направлена на соблюдение обществом этических норм и построение доверительных отношений в обществе. Комитет по этике оценивает соответствие деятельности компании этическим принципам, которым следует общество и которые могут быть зафиксированы в корпоративном кодексе этики, формулирует позицию по вопросам возможного конфликта интересов работников общества, анализирует причины конфликтных ситуаций, возникающих из-за несоблюдения этических норм и стандартов (п. 194 Кодекса).

Указанные нормы в большей степени определяют принципы внутриорганизационных отношений, складывающихся в юридическом лице. Вместе с тем, как уже отмечалось выше, законодатель требует от юридического лица добросовестности и разумности в отношениях с третьими лицами. Так, в практику договорной работы прочно вошел институт заверения об обстоятельствах. В соответствии со ст. 431.2 ГК РФ предусматривает ответственность стороны, которая при заключении договора либо до или после его заключения дала другой стороне не-

достоверные заверения об обстоятельствах, имеющих значение для заключения договора, его исполнения или прекращения, в виде ее обязанности возместить другой стороне по ее требованию убытки, причиненные недостоверностью таких заверений, или уплатить предусмотренную договором неустойку.

Еще одной предпосылкой внедрения этического комплаенса являются требования Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 г. №273-ФЗ, который возлагает обязанность по разработке и принятию мер по противодействию коррупции на все организации (ст. 13.3.). В числе мер по предупреждению коррупции законодатель называет: разработку и внедрение в практику стандартов и процедур, направленных на обеспечение добросовестной работы организации; принятие кодекса этики и служебного поведения работников организации; предотвращение и урегулирование конфликта интересов; недопущение составления неофициальной отчетности и использования поддельных документов (п. 2 ст. 13.3. Федерального закона «О противодействии коррупции»).

Статья 19.28 Кодекса об административных правонарушениях РФ, предусматривая ответственность за незаконное вознаграждение от имени юридического лица, фактически стимулирует организацию к внедрению этического комплаенса в целях предотвращения коррупции со стороны ее работников. В противном случае организация может быть подвергнута штрафу в размере от 1 до 100 миллионов рублей. Институт конфликта интересов (ст. 10 ФЗ «О противодействии коррупции») диктует юридическим лицам необходимость формировать внутренние механизмы урегулирования ситуаций конфликта интересов, в противном случае возможно привлечение работников – заинтересованных лиц и их руководителей к ответственности вплоть до уголовной. Подобные последствия, в свою очередь, способны повлечь негативные репутационные издержки для юридического лица.

Еще одним важным фактором в формировании этического комплаенса организации, прежде всего публичного акционерного общества, являются требования регуляторов по формированию ESG политик. К числу таких документов относятся информационные письма Банка России «О рекомендациях по учету советом директоров публичного акционерного общества ESG-факторов, а также вопросов устойчивого развития» от 16.12.2021 № ИН-06-28/96, «О рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ» и ряд иных писем. ESG-факторы напрямую связаны с этической составляющей, поскольку включают требования к организации внутреннего управления компанией и взаимодействия с внешними стейкхолдерами с учетом высоких стандартов деловой этики, экологической и социальной ответственности.

Библиографический список

1. Бондаренко Ю. Эффективное управление комплаенс-рисками: системный подход и критический анализ / Ю. Бондаренко // Корпоративный юрист. – 2008. – №6. – С 29–32.
2. Копытин Д. Что такое комплаенс, или играем по правилам / Д. Копытин // Кадровик. – 2010. – №2. – С. 30–35.

О запрете на участие в компании одного лица другой компанией одного лица

Анализируется закрепленный в гражданском законодательстве России запрет на участие в компании одного лица другой компанией одного лица и практика его применения. Автор приходит к выводу о том, что данный запрет в настоящее время является юридическим атавизмом и может быть отменен без каких-либо негативных последствий для оборота.

Ключевые слова: компания одного лица, участник, общество с ограниченной ответственностью, акционерное общество, запрет.

В России в начале 90-х гг. XX в. в русле перехода к рыночной модели экономики легализуются так называемые компании одного лица. Данная правовая конструкция была невозможна в нашей стране в советский период. Известный советский цивилист М.И. Кулагин в своей монографии 1987 г. «Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо» назвал рассматриваемые компании в зарубежном праве «юридическими мутантами» [2, с. 22].

С момента принятия 30.11.1994 части первой Гражданского кодекса РФ (ГК) в нем было закреплено следующее положение: «В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, хозяйственное общество может быть создано одним лицом, которое становится его единственным участником» (первоначально в абзаце 2 п. 1 ст. 66 ГК, сегодня в абзаце 1 п. 2 ст. 66 ГК). И такие случаи были предусмотрены, как для обществ с ограниченной ответственностью (ООО), так и для акционерных обществ (АО), – в абзаце 1 п. 2 ст. 88 и абзаце 1 п. 6 ст. 98 ГК соответственно.

Однако изначально в ГК п. 2 ст. 88 закреплял следующее (утратил силу): «Общество с ограниченной ответственностью не может иметь в качестве единственного участника другое хозяйственное общество, состоящее из одного лица». Применительно к АО в абзаце 2 п. 6 ст. 98 ГК в первоначальной его редакции был закреплен аналогичный запрет, а именно: «Акционерное общество не может иметь в качестве единственного участника другое хозяйственное общество, состоящее из одного лица».

Таким образом, был наложен запрет на создание, скажем так, цепочки корпоративных отношений, где соседними «звеньями» являлись бы компании одного лица. Отечественный законодатель, очевидно, хоть и легализовал таких «юридических мутантов», как компании одного лица, продолжал относиться к ним настороженно, опасаясь того, что они могут стать орудием в неких злоупотреблениях со стороны недобросовестных лиц, которые за ними будут стоять [4, с. 459]. Однако вопрос о том, насколько оправдан анализируемый законодательный запрет, по сей день остается открытым. Ведь такого рода опасения, как верно заметил А.В. Габов, не сопровождаются никакими доказательствами и конкретными примерами [1, с. 44]. Кроме того, указанный запрет легко обойти [1, с. 44; 3, с. 148].

Более того, в 2007 г. законодатель предусмотрел одно исключение из анализируемого запрета: абзац 2 п. 6 ст. 98 ГК был дополнен (Федеральным законом от 05.02.2007 № 13-ФЗ «Об особенностях управления и распоряжения имуществом и акциями организаций, осуществляющих деятельность в области использования атомной энергии, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») и закрепляет следующее: «Акционерное общество не может иметь в качестве единственного участника другое хозяйственное общество, состоящее из одного лица, если иное не установлено законом». Иное сразу же закрепил п. 22 ст. 4 Федерального закона от 05.02.2007 № 13-ФЗ.

Затем появились и другие законодательные исключения из общего запрета иметь компании одного лица – АО в качестве участника другую компанию одного лица, в частности: в п. 9 ст. 18.1 Федерального закона от 23.11.2007 № 270-ФЗ «О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех» (в ред. Федерального закона от 10.07.2012 № 108-ФЗ); в п. 21 ст. 37 Федерального закона от 13.07.2015 № 215-ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос».

И в ходе текущей реформы гражданского законодательства сам законодатель сделал еще один шаг, как нам представляется, в сторону отмены анализируемого запрета. Во-первых, с 01.09.2014 в силу Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ в абзаце 2 п. 2 ст. 66 ГК появилось следующее предложение: «Хозяйственное общество не может иметь в качестве единственного участника другое хозяйственное общество, состоящее из одного лица, если иное не установлено настоящим Кодексом или другим законом». Во-вторых, благодаря тому же закону утратил силу абзац 2 п. 2 ст. 88 ГК, который гласил (в редакции Федерального закона от 30.12.2008 № 312-ФЗ): «Общество с ограниченной ответственностью не может иметь в качестве единственного участника другое хозяйственное общество, состоящее из одного лица». Таким образом, с 01.09.2014 в силу ГК появилась возможность законодательно закреплять исключения из общего запрета для компании одного лица – не только АО, но и ООО иметь в качестве участника другую компанию одного лица.

Все это не может, полагаем, не вызывать критики анализируемого общего запрета. Обоснован ли последний, и целесообразно ли его сохранение на сегодняшний день? Полагаем, на данный вопрос нужно дать отрицательный ответ. В пользу чего свидетельствует и правоприменительная практика.

Например, ранее распространение получили случаи оспаривания торгов по продаже 100 % акций открытых акционерных обществ при их приватизации, когда покупателем становились хозяйственные общества с единственным участником. Если подходить формально, то в этом можно усмотреть нарушение анализируемого в настоящей статье запрета и повод для признания таких торгов и заключенных по их результатам договоров купли-продажи недействительными. Однако такой формальный подход не может быть признан обоснованным и подвергался критике со стороны ученых [1]. Впрочем, сегодня и правоприменительная практика арбитражных судов свидетельствует о неправильности указанного подхода.

Так, рассмотрев кассационную жалобу по такого рода спору, Арбитражный суд Дальневосточного округа пришел к выводу о том, что приобретение ООО, у которого был один участник, 100 % акций открытого акционерного общества, находящихся в собственности муниципального образования, по результатам открытого аукциона само по себе не является достаточным основанием для признания этого аукциона и соответствующего договора недействительными (постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 16.01.2018 № Ф03-5219/2017 по делу № А73-9480/2016). При этом арбитражный суд кассационной инстанции заключил, что указанные обстоятельства не подтверждают нарушение в ходе проведения торгов абзаца 2 п. 6 ст. 98 ГК (и содержащего аналогичный запрет п. 2 ст. 10 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»), а ООО имело право быть покупателем муниципального имущества в соответствии с законодательством РФ. Более того, названные нормы ГК и Федерального закона «Об акционерных обществах» регулируют правоотношения сторон по учреждению акционерных обществ и не затрагивают отношения сторон по заключению сделок и приватизации государственного и муниципального имущества.

Ссылки на нарушение анализируемого запрета могут быть поводом и для более очевидных злоупотреблений. Например, по одному из дел физическое лицо, сначала продав свою долю в размере 100 % в уставном капитале ООО другому хозяйственному обществу (по цене, равной номинальной стоимости этой доли в размере 10 тыс. руб.), затем обратилось в арбитражный суд с иском о признании соответствующего договора купли-продажи недействительным и о применении последствий недействительности сделки лишь на том основании, что у покупателя был только один участник, и это якобы нарушает абзац 2 п. 2 ст. 66 ГК (и содержащий аналогичный запрет абзац 3 п. 2 ст. 7 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»). Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения арбитражным судом апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований было отказано. С выводами обеих инстанций по этому делу согласился и арбитражный суд кассационной инстанции, признав, что указанное выше «не влияло на свободу волеизъявления истца при отчуждении 100 % уставного капитала ООО» и не может служить основанием для признания оспариваемого договора недействительным (постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.02.2021 № Ф05-129/2021 по делу № А40-3004/2020).

Таким образом, следует признать, что запрет для компании одного лица иметь в качестве участника другую компанию одного лица в настоящее время является юридическим атавизмом и может быть отменен без каких-либо негативных последствий для оборота.

Библиографический список

1. Габов А.В. Интересное дело. Комментарии экспертов. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 12.04.2013 № Ф04-1214/2013 по делу № А27-20648/2011 / А.В. Габов, К.Ю. Гагаева, Д.В. Ломакин // Судебная практика в Западной Сибири. – 2014. – № 1 (17). – С. 35–45.
2. Кулагин М.И. Избранные труды / М.И. Кулагин. – М.: Статут, 1997. – 330 с.

3. Поваров Ю.С. Акционерное право России: учебник / Ю.С. Поваров. – М.: Высшее образование; Юрайт-Издат, 2009. – 660 с.

4. Шиткина И.С. Холдинги: правовое регулирование и корпоративное управление: научно-практическое издание / И.С. Шиткина. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 648 с.

УДК 347.44

*О.В. Шарова, директор по правовым вопросам ООО «Триумф»
г. Челябинск, Россия*

Меры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства при осуществлении закупок

В данной статье рассматриваются вопросы реализации государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. В частности, изучаются льготы, предоставляемые субъектам малого и среднего предпринимательства при осуществлении закупок.

Ключевые слова: закупки, субъекты малого и среднего предпринимательства, меры поддержки предпринимателей.

Государственная политика в области развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации является частью государственной социально-экономической политики и представляет собой совокупность правовых, политических, экономических, социальных, информационных, консультационных, образовательных, организационных и иных мер.

К целям реализации государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации относятся:

развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в целях формирования конкурентной среды в экономике Российской Федерации;

обеспечение благоприятных условий для развития субъектов малого и среднего предпринимательства;

обеспечение конкурентоспособности субъектов малого и среднего предпринимательства;

оказание содействия субъектам малого и среднего предпринимательства в продвижении производимых ими товаров (работ, услуг), результатов интеллектуальной деятельности на рынок Российской Федерации и рынки иностранных государств;

увеличение количества субъектов малого и среднего предпринимательства;

обеспечение занятости населения и развитие самозанятости;

увеличение доли производимых субъектами малого и среднего предпринимательства товаров (работ, услуг) в объеме валового внутреннего продукта;

увеличение доли уплаченных субъектами малого и среднего предпринимательства налогов в налоговых доходах федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов (ст. 6 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 № 209-ФЗ, далее – ФЗ № 209).

В целях реализации государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации предусмотрено предоставление и преференций субъектам малого и среднего предпринимательства, являющимся участниками закупок (ст. 16.1 ФЗ № 209).

Так, на заказчиков возлагается обязанность осуществлять закупки у субъектов малого и среднего предпринимательства в объеме не менее чем 25% совокупного годового объема закупок (ст. 30 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ, далее – ФЗ № 44). За нарушение данного обязательства предусмотрена административная ответственность (ст. 7.30 Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ).

Помимо этого, заказчики обязаны составлять отчет об объеме закупок у субъектов малого и среднего предпринимательства. Данный отчет необходимо составлять по итогам года и до 1 апреля текущего года и размещать в ЕИС.

Другой мерой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства является то, что если участниками закупок могут являться только указанные субъекты, то контракт должен включать обязательное условие о сроке оплаты за поставленный товар, выполненную работу (ее результаты), оказанную услугу, который не должен превышать 7 рабочих дней с даты подписания заказчиком документа о приемке (ст. 34 ФЗ № 44).

В государственных закупках, осуществляемых только для СМП, размер обеспечения контракта устанавливается в зависимости от цены заключаемого контракта. Размер обеспечения гарантийных обязательств не должен превышать 10%. В свою очередь, обеспечение исполнения контракта может не предоставляться при подтверждении субъектом малого или среднего предпринимательства исполнения трех контрактов в течение трех лет без штрафных санкций, однако их сумма не может быть меньше начальной максимальной цены контракта (ст. 96 ФЗ № 44).

Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ (далее – ФЗ № 223), в свою очередь, также предоставляет льготы субъектам малого и среднего предпринимательства:

Максимальный размер обеспечения заявки на участие – 2% от начальной максимальной цены контракта, а размер обеспечения исполнения договора – не более 5% (ст. 3.4).

В случае победы на торгах производитель оплачивает торговой площадке 1% от начальной максимальной цены контракта, но не более 2000 руб. (ст. 3.4).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что на данный момент активно реализуется программа государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, являющихся участниками закупок. К таким мерам относятся снижение сроков оплаты заказчиком; снижение или отсутствие обеспечения исполнения контракта, упрощенная регистрация на электронных торговых площадках и другие льготы.

Библиографический список

1. Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для

обеспечения государственных и муниципальных нужд» (постатейный; издание седьмое, переработанное и дополненное) / А.Н. Борисов, Т.Н. Трефилова // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 347.963

*Ш.М. Шурпаев, к.э.н., к.ю.н. заведующий кафедрой
общегуманитарных и социально-экономических дисциплин
Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Обеспечение прав субъектов предпринимательской деятельности средствами прокурорского надзора в сфере государственных и муниципальных закупок

В статье приведены ключевые направления надзорной деятельности в области обеспечения прав субъектов предпринимательства. Сделан вывод о том, что обеспечение прав субъектов предпринимательства в сфере государственных и муниципальных закупок является одним из приоритетов надзорной деятельности, а используемые средства прокурорского надзора соответствуют типичным рискам нарушений законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: прокурорский надзор, субъекты предпринимательской деятельности, государственные закупки, права субъектов предпринимательской деятельности.

Вопросы обеспечения прав субъектов предпринимательской деятельности средствами прокурорского надзора были предметом ряда исследований [1–5]. Прокурорский надзор в данной сфере, являясь частью надзора за исполнением законов, характеризуется комплексностью и универсальностью. Специфика данного вида надзора определяется сложным отраслевым характером регулирования предпринимательской деятельности. Предмет прокурорского надзора в рассматриваемой сфере определяется с учетом положений ст.ст. 1, 21 и 26 Закона о прокуратуре Российской Федерации, а также законодательства регулирующего предпринимательскую деятельность; данное направление надзора охватывает «надзор за публичным (главным образом государственным и муниципальным) регулированием и охраной предпринимательской деятельности, а также обеспечение правового положения лиц, занятых предпринимательством» [4, с. 123].

В одном из основных организационно-распорядительных актов Генерального прокурора Российской Федерации – приказе от 31 августа 2023 г. № 581 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности» (далее – приказ № 581) в том числе отмечается, что «ключевые проблемы бизнеса связаны с игнорированием органами государственной власти и органами местного самоуправления порядка предоставления гарантированной государством финансовой поддержки, льгот и преференций, оформления разрешительной документации, в том числе в строительной сфере, с несоблюдением требований законодательства о развитии малого и среднего предпринимательства, об оказании публичных услуг, их переводе

в электронный вид»¹, а также , что «деятельность органов власти не всегда способствует улучшению делового климата и повышению инвестиционной привлекательности регионов. Не искоренены административные барьеры в сферах внешнеэкономической и торговой деятельности, случаи несвоевременной оплаты исполненных государственных и муниципальных контрактов»². Таким образом, обеспечение прав субъектов предпринимательской деятельности в сфере государственных и муниципальных закупок – одно из приоритетных направлений надзорной деятельности в области соблюдения прав субъектов предпринимательской деятельности.

Законодательством о контрактной системе в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд (Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ, законодательство о контрактной системе в сфере закупок) субъекты предпринимательской деятельности наделены рядом прав, обеспечение которых является значимым направлением надзорной деятельности органов прокуратуры Российской Федерации, в том числе, связанных со свободным и безвозмездным доступом к информации о контрактной системе в сфере закупок (ч. 1 ст. 7 Закона № 44-ФЗ); обеспечением конкуренции между участниками закупок (ст. 8 Закона № 44-ФЗ); участием в определении поставщиков (подрядчиков, исполнителей), организуемых заказчиком, получением отдельными субъектами предпринимательства преимуществ, предусмотренных законодательством о контрактной системе в сфере закупок (ст.ст. 27–30 Закона № 44-ФЗ); исполнением, изменением, расторжением контрактов (ст.ст. 94–96 Закона № 44-ФЗ) и иными правами.

Анализ организационно-распорядительных документов Генерального прокурора Российской Федерации позволяет выделить отдельные приоритеты в направлении обеспечения прав субъектов предпринимательской деятельности средствами прокурорского надзора в сфере государственных и муниципальных закупок:

Повышение принципиальности и требовательности в вопросе ликвидации заказчиками задолженности перед предпринимателями по государственным и муниципальным контрактам (подп. 10 п. 1 приказа № 581; п. 2.9 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 14 января 2021 года № 6 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок» (далее – приказ № 6).

В рамках данного направления органами прокуратуры предпринимаются меры, которые позволяют погасить значительные объемы задолженности публичных заказчиков перед предпринимателями по государственным и муниципальным контрактам. Так, только в 2022 году в результате вмешательства органов

¹ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 31 августа 2023 г. № 581 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности» // СПС «Гарант».

² Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 31 августа 2023 г. № 581 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности» // СПС «Гарант».

прокуратуры погашены долги перед субъектами предпринимательства на сумму более 21,3 млрд рублей¹.

Прокуроры активно используют административно-правовые методы воздействия на публичных заказчиков в связи с нарушением ими порядка и сроков оплаты по государственным и муниципальным контрактам. Например, по результатам проверки соблюдения законодательства о закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, проведенной прокуратурой Матвеево-Курганского района Ростовской области установлено, что районной администрацией нарушены сроки оплаты двум подрядчикам услуг по муниципальным контрактам на общую сумму более 110 млн рублей. Прокуратура внесла главе органа местного самоуправления представление. По постановлению прокурора виновное лицо привлечено к административной ответственности по ч. 2 ст. 7.32.5 КоАП РФ (нарушение срока оплаты услуг при осуществлении закупок для обеспечения муниципальных нужд). Принятые меры позволили полностью погасить задолженность перед подрядчиками².

Обеспечение соблюдения прав субъектов малого предпринимательства при осуществлении закупок, в том числе в части их обязательного совокупного годового объема (абз. 3 п. 2.9 приказа № 6).

Обеспечение национального режима при осуществлении закупок (п. 2.6 приказа № 6).

Пресечение случаев создания публичными заказчиками преимущественных условий для участников, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации (п. 2.6 приказа № 6).

Реагирование на неправомерные закупки у единственного поставщика (п. 2.6 приказа № 6).

Принятие исчерпывающих мер по фактам заключения картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений (п. 2.6 приказа № 6).

Таким образом, обеспечение прав субъектов предпринимательской деятельности в сфере государственных и муниципальных закупок является одним из приоритетов надзорной деятельности в направлении соблюдения прав предпринимателей в целом. Приоритеты, определенные в организационно-распорядительных документах Генерального прокурора Российской Федерации в данном направлении, коррелируют с типичными рисками нарушений законодательства в рассматриваемой сфере.

Библиографический список

1. Бут Н.Д. Прокурорский за исполнением законов о защите прав предпринимателей / Н.Д. Бут // Вестник Академии. – 2017. – № 2. – С. 127–131.

¹ Усилиями прокуроров остаток долга перед бизнесом по исполненным государственным и муниципальным контрактам достиг рекордно низкого уровня. Генеральная прокуратура Российской Федерации : официальный сайт // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=85224931> (дата обращения: 12.03.2024).

² В Ростовской области после вмешательства прокуратуры погашена задолженность перед предпринимателями на сумму более 110 млн рублей. Генеральная прокуратура Российской Федерации: официальный сайт // URL: <https://epp.Genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=93319904> (дата обращения: 12.03.2024).

2. Гусева А.Л. Предмет и пределы прокурорского надзора в обеспечении защиты конституционного права на свободу предпринимательской деятельности в Российской Федерации / А.Л. Гусева, В.А. Данилова // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 12 (216). – С. 97–99.

3. Макеев Н.Н. Совершенствование прокурорского надзора в сфере защиты интересов субъектов малого и среднего бизнеса при оплате заказчиками обязательств по исполненным государственным и муниципальным контрактам / Н.Н. Макеев // Законность. – 2020. – № 2 (1024). – С. 24–28.

4. Мариничева А.Ю. Прокурорский надзор за законностью обеспечения предпринимательства и соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности / А.Ю. Мариничева // Уголовная юстиция. – 2019. – № 13. – С. 122–125.

5. Сыропятова С.Б. Прокурорский надзор за осуществлением предпринимательской деятельности / С.Б. Сыропятова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2019. – Т. 2. – № 4. – С. 116–123.

СЕКЦИЯ «ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ И ПРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА»

УДК 343.3

*Э.Г. Аниськина, к.ю.н., доцент, и.о. заведующего кафедрой СФ СГЮА
г. Смоленск, Россия*

Религиозно-нравственное обоснование охраны генетической безопасности населения как уголовно-правового объекта

В статье рассматривается религиозно-нравственное обоснование необходимости криминализации преступных деяний, посягающих на генетическую безопасность населения. Анализируются мнения отдельных представителей и документы, отражающие позицию трех авраамических религий, на применение биотехнологий в области генетики человека.

Ключевые слова: генетическая безопасность населения, криминализация, религия.

Для ответа на вопрос о необходимости уголовно-правовой охраны того или иного общественного отношения не будет лишним обратиться к религиозно-нравственным обоснованиям закрепления отдельных объектов преступлений. Так, Жукова Т.Г. отмечает, что «воплощая нравственные заповеди в правовых нормах, мы формируем конкретные правила поведения, устраняя определенную долю зла или выражая тот самый минимум добра, который мы можем требовать от человека» [3, с. 210]. Право, в том числе и уголовное, может выступать гарантом некоторых религиозно-нравственных ценностей, криминализируя посягательства на них, поэтому вновь появляющиеся нормы уголовного закона могут иметь и религиозно-нравственное обоснование. С другой стороны, и сама уголовно-правовая норма влияет на представление о нравственности и морали. В связи с изложенным, необходимо разобраться имеет ли уголовно-правовая охрана генетической безопасности населения религиозно-нравственное обоснование. Под генетической безопасностью населения следует понимать разновидность биологической безопасности, характеризующейся состоянием защищенности генетической информации населения и отдельного человека от негативного воздействия внешних факторов, при котором биологический риск остается на допустимом уровне. В рамках такого объекта следует выделить генетическую безопасность отдельного человека и генетическую безопасность всего населения планеты. Именно последняя нас и будет интересовать с позиции религиозно-нравственных начал. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл на конференции «Развитие биотехнологий: вызовы христианской этике», еще в 2006 г. отметил: «Не вызывает никакого сомнения, что стремительное развитие биотехнологий объективно бросает вызов фундаментальным основам и базовым принципам христианской веры» [4, с. 99].

Рассмотрим современные позиции социальных концепций и представителей самых распространенных авраамических религий (иудаизма, христианства и ислама) на манипуляции с генами человека (создание химер, гибридов, клонирование и евгенические эксперименты).

Начнем анализ с иудаизма. Современный взгляд иудеев отражен в позиции отдельных раввинов (как российских, так и зарубежных) и в основах социальной концепции российского иудаизма, и он не столь категоричен в оценках современных биотехнологий в сфере генетики человека. Так, раввин Московского центра современного (прогрессивного) иудаизма Леонид Бимбат указал: «В целом отношение к клонированию положительное, но кроме тех сфер, которые нуждаются в особом юридическом и морально-этическом рассмотрении», другой судья-раввин и бывший директор Института науки и Галахи Леви Ицхак Гальперин, говоря о любых генетических манипуляциях с людьми, отметил, что «за исключением случаев, когда Тора явно разрешает генную инженерию – для сохранения человеческой жизни и обеспечения возможности человеческого потомства (для например, лечение бесплодия) – нам следует воздерживаться от генной инженерии. Генная инженерия разрешена еврейским законом, но мы недостаточно понимаем, что мы делаем, когда смешиваем генетический материал разных видов, и мы можем нанести непредвиденный ущерб тому хорошему миру, который Бог создал для нас» [1]. Таким образом, мы видим некатегоричное, но осторожное отношение отдельных представителей иудаизма к генетическим экспериментам. В гл. 22 Основ социальной концепции российского иудаизма, разработанной в 2002 г., из всех генетических манипуляций определяется отношение только к клонированию, а именно отмечается: «клонирование изолированных тканей и клеток организма не посягает на достоинство личности и в ряде случаев оказывается полезным в биологической и медицинской практике». Что же касается клонирования человека, то в концепции указано, что поскольку определение того, что такое «добро» и что такое «зло», зависит от самих людей, то все критерии оказались путанными: истинное может считаться неприличным, то есть злом, а ложное – вполне достойным, то есть добром, и главным аргументом против клонирования является неопределенность последствий, к которым могут привести самые близкие взаимоотношения человека и клона.

Социальная доктрина российских мусульман, принятая 03.07.2015 г., не содержит упоминания об отношении ислама к биотехнологическим экспериментам с людьми, но представители ислама в своих трудах, интервью, общих решениях высказывались как об евгенических экспериментах, так и о клонировании. Так, по вопросам клонирования людей большинство членов Исламской академии фикха на 97-ом заседании «пришли к выводу, что распространение клонирования на человека создало бы чрезвычайно сложные и неразрешимые социальные и моральные проблемы. Поэтому клонирование людей недопустимо». Шейх Абд-аль-Кадим Заллюм в своей работе также указал ряд аргументов против клонирования, а именно: «1. Это противоречит естественному способу, которым Аллах создал людей, с точки зрения воспроизводства. Это порочный процесс, и он изменил бы структуру общества. 2. Может произойти потеря родства, так как оно определяется по отцу, которого может и не быть. 3. Производство детей путем клонирования препятствует применению многих правил шариата, таких как правила брака, родства, алиментов, отцовства, сыновства, наследования, опеки, Махарим и Усбат (запрещенные степени кровного родства) в дополнение ко многим другим правилам шариата» [2, с. 11–18]. Первый заместитель председателя Совета муфтиев России Рушан Аббясов в отношении евгенических опытов

отметил, что не может быть никаких изъянов и недостатков в творениях Всевышнего.

Более подробна и категорична в оценке манипуляций с человеческими генами определена позиция христианской религии: как католической церкви, так и православной. При этом эти позиции нашли закрепление в принятых церковью актах и концепциях, а не только в отдельных точках зрения представителей конфессий. Исследуемые христианские церкви выступают против любых действий в отношении генов человека, за некоторым исключением. Так, католическая церковь на официальном сайте Ватикана опубликовала два документа, посвященных, в том числе, и этим вопросам: *Donum vitae* 1987 г. и *Dignitas personae* 2008 г. Основные аргументы, которые в них изложены, заключаются в следующем: в части различных евгенических улучшений людей в первом акте было отмечено, что некоторые попытки, направленные на создание людей, отобранных по полу или другим заранее определенным качествам противоречат личному достоинству человека, его целостности и идентичности. И в дополнение в следующем акте в п. 27 указано, что человек пытается занять место своего Творца, что приведет к несправедливому господству человека над человеком. В исследуемых нами актах католической церкви также отдельно уделяется внимание и оценке клонирования, и создания химер и гибридов. Так, в отношении клонирования было замечено, что это противоречит моральному закону, поскольку эти действия противоречат достоинству как человеческого продолжения рода, так и человеческого достоинства супружеского союза. В дальнейшем в качестве аргумента против клонирования добавились: нарушение фундаментального равенства всех людей (п. 29). Резко католическая церковь выступает и против терапевтического клонирования: «Крайне аморально жертвовать человеческой жизнью ради терапевтических целей». Аналогичную резкую критику мы встречаем в п. 33 *Dignitas personae* 2008 г. и в части создания химер и гибридов: опять отмечается посягательство на человеческое достоинство в результате разрушения специфической идентичности человека; а также указываются дополнительные риски для здоровья человека из-за присутствия генетического материала животных в их цитоплазме. Также категорична и православная церковь, которая в «Основах социальной концепции РПЦ», принятых в 2000 г., в главе XII привела основные доводы против евгеники, клонирования и ксенотрансплантации, которые частично перекликаются с аргументами католической церкви: люди ставят себя на место Бога и вторгаются в Божий план о человеке; клонирование открывает возможность манипуляции с генетической составляющей личности и способствует ее дальнейшему обесцениванию; клонирование человека способно извратить естественные основы деторождения, кровного родства; ни при каких обстоятельствах не может быть нравственно оправдана ксенотрансплантация, которая способна повлечь за собой угрозу для идентичности реципиента, затрагивая его уникальность как личности и как представителя рода. И возможно единственный нигде не выявленный нами аргумент исследуемых авраамических религий – это потенциальная возможность «тиражирования» людей с заданными параметрами, которые могут быть выгодно использованы для приверженцев тоталитарных идеологий.

Суммируя изложенное, приходим к следующим выводам. Все основные авраамические религии (иудаизм, христианство и ислам) с опасением относятся к манипуляциям с генами человека. При этом в христианстве и исламе существуют жесткие запреты на клонирование людей, на проведение евгенических генетических экспериментов. Все исследуемые нами аргументы против осуществления таких генетических экспериментов над людьми можно подразделить на следующие группы:

- 1) религиозные: человек не может занимать место Творца (Бога);
- 2) нравственно-этические: необходимость охраны личного достоинства человека и семьи;
- 3) социально-политические: изменение структуры общества, нарушение равенства людей, использование новых людей тоталитарными режимами;
- 4) медицинские и иные неопределенные риски.

Таким образом, мы наблюдаем религиозно-нравственное обоснование охраны генетической безопасности населения как уголовно-правового объекта и необходимость криминализации отдельных деяний, связанных с генетическими манипуляциями.

Библиографический список

1. Akiva Wolff Jewish Perspectives on Genetic Engineering / Akiva Wolff // Jewish Environmental Perspectives. – 2001. – № 2. – URL: <https://www.jcpa.org/art/jep2.htm> (дата обращения: 13.03.2024).

2. Zallum Abd al-Qadim Islamic Verdict on Cloning, Human Organ Transplantation, Abortion, Test-Tube Babies, Life Support Systems, Life and Death / Abd al-Qadim Zallum // Al-Khilafah Publications Suite 298 56 Gloucester Road London SW7 4UB – 50 с.

3. Жукова Т.Г. Нравственные начала уголовного права / Т. Г. Жукова // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. – 2011. – № 2(27). – С. 205–209.

4. Митрополит Кирилл О человеческом достоинстве и биотехнологиях / Митрополит Кирилл // Человек. – 2006. – № 4. – С. 99–106.

УДК 343.21

*И.М. Беляева, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Уголовно-правовое многообразие гуманизма

В статье рассматривается гуманизм в различных его проявлениях: с точки зрения сущностного содержания гуманизма и гуманистических ценностей, в качестве принципа уголовной политики, общеправового и уголовно-правового принципа. Определяются некоторые особенности соотношения принципа гуманизма и гуманизации уголовного законодательства.

Ключевые слова: гуманизм, принцип гуманизма, гуманизация уголовного законодательства.

Понятие гуманизма, его сущность, многообразие проявления в различных сферах человеческой и общественной жизни, на протяжении веков являются точкой притяжения представителей гуманитарных, общественных (в том числе правовых), политических и других отраслей науки. При этом единство во мнениях исследователей относительно определения понятия гуманизма так и не сложилось – как справедливо отмечает М.В. Цикалюк, каждая из наук предлагает свою трактовку сущности понятия гуманизм, что способствует разнообразному толкованию [4, с. 191]. Не претендуя на собственное определение, отталкиваясь от буквального перевода (лат. *humanus* — человеческий или человечность) и анализ научной литературы предлагаем в рамках данного исследования рассматривать гуманизм как комплекс идей, связанных с признанием человека высшей ценностью, с защитой его фундаментальных прав и свобод, утверждением его творческого и созидательного предназначения в мире [1].

В юриспруденцию идеи гуманизма, как представляется, вошли благодаря общественной потребности в развитии таких общественных отношений, которые могли бы обеспечить реализацию и защиту неотчуждаемых естественных прав человека, сформировав общеправовой (универсальный) принцип гуманизма, который был закреплен международными правовыми актами о правах человека (Всеобщая декларация прав человека и целый ряд международных пактов и конвенций) и нашел свое отражение в российском национальном законодательстве. Сущность «принципа гуманизма как правового явления состоит в его способности путем предоставления гражданам прав и освобождения их от обязанностей, а также возложения обязанностей на других субъектов общественных отношений формировать поведение людей, соответствующее интересам человеческой личности» [3, с. 104]. Иными словами, гуманизм – это принцип права, «посредством которого человек провозглашается высшей ценностью при регулировании общественных отношений» [2, с. 8]. Нельзя не отметить, что в уголовной политике и в уголовном праве принцип гуманизма имеет свою специфику. Так, в уголовной политике, на наш взгляд, принцип гуманизма имеет более широкий, стратегический смысл и ориентирует уголовное правосудие на уважение к человеческому достоинству и правам человека. В рамках же уголовного права и уголовного законодательства гуманизм ориентирован на конкретные механизмы и принципы применения уголовного законодательства, относится к применению и толкованию уголовного закона в связи с совершением лицом конкретного преступления, к защите прав и законных интересов потерпевшего.

В любом случае, принцип гуманизма имеет два вектора. С одной стороны, гуманизм, в соответствии с ч. 1 ст. 7 УК РФ, направлен на обеспечение безопасности человека – не только лица, совершившего преступление, но и потерпевшего. С другой стороны, ч. 2 ст. 7 УК РФ декларирует необходимость категорического отказа от таких мер уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее преступление, которые причиняли бы ему физические страдания или унижали человеческое достоинство.

Как представляется, в современном уголовном праве и законодательстве, в процессе формирования и реализации уголовной политики, государство несколько увлеклось стремлением к гуманизации только в одном направлении – в интересах лиц, совершивших преступления. Так, проявление принципа гуманизма

в уголовном законе мы видим практически во всех институтах: в обратной силе уголовного закона, в широчайших общих и специальных основаниях освобождения от уголовной ответственности и наказания, в обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в общих и специальных правилах назначения наказания, особенностях уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних и др. Даже в нормах Особенной части УК РФ мы видим преступления с привилегированным составом – и это тоже проявление принципа гуманизма. На наш взгляд, принцип гуманизма также заложен в сам механизм формирования санкций статей Особенной части УК РФ, благодаря чему практически все санкции являются альтернативными (построены на основе системы уголовных наказаний) и относительно-определенными. Современная законодательная и правоприменительная практика активно реализует тренд на гуманизацию уголовного права и уголовной политики. Так, на заседании Совета судей РФ в 2023 году Председатель Верховного суда РФ В.Н. Лебедев отметил, что «приоритетом Верховного суда РФ в законодательной деятельности остается гуманизация правосудия, законотворческие инициативы и разъяснения высшей инстанции о применении законов ведут к постепенному сокращению числа заключенных и арестантов, но такая работа является не движением к конкретной цели или числовым показателям, а рассматриваются руководством судебной системы как планомерный и последовательный процесс».

Таким образом, следуя принципу гуманизма, государство должно предпринимать все необходимые меры, чтобы обеспечить безопасность любого человека от преступления, но и к преступникам чрезмерную жестокость при этом проявлять не должно.

Удержать такой баланс – большое искусство, поскольку ориентир уголовной политики и уголовного права на гуманизацию уголовного законодательства в отношении лиц, совершивших преступления, может привести к конфликту с принципом справедливости (ст. 6 УК РФ), который предполагает соразмерность наказания и иных мер уголовно-правового характера характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. В свою очередь, общественная опасность как материальный признак преступления состоит, в том числе и в причиненном вреде личности, обществу, государству. Принцип справедливости также проявляется через призму одной из целей уголовного наказания – восстановления социальной справедливости, то есть должна быть восстановлена система разрушенных преступлением общественных отношений. Следовательно, для удержания «баланса гуманизма» государство в процессе реализации уголовной политики должно быть нацелено не только на улучшение положения лиц, совершивших преступление, но и предпринимать всю полноту мер защиты каждого человека от преступных посягательств, а в случае совершения преступления – оказывать всестороннюю помощь в защите и восстановлении нарушенных прав потерпевших.

Библиографический список

1. Борзенко И.М. Человечность человека: Основы современного гуманизма: учеб. пособие для вузов / И.М. Борзенко, В.А. Кувакин, А.А. Кудишина; под ред. А.Г. Круглова и В.А. Кувакина. – М.: Рос. гуманист. о-во, 2005. – 390 с.

2. Ирошников Д.В. Принцип гуманизма и принцип безопасности в теории права: аспекты соотношения / Д.В. Ирошников // Сибирский юридический вестник. – 2023. – № 4 (103). – С. 8–13.

3. Филимонов В.Д. Гуманизм как принцип права / В.Д. Филимонов // Государство и право. – 2013. – № 1. – С. 102–108.

4. Цикалюк М. В. Основные теоретические подходы к анализу понятия «гуманизм» в истории науки / М.В. Цикалюк // Ученые записки Забайкальского государственного университета. – 2010. – №4 (33). – С. 190–196.

УДК 343.232

*А.А. Борисова, преподаватель колледжа СПБи(ф) ВГУЮ
(РПА Минюста России)
г. Санкт-Петербург, Россия*

Правовой институт «уголовного проступка»: историко-юридические предпосылки применения в России

Институт уголовного проступка и процесс гуманизации российского законодательства и правоприменения. Историко-юридические предпосылки института уголовного проступка. Законопроект об уголовном проступке.

Ключевые слова: право, уголовное право, уголовный проступок, гуманизация законодательства, гуманизация правоприменения.

Одной из действенных мер в общем процессе гуманизации законодательства и правоприменения в Российской Федерации может стать введение института уголовного проступка. Этот шаг, рекомендованный по инициативе Пленума Верховного суда РФ, представляется столь значительным, что в обществе его оценили как «революцию в области уголовного права». А процесс гуманизации наказания бывший глава Верховного суда РФ В.М. Лебедев (1943–2024) называл «вектором российского правосудия»¹ [1, с. 161–169].

Выделение категорий уголовного преступления и уголовного проступка уже стало признанным во многих странах этапом дальнейшего развития уголовного законодательства. Соответствующие нормы права появились в республиках Балтии, Казахстане и Украине, но дальше всех продвинулся Кыргызстан, где уже введен в действие Кодекс о проступках. В России политика гуманизации уголовного законодательства ранее выразилась в появлении судебного штрафа – нового основания прекращения уголовного преследования, предусмотренного ст. 76.2 УК РФ, ст. 25.1 УПК РФ, а также декриминализации ряда составов преступлений.

В принципе исследование уголовного проступка даже в теоретической плоскости способствует дальнейшей дифференциации уголовной ответственности. В частности, в группе преступлений небольшой тяжести теоретики в области уголовного права выделяют подгруппу незначительных по степени опасности деяний. Критерием степени их опасности может стать санкция статьи особенной ча-

¹ Гуманизм и чуткость: векторы российского правосудия-2024. – URL: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/33280/ (дата обращения: 25.03.2024).

сти Уголовного кодекса, не предусматривающая наказание в виде лишения свободы.

Институт уголовного проступка пока находится на стадии обсуждения и рассмотрения, что немного затянулось. Однако, несомненно, что соответствующие нормативные правовые нормы законодатели будут актуализировать посредством изучения историко-юридических предпосылок разработки и развития понятия уголовного проступка. В.Н. Сизова не случайно подчеркивает, что именно историческая обусловленность влияет на то, как общество определяет посягательства, вырабатывает для них наказания, а также представляет классификацию преступных деяний в законодательстве [4, с. 72].

Обычно считают, что уголовный проступок известен в доктрине российского уголовного права со второй половины XVIII в. Если же согласиться с мнением А.А. Логецкого, то уголовный проступок впервые упомянут при Петре I [5, с. 19].

В ст. 540 Наказа Екатерины II «Комиссии о составлении проекта нового Уложения» (1767) указывалось на необходимость разграничения «великого нарушения законов» и «простых нарушений установленного благочиния» [7, с. 39]. Именно в этом документе была предпринята попытка дифференциации преступления и проступка. В ст. 70 Устава Благочиния 1782 г. отмечено: «...уголовные преступления и судебные дела выше двадцати рублей отсылают в судебное место». Из данного положения вытекает, что деяние считалось проступком, если сумма иска не превышала установленного размера. Прошло достаточно много времени, пока в 1824 г. графом М.М. Сперанским было предложено разграничение неправды полицейской и уголовной, что в доктрине российского права стало еще одним достижением [6, с. 113].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. законодатель закрепил различия между преступлениями и проступками. Проступком считалось «нарушение правил, предписанных для охранения определенных законами прав и общественной или же личной безопасности или пользы». Разграничение преступлений и проступков проводилось по объекту посягательства, хотя, как мне кажется, не слишком четко (ст. 1 и 2). Однако подобный критерий разграничения законодателем был предусмотрен впервые.

Подданный империи за совершенный проступок подвергался наказаниям уголовным или исправительным. Интересно, что проступком (как и преступлением) признавалось как само противозаконное деяние, так и неисполнение того, что было предписано законом под страхом наказания уголовного или исправительного. Деяние могло быть умышленным и неумышленным. Наказания за проступки применялись не только по суду, но и по распоряжению непосредственного начальства. Был предусмотрен ряд конкретных оснований, устраняющих уголовную ответственность: малолетство, случайность, сумасшествие, безумие, ошибка, принуждение, необходимая оборона, непреодолимая сила.

Отдельный раздел касался проступков против порядка управления, в числе которых называлось сопротивление распоряжениям правительства и неповиновение властям. Преступления и проступки здесь были объединены в единый комплекс – неповиновение и сопротивление, с одинаково суровыми наказаниями.

ми, что диктовали самодержавные порядки. Разграничение производилось формально.

Завершалось уложение разделом «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной». К уголовным проступкам этого рода отнесли превышение власти, противозаконное бездействие, мздоимство и лихоимство. Предусматривались не слишком суровые наказания, например, строгий выговор, с внесением или без его внесения в послужной список¹.

В 1864 г. из Уложения были исключены уголовные проступки. Но это нововведение произошло в рамках общей либерализации права. Так, ответственность за деяния, за которые максимальный возможный срок заключения в тюрьму не превышал года, с 20 ноября 1864 г. устанавливалась Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями².

Согласно ст. 3 Уголовного уложения от 22 марта 1903 г. проступки как категория преступных деяний были по значимости поставлены на третье место – после тяжких преступлений и преступлений. Интересно, что несмотря на ужесточение уголовного права, применение уголовных проступков сохранялось. Более того, за проступки согласно Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (в ред. 1885, 1906, 1908 гг.) могли быть назначены наказания: выговоры, замечания и внушения; денежные взыскания, не выше 300 рублей; арест, не выше трех месяцев; заключение в тюрьму, не выше одного года и шести месяцев [2, с. 6–17]. Однако законодателю не удалось дать критерии разграничения уголовных преступлений и уголовных проступков в полной мере.

Уголовное законодательство РСФСР после 1917 г. и уголовное законодательство СССР и союзных республик после 1922 г. не предусматривало деление уголовно наказуемых деяний на преступления и проступки [3, с. 44]. Был разработан проект Кодекса уголовных проступков, но он был решительно отвергнут. Юридическая природа проступка представлялась невыясненной. 2 июня 1991 г. Верховным Советом СССР были приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик, которые закрепили классификацию преступлений на степени тяжести, но категория проступка не была выделена. Не было это сделано и в Уголовном кодексе РФ 1996 г.

Инициатором законопроекта об уголовном проступке в октябре 2017 г. выступил Пленум Верховного суда, но следует отметить, что решающую роль здесь сыграл Президент РФ В.В. Путин, который неизменно подчеркивает необходимость движения в сторону гуманизации уголовного права.

Законопроект поступил в Государственную думу в конце 2018 г.³ Однако далее работа застопорилась на стадии обсуждения в думском комитете по государственному строительству и законодательству. Против законопроекта высказалось правительство: министры отметили, что предлагаемые изменения не согласуют-

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X-XX веков. Том 6. – М., 1988. – С. 174–309.

² Там же.

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с введением понятия уголовного проступка» // СОЗД. Законопроект. – № 1112019-7.

ся со ст. 52 Конституции РФ, потому что не учитывают интересы потерпевших, которым причинят вред в результате уголовного проступка.

Летом 2020 г. Верховный суд отозвал законопроект из парламента и разработал его новую версию. Обновленный законопроект относит к категории уголовного проступка ряд экономических преступлений, а также включает новые меры уголовно-правового воздействия в виде общественных и ограниченно оплачиваемых работ.

Обсуждение как самого законопроекта, так и многочисленных теоретических аспектов, связанных с понятием уголовного проступка и реализацией принципа справедливости наказания за совершенное преступление, продолжается. Таким образом, Россия в исторической ретроспективе располагает ценным опытом как использования института уголовного проступка, так и аргументированной его критики, отказа от него.

Библиографический список

1. Дубровина Е.С. Гуманизация уголовного права как тенденция общественного развития / Е.С. Дубровина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2018. – № 4. – С. 161–172.

2. Евангулов Г.Г. Уголовное уложение (Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г.): текст закона с очерком основных положений и существенных отличий его от действующего законодательства и с алфавитным предметным указателем / Г.Г. Евангулов. – СПб.: Изд. юрид. кн. склада «Право», 1903. – 400 с.

3. Землюков С.В. Введение понятия уголовного проступка в Уголовном кодексе Российской Федерации и Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации / С.В. Землюков, А.А. Коренная // Известия АлтГУ. Юридические науки. – 2018. – № 3 (101). – С. 43–46.

4. Коробейникова Д.В. Непреступное уголовное противоправное бездействие как разновидность уголовного проступка / Д.В. Коробейникова // Экономика. Право. Общество. – 2022. – Т. 7. – № 2 (30). – С. 71–76.

5. Логецкий А.А. Преступление и проступок в уголовном праве в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Логецкий. – Москва, 2003. – 35 с.

6. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая: лекции / [соч.] Н.С. Таганцева. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – СПб.: Гос. тип., 1902. – 311 с.

7. Шахбазян С.В. Генезис законодательного определения преступления и категория преступлений по российскому законодательству / С.В. Шахбазян // Юридические исследования. – 2020. – № 5. – С. 35–62.

Превентивный и репрессивный потенциал криминализации «нежелательной» деятельности

В статье рассматриваются вопросы социально-правовой обусловленности криминализации осуществления нежелательной деятельности иностранной или международной неправительственной организации на территории Российской Федерации, ее превентивный и репрессивный потенциал на основании сравнения с законодательством зарубежных стран.

Ключевые слова: экономия уголовной репрессии, нежелательная деятельность, иностранные и международные неправительственные организации.

Сегодня политическая карта мира характеризуется формированием наднациональных систем регулирования, которые навязывают целым странам политику во вред их собственным интересам [2, с. 46]. Одним из наиболее эффективных инструментов такого навязывания стала скрытая деятельность иностранных и международных неправительственных организаций (далее – ИННО (МО), зародившихся как позитивный институт реализации инициатив гражданского общества, но не во всех случаях, следующих заявленным целям.

По результатам современных исследований ИННО (МО) получили статус ключевых акторов государственных переворотов в Грузии, Египте, Киргизии, Сербии, Тунисе, Украине и др. [1, с. 217–218], что представляет значительной социальной и правовой проблемой и серьезным вызовом для России в условиях глобального геополитического противоборства.

В свете необходимости адекватных правовых мер в 2015 году отечественным законодателем введено понятие иностранной или международной неправительственной организации (далее – ИННО (МО), в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности. Определены основания и процедура признания деятельности организации нежелательной. Решение о признании деятельности ИННО (МО) нежелательной на территории Российской Федерации принимается Генеральным прокурором РФ или его заместителями по согласованию с Министерством иностранных дел РФ и направляется Минюст России для внесения о открытый перечень.

Соответствующие запреты на осуществление нежелательной деятельности включены в КоАП и УК РФ. То есть, конструкция, применённая законодателем при разработке уголовно-правового запрета на осуществление нежелательной деятельности, является первой статьей УК РФ, бланкетную часть которой составляет решение прокурора, играющее значимую превентивную роль.

Статьей 20.33 КоАП РФ предусмотрена ответственность за участие в деятельности ИННО (МО), в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности. Действия, из которых складывается объективная сторона преступлений, предусмотренных

ст. 284.1 УК РФ коротко можно отразить так: участие в деятельности рассматриваемых организаций при наличии административной преюдиции или судимости за совершение преступлений, предусмотренных ст. 284.1, 330.3 УК РФ (ч. 1); предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг для такой организации (ч. 2); организация деятельности такой организации на территории РФ (ч. 3).

На сегодняшний день опыт многих государств указывает на применение строгих контрольных и уголовно-правовых мер в отношении организаций с иностранным происхождением и финансированием. В странах, делающих акцент на развитие и охрану от внешних влияний своей экономики, таких как КНР и США, деятельность незарегистрированных властями ИННО (МО) запрещена под угрозой уголовного наказания.

К особенностям законодательства США необходимо отнести специфику неоптимального контроля за любой деятельностью «иностранного происхождения», т.е. деятельностью агента иностранного принципала (иностранного агента). Во избежание терминологической путаницы разведем понятия «иностранные агенты» и «нежелательные ИННО (МО)» в законодательстве США и отечественном законодательстве.

Согласно Закону США о регистрации иностранных агентов (Foreign Agents Registration Act, 1938 г.)¹ (далее – FARA), ИННО (МО) входят в совокупность агентов иностранных принципалов, т.е. иностранных агентов, к которым также относятся любые лица, включая физических лиц, юридических лиц, товарищества, ассоциации, корпорации, организации и любые другие объединения лиц, действующие при поддержке, по приказу, по просьбе, под руководством или под контролем и в интересах иностранного принципала (правительства иностранного государства, иностранной политической партии, любого физического лица (не гражданина США), юридического лица, организованного в любой форме в соответствии с законодательством или имеющее основное место деятельности в иностранном государстве, и др.

Таким образом, в соответствии с положениями FARA любые ИННО (МО), осуществляющие указанные виды деятельности, являются агентами иностранного принципала (иностранными агентами), то есть в США понятия ИННО (МО) и иностранный агент соотносятся как часть и общее. В то время как в отечественном законодательстве эти понятия определяют невзаимосвязанных субъектов правоотношений.

Проведенное сравнение уголовно-правовых мер США и РФ в отношении нежелательной деятельности зарубежных неправительственных объединений позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на различия в содержании понятий, имеет место некоторое сходство между рассмотренными законами: цели законов связаны с защитой государственного строя и социально-политического устройства от скрытого иностранного влияния; критерии определения ИННО (МО), не связаны заявленными целями (например, извлечение прибыли); размеры наказаний за совершение рассматриваемых преступлений соразмерны (на примере ли-

¹ The United States Department of Justice // The Foreign Agents Registration Act (FARA). – URL: <https://www.justice.gov/nsd-fara> (дата обращения: 18.03.2024).

шения свободы: до 5 лет в США и дифференцированно до 4, 5, 6 лет по ч. 1, ч. 2, ч. 3 ст. 284.1 УК РФ). К числу ключевых отличий следует отнести связанное с правовой традицией США «некодифицированное» закрепление уголовной ответственности в «неуголовном» законе и существенно более позднее принятие соответствующего закона в РФ, что объяснимо исторически сложившейся разницей правовых и духовных традиций.

Таким образом, значимых преимуществ в регулировании уголовно-правовой ответственности за осуществление незаконной деятельности зарубежных неправительственных объединений в США, в том числе для снижения уголовной репрессии и повышения превентивного потенциала, подлежащих рассмотрению в качестве положительного примера для отечественного законодателя, не усматривается.

Крупная реформа в отношении ИННО проведена Китайской Народной Республикой в 2016 году, принятый Закон «Об управлении деятельностью зарубежных неправительственных организаций на материковой части Китая»¹ (далее – Закон КНР об иностранных НПО) налагает запрет на деятельность незарегистрированных организаций такого рода (ст.ст. 9-17), что схоже с законодательством США, и процедуры признания деятельности организации нежелательной и ведения соответствующего перечня, что схоже с законодательством РФ.

Рассматриваемый Закон КНР представляется значительно более суровым по сравнению с отечественным законодательством о «нежелательной» деятельности. Он наделяет органы общественной безопасности правом задержать на срок до 15 дней участников зарубежной НПО и возлагает на них обязанность проверки наличия в деятельности организации действий, направленных на разделение страны, подрыв национального воссоединения или свержение государственной власти для привлечения виновных к уголовной ответственности (ст. 47). В отличие от УК РФ специальной статьи для участников ИННО в УК КНР не предусмотрено, в связи с чем их деяния квалифицируются по действующим положениям его Особенной части. Например, статей 103 и 105 УК КНР (организация, планирование и совершение практических действий, направленных на раскол государства, нарушение государственного единства, свержение государственной власти и социалистического строя) предусматривают наказание в виде длительных сроков лишения свободы, включая пожизненный. При этом, согласно ст. 106 УК КНР, указанные преступления, совершенные в сговоре с зарубежными структурами, организациями и частными лицами, влекут применение максимально суровой меры наказания из предусмотренных. Выявление в деятельности зарубежной НПО любого из вышеперечисленных действий является основанием для включения организации в список «нежелательных».

В этой связи следует отметить более гуманную законодательную конструкцию «двойного» барьера в виде опубликования перечня ИННО (ОМ), деятельность которых признана нежелательной, и административной преюдиции, кото-

¹ Law of the People's Republic of China on Administration of Activities of Overseas Nongovernmental Organizations in the Mainland of China 中华人民共和国境外非政府组织境内活动管理法. – URL: <https://www.chinafile.com/ngo/laws-regulations/law-of-peoples-republic-of-china-administration-of-activities-of-overseas> (дата обращения: 18.03.2024).

рая позволяет «отсечь» случайных участников нежелательной деятельности и неосведомленных лиц, действующих без умысла на участие в такой деятельности, что свидетельствует об экономии российским законодателем мер уголовной репрессии и эффективном использовании превентивного потенциала уголовно-правового запрета.

Библиографический список

1. Наумов А.О. Роль неправительственных организаций в «цветных революциях» / А.О. Наумов // Государственное управление. Электронный вестник. – 2018. – № 71. – С. 217–218.

2. Стешенко Л.А. Глобализация, национальные отношения и государственная политика России / Л.А. Стешенко // Материалы науч.-практич. конференции «Глобализационные процессы в сфере права: проблемы правового развития в России и СНГ. – М., 2011.

УДК 343.2

*А.Т. Вельтмандер, к.ю.н., судья Томского областного суда
г. Томск, Россия*

Принцип гуманизма в контексте оценки общественно-полезного (допустимого) и общественно-опасного поведения в уголовном праве

В статье автор обращается к рассмотрению вопросов, связанных с проявлением принципа гуманизма при обеспечении безопасности человека, выступающего как потерпевшим от преступления, так и лицом, являющимся причинителем правомерного вреда, в контексте обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Ключевые слова: гуманизм, уголовная ответственность, общественная опасность, обстоятельства, исключающие преступность деяния.

В наиболее общем виде под гуманизмом (от латинского *humanus* – человеческий, человеческий) в философии понимается исторически изменяющаяся система воззрений, признающая ценность человека как личности, считающая благо человека критерием оценки социальных институтов [1, с. 78].

Вместе с тем, применительно к различным сферам человеческой деятельности понимание гуманизма существенно отличается. Более того, даже в рамках отдельных социальных институтов указанное понимание также не всегда оказывается однородным.

Если обращаться к уголовно-правовому пониманию гуманизма, то на первом, «обобщенном» уровне, говоря о гуманизации уголовного законодательства (права), правоведы чаще всего анализируют проблемы, связанные с декриминализацией и депенализацией деяний, освобождением от уголовной ответственности, а также назначением наказаний, не связанных с лишением свободы [3, с. 7–11; 5, с. 161–165; 4, с. 55–59].

В тоже время, в строгом смысле принцип гуманизма для в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации (статья 7) состоит в двух основных аспектах:

– уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека;

– наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Иными словами, принцип гуманизма связан с двумя основными аспектами уголовного права – преступным поведением (защитой от него) и наказанием.

На определенном историческом этапе развития российского уголовного законодательства (в УК РСФСР 1926 года) само наименование мер уголовно-правового реагирования на преступные действия («меры социальной защиты») подразумевало объединение указанных идей в одной форме.

С одной стороны, таким образом подчеркивалась основная цель уголовно-правовых санкций – обеспечение защиты общества от преступных посягательств, с другой – указывалось, что, несмотря на карательный характер, меры социальной защиты, в первую очередь, имеют не репрессивное содержание.

Такой подход не получил своего дальнейшего развития и в последующем отечественное законодательство и право вернулись к использованию традиционного термина – «наказание».

При этом парадоксальность любого наказания состоит в том, что, заключая в себе обязательный карательный элемент, и являясь в сущности проявлением общественного договора, позволяющим только государству применять меры принуждения к нарушителям закона, оно в своих формах и проявлениях объективно сдержано своими целями.

И указанные цели, исходя из принципа гуманизма, не должны быть обусловлены единственной интенцией унижить человека, создать для него невыносимые физические условия.

Во многом поэтому в настоящий момент из перечня уголовных наказаний исключены меры, связанные с физическим воздействием на преступников. Кроме того, данный тезис всегда являлся обоснованием позиции правоведов об исключении смертной казни из числа наказаний.

Наряду с этим, второй элемент принципа гуманизма сконцентрирован на конечной цели уголовного права, которая состоит не в том, чтобы люди содержались в местах лишения свободы или претерпевали иные ограничения, а в том, чтобы обеспечить безопасность человека, то есть нивелировать возможность оказаться потерпевшим от преступления с одной стороны и предоставить механизмы самозащиты от преступных посягательств.

Вместе с тем, самому потерпевшему в уголовном и уголовно-процессуальном праве уделено незначительное внимание, которое на практике зачастую сводится исключительно к формальным аспектам.

С одной стороны, это обусловлено публичным характером уголовного права (правоотношение, связанное с привлечением к уголовной ответственности, возникает между государством и преступником), с другой – более «сильной фигурой» лица, совершившего преступление.

Однако потерпевший в соответствии с уголовным законодательством, очевидно, является не только факультативным элементом состава преступления (объекта преступления), но и, в некоторых случаях, своей волей влияет на оцен-

ку уголовно-правовых последствий деяния (например, в случае освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим).

Такой дуализм в понимании функций потерпевшего в уголовном праве не исключает в будущем расширения его роли при решении ряда вопросов, связанных с уголовной ответственностью лица, совершившего преступление.

Отдельные проявления этого тезиса закреплены и в действующем уголовном законодательстве (в том числе как необходимые элементы проявления принципа гуманизма),

В первую очередь это касается закрепления в Уголовном кодексе Российской Федерации таких обстоятельств, исключающих преступность деяния, как необходимая оборона (статья 37 Уголовном кодексе Российской Федерации), причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (статья 38 Уголовном кодексе Российской Федерации), крайняя необходимость (статья 38 Уголовном кодексе Российской Федерации) [2, с. 97–99].

В определенном смысле закрепление этих обстоятельств, исключающих преступность деяния, в действующем уголовном законе представляет собой некоторый «возврат» возможности причинения правомерного вреда, переданного человеком по общественному договору государству.

Однако такое «делегирование полномочий» вовсе не означает, что причинение вреда в рамках осуществления общественно-допустимого или общественно-полезного поведения в этих случаях является компенсаторным механизмом по отношению к применению мер государственного принуждения (в том числе наказания) к лицам, совершившим общественно-опасное деяние, явившееся основанием для необходимой обороны, или преступление, послужившее основанием для причинения вреда при задержании.

Напротив, это два взаимодополняющих механизма обеспечения безопасности человека как проявления принципа гуманизма.

Библиографический список

1. Алексеев А.А. Краткий философский словарь / А.П. Алексеев. – М., 2007. – 496 с.
2. Вельтмандер А.Т. Методологические основы изучения обстоятельств, исключающих преступность деяния / А.Т. Вельтмандер // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 347. – С. 97–99.
3. Говорухин А.Е. Гуманизация уголовно-правовой политики / А.Е. Говорухин // Юридический факт. – 2016. – № 5 (5). – С. 7–11.
4. Густова Э. В. О проблемах гуманизации уголовного законодательства / Э.В. Густова // Вестник Омской юридической академии. – 2019. – №1. – С. 55–59.
5. Дубровина Е. С. Гуманизация уголовного права как тенденция общественного развития / Е.С. Дубровина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2018. – № 4. – С. 161–172.

Цифровой способ совершения преступления

В статье рассматривается проблема трансформации преступлений, которая происходит быстрыми темпами. Это совершенно новые виды преступной деятельности, к пресечению которых правоохранительная система оказалась слабо подготовленной. В связи с этим видится необходимым выделение совершенно новой разновидности преступности – цифровой преступности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, цифровая преступность, кибертерроризм, цифровизация.

В последние годы специалисты все чаще и чаще говорят о том, что законотворчество в сфере уголовного и уголовно-процессуального права представляет собой хаотичный характер. В значительной мере это связано с отсутствием уголовной политики – долгосрочного видения целей, которые государство собирается достичь с помощью уголовного права в области контроля преступности. Направления уголовной политики многообразны, носят разноуровневый, иерархичный, системный характер в силу комплексности, сложности и структурности преступности и причин, ее порождающих [3, с. 191].

В тоже время, нельзя не согласиться, что с развитием информационного общества, внедрением цифровых технологий практически во все сферы жизнедеятельности человека, привело к увеличению преступлений, так или иначе, связанные с цифровизацией.

Это совершенно новые виды преступной деятельности, к пресечению которых правоохранительная система оказалась слабо подготовленной. Конечно, и ранее появлялись разновидности преступной деятельности, характеризующиеся возникновением новых способов совершения преступлений, но они в той или иной форме уже были известны уголовно-правовой науке. Менялась форма, но не содержание.

С развитием информационных технологий трансформация некоторых преступлений происходит еще быстрее. Более того, возникли способы совершения и объекты посягательства, которые ранее вообще не существовали. Это доставляет немало сложностей при выявлении, расследовании и пресечении таких преступлений. И уж тем более сложности имеются и в предупреждении таких преступлений.

В связи с этим видится необходимым выделение совершенно новой разновидности преступности – цифровой преступности. Ее изучение как самостоятельного направления позволит выявить закономерности и на их основе выработать научные теории, определенные концепции, сформировать гипотезы. В перспективе наиважнейшей задачей ставится опережающее воздействие на криминогенные факторы, способствующие и обуславливающие существование цифровой преступности, выработка современных методов противодействия и профилактики таких преступлений.

Кроме того, цифровизация жизнедеятельности человека отразилась и на преступности, дала толчок развитию этого антиобщественного негативного социального явления, что требует соответствующих корректив в правоохранительной деятельности. Многофункциональность цифровых устройств (гаджетов) расширяет пользовательские и, соответственно, преступные возможности [3, с. 192].

Посредством сети Интернет на массовом уровне совершаются такие преступления как: доведение до самоубийства или склонении к самоубийству; дистанционные хищения в финансово-банковской сфере; призывы к осуществлению террористической, экстремистской деятельности, массовым беспорядкам; сбыт наркотических средств, оружия; оборот порнографических материалов или предметов, организация азартных игр, преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и др.

Информационные технологии включают в себя различные средства и инструменты, такие как социальные сети, поисковые системы, мессенджеры, веб-сайты, приложения для мобильных устройств и другие. Они позволяют быстро и широко распространять информацию, что может быть использовано как для полезных целей, так и для дезинформации и пропаганды. Методы пропаганды и дезинформации с использованием информационных технологий могут включать следующие приемы: распространение ложных новостей: один из самых распространенных методов дезинформации, когда ложная или недостоверная информация применяется в СМИ. С помощью социальных сетей и других онлайн-платформ она может быстро распространяться и оказывать влияние на массовое сознание.

Использование ботов и поддельных аккаунтов: в сети появляются боты, которые могут автоматически создавать и распространять ложные новости, оставлять комментарии и продвигать необходимую тему, что может создавать иллюзию широкой поддержки некоего мнения или идеи. Провокация конфликтов: дезинформация может использоваться для провокации конфликтов и направления массовой агрессии на определенные группы людей или идеи [4, с. 134].

Также, в настоящее время цифровая преступность как самостоятельное направление в криминологии почти не изучается и не рассматривается. Есть различные подходы к определению понятийного аппарата, но нет четкого разграничения между такими схожими видами преступности, как киберпреступность, компьютерные преступления, преступления в информационной среде, информационные преступления. Различие, как мы можем наблюдать, происходит по способу, объекту, предмету посягательства и средствам совершения разных видов преступлений.

В настоящее время проблема кибертерроризма особенно актуальна для стран, являющихся лидерами в использовании спутниковых систем связи и глобальных сетей.

По мнению экспертов, кибертерроризм представляет собой серьезную угрозу человечеству, сравнимую по эффективности с оружием массового уничтожения. Действительно, ни одно государство в мире не будет полностью защищено от кибертеррористических атак, о чем свидетельствует масштабная операция «Красный Октябрь», успешно проведенная за последние пять лет. Основными

мишенями преступников были государственные и дипломатические службы, а также научные организации наиболее развитых стран мира [2, с. 21].

Угроза кибертерроризма вынуждает различные государства сотрудничать в борьбе с ним. Этим занимаются международные органы и организации: ООН, Совет Европы, международная организация экспертов.

Впрочем, возможно предположить, что кибертерроризм сейчас является настоящей опасностью для общества. В настоящее время имеется очень мало систем, которые возможно назвать надежно защищенными. В настоящее время абсолютно невозможно противодействовать кибертерроризму который дополняет принятый терроризм. Это крепко связано с тем, что нет национального регулирования, цензуры и прочих конфигураций контроля за информацией, распространяемой в Интернете [2, с. 22].

Однако, на наш взгляд, к цифровой преступности можно отнести не только преступления, совершаемые в киберсреде. Существует позиция, что цифровая преступность охватывает все преступления, совершаемые так или иначе посредством цифровых технологий непосредственно в киберпространстве, а также иные преступления, но с использованием информационных, цифровых технологий.

Дискуссионным остается вопрос о включении в цифровую преступность преступлений, совершенных без вхождения в информационное пространство, но путем использования цифровых технологий.

Более того, цифровая преступность может угрожать национальной и мировой безопасности. Уже сейчас следует задуматься о проблемах, которые вполне реальны в перспективе в связи с внедрением использования искусственного интеллекта. И.Р. Бегишев вполне обоснованно утверждает в своих трудах, что «недостаточная понятность алгоритмов работы искусственного интеллекта, отсутствие единых подходов к его пониманию и осмыслению вызывает настороженность» [1, с. 82].

Таким образом, изучение цифровой преступности имеет своей целью получение более качественных и объективных знаний об объеме и состоянии данной группы преступлений, позволяет выяснить динамику их развития. Также немаловажной целью такого изучения является анализ детерминизмов, причин и условий совершения преступлений, относящихся к группе цифровой преступности, разработка на ее основе мер противодействия, рекомендаций профилактики и предупреждения.

Библиографический список

1. Бегишев И.Р. Уголовная ответственность за создание и (или) распространение роботов, предназначенных для целей совершения преступления / И.Р. Бегишев // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – № 2. – С. 82–95.

2. Горбатый Р.Н. Кибертерроризм: проблематика и особенности / Р.Н. Горбатый // Система знаний: образовательные инициативы и развитие творческого потенциала современной науки. Сборник научных трудов. – Казань, 2021. – С. 21–24.

3. Горбатый Р.Н. Уголовная политика и цифровизация: актуальные особенности / Р.Н. Горбатый // Университетские правовые диалоги: материалы Международной научно-практической конференции, 30–31 марта 2023 г. / под ред.

Е.В. Титовой. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2023. – Ч. II. – С. 190–193.

4. Гришин С.А. Дезинформация и пропаганда как средство дестабилизации мирового порядка / С.А. Гришин, Р.Н. Горбатый // Международный терроризм как инструмент внешней политики США и НАТО: материалы IV-й республиканской студенческой научной конференции 19 мая 2023 года / отв. редактор – д. филос. н, доц. Рагозина Т. Э. – Донецк: ФГБОУ ВО «ДонНТУ», 2023. – С. 133–137.

УДК 343.2

*Е.В. Евстратенко, к.ю.н., доцент ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Воспитательная функция института назначения уголовного наказания и освобождения от него

Рассмотрены вопросы воспитательного воздействия института назначения наказания в уголовном праве. Условно-досрочное освобождение женщин, имеющих детей как, реализация функции воспитательного воздействия. Формы воспитательного воздействия при назначении уголовного наказания.

Ключевые слова: уголовное право, назначение наказания, воспитательная функция назначения наказания, общие начала назначения справедливого наказания.

Законность, основанная на человеколюбии, именно так звучит сегодня научное наследие, оставленное нам Юрием Даниловичем Лившицем о воспитательной функции в сфере уголовного судопроизводства.

Значимость научного наследия Ю.Д. Лившица в том, что мы вновь и вновь находим в его работах тезисы остро актуальные на сегодняшний день.

«Воспитательную роль играют положительные оценки благородных поступков граждан, направленных на предотвращение преступлений или содействия в быстром их раскрытии» [2, с. 185], писал Юрий Данилович, это правило находит свое отражения в современных началах назначения уголовного наказания. Назначения справедливого наказания является одной из важнейших воспитательных функций и методом предупреждения преступлений. Принципы назначения наказания в действующем Уголовном законодательстве создают важнейшую правовую предпосылку обеспечения законности и справедливости при применении мер данного вида государственного принуждения. Реализация принципа справедливости (ст. 6 УК РФ) требует при назначении наказания, кроме соответствия характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения, учитывать и личность виновного, и влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи (ст. 60 УК РФ). Несомненно, считал Ю.Д. Лившиц, что индивидуальные особенности личности определенным образом влияют на выбор тех или иных средств воспитательного воздействия. Правильный выбор этих средств зависит от глубокого и всестороннего знания личности в тех пределах, в каких это необ-

ходимо для обеспечения достижения соответствующих воспитательных целей [2, с. 170].

Достижение таких целей наказания, как предупреждение совершения новых преступлений, исправление осужденного, не может быть успешно осуществлено без учета личности совершившего преступление. Для определения вида и размера наказания, важно, чтобы учет личности не носил формального характера, который сводится к изучению характеристик с места жительства и места работы подсудимого. Предметом изучения и анализа суда должны стать психобиологические и социальные аспекты личности виновного, конечно насколько это возможно в рамках судебного процесса. Исправление осужденного – сложный процесс изменения его негативных установок, отношения к закону, труду, привычек и навыков. Поэтому требование закона – учесть влияние назначенного наказания на исправление осужденного – предполагает осуществление прогнозирования его будущего поведения. Суд, воздавая должное виновному, учитывает и то, какие последствия будет иметь назначаемое наказание для условий жизни его семьи. Принимается во внимание наличие детей и их возраст, престарелых родителей, иных иждивенцев. Любая мера процессуального принуждения или наказания должна быть законной, обоснованной и мотивированной: только тогда она будет правильно осознаваться тем, на кого направлена [2, с. 178].

В настоящее время часто можно услышать мнения о цифрализации деятельности при назначении уголовного наказания. В теории уголовного права формализация назначения наказания определяется как подчинение выбора вида и размера наказания за совершенное преступление системе правил, требований, критериев, ограничивающих произвол в наказании [3, с. 39].

Определение судом меры уголовного наказания на каждом историческом этапе развития отечественного государства и права зависело от роли и места суда в системе государственной власти, от социально-экономических и политических условий, в которых формировалось уголовное законодательство, от типа санкций норм уголовного закона, что обуславливало определенное соотношение формализации назначения наказания и судебское усмотрения. Чем сильнее формализация, тем меньше свободы выбора у суда при определении меры уголовного наказания [3, с. 38].

Л. В. Иногамова-Хегай по этому поводу отмечает, что «возрастание роли информационных технологий, и потенциальная возможность их использования в процессе контроля за исполнением наказания и тем более принятия решения о нарушении условий отбывания сформировали в юридической науке оживленную полемику относительно того, может ли искусственный интеллект провести правильную квалификацию действий виновного лица и назначить наказание, соответствующее степени содеянного, цели которого будут достигнуты» [1, с. 51].

Судейское усмотрение при назначении наказания, повышает степень индивидуализации уголовного наказания. Только при непосредственном общении с подсудимым есть возможность определить, какое наказание будет более эффективным для достижения целей уголовного законодательства.

Более строгий вид наказания, из числа предусмотренных за совершенное преступление, назначается лишь, в том случае, если менее строгий его вид не может обеспечить достижение целей наказания. Хотя явный перекокс в сторону назна-

чения лишения свободы все же есть. Судебный департамент при ВС РФ опубликовал отчет за первую половину 2023 года. Всего судами России рассмотрено уголовных дел 295 091, назначено наказания в виде лишения свободы на определенный срок 158 129, в том числе условно – 71 160, что является лидером среди видов наказания, и составляет более 54 % от общего числа назначенных наказаний.

Воспитательное воздействие в сфере уголовного судопроизводства имеет специфику, так как применяется в отношении лиц, совершивших преступление. Уголовное законодательство РФ имеет широкий спектр механизмов воспитательного и поощрительного воздействия. К таким видам можно отнести открытый перечень смягчающих обстоятельств и поощрение за поскриминальное поведение, снижающее степень общественной опасности деяния такие как: оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, активное содействие раскрытию преступления, заключение досудебного соглашения, при котором срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ. Обладает воспитательным воздействием и назначение условного осуждения, позволяющее осужденному доказать, что он способен без реального отбывания наказания исправиться, и отсрочка отбывания наказания, которая применяется наряду с мужчинами к беременным женщинам и женщинам, имеющим детей до 14 лет (так за полгода 2023 года суды применили ее 815 раз). В 2020 году появилась возможность условно-досрочного освобождения беременных женщин и женщин, имеющих ребенка в возрасте до трех лет (в декабре 2023 года возраст детей увеличили до четырех лет), находящегося в доме ребенка исправительного учреждения, отбывших не менее 1/4 срока наказания, назначенного за преступление небольшой тяжести. Надо отметить, что данная норма может быть применима к очень небольшому количеству женщин, отбывающих наказания за преступления небольшой тяжести. В пояснительной записке к Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 260 указывается, что численность осужденных за совершение преступлений небольшой тяжести женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, находящихся в доме ребенка при исправительном учреждении, на 1 марта 2019 года – восемь человек, численность беременных женщин на эту же дату составила – 19 человек. Тем не менее, этот процесс, направлен на исправление совершившей преступление женщины и сохранения семьи. Возможности воспитания ребенка в нормальных условиях, что не может не оцениваться положительно как государством, так и осужденной, который такой шанс предоставлен.

Специфика уголовного наказания и связанного с ним воспитательного воздействия часто направлена на ужесточение ответственности, значительно увеличено количество преступлений, за которые может быть назначено пожизненное лишение свободы (по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за полгода 2023 года таких приговор вынесено – 32). В том числе такое наказание может быть назначено за совершение преступления против половой неприкосновенности малолетних. Рассматривая вопрос об ответственности за такие преступления, Госдума РФ 20 февраля 2024 года одобрила в первом чтении запрет для осужденных за преступление против половой неприкосновенности несовер-

шеннолетних на посещение образовательных, спортивных, оздоровительных объектов, а также организаций детского отдыха, говорится на сайте законодательного органа. Было предложено осужденных за сексуальные преступления против детей пожизненно контролировать с помощью специальных технических средств – трекеров-браслетов. Такие поправки к законопроекту 26 февраля 2024 года внес заместитель председателя Комитета Госдумы по охране здоровья Алексей Куринный.

Воспитательная функция уголовного права – это неисчерпаемая тема, так как основной функцией уголовного законодательства является предупреждение преступлений и вытекающая из этого цель наказания – исправление осужденного, а значит воспитания его в духе уважения к закону, обществу, государству. «Любая мера процессуального принуждения или наказания должна быть законной, обоснованной и мотивированной: только тогда она будет правильно осознаваться тем, на кого направлена» справедливо считал Юрий Данилович Лившиц [2, с. 178].

Реализация этой цели невозможна без назначения справедливого наказания за совершение преступления, отвечающего принципу равенства всех перед законом.

Библиографический список

1. Иногамова-Хегай Л.В. Квалификация преступлений с использованием компьютерных технологий / Л.В. Иногамова-Хегай // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVI Международной научно-практической конференции. – М.: РГ-Пресс, 2019. – С. 51–55.
2. Лившиц Ю.Д. Избранные труды / Ю.Д. Лившиц. – Челябинск: Книга, 2004. – 216 с.
3. Непомнящая Т.В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.В. Непомнящая. – Екатеринбург, 2010. – 39 с.

УДК 343

*Т.И. Егорова, к.ю.н., старший преподаватель Академии ФСИН России
г. Рязань, Россия*

Уголовное наказание как общее благо

В статье рассматривается проблема осмысления наказания с позиции личного, общественного и государственного блага. Его анализ с точки зрения содержания и тенденций совершенствования позволяет определить наличие этических оснований реализации государственно-правового принуждения.

Ключевые слова: общее благо, наказание, нравственность, гуманизм.

В настоящее время актуализировались процессы, связанные с осмыслением ценностных ориентиров российского общества. Такая потребность определяется глобальными деформациями международного сотрудничества и социально-экономическими противоречиями, которые определяют необходимость разработки и рассмотрения вопросов обоснования и совершенствования государ-

ственно-правового воздействия в интересах личной, общественной и государственной пользы.

Идея общего блага, возникшая и сформировавшаяся в идеях античных философов, касается всех сфер и уровней жизни общества. В реальной действительности, оказываемое в целях общего блага влияние государства на граждан и общественные институты имеет двоякий смысл. С одной стороны, оно обеспечивает безопасность личности, общества и самой публичной власти. В то же время, в этих целях обладает устрашающими механизмами, способными применять принуждение. Следует признать, что отстаивание унитарных интересов индивидов составляет действительную сущность государства. Поэтому основополагающие общественные интересы, охраняемые государством, так же как и субъективные интересы каждой отдельной личности составляют единое целое.

Общее благо трансформируется в общественном сознании и государственной практике, стремясь учитывать не только складывающиеся отношения, но и развивать институты способные обеспечить устойчивость социума [1, с. 35]. Особное значение принадлежит уголовно-правовому принуждению. Будучи законным, справедливым и гуманным наказание выступает общепризнанным и одобряемым благом, нравственная ценность которого состоит в преодолении состояний, возникших в следствие криминального конфликта, восстановлении социального консенсуса.

Категория «долга», используемая, например, И. Кантом способна в этой связи «оправдать» применение принуждения наличием обязанности у виновного претерпеть неблагоприятные последствия совершенного преступления. Они выражаются в виде осуждения, отбывания наказания и наличия судимости со всеми вытекающими из них лишениями и ограничениями прав и свобод личности.

Действующий в этом смысле категорический императив основывается на нравственном восприятии и стремлении к достижению всеобщего блага, под которым, безусловно, возможно рассматривать уголовно-правовое принуждение. Необходимость его нравственной абсолютизации тесно связана с содержанием и предназначением наказания. Так, применительно к лишению свободы, изоляция человека в условиях исправительного учреждения конкретного вида на определенный срок основывается на эмоциональных потребностях как самого виновного, ответственного за нарушение уголовного закона и раскаивающегося в содеянном, так и чувствах потерпевшего, вызывающих к справедливому воздаянию за причиненный ему вред. В этом смысле уголовный закон соответствует природе вещей, является необходимым объективным выражением естественных законов, не исключающих несовершенство «воли того или другого разумного существа, например, воли человека» [2, с. 78].

Несмотря на совершение преступления, в отношении виновного и в нем самом не престаёт действовать нравственный закон, который предполагает признание и учет достоинства осужденного, запрет пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего обращения и наказания. Иначе это лишало бы законодательство и само уголовно-правовое принуждение нравственной силы и этических начал. Следует согласиться, что «если вместо заботы о благосостоянии индивидов владычествующее государство употребляет свою силу для притеснения, то оно уклоняется от своей цели и нарушает свои обязанности» [3, с. 203].

Несмотря на то, государственно-правовое принуждение и осужденный занимают разное место в онтологической структуре бытия, но с аксиологической позиций они равнозначны, будучи субъективными и объективными благами. Следует согласиться, что особенности эти становятся очевидно, «если мы будем понимать государство не механистически, а рассматривать его как выражение высшей нравственной идеи» [4, с. 188].

Отраженная в Конституции Российской Федерации идея равноценности интересов личности, общества и государства, составляет фундамент национальной правовой системы. В этом смысле ч. 3 ст. 55 согласуется с ч. 1 ст. 2 УК РФ, провозглашающей охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Уголовное законодательство традиционно выступает в качестве законодательного акта, адекватно отражающего ценность наиболее важных социальных благ, обладающих высшим нравственным смыслом, заложенных в основе российской государственности.

Среди особых гуманистических ценностей выступают осужденные, которые находятся в местах лишения свободы. Особенно сострадательное отношение проявляется к несовершеннолетним преступникам, осужденным беременным женщинам и тяжело больным заключенным. Современные изменения и дополнения уголовного законодательства учитывают данные социальные потребности, усиливая основания досрочного освобождения от наказания и предоставления отсрочки его отбывания.

Преобладание в обществе правового консенсуса основывается на учете различных частных интересов, потребностей и т.д., отраженных в содержании общей и обязательной для всех нормы поведения, которая является общим благом. Своими формальными требованиями и принудительным характером наказание, будучи отраженным в санкциях статей Особенной части УК РФ и правилах назначения, выражает равную для всех меру законности, справедливости и гуманизма. Неотъемлемая от исторического процесса эволюция государственно-правового принуждения должна быть направлена на максимально возможную гармонизацию интересов личности, общества и государства в интересах всеобщего благополучия.

Библиографический список

1. Занделов В.В. Истоки представлений И. А. Ильина о социальной справедливости в ранней античной философии / В.В. Занделов // Научное мнение. – 2022. – № 9. – С. 34–39.
2. Кант И. Основы метафизики нравственности / И. Кант. – Изд. 3-е, стер. – СПб.: Наука, 2007. – 528 с.
3. Кулаев Х.В. Индивидуальный интерес и общее благо: проблема согласования / Х.В. Кулаев, Л.Х. Гайтова // Актуальные проблемы права: сб. науч. статей магистрантов под ред. Койбаева. – Т. Вып. 3. – Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт, 2018. – С. 200–205.
4. Сальников В.П. Идея нравственно-правовых ценностей и идея государства в парадигмах кантовской и гегелевской философии (к вопросу о проблеме равен-

УДК 343.211

*Л.В. Иванова, к.ю.н., доцент, доцент ТюмГУ
г. Тюмень, Россия*

Реализация принципа справедливости при дифференциации ответственности и наказания соучастников преступления

В статье рассматриваются спорные вопросы при регламентации ответственности и наказания за совместно совершенное преступление в статьях Особенной части Уголовного кодекса РФ. Для соблюдения принципа справедливости при назначении наказания соучастникам преступления необходимо соблюдение системности уголовно-правовых норм при дифференциации ответственности и наказания в рамках института соучастия в преступлении.

Ключевые слова: уголовное право, справедливость, наказание, дифференциация, соучастие.

Принцип справедливости – один из основных принципов уголовного права, устанавливающий, в частности, необходимость соответствия наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Соучастие является одним из сложных и всегда привлекающим внимание ученых институтом уголовного права. Справедливо признается, что совершение противоправного деяния несколькими лицами повышает общественную опасность содеянного [2, с. 81].

Современное уголовное законодательство, без сомнения, учитывает особенности совершения преступления в соучастии, хотя и не устанавливает пределы повышения наказуемости за совместное деяние, либо минимальный размер наказания, ниже которого суд не может назначить наказание, предусмотренное соответствующей санкцией, как это сделано применительно к регламентации назначения наказания при рецидиве преступлений. В большей степени о дифференциации ответственности в рамках института соучастия мы можем вести речь применительно к соисполнительству.

Совершение противоправного деяния в составе той или иной группы признается квалифицирующим или особо квалифицирующим признаком в более, чем семидесяти статьях Уголовного кодекса РФ. Квалифицирующие и конструктивные признаки, устанавливаемые законодателем, в данном случае выступают средствами дифференциации наказания соисполнителей преступления. Однако обращают на себя внимание положения, содержащие указания на различные формы соучастия в рамках одного и того же признака. В подобных ситуациях законодатель признает факт повышенной опасности совместно совершенного преступления, однако не проводит разницу в степени общественной опасности разных форм соучастия, что приводит к установлению в санкциях статей размера наказания в виде лишения свободы, не отвечающего требованиям справедливости. Так, отнесение преступления, совершенного организованной группой, к категории преступлений небольшой или средней тяжести представляется нело-

гичным, так как данная форма соучастия признается и теорией, и практикой более опасной формой по сравнению с группой лиц по предварительному сговору. Подобная ситуация складывается в том числе и из-за отсутствия в уголовном законе указания, к какой категории преступлений должны относиться подобные деяния.

Не способствует соблюдению принципа справедливости и установление самостоятельных составов преступлений в Особенной части УК РФ применительно к отдельным видам соучастников (например, ст. ст. 205.1, 281.1 УК РФ, закрепляющие ответственность за содействие террористической и диверсионной деятельности, соответственно). Установление отдельных составов преступлений для подобных деяний превращает таких фактически соучастников в исполнителей, с точки зрения закона. На нарушение системности норм о соучастии в преступлении таким подходом законодателя неоднократно обращалось внимание ученых [1, с. 220], однако изменения уголовного законодательства последних лет свидетельствуют, что такой подход законодателя будет сохраняться и дальше.

Самостоятельная уголовная ответственность установлена и за посредничество в передаче коммерческого подкупа, взятки. Следует отметить, что введение новых составов сразу вызвало бурную полемику среди ученых уголовного права [4, с. 12–18]. Посредник в таком случае является самостоятельным субъектом преступления (исполнителем). По сути, посредничество составляет пособнические действия. При этом понятие посредничества более широкое, чем понятие пособничества, так как из буквального толкования норм о пособничестве и посредничестве следует, что способы содействия совершению преступления у пособника являются четко определенными и не охватывают собой, например, передачи предмета преступления. Другими словами, посредничество охватывает пособничество. И соответственно, при совершении лицом действий, фактически относящихся к пособничеству, они будут квалифицироваться как действия исполнителя самостоятельного состава преступления.

Бесспорно, взяточничество представляет собой одно из общественно опасных проявлений, подрывающее авторитет власти, посягающее на нормальную деятельность публичного аппарата, поэтому борьба с данным явлением средствами уголовного закона вполне обоснована. Однако ответственность посредника связана с предметом взятки, подкупа свыше 25 тысяч рублей. И складывается парадоксальная ситуация, когда действия пособника в передаче коммерческого подкупа, взятки в меньшем размере остаются за рамками уголовного закона. Представляется, что в целях соблюдения последовательности уголовно-правового запрета и принципа справедливости, логичнее было бы внести изменения в соответствующие составы посредничества в части закрепления основного состава данного преступления без указания на размер взятки, коммерческого подкупа, а посредничество в значительном размере перевести в квалифицированный состав данного деяния.

И в завершении необходимо остановиться на терминологической рассогласованности, когда категория «сообщество» употребляется в составе экстремистского, террористического сообщества, при этом при раскрытии понятия такого сообщества в диспозиции соответствующей статьи законодатель использует ка-

тегорию «организованная группа». Неизбежно возникает вопрос о соотношении этих понятий с положениями о соучастии, закрепленными в Общей части – в гл. 7 УК РФ. Отмечается, что, исходя из положений ст. 282.1 УК РФ, экстремистское сообщество может выступать и как организованная группа, и как преступное сообщество [3, с. 86]. Но следует отметить, что помимо структурированности для преступного сообщества необходима также цель, указанная в ч. 4 ст. 35 УК РФ, которая может отсутствовать у экстремистского сообщества.

Таким образом, учитывая, что положения гл. 7 УК РФ носят общий характер, для соблюдения системности уголовно-правовых норм необходимо учитывать их содержание при закреплении соответствующих категорий в статьях Особенной части УК РФ, что будет способствовать надлежащей дифференциации ответственности и наказания за совместно совершенное преступление, и как следствие, соблюдение принципа справедливости при назначении наказания за конкретно совершенное преступление.

Библиографический список

1. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении / А.А. Арутюнов. – М.: Статут, 2013. – 408 с.
2. Базаров Р.А. Некоторые проблемы уголовно-правового регулирования соучастия в преступлении / Р.А. Базаров // Социально-политические науки. – 2020. – Т. X. – № 2. – С. 79–83.
3. Мондохонов А.Н. Преступное сообщество и преступная организация как самостоятельные формы соучастия / А.Н. Мондохонов // Уголовное право. – 2018. – № 4. – С. 83–88.
4. Яни П.С. Посредничество во взяточничестве / П.С. Яни // Законность. – 2011. – № 9. – С. 12–18.

УДК 343.01

*Е.Н. Карабанова, д.ю.н, заведующий отделом НИИ Университета
прокуратуры Российской Федерации, профессор НИУ ВШЭ
г. Москва, Россия*

Нравственные начала современного уголовного права

В статье рассматриваются вопросы нравственных начал современного уголовного права России. Их основу составляют система ценностей и справедливость. Система ценностей должна формироваться с опорой на положение Конституции РФ, исходя из актуальных угроз личности, обществу и государству.

Ключевые слова: аксиология уголовного права, объекты уголовно-правовой охраны, принцип справедливости, восстановление социальной справедливости.

Во все времена уголовное право выполняло охранительную функцию, запрещая под угрозой уголовного наказания те или иные актуальные формы общественно-опасного поведения. Из этой сущности вытекает и особенность его нравственных начал, в основу которых положены две краеугольные социально-философские категории – система ценностей и справедливость. Все остальные нравственные начала уголовного права в той или иной степени конкретизируют их.

В современной доктрине аксиология уголовного права, к сожалению, не получила должного внимания. Между тем, уголовная политика может быть эффективной и упорядоченной лишь в том случае, если ее акторы, преследуя общественно-полезные цели, мыслят аксиологическими категориями. Безусловным ориентиром при выборе последних выступает Конституция РФ и актуальные угрозы интересам личности, общества и государства. Этот тезис как нельзя лучше иллюстрируют конституционные поправки 2020 года¹. Их анализ показывает, что в современной государственной политике поставлены аксиологические акценты на: суверенитет и территориальную целостность (ч. 21 ст. 67); исторически сложившееся, основанное на исторической памяти, традиционных идеалах и вере государственное единство (ч. 1–3 ст. 671); детей, являющихся важнейшим приоритетом государственной политики России (ч. 4 ст. 671); многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации (ч. 1 ст. 68); культуру как уникальное наследие многонационального народа России (ч. 4 ст. 68); культурную самобытность всех народов и этнических общностей России, этнокультурное и языковое многообразие (ч. 2 ст. 69); общероссийскую культурную идентичность (ч. 3 ст. 69); безопасность личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных (п. «м» ст. 71); здоровье населения (п. «ж» ч. 1 ст. 72); интересы семьи, основанной на традиционных семейных ценностях (п. «ж1» ч. 1 ст. 72 и п. «в» ч. 1 ст. 114); трудовые права и право граждан на социальное обеспечение (ч. 5–7 ст. 75); экономический рост страны и повышение благосостояния граждан, достоинство граждан и уважение человека труда, сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическую, политическую и социальную солидарность (ст. 751); международный мир и безопасность (ст. 791); гражданский мир и согласие в стране (ч. 2 ст. 80); научный потенциал России (п. «в1» ч. 1 ст. 114); социальные права и качество жизни инвалидов (п. «в2» ч. 1 ст. 114); институты гражданского общества (п. «е1» ч. 1 ст. 114); окружающую природную среду (п. «е5» ч. 1 ст. 114).

Надо сказать, что аксиологическая трансформация Конституции РФ отразилась на деликтной политике государства. Появились уголовно-правовые запреты на: нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 2802), распространение заведомо ложных сведений о ветеранах Великой Отечественной войны, оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны (ст. 3541), публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ (ст. 2073), публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности (ст. 2803), добровольную сдачу в плен (ст. 3521) и т.д. Ужесточилась уголовная ответственность за ряд преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» (ч. 2 ст. 1281,

¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». // СПС «КонсультантПлюс».

п. «д» ч. 2 ст. 230 и многие другие), за преступления, посягающие на честь и достоинство личности (ст. 1281), насильственные половые преступления в отношении несовершеннолетних (ч. 5 ст. 131 и ч. 5 ст. 132), незаконный оборот оружия и боеприпасов (ст. 222), реабилитацию нацизма (ст. 3541), преступления против военной службы (ст. 332 – 334 и др.).

Вернемся, однако, к аксиологическим основам уголовно-правовых запретов. Центральной категорией этих основ выступают «объекты уголовно-правовой охраны». Их система формируется не только посредством формулирования перечня социальных ценностей, но и путем установления их иерархии. Серьезные изменения в обществе неизбежно сопровождаются изменением в экономике, а также религиозном и политико-правовом сознании, как результат – появляются новые социальные ценности, нуждающиеся в усиленной государственной охране. Их нетрудно отследить по перечню обстоятельств, отягчающих наказание. Так, сразу после установления у нас в стране советской власти в качестве одного из таких обстоятельств провозглашалось совершение деяния в интересах восстановления власти угнетающего класса. Любое преступление этой направленности рассматривалось как посягающее на рабоче-крестьянскую власть, что обуславливало его многообъектность и повышенный уровень ответственности. Современный перечень обстоятельств, отягчающих наказание, свидетельствует о том, что сейчас в зените находится уголовно-правовая охрана национальной и религиозной терпимости в обществе, интересы несовершеннолетних, общественная и военная безопасность.

Итак, первый аспект нравственных начал современного уголовного права – систему ценностей – мы рассмотрели. Остался второй – справедливость, оценить которую может только общество. Примечательно, что население нашей страны в целом оптимистично воспринимает превентивную эффективность уголовно-правовых запретов. Так, при изучении общественного мнения о введении уголовной ответственности за оскорбление чувств верующих, проводимом в 2013 г., половина респондентов (48%) полагали, что благодаря этому запрету случаев оскорбления религиозных чувств станет меньше, 28% скептически отнеслись к законодательным новеллам, 20% затруднились ответить¹.

Интересно, что люди придают различное значение обще- и частнопредупредительной роли уголовно-правового запрета. Например, опрос о переводе бытовых побоев из разряда преступлений в административные правонарушения, осуществленный в 2019 г., показал следующее. Одобряют это изменение в законе 26% участников опроса. Не одобряют новый порядок 57% наших сограждан. При этом большинство противников декриминализации побоев (17% от общего числа опрошенных) апеллируют к принципу справедливости и частной превенции (формулировки: «наказание должно быть жёстким», «должно быть уголовное наказание, чтобы помнил», «за рукоприкладство надо наказывать не штрафом, а суровее», «кухонный боксёр должен сидеть».) Лишь 1% опрошенных, выступая против декриминализации побоев, сослались на общую превентивную роль уго-

¹ Опрос проводился в 2013 году. – URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/10782> (дата обращения 17.03.2024).

ловно-правового запрета (формулировки: «больше дисциплинирует», «другие пусть боятся», «чтобы был страх перед законом»)¹.

Таким образом, в массовом сознании восстановление социальной справедливости – это основная цель уголовной ответственности, устанавливаемой через запрет, а частнопревентивный эффект уголовно-правового запрета превосходит его общепревентивное значение. Как первое, так и второе имеет прямое отношение к нравственным началам уголовного права. Справедливость возмездия не достижима без учета двух основных характеристик наказуемого деяния – степени и характера его общественной опасности, последнее, как известно, определяется направленностью деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности. Что касается примата частнопревентивного значения уголовно-правового запрета, то этот феномен вполне объясним. Во-первых, частная превенция напрямую связана со справедливостью понесенного наказания, а, во-вторых, она имеет место тогда, когда человек уже пренебрег охраняемой уголовным законом социальной ценностью, совершив против нее преступление, и есть шанс, что последующее соблюдение уголовно-правового запрета будет обеспечено если уж не нравственным мировоззрением человеком, то хотя бы страхом перед уголовным наказанием.

При установлении уголовно-правовых запретов государство в лице его органов должно учитывать их актуальность (каждому времени требуются свои запреты) и проводить справедливую деликтную политику. Эту мысль хочется подчеркнуть позицией Конституционного Суда РФ, который со ссылкой на Преамбулу и иные нормы Конституции РФ говорит о недопустимости того, чтобы при применении мер ответственности подвергались сомнению вера в добро и справедливость и умалялось охраняемое государством достоинство личности².

УДК 343.275

*Т.Г. Каракулов, председатель суда, Чаинский районный суд
Томской области
с. Подгорное, Чаинский район, Томская область, Россия*

Экстенсивное увеличение уровня пенализации лишения специального, воинского или почётного звания, классного чина и государственных наград

В статье анализируются законодательные изменения в статью 48 УК РФ, предусматривающую возможность лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград не только при совершении умышленных тяжких и особо тяжких преступлений, но и при осуждении

¹ Опрос проводился в 2019 году. – URL: https://fom.ru/Rabota-i-dom/14236_ (дата обращения 17.03.2024).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко». // СПС «КонсультантПлюс».

за тяжкие неосторожные преступления, а также специально указанные преступления, направленные против общественной безопасности, конституционного строя и безопасности государства.

Ключевые слова: уголовная политика, наказание, уровень пенализации, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград.

При узком подходе к определению криминализации на данном этапе борьбы с преступностью (криминализации) происходит только отнесение деяний к числу преступлений. Такая трактовка позволяет вести речь о самостоятельности пенализации деяний как следующей стадии уголовно-правовой политики, на которой уголовное наказание закрепляется в уголовном законе. Состояние наказуемости динамично и может как уменьшаться, так и увеличиваться. Изменение пенализации, ее уровня как величины уголовной репрессии, отраженной в уголовном законе может носить интенсивный характер, что выражается в повышении строгости имеющихся в уголовном законе лишений и ограничений путем увеличения продолжительности или размера наказания в Общей части или в санкциях Особенной части Уголовного кодекса и экстенсивный характер за счет большего распространения наказания, например, расширения круга лиц, к которым возможно применение наказания, изменения правил назначения наказания [1, с. 6–48; 2, с. 62–69].

В первоначальной редакции Уголовного кодекса лишить виновного специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград можно было только при осуждении за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, которыми признавались лишь умышленные преступные посягательства.

Однако с 28.06.2019 г. в связи с внесенными изменениями в части 3 и 4 ст. 15 УК РФ, назначение такого наказания стало возможным и в связи с совершением неосторожного преступления, за которое максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, находится в границах от десяти лет до пятнадцати лет лишения свободы, поскольку содеянное в этом случае будет считаться тяжким преступлением.

Такое регулирование оставалось неизменным до 25 февраля 2024 года, когда Федеральным законом от 14.02.2024 № 11-ФЗ статья 48 Уголовного Кодекса РФ была дополнена указанием на возможность лишения указанных в ней званий, чинов и наград за совершение и ряда других преступлений, отнесенных к менее тяжким категориям.

Теперь такая карательная мера может быть применена при совершении некоторых преступлений, отнесенным законодателем к категории преступлений средней тяжести и предусмотренными:

частью первой статьи 2073 УК РФ, устанавливающей с 04.03.2022 (дата введения в действие) за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации максимальное наказание¹ в виде лишения свободы на срок до пяти лет;

¹ И далее приведены максимально возможные наказания в альтернативных санкциях в целях корректного определения категории преступления.

статьей 280 УК РФ, по которой публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, влекут лишение свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на тот же срок (часть 1), с увеличением размера основного наказания до пяти лет и уменьшением размера дополнительного наказания до трех лет, если при этом использовались средства массовой информации, информационно-телекоммуникационные сети, сеть «Интернет»;

статьей 2801 УК РФ, по которой публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, наказываются так же, как и в статье 280 УК РФ;

частью первой статьи 2803 УК РФ, устанавливающей лишение свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на тот же срок, за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации;

частью первой статьи 2804 УК РФ: публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, влекут лишение свободы от двух до четырех лет с факультативным лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет;

частью первой статьи 282 УК РФ, по которой действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека влекут лишение свободы на срок от двух до пяти лет;

статьей 2824 УК РФ, по которой неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской, экстремистской и иной запрещенной атрибутики или символики влечет лишение свободы на срок до четырех лет;

частями первой и второй статьи 2841 УК РФ предусматривающей за осуществление деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности назначение лишения свободы на срок от одного года до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового (ч. 1), лишением свободы на срок от одного года до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового (ч. 2);

статьей 2843 УК РФ, по которой оказание содействия в исполнении решений международных организаций, в которых Российская Федерация не участвует, или иностранных государственных органов об уголовном преследовании должностных лиц органов публичной власти Российской Федерации наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на тот же срок;

частью второй статьи 3541 УК РФ устанавливающей за реабилитацию нацизма, лицом с использованием своего служебного положения; б) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; в) с использованием средств массовой информации либо информационно-телеком-

муникационных сетей, в том числе сети «Интернет»; г) с искусственным созданием доказательств обвинения, лишение свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

Также лишить званий, чина и наград возможно и при осуждении за преступления, отнесенным законодателем к категории преступлений небольшой тяжести и предусмотренными:

статьями 2842 УК РФ, по которой призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, ее граждан или юридических лиц наказываются лишением свободы на срок до трех лет со штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года либо без такового;

частью первой статьи 3541 УК РФ устанавливающей санкцию за реабилитация нацизма в виде лишения свободы до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

За исключением преступления, предусмотренного частью первой статьи 2073 УК РФ, направленного против общественной безопасности, остальные из названных преступлений направлены против конституционного строя и безопасности государства.

Изложенное позволяет утверждать о существенном расширении возможности применения уголовного наказания, предусмотренного статьей 48 УК РФ. Сегодня такое наказание может быть назначено при совершении преступления любой категории. Найдет ли такое законодательное решение воплощение в судебной практике покажет время.

Библиографический список

1. Валеев М.Т. Свойства уголовного наказания в свете теории пенализации / М.Т. Валеев; под. ред. В.А. Уткина. – Томск: Изд-во НТЛ, 2006. – 168 с.
2. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций / В.А. Уткин. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. – 240 с.

УДК 343.97

О.В. Катушонок, старший преподаватель Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой г. Новополоцк, Республика Беларусь

Проблемные аспекты противодействия домашнему насилию

В статье рассматриваются отдельные проблемные вопросы противодействия домашнему насилию. Обращается внимание на необходимость совершенствования административно-правовых и уголовно-процессуальных норм в отношении лиц, допускающих применение насилия в отношении близких лиц.

Ключевые слова: домашнее насилие, защитное предписание, профилактический учет, заключение под стражу.

Одной из действенных мер борьбы с лицами, совершающими домашнее насилие, является вынесение в отношении них защитного предписания. В 2022 году в Закон Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике преступлений» № 122-3 были внесены изменения относительно лиц, в отношении которых оно может быть вынесено. В настоящее время таковым является лицо, совершившее домашнее насилие, если в отношении него:

«осуществляется подготовка к рассмотрению дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 10.1 КоАП;

проводится проверка либо возбуждено уголовное дело о преступлении против жизни и здоровья, половой неприкосновенности или половой свободы либо личной свободы, чести и достоинства».

Органы внутренних дел довольно часто прибегают к применению данной меры индивидуальной профилактики домашнего насилия. Тем не менее, семейные агрессоры не всегда соблюдают установленные в отношении них ограничения, нарушая, в частности, требования о запрете посещать места нахождения пострадавшего от домашнего насилия, общаться с ним по телефону, с использованием сети Интернет и т.д.

С 2018 года стало возможным привлекать лицо, не выполняющее требований защитного предписания, к административной ответственности. В настоящее время ч. 2 ст. 10.1 КоАП звучит следующим образом: «Нанесение побоев, не повлекшее причинения телесных повреждений, умышленное причинение боли, физических или психических страданий, совершенные в отношении близкого родственника, члена семьи или бывшего члена семьи, либо нарушение защитного предписания». Подобная формулировка диспозиции, на наш взгляд, не способствует разрешению проблемы в полной мере. При таком походе при учете преступлений и ведении официальной статистики по привлеченным к административной ответственности по ч. 2 ст. 10.1 КоАП не представляется возможным определить, сколько лиц привлечено к ответственности за нарушение защитного предписания, а сколько за нанесение побоев в отношении близких.

В этой связи, считаем обоснованным ответственность за нарушение защитного предписания выделить в отдельную норму либо дополнить КоАП самостоятельной статьей, предусматривающей ответственность за нарушение требований защитного предписания, следующего содержания:

«Нарушение требований, установленных защитным предписанием, гражданином, в отношении которого оно вынесено, – влечет административный арест на срок до пятнадцати суток».

Благодаря подобному решению, можно будет отдельно вести статистику по лицам, привлеченным к ответственности за нарушения защитного предписания и, соответственно, более эффективно проводить профилактическую работу в целях недопущения подобных нарушений.

С 2022 года сокращен срок, на который может применяться защитное предписание – до 15 суток (ранее от 3 до 30 суток). Согласно ст. 31 Закона № 122-3 руководитель ОВД с письменного согласия совершеннолетнего пострадавшего от домашнего насилия по согласованию с прокурором может продлить срок до 30 суток.

Как видно, максимальный срок, на который такому лицу может быть установлена обязанность временно покинуть жилище, составляет 30 суток.

В то же самое время согласно ч. 1 ст. 190 УПК «предварительное следствие по уголовным делам должно быть закончено не позднее чем в двухмесячный срок со дня возбуждения уголовного дела и до передачи дела прокурору для направления в суд...». При этом в соответствии с ч. 2 данной статьи «в срок предварительного следствия не включается время, в течение которого предварительное следствие было приостановлено» по предусмотренным УПК основаниям. В частности, таким основанием согласно п. 5 ч. 1 ст. 246 УПК является «невозможности производства следственных действий, без которых не может быть принято решение об окончании предварительного следствия». К таким следственным действиям можно отнести экспертизу, которую не всегда возможно провести в установленные сроки в силу объективных причин (сложность исследования, загруженность экспертного учреждения, нахождение экспертов (единственного эксперта) на листке временной нетрудоспособности и др.).

Таким образом, при совершении лицом домашнего насилия, попадающего под действие УК, возможна ситуация, что преступник и пострадавший от домашнего насилия на протяжении длительного периода предварительного следствия будут находиться в одном жилом помещении (при отсутствии у обоих возможности самовольно выехать).

Выходом из сложившейся ситуации могло быть стать заключение под стражу виновного. Однако согласно ст. 126 УПК «заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется лишь в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет». Не все насильственные преступления в сфере семьи подпадают под данную категорию, Так, склонение к самоубийству (ст. 146 УК), умышленное причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения в состоянии аффекта (ст. 150 УК), умышленное причинение легкого телесного повреждения (ст. 153 УК) относятся к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности.

На основании изложенного, в целях снижения риска эскалации семейного конфликта и совершения противоправных деяний с более тяжкими последствиями полагаем возможным применять заключение под стражу в качестве меры пресечения в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в семейно-бытовой сфере вне зависимости от категории совершенного преступления путем внесения соответствующих изменений в ст. 126 УПК.

Статьей 28 Закона № 122-З предусматривается осуществление профилактического учета в отношении гражданина:

«совершившего домашнее насилие и в связи с этим привлеченного к административной ответственности за умышленное причинение телесного повреждения и иные насильственные действия либо нарушение защитного предписания;

совершившего домашнее насилие и в отношении которого в связи с этим проводится проверка в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства либо возбуждено уголовное дело о преступлении против жизни

и здоровья, половой неприкосновенности или половой свободы либо личной свободы, чести и достоинства».

На наш взгляд, следует критически отнестись к возможности постановки на профилактический учет только лица, привлеченного к административной ответственности за совершение деяния, предусмотренного ст. 10.1. КоАП.

При таком положении дел вне поля зрения правоохранительных органов остается лицо, совершившее домашнее насилие, но не привлеченное к административной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Следовательно, профилактические мероприятия с ним не проводятся, должные меры не применяются. Отсутствие своевременной профилактической работы с семейным агрессором может привести к более тяжким последствиям в виде совершения насильственного преступления. На основании изложенного полагаем, что лицо, совершившее домашнее насилие, должно быть поставлено на профилактический учет, даже если к административной ответственности привлечено не было. Данное положение следует отразить в Законе № 122-З, представив п. 1-2 ч. 2 ст. 28 Закона № 122-З в следующей редакции:

Профилактический учет осуществляется в отношении гражданина:

совершившего домашнее насилие вне зависимости от факта привлечения его к административной ответственности за умышленное причинение телесного повреждения и иные насильственные действия либо нарушение защитного предписания.

Только своевременное реагирование на факты правонарушений в семье и применение действенных мер к правонарушителям будут в большей степени способствовать предупреждению насильственной преступности в семье. праведливо утверждение, что «среди других правовых средств административно-правовые средства занимают первостепенное значение для предупреждения ... преступления» [1, с. 35].

Библиографический список

1. Равнюшкин А.В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения органами внутренних дел правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Равнюшкин. – М., 2015. – 245 с.

УДК 343.98

*А.А. Коренная, адвокат, к.ю.н., доцент, доцент АГУ
г. Барнаул, Россия*

Нравственно-этические аспекты понимания экономической деятельности как объекта уголовно-правовой охраны

В статье рассмотрен аксиологический аспект понимания экономической деятельности как объекта уголовно-правовой охраны с общеправовых и экономико-теоретических позиций и сделан вывод о необходимости выделения самостоятельного критерия общественной опасности, основанного на ценностном аспекте.

Ключевые слова: объект уголовно-правовой охраны, экономическая деятельность, аксиологическое значение.

Системообразующим признаком для группы преступлений, криминализованных в гл. 22 УК РФ, является категория «экономическая деятельность». Все последующие правовые характеристики преступлений обусловлены и производны от данного понятия. Изучение общих методологических и содержательных подходов к ее определению позволяют сформировать межотраслевое понятия экономической деятельности, отражающее ее основные характеристики и определяющие набор и сочетание правовых инструментов, необходимых для регулирования и установления режима охраны. Современная наука изобилует определениями «экономической деятельности», предлагая, на первый взгляд, самые разнообразные подходы к установлению ее объема и содержания. Философия изучает онтологические, гносеологические и методологические аспекты экономики. Экономика в целом является предметом философского осмысления более двух тысяч лет. Экономические учения можно найти у античных мыслителей – как Древнего Востока, так и Древней Греции, и Древнего Рима. Несмотря на это, сложно сказать, что тогда существовали специализированные экономические учения. В эту эпоху «человек чувствовал свою слитность с природой, и общественные явления рассматривал часто и преимущественно как результат действия природных сил» [4, с. 12]. Зачатки экономического анализа составляют незначительную часть наследия, оставленного античными мыслителями, однако их экономическая наука является ключом ко всем последующим трудам [3, с. 133]. Философская мысль классиков античной философии поднимает ценностные и морально-нравственные проблемы в сфере экономики и пытается решить их [1, с. 49]. В трудах Аристотеля размышления об экономике приобретает самостоятельный характер, не сливаясь с прочими философскими размышлениями. Аристотель впервые разделяет экономику на истинную (ойкономикос) и ложную (хресматика). Первая является искусством создавать блага для удовлетворения естественных потребностей, где деньги являются важным инструментом, однако их единственная цель – обеспечение удобства обмена. Хресматика подразумевает получение прибыли и накопления денег в качестве основной цели экономической деятельности, примерами которой являются ростовщичество, спекулятивная торговля. В рамках этой системы, деньги как средство обмена теряют свое изначальное предназначение и становятся целью. В основе экономики Аристотеля лежит система справедливого обмена, основу которой составляет равенство разнородных вещей, а деньги позволяют соизмерить такие вещи. Учитывая разделение экономики, богатство общества также подразделяется на два вида: богатство как совокупность потребительской стоимости и богатство, как накопление денег и меновых стоимостей. Аристотель пытался решить проблему взаимосвязи в процессе воспроизводства сферы производства и сферы обращения, отдавая приоритет сфере производства. Исходя из двойного понимания богатства Аристотель анализировал продукт как товар, имеющий двойное назначение: как потребительную стоимость и меновую стоимость [2, с. 15]. Дуализм экономики, этико-нравственная ее составляющая как безусловный приоритет, заложенное в мировоззренческом учении Аристотеля являлись предметом философии и в последующие периоды. Для общего понимания экономической деятельности уче-

ние Аристотеля имеет важное значение, так как отражает два ее самостоятельных проявления: потребление и производство. Помимо выделения производства и потребления в качестве двух взаимосвязанных, но самостоятельных частей экономической деятельности, важную роль в современном понимании экономической деятельности имеют идеи Аристотеля об ее этической, нравственной составляющей. В настоящее время можно уверенно констатировать, что экономическая деятельность неотъемлемо вплетена в культуру, этику, религию. В последние годы большую популярность приобретает теория так называемого социального предпринимательства. В 2019г. это понятие в России было закреплено на законодательном уровне. В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» социальное предпринимательство – предпринимательская деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества и осуществляемая в соответствии с условиями, предусмотренными ч. 1 ст. 24.1 настоящего Федерального закона. Безусловно, указанное понятие далеко от Аристотелевской «Политики». Однако общая идея нравственной, этической составляющей экономической деятельности заложена в трудах античного мыслителя. Нужно обратить внимание, что в России идея духовной составляющей экономики сформировалась на рубеже 19-20 вв. в работах В.В. Соловьева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, которых, рассуждения о природе экономики приводят к выводу о том, что экономическая деятельность трансцендирует в этику и наоборот. Хозяйственный порядок мыслится как опирающийся на духовно-нравственное сознание народа [5]. Этическая проявление экономической деятельности состоит в том, что она не является «вещью в себе», а является физической основой для развития прочих социальных институтов, а также духовно-нравственного развития человека и общества.

Аксиологические основания в понимании экономической деятельности, зародившиеся с началом цивилизации, могут и должны выступать в качестве одного из критериев общественной опасности сложной в понимании, в том числе, при формировании уголовно-правовых запретов, а также критериев и средств дифференциации уголовной ответственности, группы преступлений. Определение истинной и ложной экономической деятельности, ее ценностное наполнение, на наш взгляд, определяют необходимость реформирования действующей системы уголовно-правовой охраны. Указанное предполагает установление повышенной ответственности при совершении деяний, посягающих на фундаментальные основы, образующиеся экономику сильного государства, а именно – за нарушение бюджетной дисциплины, посягательства на отношения, возникающие в сфере потребления, как завершающей стадии экономического цикла, в которой участвует наиболее уязвимый субъект. Формирование эффективного и социально и нравственно обоснованного уголовного закона возможно только на основе междисциплинарных подходов к пониманию содержания объективных экономических процессов.

Библиографический список

1. Авакян-Форер А.Г. Философия экономики в Древней Греции / А.Г. Авакян-Форер // Философия и культура. – 2020. – № 8. – С. 46–52.

2. Алексеев Н.А. Экономические учения Платона и Аристотеля / Н.А. Алексеев // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2008. – № S2. – С. 14–16.

3. Вырская М.С. Философия и экономическая наука: эволюция и траектории развития / М.С. Вырская // Terra Economicus. – 2010. – № 2. – С. 131–137.

4. История экономических учений: учеб. пособие / Е. Г. Гужва и др.; под ред. Е.Г. Гужвы. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. архитектурно-строит. ун-т, 2012. – 212 с.

5. Козловски П. Прощание с марксизмом-ленинизмом. Очерки персоналистической философии / П. Козловски. – СПб.: Экономическая школа. 1997. – 216 с.

УДК 343.2

*М.В. Лифанова, к.ю.н., доцент, доцент УУНиТ
г. Уфа, Россия*

Применение принудительных мер воспитательного воздействия как проявление принципа гуманизма в уголовном праве

В статье рассматриваются проблемы применения к несовершеннолетним, совершившим преступления, принудительных мер воспитательного воздействия. Обосновываются предложения по совершенствованию ст. ст. 90 УК РФ в части вида воспитательных мер, их сроков и размеров, а также ограничения возможности их применения к отдельным несовершеннолетним.

Ключевые слова: принудительные меры воспитательного воздействия, несовершеннолетний, совершивший преступление, освобождение от уголовной ответственности.

Принцип гуманизма – один из базовых для современного уголовного права, рассматриваемый как необходимость обеспечения безопасности человека, общества и государства в сочетании с человеческим отношением к лицу, совершившему преступление. Уголовное право регулирует вопросы назначения наказания и применения иных мер уголовно-правового характера к лицам, совершившим деяния, предусмотренные Особенной частью УК РФ, то есть самые опасные правонарушения.

В соответствии со ст. 7 УК РФ целью наказания в уголовном праве не могут быть причинение виновному лицу нравственных или физических страданий, унижение чести и достоинства его личности. Не упоминает наш уголовный закон в качестве цели наказания и кару за содеянное. Вместе с тем и уголовное наказание, и иные меры уголовно-правового характера должны соответствовать степени общественной опасности содеянного, учитывать индивидуальные особенности личности преступника. Особенно рассматриваемое положение актуально в случаях, если преступление совершено несовершеннолетним.

По данным ГИАЦ МВД РФ за январь-декабрь 2023 года несовершеннолетними или при их соучастии было совершено 27 325 преступлений, 34,5% которых являлись тяжкими или особо тяжкими. Удельный вес преступности несовершен-

нолетних составил 2,7 %¹. При этом за первое полугодие 2023 года судами общей юрисдикции РФ были применены принудительные меры воспитательного воздействия в 516 случаях², что, бесспорно, свидетельствует об актуальности поставленной проблемы.

Верховный Суд РФ в п. 31 Постановления Пленума «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»³ ориентирует суды на применение принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего, обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести в случаях, когда исправление несовершеннолетнего может быть достигнуто без применения наказания.

Мы полагаем, что роль принудительных мер воспитательного воздействия определяется выполняемыми ими функциями. Во-первых, принудительные меры воспитательного воздействия изначально задумывались как альтернатива уголовному наказанию и условному осуждению. Одним из первых нормативно-правовых актов, установивших возможность применения рассматриваемых мер, стал Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 года «О комиссиях для несовершеннолетних». В соответствии с этим Декретом в структуре государственных органов создавались Комиссии по делам несовершеннолетних. Они рассматривались как специализированный орган по любым делам, связанным с интересами детей и подростков, и, в частности, рассматривали ситуации совершения несовершеннолетними правонарушений и преступлений. Полномочий по назначению подросткам уголовных наказаний они не имели, но могли применять меры воспитательного воздействия, если приходили к выводу, что их будет достаточно для исправления и перевоспитания. В тот период времени в перечень мер воспитательного воздействия были включены: «замечание, выговор, предупреждение, передача под наблюдение, устройство на работу, помещение в детские учреждения» [4, с. 213]. Таким образом, уже в первых своих законодательных актах советское государство установило приоритет педагогического воздействия над карательным. Во-вторых, такой подход позволяет реализовывать принцип экономии уголовной репрессии, предусматривая применение тех мер воздействия на виновного, которые обладают минимальной, но достаточной для достижения задач и целей уголовно-правового воздействия репрессивностью. Мы согласны

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года // Министерство внутренних дел РФ: официальный сайт. – URL: <https://xn--blaew.Xn--plai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 24.02.2024).

² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2023 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации – URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7041> (дата обращения: 24.02.2024).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (в ред. от 9 февраля 2012 г. № 3, 2 апреля 2013 г. № 6, 29 ноября 2016 г. № 56, от 28 октября 2021 г. № 32) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8276/> (дата обращения: 24.02.2024).

также с мнением о том, что принудительные меры воспитательного воздействия позволяют «минимизировать отрицательные последствия «стигматизации» подростка в связи с попаданием в орбиту уголовной юстиции» [5, с. 62].

Несмотря на длительную историю и неоспоримую значимость института принудительных мер воспитательного воздействия, практика его применения вызывает множество вопросов, многие из которых остаются неразрешенными и по настоящее время. В науке уголовного права по проблемам применения принудительных мер воспитательного воздействия высказываются подчас весьма противоречивые мнения.

Прежде всего хотелось бы указать на необходимость расширения перечня мер воспитательного воздействия. Как следует из ст. 90 УК РФ несовершеннолетнему могут быть назначены четыре разновидности мер, среди которых предупреждение; передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Полагаем, что такой перечень не учитывает современных реалий. Так повышается наркотизация и алкоголизация всех слоев общества и в особенности несовершеннолетних и молодежи. По данным Кулешова А.А., в связи с употреблением алкоголя на профилактический учет в ПДН ОВД ставится 30-35 тысяч несовершеннолетних, удельный вес которых в структуре всех несовершеннолетних, поставленных на учет, достигает 35% [1, с. 271]. Изложенное, бесспорно свидетельствует о необходимости включения в УК РФ обязанности пройти лечение от алкогольной и (или) наркотической зависимости. Нам представляется, что незаслуженно забыт принцип перевоспитания и исправления путем привлечения к труду, и в этой связи было бы целесообразно дополнить ст. 90 УК РФ такой мерой как обязанность поступить, устроится или восстановиться на учебу, или на работу. Такой подход позволил бы сделать гораздо более эффективной такую меру как возложение обязанности загладить причиненный вред, поскольку заработанное собственным трудом ценится больше, чем полученное от родителей или других лиц. С учетом мобильности современной молодежи и склонности отдельных несовершеннолетних к уходам из дома и бродяжничеству, считаем целесообразным указать в качестве мер воспитательного воздействия на обязанность не изменять без разрешения специализированного государственного органа место жительства (место пребывания) несовершеннолетнего и проживать в семье или в социальном учреждении. Анализ зарубежного законодательства свидетельствует, что весьма эффективны принуждение несовершеннолетнего к прохождению курса психологической реабилитации и возложение на несовершеннолетнего обязанности по участию в реабилитационной программе [3, с. 96].

Другим существенным пробелом в регламентации принудительных мер воспитательного воздействия является отсутствие в УК РФ указания на цели их применения, притом, что «цели наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ), и цели принудительных мер медицинского характера (ст. 98 УК РФ) законодателем четко прописаны» [2, с. 72]. В этой связи, как мы полагаем, было бы правильным дополнить ст. 90 УК РФ указанием на такие цели принудительных мер воспитательного воздействия как восстановление социальной справедливости, исправление и

воспитание несовершеннолетнего, совершившего преступление, и предупреждение совершения им новых преступлений.

В заключение отметим, что принудительные меры воспитательного воздействия следует рассматривать как способ гуманизации уголовного законодательства по отношению к несовершеннолетним, а также как средство индивидуализации применяемых к ним уголовно-правовых мер. Вместе с тем, следует признать, что рассматриваемый институт требует совершенствования на основе критического анализа практики его применения. Не претендуя на исчерпывающее рассмотрение поставленной проблемы в рамках настоящей статьи, отметим, что выявленные нами отдельные проблемы вызывают обеспокоенность у правоприменителей и требуют своего законодательного решения.

Библиографический список

1. Кулешов А.А. Современное состояние и профилактика пьянства и алкоголизма среди несовершеннолетних в России / А.А. Кулешов // Вестник Воронежского института МВД России. – 2022. – №2. – С. 270–275.

2. Осадчук О.А. Об эффективности принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых к несовершеннолетним / О.А. Осадчук, А.В. Грошев // Право и практика. – 2020. – №2. – С. 69–74.

3. Терентьева В.А. Перспективы расширения круга принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых при освобождении несовершеннолетних от уголовного наказания / В.А. Терентьева, Т.Г. Черненко // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2023. – № 47. – С. 92–101.

4. Тюрина И.Н. Зарождение и эволюция принудительных мер воспитательного воздействия / И.Н. Тюрина // Вестник Воронежского института МВД России. – 2018. – № 4. – С. 211–218.

5. Филиппова Е.О. Понятие, сущность, цели принудительных мер воспитательного воздействия / Е.О. Филиппова // Концепт. – 2016. – № 3. – С. 61–65.

УДК 343.8

*А.Р. Мирович, преподаватель ПИУ РАНХиГС
г. Саратов, Россия*

Влияние идей гуманизма на дореволюционную пенитенциарную науку

В статье рассматривается история становления гуманистических начал в Российской пенитенциарной науке периода ее зарождения (конец XIX – начала XX в.). Ученые, занимавшиеся проблемами системы исполнения наказаний призывали к ее совершенствованию, предполагающего прежде всего гуманизацию. Исследователи высказывали идеи, что уголовное наказание не должно предполагать жестокость к человеку.

Ключевые слова: гуманизм, наказание, закон, тюремноеведение, реформа.

Для начала необходимо дать определение понятию «гуманизм». Под гуманизмом принято понимать направление общественной мысли, обращенное к человеку как к индивидуальности, личности и основанное на признании человека и личности высшей ценностью [11, с. 136].

На сегодняшний момент принцип гуманизма закреплен в уголовном и уголовно–исполнительном законодательстве России. Так, по мнению Бриллиантова А.Б., гуманизм российского уголовного законодательства проявляется в том, что государство не стремится отомстить преступнику за совершенное им преступление, причинить ему физические, либо психические страдания, унижить его человеческое достоинство [1, с. 14]. Исходя из этого, исследование истории зарождения гуманистических начал в пенитенциарной науке является актуальным и требует исследования.

Для определения роли гуманистических идей на дореволюционную пенитенциарную науку необходимо указать особенности периода. В котором она зарождалась и развивалась. Как полагает И.Л. Картелев, условия самодержавной России предполагали бесправие большинства населения, неэффективность и излишнюю бюрократичность системы государственного управления [3, с. 52].

Становление науки тюрьмоведения пришлось на вторую половину 19 – начало 20 в. В этот период вопрос обеспечения прав человека в местах лишения свободы не считался значимым. Первоначально труды в данном направлении научного знания были посвящены изучению теоретико – правовым проблемам исполнения наказаний, связанных с принудительной изоляцией от общества. Исследователи искали направления совершенствования систем управления учреждениями, исполняющими уголовные наказания. Авторами первых трудов по тюрьмоведению так же исследовалась история становления и развития системы исполнения наказаний, деятельность пенитенциарных учреждений в зарубежных государствах. Учеными высказывались соображения о возможности использования производственного потенциала мест лишения свободы, а также освоения малозаселенных территорий Российской империи [4, с. 486].

Характеризуя указанный период, Н.Ю. Рождественская отмечает, что конец 19 века в Российской империи был новым этапом социально – экономического развития. В результате бурного развития промышленного производства появились следующие негативные явления: безработица и низкий уровень заработных плат рабочих [8, с. 30].

Упомянутые обстоятельства привели к существенному росту преступности. Е.Н. Тарновский в своей работе «Движение преступности по окружным судам Европейской России» отмечал, что в период с 1894 г. по 1903 происходил рост преступности. Годовой прирост преступлений составлял 2,85 % [9, с. 3].

Характеризуя особенности функционирования исправительной системы России конца 19 – начала 20 в., С.В. Шебалков отмечал слабую законодательную базу регламентирующую деятельность учреждений, исполняющих уголовные наказания, а также обусловленный ей произвол начальников тюрем. По мнению исследователя, места лишения свободы не выполняли задачи исправления преступников [12, с. 116].

В одной из первых работ, посвященных тюрьмоведению «Тюрьма и ссылка: историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы, до наших дней, 1560–1880 г.» ее автор В.Н. Никитин описывает проходящую в Российском государстве тюремную реформу. По мнению автора, она идет крайне медленно. Как указывает исследова-

тель, при создании крестьянской, земской и судебной реформ, привлекались специалисты различных областей научного знания. Статьи, содержащие мнения участников комиссий по проведению реформ печатались в прессе. Мнению экспертов комиссий принимали к сведению чиновники законодательных органов. В целях проведения тюремной реформы так же были собраны комиссии, состоявшие из юристов, экономистов, военных и других специалистов. Кроме того, разработкой мер, направленных на совершенствование деятельности пенитенциарной системы занимались тюремные комитеты, представлявшие собой филантропические сообщества, целью которых было улучшение положения лиц, подвергшимся наказанию в виде лишения свободы. Однако, служащие законодательных государственных органов не узнавали мнений ни экспертов, ни представителей тюремных комитетов. Помимо этого, совершенствование пенитенциарной системы требовало колоссальных затрат, что было не возможным [5, с. 2–4].

Одна из важнейших проблем пенитенциарной системы России периода конца 19–начала 20 века разделение осужденных на группы по сословному принципу [2, с. 314]. Известный ученый дореволюционной России, специализирующийся в области наук уголовно – правового профиля И.Я. Фойницкий в своем фундаментальном труде «Учение о наказании в связи с тюрьмоведением» высказывал мысль о необходимости справедливости наказания, выраженной в том, что наказание должно назначаться без учета сословных и иных различий. Помимо этого, была высказана идея о том, исправительное и предупредительное воздействия наказания должно заключаться не столько в его тяжести, сколько в неотвратимости для преступника [10, с. 68].

С.В. Познышев в своей работе «Очерки тюрьмоведения» приводит свои рассуждения о целях наказания, а также методах их достижения. Как полагает автор, цель наказания – это сильное психическое противодействие стремлению лица к совершению преступлений. Из этой цели следуют 2 задачи: общее и специальное предупреждение преступлений. Специальное предупреждения включает в себя юридическое и нравственное исправление осужденных. Наиболее сложным направлением по мнению автора, выступает нравственное исправление осужденных. Для достижения нравственного исправления лица, нарушившего уголовный закон необходимо исключить меры воздействия, предполагающие унижение чести и достоинства [6, с. 28].

В работе «Учение о карательных мерах и мере наказания» С.В. Познышев высказывает мнение о тюремной дисциплине. По мнению правоведа, тюремная дисциплина должна обеспечиваться при помощи системы поощрений и наказаний. Автор критикует идеи отдельных криминалистов по отказу от поощрений в тюрьме. По мнению С.В. Познышева, поощрение – это важный стимул законопослушного поведения у человека. В качестве наград можно использовать досрочное освобождение, увеличение заработной платы, предоставление большего количества свиданий с близкими людьми, а также писем им. [7, с. 120].

Так же должны применяться и взыскания по отношению к осужденным. К ним правовед отнес: лишение льгот, уменьшение дозволенных свиданий и писем, снижение заработной платы, перевод в карцер и т.д. Однако, как отмечал С.В. Познышев, не должны применяться телесные наказания. Согласно поста-

новлению о дисциплинарной ответственности содержащихся под стражей в тюрьмах и исправительных арестантских отделениях и о предупреждении побега арестантов 1904 г, лица, не огражденные законом от телесных наказаний, могли быть подвергнуты данной мере. Указанная практика так же имела место во многих европейских странах таких, как Англия, Германия, Норвегия и т.д. [7, с. 121].

Подводя итог, необходимо отметить, что научные работы по тюрьмоведению периода конца XIX–начала XX в. содержали в себе этические и нравственные начала, соответствующие гуманистическому направлению философской мысли. В научных работах были выдвинуты идеи о равенстве осужденных, необходимости уважения чести и достоинства личности. Наука тюрьмоведения уже на этапе своего зарождения (конец XIX–начало XX в.) содержала в себе положения о необходимости модернизации и гуманизации системы исполнения наказаний, в частности, о недопустимости жестокости и произвола представителей тюремной администрации. В рамках тюрьмоведения разрабатывалась система мер поддержания дисциплины в местах лишения свободы, исключая жестокость.

Библиографический список

1. Бриллиантов А.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) в 2 Т. Т.1. / А.В. Бриллиантов – М.: Проспект, 2015. – 792 с.
2. Дементьев С.И. Классификация заключенных в тюремных учреждениях: опыт дореволюционной России / С.И. Дементьев // Общество и право. – 2012. – №2. – С. 312–319.
3. Картелёв И.Л. Интеллигенция в революции 1905-1907 г.г. в России / И.Л. Картелев // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – №6. – С. 52–55.
4. Кораблин К.К. Разработка концептуальных основ науки пенитенциарного (тюремного) права – тюрьмоведения – как самостоятельной отрасли русского уголовного права / К.К. Кораблин, А.Б. Остапенко // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – №4. – С. 484–494.
5. Никитин В.Н. Тюрьма и ссылка: историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы, до наших дней, 1560–1880 г. / В.Н. Никитин. – СПб.: Типография Г. Шпарварт, 1880. – 674 с.
6. Познышев С. В. Учение о карательных мерах и мере наказания: курс, составленный по лекциям / С.В. Познышев. – М.: Типография Русского товарищества, 1908 – 180 с.
7. Познышев С. В. Очерки тюрьмоведения / С.В. Познышев. – М.: Издательство Г.А. Лемана и Б.Д. Плетнева, 1915. – 299 с.
8. Рождественская Н.Ю. Нищенство и борьба с ним в России в конце XIX–начале XX в. / Н.Ю. Рождественская // Ярославский педагогический вестник. – 2003. – №1. – С. 30–35.
9. Тарновский Е.Н. Движение преступности по окружным судам Европейской России / Е.Н. Тарновский // Журнал Министерства юстиции. – 1905. – № 9. – С. 1–28.

10. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением / И.Я. Фойницкий – СПб.: Типография. Министерства путей сообщения, 1898. – 500 с.

11. Фролов И.Т. Философский словарь / И.Т. Фролов – М.: Современник, 2009. – 719 с.

12. Шебалков С. В. Тюрьма в России в конце XIX начале XX века и ее исправительное значение / С.В. Шебалков // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2014. – №3. – С. 111–120.

УДК 343.22

*П.К. Петров, к.ю.н., доцент ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Уголовно-правовые аспекты хищения чужого имущества

В предлагаемой к изучению статье анализируются некоторые правовые аспекты хищения путем мошенничества при отсутствии признака объективной стороны состава преступления в виде распоряжения чужим имуществом.

При исследовании данных аспектов автором устанавливается несостоятельность и неправомерность позиции ряда органов следствия о необходимости квалификации в качестве оконченных инкриминируемых преступных деяний, предусмотренных ст. 159 УК РФ- мошенничество, при не раскрытии последующего распоряжения чужим имуществом, являющегося одним из обязательных признаков объективной стороны рассматриваемого состава преступления.

Ключевые слова: мошенничество, объективная сторона, распоряжение чужим имуществом, обращение противоправно изъятого имущества.

В теории и на практике распространено мнение о том, что хищения чужого имущества, например, хищения путем мошенничества (ст. 159 УК РФ), считаются оконченными с момента, когда виновное лицо получило реальную возможность распорядиться чужим противоправно изъятым имуществом.

Сторонники подобного мнения, которыми в большей своей массе являются органы предварительного следствия и прокуратуры, считают обоснованным вменение лицу признака объективной стороны состава преступления в виде распоряжения чужим имуществом при формальном его фиксировании в обвинении без последующего раскрытия фактического наличия и содержания данного признака. Обоснование данной точки зрения сопровождается ссылкой на Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

В соответствии с п. 5 указанного Постановления Пленума Верховного суда РФ №48 от 30.11.2017 г. мошенничество, то есть хищение чужого имущества, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием, признается оконченным с момента, когда указанное имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц, и они получили реальную возможность пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению.

Вместе с тем, усматриваются основания для признания данной позиции органов следствия ошибочной, несостоятельной и не соответствующей уголовному

закону. При этом необходимо принять во внимание следующие правовые аспекты объективной стороны хищения чужого имущества.

При обвинении лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ органы следствия, как правило, используют устоявшиеся шаблоны. Например, указывают в обвинительном заключении, что по всем эпизодам мошенничества гр. К. обвиняется в том, что во исполнение своего преступного умысла, направленного на хищение путем обмана чужого имущества – денежных средств, принадлежащих разным потерпевшим, действуя из корыстных побуждений, используя свое служебное положение, не имея намерений и возможности исполнить обязательства по договорам, обязательства перед потерпевшими умышленно не выполнял, денежные средства в полном объеме не возвратил, распорядился похищенным по своему усмотрению, тем самым совершил хищение чужого имущества – денежных средств с целью безвозмездного их обращения в свою пользу, причинив ущерб потерпевшим.

Предполагаемые органами следствия преступные деяния квалифицируются в качестве окончанных и состоявшихся по соответствующим частям ст. 159 УК РФ.

Согласно требованиям ст. 220 УПК РФ в обвинительном заключении следователь указывает существо обвинения, место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела, данные о потерпевшем, характере и размере вреда, причиненного ему преступлением, данные о гражданском истце и гражданском ответчике.

В соответствии с требованиями ст. 171 УПК РФ в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого должны быть указаны в том числе, описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пунктами 1–4 части первой статьи 73 УПК РФ, а именно событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления), виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, характер и размер вреда, причиненного преступлением.

В нарушение названных уголовно-процессуальных норм не раскрывается существо обвинения, способы совершения преступлений, последствия, описание события распоряжения похищенным имуществом.

Обман как способ хищения или приобретения прав на чужое имущество, ответственность за которое предусмотрена ст. 159 УК РФ, может состоять в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение.

В случаях, когда лицо получает чужое имущество или приобретает право на него, не намереваясь при этом исполнять обязательства, связанные с условиями передачи ему указанного имущества или права, в результате чего потерпевшему причиняется материальный ущерб, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, если умысел, направленный на хищение чужого имущества или

приобретение права на чужое имущество, возник у лица до получения чужого имущества или права на него.

О наличии умысла, направленного на хищение, могут свидетельствовать, в частности, заведомое отсутствие у лица реальной финансовой возможности исполнить обязательство.

В каждом конкретном случае необходимо с учетом всех обстоятельств дела устанавливать, что лицо заведомо не намеривалось исполнять свои обязательства.

При противоправном изъятии денежных средств в качестве мошенничества квалифицируется безвозмездное обращение лицом в свою пользу или в пользу других лиц денежных средств, находящихся на счетах в банках, совершенное с корыстной целью путем обмана или злоупотребления доверием. С момента зачисления денег на банковский счет лица оно получает реальную возможность распоряжаться поступившими денежными средствами по своему усмотрению.

При обвинении лица в распоряжении чужим имуществом должно быть установлено, какие конкретно действия, непосредственно направленные на исполнение объективной стороны этих преступлений, выполняло обвиняемое лицо, т.е. каким образом оно распорядилось похищенным имуществом.

Согласно примечания к ст. 158 УК РФ обязательным признаком для обвинения лица в хищении, в том числе мошенничестве, является противоправность изъятия имущества потерпевшего и обращение противоправно изъятых имущества в пользу виновного или других лиц.

Каким образом и в какой сумме обвиняемое лицо приобрело, обратило в свою пользу денежные средства, являющиеся предметом преступного посягательства при изложенных обстоятельствах обвинением не раскрывается.

Согласно позиции обвинения деньги являются непосредственным предметом преступного посягательства, однако их дальнейшая судьба не раскрывается.

Вместе с тем, именно обращение денежных средств в пользу обвиняемого является обстоятельством, подлежащим доказыванию по уголовному делу, т.к. обращение похищенного имущества непосредственно в пользу обвиняемого или других лиц является обязательным для установления наличия состава преступления в инкриминируемых обвиняемому деяниях, в связи с чем, не раскрывается существо обвинения и с позиции уголовного закона не устанавливается наличие самого состава преступления в целом как такового.

УДК 343.8

*Н.В. Помощикова, старший преподаватель Академии ФСИН России
г. Рязань, Россия*

Воспитательная функция исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества

Статья посвящена анализу воспитательной функции как одного из направлений деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, по достижению стоящих перед наказанием целей.

Ключевые слова: функция, цели исполнения наказаний, деятельность.

Наказание, его сущность и цели долгое время занимают умы ученых самых различных направлений. С понятием сущности уголовного наказания непосредственно связано понятие его целей. Реализация цели, в свою очередь, требует определенной деятельности. Деятельность по реализации цели и ее осуществлению – есть функция [1, с. 270].

Термин «функция» свойственен многим отраслям знаний и в общем понимании трактуется как «направление деятельности», «назначение», «направление или роль организации, учреждения, должностного лица», «круг обязанностей государственного или общественного органа» [8, с. 7].

Долгое время ученые задавались вопросом: все ли наказания обладают воспитательной силой, имеют воспитательное значение? Польский юрист С. Леленталь относил воспитательную функцию только лишению свободы [4, с. 150]. Схожее мнение мы можем найти у профессора А.Л. Ременсона: «Находясь в условиях изоляции, осужденный подвергается тренировке в добропорядочном поведении, что есть одно из средств воспитания внутренней дисциплины» [6]. М.Д. Шаргородский полагал, что воспитание лежит за рамками наказания и является задачей государства и общества в целом [7, с. 202].

Справедливо замечание профессора И.И. Карпеца, что переоценка лишения свободы, как единственного вида наказания, имеющего воспитательные функции, вызвано тем, что в исправительно-трудовом праве предметом исследования превалировал именно этот вид наказания [4, с. 151]. Отсюда логичным будет вопрос: для чего нужны другие виды наказаний, к примеру, без изоляции осужденного от общества? Отвечая на него, профессор пишет, что любое наказание – средство воспитания. Каждое наказание воспитывает в зависимости от его вида: в одних воспитательный эффект проявляется более четко, в других – отдаленно.

По мнению В.А. Елеонского немаловажное значение в реализации воспитательной функции исполнения наказаний играют переживания осужденного, его страдания [2, с. 53-54]. Воспитательный эффект страданий, вызываемых исполнением наказания, по мнению профессора, зависит от ряда важных условий [2, с. 59–67]:

- 1) ущемление осужденного в обладании соответствующими благами действительно переживается как страдание;
- 2) наличие осознанности страданий, то есть правильного понимания осужденным источника страданий;
- 3) переключение переживаний ограничений как физических тягот на переживания их как нравственных страданий;
- 4) страдания должны вызывать у осужденного определенные чувства и эмоции.

Наказание только тогда может оказать на осужденного наиболее сильно воспитательное воздействие, когда ущемление его в обладании материальными и духовными благами действительно переживаются как страдание.

По мнению профессора В.И. Зубковой, сам процесс исполнения наказания оказывает определенное воспитательное воздействие, которое обращено к сознанию, свойствам личности осужденного, его мировоззрению, отношению к отбываемому им наказанию, нравственным чувствам и психологии [3, с. 180–181].

Воспитательная функция исследовалась не только учеными-пенитенциаристами. Профессор Ю.Д. Лившиц в своих трудах выделял следующие направления воспитательного воздействия уголовного судопроизводства [5]:

а) в отношении обвиняемого (подозреваемого), подсудимого, осужденного в плане решения задач специального предупреждения;

б) в отношении неустойчивых граждан с точки зрения возможного совершения ими преступлений в плане осуществления задач общего предупреждения;

в) в отношении остальных граждан, как непосредственно оказавшихся в сфере уголовно-процессуальной деятельности, так и знающих о производстве по конкретному уголовному делу, заинтересованных в его результатах.

Подводя итог нашему исследованию, позволим себе сделать следующие выводы.

Воспитательная функция исполнения наказаний неразрывно связана с исправительной, карательной и предупредительной, воздействуя не только на самого осужденного, но и на других осужденных, склонных к совершению правонарушений. Выделяя воспитательную функцию уголовных наказаний, мы можем говорить о направлении деятельности по осуществлению задач для достижения поставленных перед наказанием целей исправления и предупреждения совершения новых преступлений на различных этапах его применения.

Библиографический список

1. Денисова Т.А. Методологическая особенность философско-правового исследования целей и функций уголовного наказания / Т.А. Денисова // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – №1. – С. 267–270.

2. Елеонский В.А. Отношение осужденных к наказанию и вопросы повышения эффективности их исправления и перевоспитания в местах лишения свободы: учебное пособие / В.А. Елеонский. – Рязань: НИиРИО РВШ МВД СССР, 1976. – 200 с.

3. Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: законодательство, теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук / В.И. Зубкова. – Рязань, 2002. – 357 с.

4. Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы / И.И. Карпец. – М.: Юрид. лит., 1973. – 287 с.

5. Лившиц Ю.Д. Воспитательная функция советского уголовного судопроизводства. Общетеоретические вопросы. / Ю.Д. Лившиц. – Караганда: Изд-во Караганд. ВШ МВД СССР, 1974. – 138 с.

6. Ременсон А.Л. О воспитательной роли карательного воздействия в процессе деятельности ИТУ / А.Л. Ременсон // Актуальные проблемы государства и права. – 1977. – С. 108–112.

7. Шаргородский М.Д. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 2 / отв. ред.: Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. – 672 с.

8. Южанин В.Е. Уголовно-исполнительные средства реализации частно-предупредительной функции наказания в виде лишения свободы: монография / В.Е. Южанин, В.В. Бочкарев. – Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2019. – 131 с.

О взаимосвязи понятий человечность и гуманность в преступлениях против человечности

Несмотря на то, что преступления против человечности давно признаны международным сообществом как наиболее опасные, до сих пор не выработало общепринятое определение термина «человечность». В то же время правильное его формулирование становится особенно важным, когда нужно понять, какую именно роль понятия «человечность» и «гуманность» играют в формировании правовых категорий, в том числе в международном уголовном праве.

Ключевые слова: гуманизм, международное уголовное право, преступления против человечности, человечность.

Трудно найти более многогранное понятие в международном уголовном праве, чем преступления против человечности.

Термин «человечность» впервые был использован в Санкт-Петербургской декларации 1868 года об отмене взрывчатых и зажигательных пуль, затем в т.н. поправке Мартенса 1907 года и в Совместной декларации 1915 года правительств Франции, Великобритании и России, которые квалифицировали как «преступления против человечности и цивилизации» массовое убийство армянского народа, совершенные Османской империей [3, с. 108].

Современное звучание понятие «человечность» получило в 1945 году в Уставе Нюрнбергского Трибунала, который в статье 6 (с) отнес к преступлениям против человечности «убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет»¹.

Спустя много лет в связи с событиями в бывшей Югославии и Руанде международное сообщество вновь обратилось к проблеме уголовной ответственности лиц, совершивших преступления против человечности. В Уставы Трибуналов был включен перечень отнесенных к ним деяний. В целом, их список идентичен, хотя и содержит некоторые отличия, касающиеся, в основном, совершения преступления в связи с вооруженным конфликтом, с трактовкой термина «любое гражданское население» и др. [6].

С 1954 по 1996 г. Комиссия международного права подготовила три проекта кодексов преступлений против мира и безопасности человечества, в которых

¹ Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Принят в Лондоне 08.08.1945 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. – М., 1955. – С. 16–172.

были предложены несколько вариантов статей, посвященных преступлениям против человечности [2, с. 108].

Значительным шагом вперед в развитии данной категории преступлений явилось принятие Статута МУС и закрепившее в п. «к» статьи 7 «Преступления против человечности» понятие «бесчеловечные деяния аналогичного характера», давая тем самым характеристику всем деяниям, указанным в предыдущих пунктах данной статьи¹. Таким образом, ст. 7 Статута содержит перечень бесчеловечных деяний, которые наносят ущерб фундаментальным интересам человечества и основным правам человека.

Наконец, с 2014 года началась работа над проектом международной конвенции о преступлениях против человечности, опирающийся на положения ст. 7 Статута МУС².

Вышеперечисленные нормативные акты и проекты по-разному понимают или трактуют элементы данных преступлений, особенности контекста совершаемого деяния и т.п. Перечень деяний, образующих в целом категорию «преступления против человечности» то сужается, то расширяется, также, как и их квалифицирующие признаки [3, с. 104]. И хотя «термин «преступления против человечности» является родовым понятием, включающим в себя различные преступные составы» [7, с. 67], имеет давнюю правовую традицию, но до сих пор международное сообщество в силу самых разных, но в основном, политических причин, в отличие от геноцида его не кодифицировало [5, с. 247].

Согласно Толковому словарю Ушакова «человечность» – это гуманность, человеческое отношение к окружающим³. Иначе говоря, «человечность или гуманность в широком смысле является синонимом моральности» [4, с. 150]. Что же касается понятия «человечество», оно трактуется как: совокупность всех людей; свойственное человеку доброе, сердечное чувство к другим людям; человечность, гуманность и т.п.⁴. Т.е., можно говорить о взаимосвязи и даже взаимозаменяемости понятий человечности, человечества и гуманности, хотя природа этой связи не столь очевидна, учитывая, что коллективное человеческое существование не обязательно связано с гуманным поведением отдельных лиц.

Немаловажную роль играет и то, что в английском языке слова «гуманизм» и «человечность» переводятся как *humanism* и *humanity*, а в французском – *humanisme* и *humanité*. Иначе говоря, преступления против человечности или *crimes against humanity* дословно можно перевести как преступления против гуманности (гуманизма) или человечности.

Признание в XX-м столетии концепции преступлений против человечности привело к тому, что человечность (гуманность) из моральной нормы преврати-

¹ Римский Статут Международного уголовного суда. – URL: [https:// docs. cntd. ru/ docu ment /901750575](https://docs.cntd.ru/document/901750575) (дата обращения: 26.03.2024).

² Draft articles on Prevention and Punishment of Crimes Against Humanity, 2019. – URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/7_7_2019.pdf (дата обращения: 03.03.2024).

³ Толковый словарь Ушакова. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=84953> (дата обращения: 26.03.2024).

⁴ Значение слова «человечество» – URL: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 27.02.2024).

лась в правовую. При этом преступления против человечности являются сегодня неотъемлемой частью материального международного уголовного права, а «человечность», по существу, представляет собой объект данных преступлений. Не случайно в последние годы широкое распространение получила концепция человечности как жертвы преступлений [1]. В деле Эрдемовича МТБЮ в этой связи указал, что «в отличие от обычного права... концепция человечества как жертвы ... по существу характеризует преступления против человечества... Из-за своей отвратительности и масштабности они представляют собой вопиющие посягательства на человеческое достоинство, на само понятие гуманности. Они, следовательно, затрагивают или должны затрагивать каждого члена человечества, независимо от его или ее национальности, этнической группы и местонахождения. Это было заложено в понятие преступлений против человечности»¹.

На основании вышеизложенного можно сделать несколько выводов. Во-первых, до сих пор не выработана четкая формулировка концепции человечности. Во-вторых, что касается правовой природы понятия «человечность», оно должно подчиняться общим и общепризнанным принципам права. И, в-третьих, вопрос четких концептуальных определений становится особенно важным, когда нужно понять, какую именно роль понятия «человечность» и «гуманность» играют в формировании правовых категорий, в том числе в международном уголовном праве.

Но в любом случае не следует недооценивать значение понятия «человечность» или «гуманность» для развития международного уголовного права, поскольку оно свидетельствует о всеобщем признании принципа гуманизма и вытекающих из него международных обязательств, которые содержатся в международных и национальных уголовных законах.

Библиографический список

1. Luban D. A Theory of Crimes Against Humanity / D. Luban // *Yale Journal of International Law*. – 2004. – № 29. – P. 85–167.

2. Валиев Р.М. Кодификация преступлений против человечности (к 70-летию Нюрнбергского процесса) / Р.М. Валиев // *Юридическая наука*. – 2015. – № 3. – С. 69–74.

3. Глотова С.В. Преступления против человечности: генезис и современное понимание концепции / С.В. Глотова // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. – 2016. – № 3. – С. 101–108.

4. Гусейнов А.А. О человечестве и человечности / А.А. Гусейнов // *Вестник прикладной этики*. – 2016. – № 49. – С. 137–150.

5. Рахманова Е.Н. Преступления против человечности и серьезные нарушения прав человека: проблемы взаимодействия / Е.Н. Рахманова // *Развитие права в условиях междисциплинарного взаимодействия: коллективная монография / под общ. ред. А.А. Дорской*. – СПб.: Астерион, 2023. – С. 246–255.

6. Роберж М.-К. Юрисдикция специальных Трибуналов для бывшей Югославии и Руанды в отношении преступлений против человечности и геноцида /

¹ Erdemovic - Judgement - Joint Separate Opinion of Judge McDonald and Judge Vohrahю. – URL: <https://www.icty.org/x/cases/erdemovic/acjug/en/erd-asojmcd971007e.pdf> (дата обращения: 27.02.2024).

М.-К. Роберж // Международный журнал Красного Креста. – 1997. – № 321. – С. 53–66.

7. Скуратова А.Ю. К вопросу о принятии Конвенции о преступлениях против человечности: материалы работы Комиссии международного права ООН / А.Ю. Скуратова // Московский журнал международного права. – 2015. – № 3. – С. 58–78.

УДК 343.8

*Л.Б. Смирнов, д.ю.н., профессор, профессор СЗИУ РАНХиГС
г. Санкт-Петербург, Россия*

Принцип гуманизма в уголовно-исполнительном праве

В статье рассматриваются теоретические и правовые основы гуманизма как принципа уголовно-исполнительного права, а также пенитенциарные аспекты реализации принципа гуманизма в уголовно-исполнительной системе.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право, гуманизм, осужденные, пенитенциарные учреждения, лишение свободы.

Уголовное наказание представляет собой специальную меру принуждения, которая применяется государством в ответ на совершенное преступление. Целью данного наказания является не только наказание виновного лица, но и его исправление для последующего возвращения в общество как полноценного и законопослушного члена. Применение уголовного наказания основано на важном правовом принципе – гуманизме, который составляет нравственную основу уголовно-исполнительного права.

Гуманизм является фундаментальной ценностью, которая должна присутствовать в любой деятельности человека. Это общечеловеческий принцип, который подчеркивает важность уважения к каждому индивидууму, к его потребностям и желаниям. Гуманистический подход означает признание ценности каждого человека вне зависимости от его социального статуса, расы, пола или вероисповедания.

В узком смысле слова гуманизм означает важный моральный принцип человечности, который выражается в уважении к жизни, достоинству, правам и свободам личности. Этот термин является неотъемлемой частью идеологии и мировоззрения, включая в себя нравственные ценности. Гуманизм выражает заботу о благополучии людей, их всестороннем развитии и создании условий для достижения счастья и достоинства. Вместе с понятием «гуманизм» встречается термин «гуманность», часто используемые как синонимы.

Гуманизм является неотъемлемой частью уголовного и уголовно-исполнительного права. Он призывает к уважению человеческого достоинства, необходимости соблюдения принципов справедливости и человечности при применении и исполнении наказания, а также к ответственности общества за исправление осужденных и их возвращение в общество.

Выявление сущности гуманизма уголовно-исполнительного права является одним из ключевых вопросов теории. От его правильного определения зависят цели и задачи уголовно-исполнительного законодательства, выбор эффективных

средств и методов исправления осужденных, а также правомерное осуществление пенитенциарной практики. В контексте данного принципа необходимо точно определить объем и ограничения наказания в отношении осужденного в процессе отбывания уголовного наказания. В статье 10 п. 1 Международного пакта о гражданских и политических правах сказано: «Все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущее человеческой личности».

Определение гуманизма уголовно-исполнительного права имеет принципиальное значение для развития современной уголовно-исполнительной системы. Только при соблюдении принципов гуманизма можно гарантировать эффективное исправление осужденных и их успешное возвращение в общество. Принцип гуманизма также включает в себя создание справедливого подхода к осужденным, уважение их личности и достоинства. При рассмотрении вопросов гуманизации исполнения наказания следует помнить, что гуманизм не означает абсолютного прощения, а скорее установление в законодательстве системы честного и человеческого обращения с осужденными на основе принципа: то, что является справедливым, является и гуманным, и мера справедливости определяется законом. Следовательно, гуманизм уголовно-исполнительного права включает в себя не только аспекты правового регулирования, но и нравственные и этические принципы. Он направлен на защиту прав и интересов осужденных, обеспечение их человеческого достоинства и условий для благополучного развития после отбытия наказания.

Общесоциальной предпосылкой нормативного закрепления гуманного отношения к лицам, подвергаемым уголовным наказаниям, является процесс демократизации общественной жизни в стране [3, с. 96]. Гуманистический подход важен во всех сферах общества, включая политику, образование, культуру и экономику. Он призывает к уважению человеческих прав и свобод, к развитию социальной солидарности и справедливости.

Принцип гуманизма играет значительную роль в формировании сознания сотрудников пенитенциарной системы, общественности, осужденных и их близких. Гуманизм подчеркивает важность уважения человеческого достоинства, эмпатии и понимания в отношениях между различными участниками уголовно-исполнительной системы. Эти принципы способствуют созданию более гармоничной и справедливой среды, в которой осужденные имеют возможность исправиться, а сотрудники и общество могут воспринимать их как равных членов общества.

Во время нахождения в исправительных учреждениях, осужденный остается частью общества и государства, даже несмотря на свое текущее положение. Его ценность для общества не исчезает, а может быть даже усилена через процесс исправления.

Принцип гуманизма также включает в себя создание справедливого подхода к осужденным, уважение их личности и достоинства. При рассмотрении вопросов гуманизации исполнения наказания следует помнить, что гуманизм не означает абсолютного прощения, а скорее установление в законодательстве системы честного и человеческого обращения с осужденными на основе принципа: то,

что является справедливым, является и гуманным, и мера справедливости определяется законом.

В современном обществе принцип гуманизма занимает центральное место в нравственных устремлениях и требует наметить путь к гуманному отношению к каждому человеку, а также к осужденным. Гуманизм предполагает, прежде всего, уважение к человеческому достоинству и признание права каждого на сохранение своего достоинства в любых обстоятельствах.

Гуманное отношение к лицам, отбывающим наказания, проявляется в правовой регламентации основных средств исправления [2, с. 19]. Принцип гуманизма в уголовно-исполнительном праве также должен охватывать исправительный процесс в отношении осужденных. Важно, чтобы исправительный процесс и его средства были проникнуты гуманизмом. Гуманные средства исправления включают в себя использование психологической помощи, образовательных и профессиональных программ, трудовой занятости и других средств исправления осужденных. Эффективность исправительного процесса во многом зависит от того, насколько гуманным и целенаправленным является подход к осужденным.

Принцип гуманизма охватывая собой также и правовое положение осужденных вытекающее из режима и условий содержания осужденных. Взгляд на гуманизм в исполнении наказаний предполагает использование минимальных ограничений прав осужденных, которые являются необходимыми и достаточными для достижения целей исполнения наказания.

В правовом государстве гуманное обращение с осужденными является не только проявлением филантропии и сентиментальности, но и законной обязанностью государства. Гарантирование прав и достоинства осужденных является основной составляющей правового государства, прописанной как правовая обязанность, которую государство обязано соблюдать.

Наиболее ярко гуманизация проявлялась в изменении видов режима и условий отбывания наказания для несовершеннолетних осужденных, осужденных женщин, инвалидов и других социально уязвимых категорий, осужденных [1, с. 76]. Гуманное отношение к осужденным подразумевает уважение их прав и достоинства, обеспечение условий, необходимых для их физического и психологического благополучия, а также разработку индивидуальных программ исправления, учитывающих особенности каждого осужденного.

Нельзя забывать, что гуманизм – это не только забота о правах осужденных, но и о создании условий для их нравственного и профессионального развития. Поддержание человеческого достоинства в условиях лишения свободы, способствует не только укреплению самооценки осужденных, но и формированию у них понимания своей ответственности перед обществом и желания изменить свою жизнь к лучшему.

Ключевым моментом в гуманизации процесса исправления осужденных является создание доверительной атмосферы между сотрудниками пенитенциарных учреждений и осужденными. Важно, чтобы взаимоотношения базировались на взаимном уважении, понимании и поддержке, что способствует успешной реализации реабилитационных программ и предотвращению возможных конфликтов.

Таким образом теоретическое, социально-политическое и практическое значение гуманизма в контексте уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного права не может быть недооценено. Гуманизм как принцип является основой функционирования правового государства и выражает закономерность развития наказания в демократическом обществе. Его важность настолько велика, что необходимо закрепить его как самостоятельную норму в уголовно-исполнительном законодательстве.

Библиографический список

1. Грушин Ф.В. Некоторые векторы уголовно-исполнительной политики / Ф.В. Грушин // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции по проблемам исполнения уголовных наказаний. В 2-х томах, Рязань, 17–18 ноября 2022 года. Том 1. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – С. 76–80.

2. Добрынина М.Л. Гуманизация правового положения осужденных как основное направление реформирования уголовно-исполнительной системы / М.Л. Добрынина // Вестник Владимирского юридического института. – 2010. – 4(17). – С. 18–20.

3. Шелестюков В.Н. Принцип гуманизма – основа уголовно-исполнительной политики современной России / В.Н. Шелестюков // Бизнес в законе. – 2010. – №3. – С. 95–99.

УДК 343.288

*Н.В. Славская, к.ю.н., доцент, доцент, проректор
по учебно-организационной работе ОЧУВО
«Международный инновационный университет»
г. Сочи, Россия*

«Вина» потерпевшего как основание для смягчения наказания преступнику в контексте принципа гуманизма

В статье анализируются условия, предусмотренные п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ, для смягчения наказания преступнику в контексте реализации принципа гуманизма. Проанализированы виды провоцирующего поведения потерпевшего, которые могут быть положены в основания для смягчения наказания преступнику. При этом сделан вывод о том, что нельзя допускать необоснованные оправдания преступлений на основании поведения жертвы.

Ключевые слова: назначение наказания, гуманизм, противоправное поведение потерпевшего, аморальное поведение потерпевшего, «вина» потерпевшего.

Принцип гуманизма является основополагающим в уголовном праве и закреплен статьей 7 УК РФ. В уголовном праве принцип гуманизма проявляется двояко: с одной стороны, он защищает права и достоинство человека, обеспечивает безопасность общества; с другой стороны, он определяет отношение к виновному и назначению ему наказания или иных мер уголовно-правового харак-

тера, исключая причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства [1, с. 56]. На втором аспекте принципа гуманизма остановимся более подробно.

Принцип гуманизма при назначении уголовного наказания предполагает, что при решении вопроса о наказании преступника необходимо учитывать его человеческое достоинство, права и интересы. Этот принцип направлен на то, чтобы наказание было соразмерным совершенному преступлению, а также учитывало личность преступника, его социальную ситуацию, мотивы и обстоятельства совершения преступления. Он подчеркивает важность уважения прав и достоинства каждого человека, даже если он совершил преступление.

Проявлением принципа гуманизма при назначении наказания является то, что суд может признать противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления в качестве смягчающего обстоятельства (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ) [4, с. 81]. Речь идет о так называемом виктимном (провоцирующем) поведении лица, явившегося жертвой совершенного виновным преступления. Противоправное поведение потерпевшего заключается в совершении им преступления или любого правонарушения. Аморальное поведение потерпевшего состоит в совершении им аморальных проступков, нарушении им моральных норм и правил поведения в обществе, что спровоцировало совершение в отношении его преступления.

Пункт «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ подтверждает наличие норм о «вине потерпевшего» в уголовном законодательстве России, хоть прямо «вина потерпевшего» не закреплено в УК РФ [5, с.161]. На сегодня, когда уголовное право обладает основными необходимыми данными о личности преступника и его поведении, существует потребность в сведениях о тех, кто становится жертвой преступления. Ведь изучение данных о пострадавших – необходимое условие правильной оценки степени вины преступника и назначения справедливого наказания.

При назначении наказания необходимо, чтобы суд выявил наличие двух условий: сначала факт противоправного или аморального поведения потерпевшего, которое послужило причиной преступления («вины потерпевшего»), и затем, провоцирующего влияния этого поведения на преступное действие виновного лица.

Механизм совершения определенных преступлений отражает сложное взаимодействие преступника и жертвы, демонстрирует активные действия последнего. Предпосылки совершения многих преступлений следует искать в жизненных обстоятельствах, которые связаны с поведением жертвы. Именно поведение может играть значительную, даже решающую роль в придании развитию событий криминального характера. Иногда жертва самим фактом своего пребывания в определенной ситуации превращает ее в криминогенную, поскольку может повлиять не только на зарождение мотивов, но и на возникновение мысли о преступлении. Таким образом, криминогенные ситуации создаются не только преступником, но пострадавшим. [3, с. 11].

Интерес в исследовании данной проблемы вызывает именно провоцирующее влияние поведения потерпевшего на преступное действие виновного лица. Это такое поведение лица, которое создает предпосылки для возникновения и реализации преступного умысла (характером, продолжительностью и интенсивно-

стью). Провоцирующее поведение становится причиной совершения преступления или благоприятно влияет на формирование преступного намерения.

Изучая провоцирующее поведение жертвы преступления, следует обратить внимание на ее личное психическое отношение к себе и своим действиям. Специалисты виктимологи выделяют сознательную провокацию и бессознательную, а с позиции внутреннего отношения жертвы к действиям спровоцированного лица – активную (которая в свою очередь делится на прямую и косвенную) и пассивную провокацию.

При сознательной провокации жертва преступления хорошо понимает, что такое поведение может привести к негативным последствиям для нее со стороны провоцирующего лица, но рассчитывает на их избегание. В качестве примера приведем ситуацию, когда лицо оскорбительно и в грубой форме высказывается в адрес другого лица, издевается над ним и в силу своего социального статуса или положения знает и рассчитывает, что лицо ему в ответ ничего не сделает в силу служебной зависимости от обидчика. Но, переоценивая свои возможности и недооценивая психическую реакцию обиженного лица, провоцирующим поведением можно легко сделать лицо жертвой преступления, совершенного оскорбленным лицом. Такое поведение жертвы также является активной косвенной провокацией.

В случае бессознательной провокации жертва не предусматривает возможных последствий своего поведения, а, следовательно, может вести себя грубо и неприлично, не замечая это за собой и тем самым вызывая негативные чувства потенциального преступника, которому такое поведение не понравилось или показалось очень дерзким. Причинами такого поведения лица может быть его легкомысленное или опрометчивое отношение к окружающим. Примером может быть поведение человека в состоянии алкогольного опьянения, когда он не может осознавать значение своих действий.

Своеобразной является активная прямая провокация, когда лицо своим поведением желает наступления негативных последствий для себя. Например, лицо, не выдерживая долговременной сильной боли из-за болезни, просит другого человека лишить его жизни, чтобы избавиться от страданий.

Пассивная провокация проявляется через поведение пострадавшего лица, которое характеризуется опрометчивостью, небрежностью и создает легкие и благоприятные условия для совершения преступления другим лицом. Примером может служить ситуация, когда человек оставил ценные вещи на видном месте без присмотра.

В большинстве случаев непосредственной причиной преступления становится взаимодействие антиобщественной направленности личности и соответствующей ситуации. При этом взаимодействии указанные факторы могут быть не равнозначны, иногда главная роль принадлежит антиобщественной направленности личности, иногда – ситуации.

Следовательно, не следует недооценивать «вклад» жертвы в совершение преступления. «Вина» жертвы, а именно противоправность или аморальность поведения потерпевшего рассматриваются как самостоятельное смягчающее обстоятельство независимо от того, вызвало ли это состояние сильного душевного волнения у преступника или нет. И здесь важно понимать, что «виновное» поведе-

ние жертвы не оправдывает преступление и не лишает преступника ответственности за свои действия. Суд всегда учитывает все обстоятельства дела и стремится к справедливому и сбалансированному решению. В любом случае, конкретное наказание будет определяться судом на основе всех обстоятельств дела и в соответствии с законодательством, поскольку в уголовном законодательстве отсутствуют специальные нормы о «вине потерпевшего».

Однако важно отметить, что смягчение наказания преступнику из-за «виновного» поведения жертвы должно быть оправдано исключительно на основании законных и обоснованных обстоятельств дела. Нельзя допускать необоснованные оправдания преступлений на основании поведения жертвы, так как это может привести к нарушению прав и интересов потерпевших. Именно в этом и проявляется принцип гуманизма [2, с. 696].

В целом, гуманизм при назначении наказания преступнику в случае противоправного или аморального поведения потерпевшего предполагает сбалансированный и справедливый подход, учитывающий интересы всех сторон и стремящийся к реабилитации преступника без нарушения его человеческого достоинства.

Библиографический список

1. Гарник Л.Ю. Практическая значимость функций толкования норм права / Л.Ю. Гарник // Пробелы в российском законодательстве: Юридический журнал. – 2015. – №4. – С. 56–61.
2. Житнева А.М. Реализация принципов законности и гуманизма в российской уголовно-исполнительной политике: проблемы и пути их решения / А.М. Житнева // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 11 марта 2022 г.) / под общ. ред. Е.Н. Рахмановой. – СПб.: Астерион, 2022. – С. 696–701.
3. Репецкая А.Л. Виновное поведение потерпевшего и проблемы реализации принципа справедливости в уголовной политике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Л. Репецкая. – М., 1992. – 28 с.
4. Российское уголовное право. Общая часть: учебник / К.А. Барышева, Ю.В. Грачёва, Р.О. Долотов, Г.А. Есаков; ред. Г.А. Есаков. – М: Проспект, 2019. – 400 с.
5. Эртнова М.И. Вина потерпевшего и взаимная вина участников преступления: виктимологический аспект / М.И. Эртнова // Право и управление. – 2023. – №3. – С. 161–163.

УДК 343.9

*С.А. Стяжкина, к.ю.н., доцент, доцент УдГУ
г. Ижевск, Россия*

Уголовно-правовые меры противодействия деструктивной идеологии

В статье рассматриваются вопросы противодействия преступлениям, связанным с распространением «вредной информации». В эпоху цифровизации нравственное, духовное состояние общества напрямую зависит от информационной

безопасности общества и государства, которое должно обеспечиваться уголовно-правовыми средствами.

Ключевые слова: «вредная» информация, информационные угрозы, деструктивная идеология, публичные призывы.

Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» определены основные задачи, цели и ориентиры в сфере защиты нравственных основ и ценностей российского государства, в также обозначены основные угрозы и риски для традиционных ценностей. Одной из главных угроз указывается деструктивная идеология, под которой предлагается понимать: «Идеологическое и психологическое воздействие на граждан, которое ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей, включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений».

Безусловно, в эпоху цифровизации и активного, массового использования информационных ресурсов проблема идеологического, информационного воздействия на людей приобретает особую актуальность. Интернет стал основным источником информации и механизмом влияния на людей, формируя основные нормы и правила поведения и общения, насаждая ценности и идеалы, взгляды и убеждения. Актуальной является проблема защиты личности, общества от негативного, деструктивного влияния информационных потоков. Немаловажная роль в решении данной проблемы принадлежит уголовному праву. «Вредная», деструктивная информация представляет серьезную угрозу безопасности личности, физическому, психическому состоянию, его нравственному и духовному развитию. Особую группу риска составляют несовершеннолетние, которые еще не могут критически оценивать информационные потоки, адекватно на них реагировать и принимать меры защиты.

Уголовный кодекс РФ содержит достаточно большое количество составов, предусматривающих ответственность за действия, которые связаны с негативным информационным воздействием (ст.ст. 110.1, 128.1, 135, 205.2, 207, 207.1, 207.2, 207.3, 230, 280, 280.1, 280.3, 280.4, 282, 282.4 УК РФ и др.). Многие из них направлены на защиту нравственно-духовных ценностей общества, таких как честь, достоинство личности, историческая память, единство народов и т.д. Но не все традиционные ценности, предусмотренные указом, нашли свою защиту в уголовном праве. Кроме того, следует отметить, что все они расположены в различных главах и разделах уголовного кодекса, что существенно усложняет задачу квалификации и правильной уголовно-правовой оценки. Кроме того, многие из них дублируют друг друга и носят казуистический характер.

Безусловно, проблема нравственного, духовного состояния общества является одной из наиболее актуальных и сложных, требующих системного, комплексного подхода к ее решению. Особая роль в сфере обеспечения и защиты нравственных и духовных ценностей общества принадлежит уголовному праву.

Представляется, что криминализация преступлений против нравственности требует особой тщательности и учета очень многих факторов и обстоятельств. Идеология как основной вектор духовного развития общества играет огромную роль, но и несет в себе большую ответственность. Защищая господствующую идеологию, мы сталкиваемся с проблемой гарантированности и неприкосновенности основных конституционных прав и свобод личности, таких как свобода слова и совести. Как справедливо отмечает И.М. Кунов: «система уголовно-правовых ограничений свободы слова находится в неразрывном взаимодействии с так называемыми компонентами внешней среды, такими статично не существующими образованиями и структурами, как приоритеты политической и экономической сфер жизни общества, снижение или увеличение уровня безопасности, ухудшение или улучшение социальной защищенности населения и т.п.»

[3, с. 70]. Пропагандируя духовные и нравственные ценности, государство должно оставлять право выбора лицу, принимать эти ценности или нет. Инакомыслие не должно наказываться и подвергаться гонениям. Каждый имеет право на свое собственное мнение и взгляд, жизненные ценности и установки, потребности интересы. Уголовная ответственность должна быть предусмотрена только за те действия, которые призывают к совершению противоправных действий, предполагающие информационное воздействие на лиц с целью побуждения совершения ими преступлений. Как указывается в литературе «выражение и распространение каких-либо мнений, идей, взглядов само по себе не может расцениваться в качестве уголовно наказуемых призывов. Публичные призывы в уголовно-правовом значении подразумевают оказание определенного психологического воздействия на адресатов, имеющего своей целью их склонение, побуждение к совершению противоправных действий» [1, с. 99]. Человек, личность имеет право на собственное мнение, пусть даже и не совпадающее с господствующим, и имеет право его высказать и не соглашаться с общепринятой идеологией. Кроме того, как отмечает И.И. Барышева «Законодатель не запрещает распространение идей (в том числе и в форме публичных призывов) о необходимости государственного, социального, идеологического и политического переустройства общества. Гарантии подобной деятельности являются необходимым условием развития демократии и составной частью деятельности политических партий и иных общественных объединений. Законодатель вводит запрет на публичное распространение лишь таких идей, которые содержат мысль о необходимости неправовых, неконституционных способов переустройства общества» [2, с. 109].

Представляется, что действующая система уголовно-правовых запретов распространения «вредной» информации не выдерживает критики. Бессистемность, хаотичность расположения норм, их казуистичность и громоздкость создает трудности для правоприменителя и непонимание со стороны граждан. Зачастую люди не понимают, за что привлекаются к ответственности, не считая это общественно-опасным и преступным. Нивелируется принцип справедливости, а это ведет к игнорированию закона и его требований. Распространяя ту или иную вредоносную информацию, лицо должно понимать общественно-опасный характер своих действий, он должен осознавать деструктивную сущность распростра-

няемой информации, ее преступное влияние на тех, кто с ней знакомится, преследуя цели, носящие противоправный характер.

Одним из эффективных механизмов решения данной проблемы является институт административной преюдиции. Представляется, что условием уголовной ответственности за распространение «вредной» информации должна быть повторность совершения преступления, выраженная в первоначальном привлечении лица к административной ответственности.

Кроме того, необходимо систематизировать нормы, предусматривающие ответственность за информационное воздействие и связанные с публичными призывами к противоправным действиям. Одним из вариантов решения может быть создание одной нормы, которая бы содержала понятие и критерии информации, за публичное распространение которой предусмотрена уголовная ответственность. При решении данного вопроса следует обратиться к нормам информационного права и согласовать основные дефиниции и кримиобразующие признаки.

В заключении следует отметить, что решение вопросов информационной безопасности личности и общества должно носить комплексный, междисциплинарный характер, с учетом динамично развивающихся технологий и изменяющихся общественных отношений. Необходим новый взгляд и новая концепция противодействия «информационному насилию», захлестнувшему современное российское общество.

Библиографический список

1. Балашов А.А. Публичные призывы к совершению противоправных действий как способ оказания психологического воздействия / А.А. Балашов // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – №4 (30). – С. 97–101.
2. Барышева И.И. Уголовно-правовое ограничение свободы слова как средство защиты государственной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук / И.И. Барышева. – Ростов н/Д, 2008.
3. Кунов И.М. О системе ограничений свободы слова по российскому уголовному законодательству / И.М. Кунов // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – №3 (33). – С. 69–74.

УДК 343.8

*И.М. Черноярова, адъюнкт Академии ФСИН России
г. Рязань, Россия*

Гуманизация наказания осужденных женщин

Данная научная статья посвящена вопросу гуманизации наказания в отношении осужденных женщин. Автор приводит различные точки зрения относительно понятия «гуманизма» в целом, затрагивает вопрос пробации в пенитенциарной системе как свидетельство гуманизации наказания.

Ключевые слова: женщины, осужденные, пробация, гуманизм.

Права и свободы гражданина, его честь и достоинство является высшей ценностью в государстве и обществе. Как свидетельство цивилизации на наш взгляд является принцип гуманизма, который успел приобрести уголовно-исполнитель-

ные аспекты в современном обществе. Следует сказать, что процесс реализации принципа гуманизма активно внедряется в пенитенциарную систему Российской Федерации, особенно наблюдаем гуманность в отношении такой категории как женщины.

Понятие «гуманизм» имеет в своем составе корень «homo», что означает «человек». Гуманизм – это не изобретение современности, человечество достаточно давно задумалось над природой гуманизма, человеческого отношения к природе и окружающим. Гуманизм – это мировоззрение, в центре которого находится идея человека как высшей ценности.

Если окунуться в эволюционный аспект гуманизации наказания в Российской Федерации, то далеко не всегда речь шла о гуманности по отношению к преступникам. Так, например, согласно Проекту Уложения Российского государства 1723–1726 гг., который был посвящен вопросам преступления и наказания, цели наказания преследовали в первую очередь устрашение возможных преступников, возмездие и использование труда осужденных для нужд государства [2, с. 28].

Если говорить о наказаниях, то в период с XVIII до начала XIX века смертная казнь оставалась одним из наиболее применяемых видов наказаний в теории и на практике. Однако создание проектов нормативных правовых актов все же демонстрировало склонность государственной власти к возможному сокращению применения смертной казни, гуманизации наказаний, улучшению содержания осужденных (например, в Проекте Устава о тюрьмах 1787 г.) [5].

Идеи гуманизма разделяли многие представители научной деятельности не только в России, но и в зарубежных странах. Яркими представителями гуманистических установок в европейской культуре были такие лидеры и мыслители как Р. Эмерсон, Г. Торо, А. Эйнштейн, Т. Манн и другие [3, с. 50].

Для юридических наук немаловажным является трактовка понятия «гуманизма», предложенная выдающимся российским мыслителем А.В. Разиным, которая выражается в трех основных исторически выявленных смыслах:

1. Поддержку слабых членов общества, которая может выходить за рамки обычных представлений о справедливости.

2. Гарантии основных прав человека как условия сохранения гуманных оснований его бытия.

3. Формирование социальных и нравственных качеств, позволяющих личности осуществлять самореализацию на базе общественных ценностей [4, с. 177].

Еще в советское время Г.З. Анашкин в своих научных трудах размышлял о принципе гуманизма. Он считал, что гуманизм развивается в двух направлениях, которые выражены с одной стороны в гуманном отношении к преступнику, а с другой в защите общества и граждан от различных преступных посягательств [1, с. 44].

Президентом Российской Федерации В.В. Путиным был подписан закон о гуманизации условий содержания под стражей и отбывания наказаний в виде принудительных работ и лишения свободы (Федеральный закон от 13.06.2023 № 211-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» и Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений»). Согласно данным изменени-

ям, увеличивается возраст несовершеннолетнего с трех до четырех лет, для нахождения его в доме ребенка исправительного учреждения либо в следственном изоляторе, а также пересмотрен размер денежных средств на приобретение осужденными продуктов питания и предметов первой необходимости. В отношении такой категории как подозреваемые и обвиняемые законом скорректирован порядок применения мер поощрений и взысканий.

Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» наряду с другими принципами признает гуманизм, приоритет прав и законных интересов человека и гражданина как основу процесса пробации.

Согласно данному закону, пробация – это совокупность мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц (ст. 5 Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»).

Судебные статистические данные о состоянии судимости женщин за последние годы выглядят таким образом (рис.)

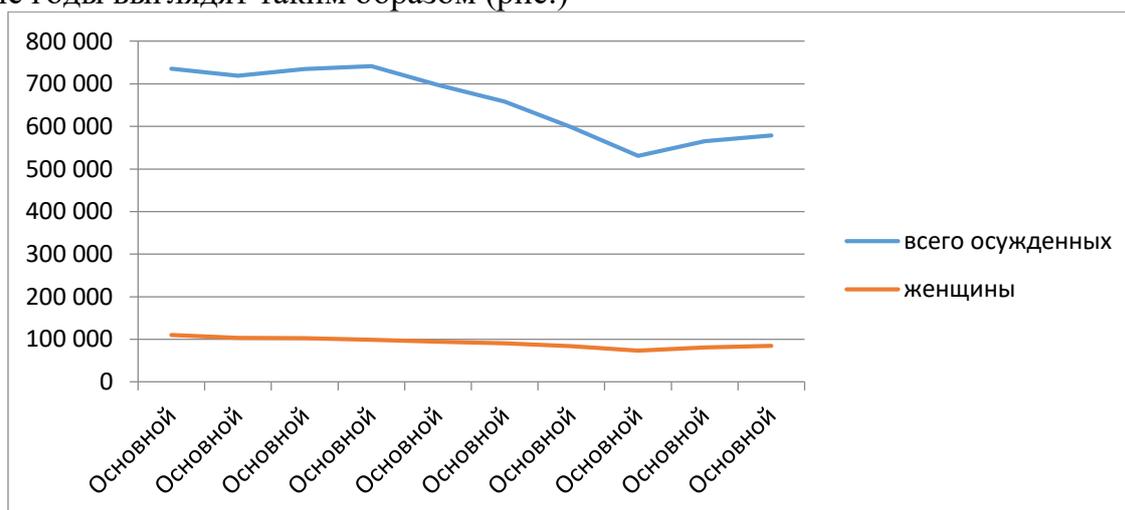

Рис.1

Итак, за последние десять лет мы можем наблюдать положительную динамику в плане осуждения женщин. Если в 201–2015 годах было осуждено более 100.000 женщин, то данные 2016–2022 годов говорят нам о снижении данных показателей. Более того мы видим в целом положительную динамику в рамках привлечения к уголовной ответственности не только женщин, но и мужчин. Вышесказанное, несомненно, подтверждает, что политика государства предусматривает гуманизацию наказания в пенитенциарной системе Российской Федерации, в том числе и в отношении женщин.

Библиографический список

1. Анашкин Г.З. Гуманизм советского уголовного права / Г.З. Анашкин // Советское государство и право. – 1963. – № 8. – С. 44–52.
2. Бутенко Э.Ф. Смертная казнь в законодательстве России XIX в. / Э.Ф. Бутенко // История государства и права. – 2006. – № 8. – С. 28–31.

3. Кувакин В.А. Современный гуманизм / В.А. Кувакин // Высшее образование в России. – 2002. – № 4. – С. 41–54.

4. Разин А.В. Идея гуманизма в западной философии / А.В. Разин // Философия и общество. – 1998. – №5. – С. 155–177.

5. Смоляров М.В. Эволюция идеи гуманизации наказания в проектах нормативных правовых документов XVIII начала XIX вв. России М.В. Смоляров // Право и современные государства. – 2014. – №1. – С. 15–18.

УДК-343.27

*Н.И. Щипанова, доцент ЮУрГУ
Т.В. Кухтина, ст. преподаватель ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Уголовно-правовая природа применения судебного штрафа

Статья посвящена исследованию уголовно-правовой природы применения судебного штрафа как формы реализации принципа гуманизма. Предложено расширить возможности действия данного института при освобождении лица от уголовной ответственности и от наказания.

Ключевые слова: наказание, судебный штраф, освобождение от уголовной ответственности и наказания, административное воздействие.

Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера был введен в УК РФ относительно недавно в июле 2016 года путем внесения в текст УК РФ ст. 762. Аргументировалось это необходимостью совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности. Законодатель определил, что применение к лицу судебного штрафа является основанием для освобождения лица от уголовной ответственности и, действительно, данная мера имеет определенную связь с другими видами освобождения от уголовной ответственности: это совокупность общих условий, однако по объему правовых последствий и условный характер существенно отличается от них [2, с. 64]. В этой части судебный штраф имеет сходства с принудительными мерами воспитательного воздействия.

Так же следует отметить сходства данного института с освобождением от наказания: условно-досрочное освобождение, отсрочка отбывания наказания, условное осуждение. Таким образом, применение судебного штрафа имеет общие черты и с освобождением от уголовной ответственности, и с освобождением от наказания, однако более близок по своей правовой природе с освобождением от наказания, а не от уголовной ответственности. Так, Карпов В.С., Синьков Д.В. отмечают, что освобождения от уголовной ответственности является формой реализации этой ответственности и мерой уголовно-правового характера [1, с. 74].

Назначение же судом судебного штрафа является для лица мерой уголовно-правовой ответственности без наказания. Полагаем, что нормы, регламентирующие порядок применения судебного штрафа, ошибочно законодателем помещены в главе 11 УК РФ, поскольку по правовой природе применения судебный штраф является основанием для освобождения лица от наказания.

УК РСФСР предусматривал возможность освобождение лица от уголовной ответственности в связи с применением к нему мер административного взыскания. Такое решение мог принимать не только суд, но и дознаватель, следователь и прокурор. Судебный штраф в рамках действующего УК РФ не является административным взысканием, решение о его применение принимает суд, поэтому возникает вопрос о необходимости совершенствования нормы о судебном штрафе как об основании освобождения от наказания и введении новой нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с применением иных мер административного воздействия. Представляется, что такое решение позволить законодателям расширит сферу действия принципа гуманизма. Тем более, что введение законодателем положений о судебном штрафе оказалось востребованным на практике и стало широко применяться, несмотря на недостатки и противоречия.

Так за первые четыре года 2017-2020 гг. действия новой нормы судебный штраф был применен соответственно в отношении 20 692 лиц в 2017 году, 33 3329 в 2018 году, 52 460 в 2019 году, 56 980 в 2020 году¹.

Такая статистика дает основания и для того, чтобы расширить рамки данного института как вида освобождения от уголовной ответственности и от наказания, как это предусмотрено для амнистии и принудительных мер воспитательного воздействия.

Это стало бы возможным при изменении круга субъектов, принимающих решение и при изменении процессуального порядка данного решения.

Суд мог бы освобождать лицо от уголовной ответственности, применяя к нему судебный штраф и право принимать такое решение, возможно, возложить на орган дознания, следователя прокурора, которые в рамках своих полномочий самостоятельно освобождали лицо от уголовной ответственности, а суд в особом производстве назначал судебный штраф по таким делам.

Таким образом, на сегодняшний день уголовно-правовая природа самого судебного штрафа определяется как иная мера уголовно-правового характера, что не является наказанием и не влечет судимости. Применение штрафа можно рассматривать как вид освобождения от наказания, а не от уголовной ответственности.

Библиографический список

1. Карпов В.С. Судебный штраф – иная мера уголовно-правового характера или «особый» вид наказания? / В.С. Карпов, Д.В. Синьков // Российский юридический журнал. – 2018. – № 4 (121). – С. 73–77.
2. Полуэктов А.Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук / А.Г. Полуэктов. – М., 2019. – 210 с.

¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. Статистическая отчетность о деятельности судов общей юрисдикции. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=78&item=5010> (дата обращения: 18.03.2023).

СЕКЦИЯ «СОВРЕМЕННЫЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
ФУНКЦИИ И НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА:
СООТНОШЕНИЕ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО»

УДК 343.13

*М.С. Аникина, аспирант кафедры судебной деятельности
и уголовного процесса имени П.М. Давыдова
УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева
г. Екатеринбург, Россия*

**Способы примирения с потерпевшим в уголовном процессе России:
реальность и перспективы**

В статье рассмотрены некоторые способы примирения с потерпевшим в уголовном процессе. В том числе примирение сторон (ст. 25 УПК РФ), медиация и судебное примирение. Автор исследует преимущества использования примирительных процедур в рамках уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: примирительные процедуры, потерпевший, примирение, судебное примирение, медиация.

Тема соотношения и баланса публичных и частных интересов в уголовном процессе России остается центральной. Ученые-процессуалисты говорят о том, что последние годы отечественное уголовно-процессуальное законодательство направлено на гармонизацию публичного и частного начал и в основе этого – признание равной ценности интересов государства и отдельно взятой личности [5, с. 222–223].

Существующие международно-правовые акты и нормы действующего отечественного законодательства во главе с Конституцией РФ гарантируют потерпевшему защиту, но не предоставляют этому участнику уголовного процесса юридические инструменты для такой защиты. Потерпевший, будучи субсидиарным участником, действует только в рамках, очерченных законодателем, который предлагает не всегда эффективные способы восстановления его прав. Между тем, потерпевший может и должен стать активным субъектом уголовно-процессуальной деятельности.

В рамках настоящей статьи предлагается рассмотреть способы примирения с потерпевшим в рамках уголовного процесса.

Первый способ связан с таким основанием для прекращения уголовного дела как примирение сторон (ст. 25 УПК РФ). Условия освобождения от уголовной ответственности по этому основанию содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. №19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». Таких условий всего два: примирение с потерпевшим и заглаживание вреда. Интересно, что в постановлении не раскрывается, что подразумевает под собой понятие «примирение», зато подробно описаны способы заглаживания вреда (в т.ч. принесение извинений, компенсация морального вреда, оказание помощи потерпевшему).

Е.А. Брылева считает, что, когда совершено преступление, относящееся к категории небольшой тяжести и причиненный вред носит материальный характер, потерпевшие больше заинтересованы в возмещении причиненного им вреда, нежели в наказании обвиняемого [1, с. 47]. Соглашаясь с приведенным мнением, подчеркнем, что для потерпевшего от преступления любой категории тяжести, приоритетным является возмещение вреда.

Можно сказать, что сейчас, в российском уголовно-процессуальном законодательстве закреплён только один способ примирения с потерпевшим.

Между тем, если обратиться к законодательству зарубежных стран, можно увидеть применение разных примирительных процедур. Одной из самых известных и спорных, применительно к уголовному процессу России, является медиация.

С одной стороны, считается, что применение медиации в уголовном процессе могло бы снизить нагрузку на судей. Но с другой, есть множество факторов, препятствующих имплементации этого института в отечественный уголовный процесс. Прежде всего, необходимо адаптировать медиацию под уже действующие уголовно-процессуальные нормы (разработать отдельный нормативно-правовой акт, самостоятельную главу или статью в УПК РФ). Далее важно провести разъяснительную работу с гражданами, поскольку, как правило, стороны не готовы договариваться [2, с. 169].

По мнению В.В. Колесник, проблема применения в уголовном процессе медиационных процедур заключается в том, что производство по уголовному делу обладает особыми свойствами, обусловленными установлением виновности в совершении преступления [3, с. 16].

В то же время, медиативное соглашение в уголовном процессе, которое по своей природе является договором, предоставляет сторонам уголовного судопроизводства возможность по своему усмотрению формулировать условия примирения, оставаясь при этом под контролем государства.

Преимущества заключения такого соглашения в рамках уголовного процесса очевидны: восстановление прав потерпевшего, снижение нагрузки на судей, учет интересов обеих сторон.

В зарубежных государствах вопрос имплементации медиации решается по-разному: одни разрабатывают отдельный нормативно-правовой акт, другие – включают положения о медиации в УПК. Так, например, в 2021 году медиация была введена в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь.

Медиация в уголовном процессе России пока не применяется, хотя отечественные ученые-процессуалисты не исключают возможность имплементации этого института. Совсем недавно была защищена кандидатская диссертация на тему «Теоретическая модель института медиации в современном российском уголовном судопроизводстве», где автор описывает модель медиации в уголовном процессе России.

В 2019 году, в цивилистическом процессе России появилась новая процедура, смежная с медиацией – судебное примирение. Примерно в это же время Пленум Верховного Суда РФ своим постановлением от 31 октября 2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» утвердил Регла-

мент, где обозначил цели, задачи, принципы, правовую основу, порядок проведения судебного примирения и требования к судебному примирителю.

Судебное примирение – это еще одна примирительная процедура. Одно из ее отличий от медиации – это участие в процедуре судебного примирителя (судьи в отставке), а не медиатора.

Многие отечественные цивилисты критически оценивают новую процедуру и считают, что судебное примирение, по существу, еще одна судебная процедура, альтернативный суд в суде [4, с. 32].

Однако, то, что считается недостатком судебного примирения в цивилистическом процессе, может оказаться преимуществом в процессе уголовном. Поэтому нельзя исключать возможность появления этого способа примирения с потерпевшим в уголовном процессе России в будущем.

Библиографический список

1. Брылева Е.А. Цели наказания на современном этапе развития Российского государства: восстановление социальной справедливости или кара? // Администратор суда. – 2019. – № 4. – С. 43–47.

2. Кивленок Т.В. Роль медиации в урегулировании правовых конфликтов // Вестник гражданского процесса. – 2020. – № 4. – С. 167–177.

3. Колесник В.В. Согласительные (примирительные) процедуры в уголовно-процессуальном законодательстве России и отдельных зарубежных стран // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2022. – №5. – С. 13–17.

4. Смагина Е.С. Судебное примирение и судебные примирители в гражданском судопроизводстве: возможные правоприменительные проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 1. – С. 29–34.

5. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития: монография / А.А. Давлетов, Н.В. Азаренок. – Екатеринбург: УрГЮУ, 2023. – 504 с.

УДК 343.132

*Е.А. Артамонова, д.ю.н., профессор СКФУ
г. Ставрополь, Россия*

О процессуальном положении представителя адвокатской палаты (ст. 450.1 УПК РФ)

В статье сделана попытка обосновать вывод о том, что участие представителя адвокатской палаты при производстве следственных действий в порядке ст. 450.1 УПК РФ есть дополнительный способ усиления публичного начала в уголовном процессе посредством защиты корпоративного интереса и одновременного ограничения самостоятельности следователя при производстве отдельных следственных действий.

Ключевые слова: адвокат, следственные действия, представитель адвокатской палаты, публичный интерес.

С введением Законом от 17.04.2017 № 73-ФЗ в текст УПК РФ ст. 450.1 в уголовном процессе появился новый участник – представитель адвокатской палаты,

процессуальное положение которого законодательно не определено (буквально закон говорит о «члене совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации», на территории которого производится следственное действие, или «иного представителя, уполномоченного президентом этой адвокатской палаты»). Для краткости здесь будет употребляться обобщённое понятие – представитель адвокатской палаты.)

Закон предназначением участия в уголовном процессе представителя адвокатской палаты называет его присутствие при производстве отдельных следственных действий (обыска, осмотра, выемки) в отношении привлекаемого к уголовной ответственности адвоката для обеспечения неприкосновенности предметов и сведений, составляющих адвокатскую тайну (ч. 1 ст. 450 УПК РФ).

Бросается в глаза непостоянство употребляемой законодателем терминологии. В ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ речь идёт о «присутствии» представителя адвокатской палаты, а в ч. 3 ст. 450.1 УПК РФ об его «участии».

«Присутствовать» и «участвовать» – это хотя и близкие, но имеющие разные смысловые оттенки понятия. «Присутствие» имеет более пассивное значение. Гораздо правильнее, думается, говорить об участии, что предполагает определённые права и обязанности участвующего лица в процессе, его активную деятельность по выполнению возложенных на него задач. Поэтому, во-первых, в ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ слова «в присутствии» следует заменить на «с участием». Во-вторых, законодательно определить правомочия этого участника процесса, его процессуальный статус, в том числе и порядок вступления в дело. Необходимость этого широко обсуждается в процессуальной литературе [1, с. 38–39; 2, с. 154; 3, с. 79; 4].

В настоящее время правовой статус представителя адвокатской палаты определяется (формируется) методическими рекомендациями ФПА РФ (Методические рекомендации для представителя адвокатской палаты при производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката, утв. Решением Совета ФПА РФ от 16 мая 2017 г. (протокол № 2)), в соответствии с которыми для реализации возложенных на него как на независимого квалифицированного наблюдателя правомочий, представитель адвокатской палаты наделяется достаточно широкими возможностями, вытекающими из смысла уголовно-процессуального закона. Согласно рекомендациям Совета ФПА РФ представитель адвокатской палаты вправе знакомиться с решением суда о производстве следственного действия, приносить возражения на действия следователя, общаться с адвокатом-фигурантом, знакомиться с его документами и определять, что не относится к предмету производимого следственного действия, знакомиться с протоколом следственного действия и приносить на него замечания, обжаловать действия и решения следователя.

Осуществляя указанные правомочия, а по сути, выполняя возложенную на него руководством обязанность, представитель адвокатской палаты действует в публичных интересах уголовного судопроизводства, в интересах государства по сохранению адвокатской тайны, обеспечивая неприкосновенность сведений, её составляющих. Сомнений о преследовании им именно публичного интереса нет и у адвокатского сообщества (см., например: Разъяснение комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопро-

сам применения п. 2 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, утв. решением Совета ФПА РФ от 30 августа 2023 г.). Являясь посторонним субъектом применительно к отдельно взятому уголовно-правовому конфликту, он отслеживает и контролирует правильность определения объема отсматриваемых и изымаемых следователем сведений, чем влияет на ход и результаты проводимого следственного действия. Защита профессиональной тайны (адвокатской) возложена на представителя этого профессионального сообщества, сам факт отсутствия которого при производстве следственного действия в порядке ст. 450.1 УПК РФ влечёт недопустимость полученного доказательства. Например, суд своим постановлением признал проведённый в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ обыск в жилище адвоката С., подозреваемой в совершении двух мошенничеств и покушении на посредничество во взяточничестве, незаконным, прежде всего, потому, что при производстве этого следственного действия не присутствовал представитель адвокатской палаты. Вторым не менее важным основанием принятия такого решения стало проведение обыска в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ без предварительного получения судебного решения (Постановление Новомосковского городского суда Тульской области от 15 мая 2018 г. по делу № 1-222/2018 // Архив Новомосковского городского суда Тульской области).

Таким образом, в производство отдельных следственных действий вводится лицо (представитель адвокатской палаты), которое не является участником процесса (не имеет законом устанавливаемого процессуального статуса), но реально наделено контролирующими полномочиями (выполняет функцию «осведомлённого» разграничения между материалами, содержащими легитимную адвокатскую тайну, и материалами, конфиденциальность которых не подлежит обеспечению законом» [5, с. 95–96]). Именно он определяет какие предметы и документы неприкосновенны для следователя, как обладающие адвокатской тайной. Причём делает это осознанно, так как является человеком юридически грамотным, знающим специфику уголовного судопроизводства. И он не просто наблюдает за ходом следственного действия, правильностью его проведения, а фактически определяет объём действий правоприменителя, тем самым влияя на результаты следственного действия (определяет, что можно, а что нельзя изымать), и как следствие на объём получаемой доказательственной информации. Это весьма серьёзная функция, по сути, сдерживающая самостоятельность и независимость следователя в ходе производства следственного действия. И такие полномочия, ограничивающие свободу действий лица, ведущего процесс, сегодня нашли отражение только на уровне инструкции (методических рекомендаций Совета ФПА РФ), что представляется недопустимым. Для обеспечения сбалансированности интересов следствия и охраны адвокатской тайны процессуальные полномочия представителя адвокатской палаты как специального участника следственного действия, действующего в интересах всего общества и государства посредством охраны корпоративного интереса, необходимо закрепить законодательно.

Библиографический список

1. Смолькова И.В., Гаврилова Е.А. Особенности производства следственных действий в отношении адвоката. – С. 35–46. URL: <https://cyberleninka.ru/article>

/n/osobennosti-proizvodstva-otdelnyh-sledstvennyh-deystviy-v- otnoshenii -advokata /
vie wer (дата обращения: 25.02.2024).

2. Стельмах В.Ю. Особенности производства следственных действий в отношении адвоката / В.Ю. Стельмах // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. – № 2. – С. 145–159.

3. Гладышева О.В., Хмыров Р.В. Представитель адвокатской палаты и его доступ в уголовное судопроизводство: современные проблемы и пути их решения / О.В. Гладышева, Р.В. Хмыров // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2021. – № 4 (13). – С. 72–81.

4. Хмыров Р. Полномочия, необходимые представителю адвокатской палаты в уголовном процессе / Р. Хмыров // Адвокатская газета. – 2022. – 16 февраля. URL: [https:// www. advgazeta. ru/ mneniya/ polnomochiya- neobkhodimye- predstavitelju-advokatskoj-palaty-v-ugolovnom-protseste/](https://www.advgazeta.ru/mneniya/polnomochiya-neobkhodimye-predstavitelju-advokatskoj-palaty-v-ugolovnom-protseste/) (дата обращения: 11.03.2024).

5. Хашимов Р.А. Гарантии сохранения адвокатской тайны при проведении обыска в отношении адвоката: судебные правовые позиции / Р.А. Хашимов // Уголовная юстиция – Russian Journal of Criminal Law. – 2016. – № 1 (7). – С. 92–98.

УДК 343.852

*О.А. Астапович, старший научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России
г. Москва, Россия*

Круг нормативных ситуаций задержания осужденного

Несмотря на законодательно установленный перечень ситуаций, в которых предусмотрено задержание осужденного, исследователи насчитывают разное их количество: от пяти до девяти. В статье показываются неточности с исчислением разными авторами круга таких ситуаций и предлагается свободный от допущенных ошибок их подсчет, в результате которого их всего десять.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; органы внутренних дел; уголовно-процессуальное законодательство; исполнение приговора; оперативно-розыскная деятельность; розыск осужденных; задержание осужденных.

Отсутствие строгих нормативных рамок в определении подлежащих задержанию осужденных из числа совершивших побег упрощает очерчивание круга таких ситуаций: по сути, любой осужденный, совершивший побег, подлежит безусловному задержанию. Следовательно, в круг ситуаций, в которых предусмотрено задержание осужденного, входят все случаи побега из мест лишения свободы (ст. 86 УИК РФ).

Казалось бы, не предвидится сложности с определением круга подлежащих задержанию осужденных и во втором случае, когда речь идет о злостном уклонении лица от выполнения требований, связанных с исполнением назначенного ему наказания – коль скоро на основании задержания в этих случаях прямо указано в УИК РФ. Однако в действительности дело обстоит не столь просто. Пред-

принятый анализ различных источников показывает, что авторы называют различный круг ситуаций.

Так, авторский коллектив ФКУ НИИ и ГОУ ФСИН России, возглавляемый профессором В.Н. Омелиным, приводит пять ситуаций, в которых УИК РФ предусматривает в случае злостного уклонения от выполнения требований, связанных с исполнением назначенного наказания, задержание осужденного: обязательные работы (ч. 2 ст. 30 УИК); исправительные работы (4 ст. 46 УИК); ограничение свободы (ч. 6 ст. 58 УИК); принудительные работы (ч. 4 ст. 60.2, ч. 2 ст. 60.17 УИК); направление осужденных в колонию-поселение (ч. 6 ст. 75.1 УИК РФ) [3, с. 397]. В тексте есть дополнительное упоминание еще об одной ситуации, когда в соответствии с ч. 6 ст. 58 УИК РФ осужденный, уклоняющийся от отбывания наказания в виде ограничения свободы, подлежит задержанию органами внутренних дел [3, с. 397]. Однако на эту ситуацию авторы уже указали в упомянутом выше списке, назвав ее «ограничение свободы (ч. 6 ст. 58 УИК)». Никакой другой ситуации в ст. 58 УИК не предусмотрено. Поэтому приведенное дополнительное упоминание об указанной ситуации является излишним, представляя собой на наш взгляд техническую ошибку.

Определяя количество названных ситуаций, обратим внимание, что авторы указали в качестве единой ситуации под названием «принудительные работы», указав при этом в качестве ее основания две нормы – ч. 4 ст. 60.2 и ч. 2 ст. 60.17 УИК. В обеих этих нормах речь действительно идет об одном и том же наказании – принудительных работах. Однако ситуации предусмотрены разные: в ч. 4 ст. 60.2 УИК РФ предусмотрено задержание осужденного, уклоняющегося от получения предписания или неприбытия к месту отбывания наказания, а в ч. 2 ст. 60.17 УИК РФ – задержание осужденного, уклонившегося от отбывания принудительных работ. Полагаем, что разница в этих ситуациях очевидна и не нуждается в дополнительных комментариях.

Таким образом, с учетом приведенных поправок можно насчитать шесть входящих в круг ситуаций, в которых предусмотрено задержание осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией лица от общества.

В исследованиях других также приводится круг отмеченных ситуаций, всего авторы насчитывают по семь таких ситуаций, однако при этом круг их не совпадает.

Так, П.М. Малин, например, также объединив ситуации, связанные с задержанием при исполнении принудительных работ, в одну (ч. 4 ст. 60.2, ч. 2 ст. 60.17), обоснованно дополняет список ситуациями, связанным с исполнением штрафа (ч. 4 ст. 32). Таким образом, всего он приводит семь ситуаций [2, с. 44].

В списке ситуаций, когда к осужденному к наказанию, не связанному с лишением свободы, применяется задержание в связи со злостным уклонением от выполнения требований, связанных с исполнением назначенного ему наказания, который приводит Ю.П. Якубина, их также всего семь. Однако при этом необоснованно исчезают ситуации, связанные с направлением осужденных в колонию-поселение (ч. 6 ст. 75.1 УИК РФ), но появляется упоминание о ситуациях, предусмотренных ст. 97 УИК РФ (выезды осужденных за пределы исправительных учреждений) [5, с. 57–58]. В контексте исследования Ю.П. Якубиной наряду с указанными выше случаями задержания осужденного встречается упоминание

еще о задержании осужденного, предусмотренном ст. 86 УИК РФ [5, с. 60]. Однако этот случай не может пополнить круг задержаний осужденного к наказанию, не связанному с лишением свободы, поскольку в нем прямо говорится о задержании другой категории осужденных – бежавших из исправительных учреждений.

Наиболее полный перечень ситуаций, когда к осужденному к наказанию, не связанному с лишением свободы, применяется задержание в связи со злостным уклонением от выполнения требований, связанных с исполнением назначенного ему наказания, приводит А.В. Симоненко. Он, в частности, дополняет упоминание о задержании осужденного, признанного больным наркоманией, которому суд предоставил отсрочку отбывания наказания до окончания курса лечения, в случае его неприбытия в уголовно-исполнительную инспекцию, а также если он скрылся от контроля после постановки его на учет (ч. 9 ст. 178.1 УИК РФ). Однако, разделяя при этом ситуации, предусмотренные ч. 4 ст. 60.2 и ч. 2 ст. 60.17 УИК РФ, он без видимых оснований объединяет ситуации, предусмотренные ч. 2 ст. 30 и ч. 4 ст. 32 УИК РФ, и ситуации, предусмотренные ч. 4 ст. 46 и ч. 6 ст. 58 УИК РФ [4, с. 170].

Таким образом, как показал анализ текста УИК РФ и результатов научных исследований, круг ситуаций, когда к осужденному к наказанию, не связанному с лишением свободы, применяется задержание в связи со злостным уклонением от выполнения требований, связанных с исполнением назначенного ему наказания, включает в себя предусмотренные в ст. 30, 32, 46, 58, 60.2 и 60.17, 75.1, 97, 178.1 УИК РФ.

В соответствии с нормами УИК РФ уголовно-исполнительные инспекции осуществляют контроль и за другими категориями лиц, например, осужденными к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 3 ст. 33). В этой связи необходимо заметить, что задержание осужденного при исполнении других наказаний, не связанных с изоляцией лица от общества, и в иных ситуациях, складывающихся при исполнении таких наказаний, прямо законом не предусмотрено, не допускается.

Здесь следует отметить, что УИК РФ предусматривает и другие помимо задержания меры принуждения к осужденному, как находящемуся в местах лишения свободы, так и отбывающему наказание, не связанное с изоляцией осужденного от общества. В числе первых отмеченных можно назвать обыск, досмотр (ст. 82 УИК РФ), ко вторым относятся привод осужденных (ч. 3 ст. 39 УИК), принудительный привод (ч. 5 ст. 11 УИК). Однако они по определению не могут составить альтернативу такой мере как задержание осужденного и, соответственно, расширить круг ситуаций задержания осужденного. В юридической литературе обоснованно отмечается, что в нормах УИК РФ нет понятия «привод» как меры государственного принуждения в отношении лиц, нарушающих условия и порядок исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы [1, с. 42].

Что дает очерчивание ситуаций, в которых предусмотрено задержание осужденного, и выведение их круга. Во-первых, это само по себе результат анализа законодательства и представление этого результата без купюр, в точном соответствии с буквой закона. Далее. Определение характера ситуаций, в которых

предусмотрено задержание осужденного, как исчерпывающего свидетельствует о соблюдении главного постулата в регулировании мер принуждения в Российской Федерации, согласно которому меры, затрагивающие свободу личности, могут быть допущены лишь на основании федерального закона. Наконец, этот круг дает полную базу для классификации случаев задержания осужденного.

Библиографический список

1. Елизаров А.Б., Щетнев Л.Е. Проблемы правового регулирования розыска и привода лиц, подконтрольных уголовно-исполнительным инспекциям ФСИН России / А.Б. Елизаров, Л.Е. Щетнев // Вестник Владимирского юридического института. – № 2 (7). – 2008. – С. 41–44.

2. Малин П.М. Об уголовно-исполнительном задержании / П.М. Малин // Уголовно-исполнительное право. – 2016. – № 4 (26). – С. 44–48.

3. Омелин В.Н., Пьянков М.Н., Спиридонова Ю.Н. О задержании лиц, разыскиваемых территориальными органами уголовно-исполнительной системы. / В.Н. Омелин, М.Н. Пьянков, Ю.Н. Спиридонова // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Том 13. – № 8А. – С. 396–402.

4. Симоненко А.В. Задержание осужденных как правовое состояние. / А.В. Симоненко // Уголовная юстиция. Russian Journal of Criminal Law. – 2018. – № 11. – С. 170–174.

5. Якубина Ю.П. Законодательное регулирование задержания осужденных, уклоняющихся от исполнения приговора / Ю.П. Якубина // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – Т. 7. – № 3. – С. 57–61.

УДК 343.1

*А. Аубакирова, д.ю.н., профессор АФ СПбГУП
г. Алматы, Казахстан*

Специалист в судопроизводстве Казахстана

В статье рассматриваются последние изменения в законодательство Республики Казахстан, касающиеся статуса специалиста в уголовном судопроизводстве за 2022-2023 год и затрагиваются вопросы регулирования специалиста-криминалиста, именуемого в законе сотрудником уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан.

Ключевые слова: специалист, институт специальных знаний, криминалист, уголовно-процессуальное законодательство, оперативно-криминалистический департамент, сотрудник уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан.

Институт применения специальных знаний всегда вызывал интерес у теоретиков и практиков. В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан были внесены существенные изменения в нормы, регламентирующие правовой институт специалиста в уголовном судопроизводстве. Эти позиции законодательства потребовали своего теоретического осмысления, оценки эффективности, с точки зрения прикладной ценности.

В декабре 2022 года в законодательство Республики Казахстан были внесены изменения, касающиеся разъяснения процессуального статуса заключения специалиста. Так согласно п. 16.1 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 20 апреля 2006 года № 4. «О некоторых вопросах оценки доказательств по уголовным делам», о том, что «...фактические данные, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела, устанавливаются, наряду с другими материалами дела, также и заключением специалиста. В соответствии со статьей 80 УПК в качестве специалиста может быть привлечено не заинтересованное в деле лицо, обладающее специальными знаниями. Заключение лица, привлеченного в качестве специалиста, не обладающего в исследуемых вопросах соответствующей компетенцией, является недопустимым доказательством».

Интерес к статусу специалиста также был результатом вынесенного решения Конституционным судом РК № 24 НП от 20 июля 2023 года «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан части второй статьи 80 УПК РК», где было определено, что «привлечение в качестве специалиста сотрудника уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан допустимо, если данный сотрудник является не заинтересованным в деле лицом, обладает специальными знаниями и специальной компетенцией, необходимыми для оказания содействия в собирании, исследовании и оценке доказательств. Функциональным назначением такого подразделения должно быть проведение исследований на основе специальных знаний и специальной компетенции сотрудников без осуществления высшего надзора за соблюдением законности на территории Республики Казахстан, досудебного расследования и поддержания государственного обвинения в суде».

Не рассматривая специалиста в целом, остановимся лишь на криминалисте, или сотруднике уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан, который «с разрешения органа, ведущего уголовный процесс, вправе проводить сравнительные исследования, приводящие к частичному уничтожению объектов в объеме, не исключающем проведение по этим объектам судебно-экспертного исследования...» согласно ст. 80 ч. 3 п. 6 УПК РК, а также вести переговоры с участниками процесса, самостоятельно собирать материалы исследования, в то время как иные специалисты таким правом не обладают.

Такие особенности полномочий сотрудника уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан, выступающего в качестве специалиста, ставят под сомнение вопрос о его правовом положении. Как отмечает А.В. Кудрявцева, «представленные УПК Республики Казахстан полномочия специалисту уполномоченного органа позволяют утверждать, что по своему процессуальному статусу специалист-криминалист представляет собой определенный симбиоз специалиста и следователя – субъекта доказывания» [1, с. 26].

При этом надо также учитывать, что неопределенно широким является само понятие «специалист уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан». В такой формулировке к таким специалистам могут быть отнесены не только квалифицирован-

ные кадры, получившие образование со специализацией «криминалистическая деятельность» либо сдавшие квалификационные экзамены на право проведения тех или иных криминалистических исследований. Специалистом уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан может быть взрывотехник, переговорщик, полиграфолог и т.д.

УПК Республики Казахстан особенности правового статуса специалиста уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан нормативно определяет лишь через возможность проведения сложных исследований, приводящих к частичному уничтожению объектов. Фактически такие исследования проводят лишь специалисты-криминалисты. Именно они осуществляют исследования, фактически являющиеся формами использования не просто специальных, а специальных научных знаний.

Тот факт, что специальные научные знания априори являются более глубокими по сравнению со специальными знаниями, не оспаривается ни одним исследователем.

Как указывает О.Г. Кузнецов, «специальные научные знания – это система взаимосвязанных положений и утверждений из различных областей научного знания, обеспечивающая средства для стандартного и систематического описания исследуемых объектов и процессов, позволяющая на основе исследования объяснять и прогнозировать те или иные явления, события, факты и зависимости при решении различных задач судопроизводства» [2].

Такое определение специальных научных знаний, на наш взгляд, полностью применимо по отношению к специалисту-криминалисту, являющемуся сотрудником уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан и проводящему сложные криминалистические исследования.

Лишь одно высшее учебное заведение в настоящее время готовит специалистов-криминалистов в Казахстане, коим является Карагандинская академия МВД РК. В рамках дуального обучения в структуре МВД Республики Казахстан на базе Оперативно-криминалистического департамента осуществляется процесс подготовки специалистов-криминалистов всех региональных департаментов полиции. Здесь они получают теоретические знания и практические навыки по осмотру мест происшествий, проведению различных видов криминалистических исследований (дактилоскопических, трасологических, баллистических, технико-криминалистического исследования документов и исследования холодного оружия и т.д.) Также отрабатываются навыки формирования, ведения и использования автоматизированных криминалистических учетов, использование криминалистической техники [3].

Квалифицированные специалисты-криминалисты МВД Республики Казахстан, подтверждая высокий уровень своих специальных знаний на квалификационных экзаменах, получают право на проведение таких сложнейших исследований. Это право подтверждается квалификационным свидетельством, выдаваемым Криминалистической квалификационной комиссией при оперативно-криминалистическом Департаменте МВД Республики Казахстан.

Статус специалиста-криминалиста по уровню решаемых задач, глубине используемых специальных знаний фактически приближен к уровню эксперта. И, несмотря на разницу в статусе специалиста и эксперта в уголовном судопроизводстве, считаем необходимым дополнить п.6) ч. 3 ст. 80 УПК Республики Казахстан предложением следующего содержания: «Специалист-криминалист по назначению лица, ведущего уголовный процесс, может проводить криминалистическое исследование объектов с использованием судебно-экспертных методик, право на использование которых подтверждается наличием квалификационного свидетельства».

Библиографический список

1. Кудрявцева А.В. Является ли эксперт субъектом доказывания / А.В. Кудрявцева // Российский судья. – 2005. – № 6. – С. 25–28.
2. Кузнецов О.Г. О регулировании деятельности негосударственных судебных экспертов. – Режим доступа: URL: [https:// online. zakon. kz/ Document / ?doc_id=37285782](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37285782) [дата обращения 17.01.2024]
3. Оперативно-криминалистическая деятельность. – Режим доступа: URL: [https:// www. gov. kz/ memleket/ entities/qriim/activities/10760?lang=ru](https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/activities/10760?lang=ru) [дата обращения 17.01.2024]

УДК 343.1

*М.Т. Аширбекова, д.ю.н., профессор СГЮА
г. Саратов, Россия*

К вопросу о процессуальных основаниях проведения судебного следствия в суде апелляционной инстанции (полная и неполная апелляция)

В статье анализируются нормы ч.ч. 4.1 и 4.2 ст. 389.13 УПК РФ, позволяющие идентифицировать формы апелляционного судебного разбирательства как соответствующие видам апелляции – полной и неполной. Отмечается, что есть неопределенность в регламентации процессуальных оснований для апелляционной проверки итоговых судебных решений суда первой инстанции без проведения судебного следствия, то есть повторного исследования доказательств, получивших оценку в суде первой инстанции, а также новых доказательств, представленных сторонами в суд апелляционной инстанции.

Ключевые слова: апелляция, суд апелляционной инстанции, судебное следствие, ходатайство, собственная инициатива суда.

Одним из результатов реформы судебно-проверочного производства по Федеральному закону от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов)» было введение в УПК РФ новой главы 45.1, по нормам которой получили четкое определение предмет апелляционного производства, основания отмены и изменения обжалованного приговора и иных судебных решений, виды решений суда апелляционной инстанции, а также был регламентирован в целом порядок апелляционного производства, включая его центральную часть – апелляционное судебное разбирательство. Именно регламентация этой части в последующем

была скорректирована Федеральным законом от 23.07.2013 №217-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и статьи 1 и 3 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» по вопросам совершенствования процедуры апелляционного производства» в ст. 389.13 УПК РФ. Названная статья в редакции указанного закона стала предусматривать положения о том, что субъекты апелляционного обжалования (стороны уголовного дела) наделяются правом заявлять ходатайства о повторном исследовании доказательств, которые были предметом внимания суда первой инстанции, об исследовании новых доказательств, предоставление которых в суд первой инстанции сторона не смогла обеспечить по уважительным причинам, о вызове в этих целях, как указывает закон, «свидетелей, экспертов и других лиц».

Но вопрос о том, удовлетворить или не удовлетворить ходатайство сторон, связанное с потребностью исследовать доказательства, законодатель, понятно, оставил в поле дискреционного усмотрения суда. При этом суда есть право рассмотреть апелляционную жалобу, представление и без такого исследования доказательств в судебном следствии, если стороны выразят на то свое согласие (ч. 7 ст. 389.13 УПК РФ). Таким образом, из содержания норм ст. 389.13 УПК РФ (в редакции ФЗ от 23.07.2013 № 217-ФЗ) проглядывались две формы апелляционного судебного разбирательства: 1) с судебным следствием, включающим порядок исследования доказательств (повторно ранее исследованных судом первой инстанции и новых доказательств, представленных уже в суд апелляционной инстанции); 2) без судебного следствия, то есть с исследованием письменных материалов уголовного дела.

Надо сказать, эти две формы соотносимы с выделяемыми в науке уголовно-процессуального права видами апелляции, к которым традиционно относят «полную» и «неполную». «При реализации идеи полной апелляции общим правилом является непосредственное исследование судом апелляционной инстанции всех доказательств (как исследованных, так и не исследованных судом первой инстанции). При реализации неполной апелляции непосредственное исследование заменяется опосредованным (т.е. доказательства, которые ранее были исследованы, воспринимаются судом апелляционной инстанции «глазами» суда первой инстанции)» [1, с. 109–110].

Иными словами, наличие повторного доказывания выступает критерием разграничения апелляции на полную и неполную. Тем не менее, по нормам ст. 389.13 УПК РФ (в редакции ФЗ от 23.07.2013 № 217-ФЗ) нужно было вычислять, где речь идет о полной апелляции, а где – о неполной. Однако с принятием Федерального закона от 29.12.2022 № 608-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» картина нормативного регулирования апелляционного судебного разбирательства в плане того, когда должно проводиться судебное следствие, определенным образом прояснилась. Указанным законом ст. 389.13 УПК РФ была дополнена новыми частями 4.1 и 4.2, содержание которых как раз и определяет порядок апелляционного судебного разбирательства соответственно в режимах неполной и полной апелляции. Появился достаточно устойчивый критерий, разграничивающий полную и неполную

апелляцию в зависимости от того, итоговое или промежуточное судебное решение проверяется в суде апелляционной инстанции.

Так, если речь идет о проверке промежуточного решения, то суд апелляционной инстанции исследует только материалы дела и, если есть, дополнительные материалы, обосновывающие доводы стороны (ч. 4.1 ст. 389.13 УПК РФ). Словом, такое исследование происходит вне судебного следствия, если его понимать как определенную структурную часть апелляционного судебного разбирательства. При этом, в нормах ч. 4.1 ст. 389.13 УПК РФ указывается, что такое исследование материалов дела, а также представленных дополнительных материалов происходит либо в связи с тем, что судом удовлетворяется ходатайство стороны о таком исследовании, либо оно предпринимается по собственной инициативе суда. Конечно, странно было бы, если такие материалы вообще не исследовались бы, не заяви сторона об этом ходатайство и не прояви суд собственную инициативу. Иначе говоря, нет нужды указывать в законе на возможность исследования материалов уголовного дела по ходатайству сторону или же по инициативе самого суда. Собственно апелляционная жалоба или представление на промежуточное судебное решение – достаточная форма «заявки» на такое исследование.

Положения же ч. 4.2 ст. 389.13 УПК РФ указывают, что при апелляционной проверке итогового судебного решения (приговора или постановления о прекращении уголовного дела), суд апелляционной инстанции проводит именно судебное следствие с исследованием доказательств в случае удовлетворения им ходатайства стороны об исследовании доказательств либо по собственной инициативе. Потому такая часть судебного разбирательства, как судебное следствие, стала являет собой то, что можно назвать признаком (критерием) полной апелляции.

Но и тут нельзя сказать, что у суда апелляционной инстанции в любом случае автоматически возникает обязанность проводить судебное следствие. Как видится в положения ч. 4.2 ст. 389.13 УПК РФ заложено «мягкое» дискреционное поле для усмотрения суда в части решения вопроса о том, удовлетворить или не удовлетворить ходатайство стороны о повторном исследовании доказательств, а также об исследовании новых доказательств. Безусловно, что разрешение такого рода ходатайства обуславливается конкретными обстоятельствами того или иного дела.

Предположим, что суд не удовлетворил таковое ходатайство и не проявил собственной инициативы по тем же причинам, что послужили к отказу в удовлетворении ходатайства. Может ли суд в этом случае ограничиться при проверке итогового судебного решения исследованием материалов дела без проведения судебного следствия? Ответ далеко не однозначный. Суд может по своему решению обойтись без судебного следствия при проверке итогового решения, но при условии, если стороны с этим согласятся. Как уже отмечалось выше, нормы ч. 7 ст. 389.13 УПК РФ это допускают.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 (ред. от 27.06.2023) дано пояснение: «Если сторонами не заявлялись ходатайства об исследовании доказательств и судом не принималось решение о необходимости их исследования по собственной инициативе, то суд, исходя из положений части 7 статьи 389.13 УПК РФ, рассматривает апелляционные жалобу или представле-

ние без проведения судебного следствия». Тут Верховный Суд РФ исходит из приравнивания отсутствия ходатайства стороны об исследовании доказательств к согласию сторон проверить итоговое решение суда первой инстанции без судебного следствия. Это логично: не заявила сторона (стороны) соответствующее ходатайство, значит есть согласие сторон рассмотреть апелляционные жалобу, представление без проведения судебного следствия. Однако, в законе прямо не прописано право суда на проведение апелляционного судебного разбирательства по итоговому судебному решению без судебного следствия при отсутствии на это согласия сторон, которым уже было отказано в удовлетворении их ходатайства об исследовании доказательств. Отказ суда в удовлетворении такого ходатайства не может автоматически предполагать согласия сторон. В этой связи, думается, что логично для более четкой определенности дополнить нормы ч. 7 ст. 389.13 УПК РФ положением о том, что в случае отказа суда в удовлетворении заявленного стороной ходатайства об исследовании доказательств, в том числе и новых, суд апелляционной инстанции вправе без согласия сторон рассмотреть апелляционные жалобу, представление без проведения судебного следствия.

Библиографический список

1. Рукавишникова (Плашевская) А.А. Апелляционный порядок проверки итоговых судебных решений по УПК РФ: полная и неполная апелляция / А.А. Рукавишникова (Плашевская) // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – №4 (10). – С. 108–114.

УДК 343.13

*А.М. Баранов, д.ю.н., профессор ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Публичные и частные начала в уголовном процессе России. Надо ли менять парадигму

В статье рассматривается проблема соотношения публичности и диспозитивности. Права, институты, процедуры уголовного процесса образующие частные начала и составляющие начала диспозитивности в уголовном процессе. Современное состояние соотношения публичности и диспозитивности. Необходимость изменения соотношения публичного и частного в уголовном процессе.

Ключевые слова: публичность, диспозитивность, публичные частные начала, уголовный процесс.

Вопрос соотношения публичного начала и частного интереса в уголовном процессе как научная проблема возник (на сколько можно проследить по публикациям) в конце XIX века. По всей видимости как следствие возникновения теории о сущности уголовного процесса как гарантий прав личности (преграды для государства) от карательной деятельности государства.

Никто из авторов ни в XIX веке, ни ныне не отрицает публичной природы уголовного процесса. Научные баталии идут вокруг соотношения публичного начала и частного, об объеме власти государства в лице его специальных орга-

нов и интересов личности, объеме ее прав по реализации этого интереса в уголовном процессе.

Если проследить периоды повышенного интереса к данной проблеме в науке уголовного процесса, то обнаруживаем определенную закономерность. Он возникает в период кризиса законодательства и правоприменения за несколько лет до глобальных изменений в государстве и постепенно затихает после принятия нового уголовно-процессуального закона. Именно так происходило в начале XX века при переходе от Императорской России к Советской, такая же ситуация была при принятии УПК в 1960 году и при проведении судебной реформы с 1991 года до принятия УПК РФ в 2000 году.

Всегда ли при принятии нового уголовно-процессуального закона удавалось оптимальным образом найти баланс между публичными началами и частным интересом, между полномочиями государства и правами личности? Обращая внимание на решение этой проблемы в законе за последние полтора столетия обнаруживаем интересную закономерность. Чем более в законе ограничивались публично-властные полномочия государства и выше поднималась планка диспозитивности и возможностей по реализации частного интереса, тем более нестабильным становилось законодательство. Возникал конфликт между правами личности и возможностями их обеспечения со стороны органов уголовного преследования. Такая судьба постигла Устав уголовного судопроизводства 1864 года и ныне действующий УПК РФ. За 35 лет после принятия в Уставы были внесены многочисленные изменения. И. Я. Фойницкий, упоминает о 41 нормативном акте (правилах, наказах и законах). В результате всех изменений получился совершенно иной порядок уголовного судопроизводства, отличный от принятого в 1864 г. Устава [1, с. 46–49]. В УПК РФ с момента его принятия были внесены изменения 139 федеральными законами и 37 решениями Конституционного Суда.

В УПК 1922 и 1923г.г. с точки зрения рассматриваемого соотношения публичных и частных начал в уголовном процессе законодатель однозначно решил эту проблему в пользу государства. Однако, давая оценку УПК РСФСР того времени нельзя не учитывать общественно-политическую обстановку в которой они принимались. В стране только что закончилась гражданская война и иностранная интервенция.

А вот оценка УПК РСФСР 1960 года (и союзных республик СССР), представляет очень большой интерес. Произошли ли в УПК 1960 года изменения в балансе публичности и диспозитивности по сравнению ранее действовавшим законодательством? Безусловно, ДА! И именно в сторону расширения частных начал. Об этом свидетельствует институт гражданского иска ст. 29. Институт дел частного обвинения ст. 27, основания, исключаящие производство по уголовному делу: за примирением потерпевшего с обвиняемым п.6 ч. 1 ст. 5; за отсутствием жалобы потерпевшего п. 7 ч. 1 ст. 5 УПК РСФСР. Глава 32 производство по делам несовершеннолетних, гл. 33 производство принудительных мер медицинского характера.

Чем больше мы отдаляемся от УПК РСФСР (СССР 1960г.), чем больше нарастает кризис в современном уголовном судопроизводстве, тем больше восхищения и уважения испытываешь к поколению юристов, разработавших уголовно-

процессуальное законодательство в 60-е года. За три десятилетия своего существования оно претерпело существенные изменения всего однажды в 1983 году¹. Вызваны эти изменения были принятием Конституции СССР 1978г. и Конституции РСФСР 1978г. Отметим, что внесенные в закон изменения не касались проблемы соотношения публичного и частного начала в уголовном судопроизводстве.

Удачное решение вопроса о соотношении публичности и диспозитивности в УПК РСФСР в 1960 году, совсем не означает, что, то каким образом эта проблема была решена нашими предшественниками, сегодня она может быть решена аналогичным образом. Уголовно-процессуальное право 1960 года отвечало существовавшим в тот период правоотношениям. Кончено же оно уже не отвечало складывающимся новым правоотношениям ко времени распада СССР, к моменту начала судебной реформы в 1991 году. Авторы Концепции Судебной реформы характеризуя уголовное судопроизводство советского периода заявили, что «... безжалостное и чуждое интересам людей правосудие получили мы в наследство от тоталитарного режима»². В пылу эмоций они видимо забыли, что период когда был принят УПК РСФСР, назывался «хрущевской оттепелью» и был принят в период демократических преобразований в Советском Союзе. Используя такой подход через несколько лет при принятии нового уголовно-процессуального закона про Судебную реформу 90-х годов и УПК РФ 2000г. можно будет сказать, что они были приняты в период «хаоса, распада государственности и разгула преступности».

Так о чем собственно идет речь при разрешении проблемы соотношения публичности и частного начала в уголовном судопроизводстве? О каких процедурах и институтах? Авторы Концепции Судебной реформы в качестве частных начал выделяли: расширение состязательности; расширение прав сторон по собиранию и приобщению доказательств; введение суда присяжных; судебный контроль за ограничением прав личности; исключение у суда полномочий по реализации функции обвинения, а именно: право возбуждать уголовное дело; оглашать обвинительное заключение; первым допрашивать подсудимого; постановлять приговор при отказе прокурора от обвинения; возвращать уголовное дело для дополнительного расследования в случае неполноты.

В последующие годы в научных трудах под расширением частных начал в уголовном судопроизводстве подразумевали: необходимость дифференциации уголовно-процессуальной формы в сторону ее упрощения; введение мирового судьи в уголовном судопроизводстве, примирительных процедур. Целесообразность отказа от уголовных дел частного обвинения [2, с. 1105–1121]. Развитие субъективных прав, (доступа к правосудию; гражданского иска; обеспечение безопасности в связи с производством по уголовному делу; право на защиту;

¹ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 августа 1983 года «О внесении изменений и дополнений в уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // <https://base.Garant.ru/1308332/?ysclid=ltvamjuxe5958663156> дата обращения 15.03.2024.

² Концепция Судебной реформы в РСФСР. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // <https://docs.cntd.ru/document/9002825?ysclid=ltvfmpolr8534830745> дата обращения 15.03.2024г.

право обжалования; право отказаться от помощи государственной власти по защите интересов [3, с. 11].

Диспозитивность в уголовном процессе находится в зависимости от: равноправных сторон, разделения уголовно-процессуальных функций, отстранения суда от выполнения функций защиты и обвинения, состязательности как формообразующего принципа уголовного судопроизводства, дела частного обвинения, прекращение дела в связи с примерением [4, с. 13–14].

Диспозитивность должна быть выражена: в прекращении уголовного дела публичного обвинения в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым; делам частного обвинения; институте гражданского иска [5].

При внимательном рассмотрении, обнаруживаем, что в качестве частных(диспозитивных) начал в уголовном процессе выделяют три института: 1. Дела частного обвинения; 2. Примирение потерпевшего с обвиняемым по делам публичного обвинения; 3. Гражданский иск. Сегодня, с учетом позиции Конституционного Суда к частно-правовой природе уголовного процесса следует отнести право лица на продолжение уголовного судопроизводства в случае несогласия с прекращением производства по основаниям указанным в п.п. 3, 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Все же остальные институты, называемые учеными (виды составов суда, состязательность, разделение функций между сторонами, судебный контроль, равенство прав сторон, доступ к правосудию, право обжалования) весьма опосредованно относятся к проблеме соотношения публичности и диспозитивности в уголовном процессе. Даже проблема полномочий суда по уголовному преследованию – это проблема соотношения принципа публичности и состязательности, типа/формы уголовного процесса, а не соотношения прав личности и государства.

Сегодня мы наблюдаем запрос общества на усиление роли государства во всех сферах общественных отношений. Все больше общество выражает неудовлетворенность ролью и деятельностью государства в образовании, медицине, социальной сфере, госуправлении, экономике. Вряд ли можно найти того кто полностью удовлетворен организацией и деятельностью правоохранительных органов, прокуратуры и суда. Тема сегодняшнего научного форума является ярчайшим подтверждением о необходимости поиска нового соотношения публичных и частных начал в уголовном судопроизводстве. Перекос, выразившийся в ограничении полномочий государства в уголовном судопроизводстве необходимо выравнять посредством расширения полномочий прокурора по уголовному преследованию, упрощению порядка и расширению розыскных начал в досудебном производстве.

Надо ли уже сегодня менять парадигму соотношения частных и публичных начал в пользу последних? Нет! И еще раз нет! Государство эти изменения должно будет сделать аккуратно, без лишней поспешности. Автор этих строк более чем уверен, что при принятии нового УПК России полномочия государства по уголовному преследованию, утраченные сегодня, будут восстановлены. Главное при этом не потерять достижений по защите прав личности. Уголовный процесс, несмотря на изменение ценностных приоритетов в обществе, не перестает быть публичным видом деятельности, осуществляемой государством. А у государства всегда больше возможностей в правовом споре с личностью.

Библиографический список

1. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. / И.Я. Фойницкий – СПб., 1996. – Т. 1. – С. 46–49.
2. Рябина Т.К. Роль судебной власти в трансформации соотношения публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве России / Т.К. Рябина // Вестник СПбГУ. Право. – 2023. – Т. 14. – Вып. 4. – С. 1105–1121.
3. Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: автореф. дисс. д.ю.н. / Л.Н. Масленникова. – М., 2000. – С. 11.
4. Хатуаева В.В. Реализация частного (диспозитивного) начала в уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. д.ю.н. / В.В. Хатуаева. – М., 2006. – С. 13–14.
5. Касаткина С.А. Публичность и диспозитивность в российском уголовном процессе: автореф. дисс. к.ю.н. / С.А. Касаткина. – М., 2002.

УДК 343.161

*И.В. Батыщева, старший преподаватель
ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России»
г. Волгоград, Россия*

Прокурорский надзор в досудебном производстве уголовного процесса

Законодательная динамика в Российской Федерации имеет отличительные черты, характеризующиеся постоянными и интенсивными трансформациями. Соответствующие изменения наблюдаются и в сфере уголовного законодательства, особенно в правовой базе, регулирующей досудебный процесс. Взаимодействие государства и общества в ходе расследования и раскрытия преступлений существенно влияет на права и свободы личности как гражданина.

Ключевые слова: прокурорский надзор, предварительное следствие, досудебное производство, контроль, компетенции.

На этапе предварительного расследования прокурорский надзор охватывает законодательно санкционированные меры, реализуемые прокурорами в рамках уголовного процесса, которые направлены на обеспечение законности уголовного преследования. Распределение обязанностей прокурора на досудебной стадии уточняется первым пунктом статьи 37 УПК РФ. В рамках своей служебной компетенции прокурор обладает полномочиями, определенными в пределах его подведомственности, как это предусмотрено Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

Ему предоставлено право осуществлять уголовное преследование от имени государства на всех этапах предварительного следствия и заниматься надзором за процессуальной деятельностью следственных и предварительных расследовательных органов.

В уголовном процессе постоянно ведется дискуссия относительно содержания уголовно-процессуальных функций прокурора, что приводит к различным точкам зрения. Как отметил В.М. Бозров, «...Степень разногласий относительно оптимального понимания процессуальной функции настолько парадоксальна, что трудно объяснить» [1]. По нашей оценке, сложившуюся ситуацию можно объяс-

нить наличием разнородных участников уголовного судопроизводства, наделенных различными полномочиями. В практическом плане следственные действия имеют тенденцию преобладать на предварительной стадии уголовного судопроизводства, что определяется содержанием части 1 статьи 73 УПК РФ. Данное положение возлагает на органы предварительного следствия задачу выяснения обстоятельств как обвинительного, так и оправдательного характера.

Кроме того, законодательные изменения, касающиеся функций прокурора, приводят к нарушению функционального соотношения между прокурорским надзором и осуществлением уголовного преследования в процессуальной компетенции прокурора. В научной литературе по уголовному процессу возникли содержательные дискуссии относительно особенностей основной функции прокурора на предварительной стадии уголовного дела, что привело к формулированию различных точек зрения.

Сторонники первой точки зрения утверждают, что уголовное преследование является основной функцией прокурора, а надзорные и координирующие функции на предварительном расследовании являются вспомогательными. Сторонники второй точки зрения утверждают, что надзорная функция прокуратуры является главнейшей и решающей в уголовном судопроизводстве. Третья точка зрения, поддержанная группой ученых, предполагает объединение автономных уголовно-процессуальных функций прокурора, включающих как надзорные, так и прокурорские функции. Этот анализ подчеркивает, что, учитывая сложность российского уголовного процесса, возникают две четко выраженные функции: надзорная и уголовная функция [2].

Отныне ограничение деятельности прокурора одной функцией оказывается недостижимым, поскольку ее нельзя всесторонне уместить в рамках исключительно надзорной или прокурорской функции [3]. В сфере российского уголовного судопроизводства не существует абсолютного преобладания какой-либо функции в ее чистом виде. Несмотря на выводы, сделанные из анализа юридической литературы по разграничению и выявлению первостепенных функций прокуратуры на досудебной стадии, можно быть уверенным, что принятие Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» Российской Федерации» и Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (Федеральный закон № 87) привели к нарушению функционального соотношения между прокурорским надзором и осуществлением уголовного преследования в пределах компетенции прокурора.

По нашему мнению, законодательное намерение было направлено на освобождение прокурора от функции предварительного расследования, передавая эту ответственность следователю в рамках уголовного процесса. Однако эмпирические данные свидетельствуют о том, что процессуальная автономия следователя не усилилась; наоборот, его прямой начальник, руководитель следственного органа, приобрел относительную независимость и более значительный ведомственный контроль в ходе предварительного следствия. Эта новая парадигма предполагает изменение роли прокурора, перемещая его от прямого вмешательства к косвенному статусу. Прокурор теперь обязан указывать следователю на необходимость устранения выявленных нарушений. Вместе с тем, изменения в полномочиях прокурора по возбуждению уголовного дела ограничиваются про-

веркой законности и обоснованности постановления о возбуждении уголовного дела согласно части 4 статьи 146 УПК РФ.

На практике эти изменения приводят к тому, что следователь не имеет права направить уголовное дело в суд без санкции прокурора. Взаимно, прокурор лишен права единоличного прекращения уголовного производства; его компетенция ограничивается передачей дела на дальнейшее расследование. В дальнейшем, после согласования процессуальных действий и решений с руководителем следственного органа, следователь повторно передает дело прокурору. В данном контексте проявляется методологический принцип бритвы Оккама: «Не следует избыточно усложнять существующие вещи».

В настоящее время прокурор, осуществляя надзорные полномочия в значительно ограниченном объеме, не имеет возможности воздействовать на процессуальные решения, принимаемые следователем относительно квалификации преступления. Законодатель предоставляет запутанный механизм прокурорской деятельности: прокурору необходимо высказывать «согласие» с квалификацией или аннулировать постановление о возбуждении дела, направляя его на дополнительное расследование в случае выявления юридических ошибок.

В УПК РФ, где прокурору предписывается указывать следователю в вопросах, связанных с уголовным преследованием, посредством мотивированных предложений, напоминающих ходатайства, вызывает особый интерес. В юридической литературе преобладает мнение, что «по сути, прокурор практически лишен возможности осуществлять свои функции по уголовному преследованию». Тем не менее, следует сделать оговорку, что, хотя и в существенно сокращенной форме, законодатель все же сохранил полномочия по осуществлению уголовного преследования у прокурора.

Прокурор обладает правом аннулировать постановление следователя о возбуждении уголовного дела, направляя его на последующее расследование. При выполнении функций уголовного преследования прокурор предоставляет следователю указания о проведении дополнительной проверки материалов дела, связанных с инициированным уголовным производством, выявлении возможных юридических ошибок, включая неточности в квалификации, предоставленной следователем. Кроме того, в пределах прокурорских полномочий в уголовном преследовании, законодатель предоставил прокурору право предъявлять требования от имени обвинения, согласно третьему пункту второй части статьи 37 УПК РФ. Одним из важных элементов прокурорского надзора является получение уголовного дела с целью утверждения обвинительного заключения или постановления.

Убедившись в правильности и полноте расследования дела, и в отсутствие оснований для дополнительной проверки, прокурор утверждает обвинительное заключение или постановление, после чего дело направляется в суд. В соответствии с положениями уголовно-процессуального закона, прокурор оставляет за собой право отказа в утверждении обвинительного заключения или постановления и возвращения уголовного дела следователю или дознавателю в случае признания расследования недостаточным.

Библиографический список

1. Правоохранительные органы Российской Федерации: учебник для вузов / В.М. Бозров [и др.]; под редакцией В.М. Бозрова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 383 с.
2. Маевский С.С. Функциональный анализ деятельности прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства / С.С. Маевский, В.А. Ложкин // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12. – № 9-1. – С. 420.
3. Крюков В.Ф. Прокурор в уголовном судопроизводстве России: (история и современность). / В.Ф. Крюков. – Курск, 2012. – 500 с.
4. Макаренко М.А. Процессуальные функции руководства, контроля и надзора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства / М.А. Макаренко // Правовое применение в публичном и частном праве: материалы Международной научной конференции, Омск, 26 марта 2021 года. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2021. – С. 149–153.

УДК 343.14

*А.О. Бессонова, адвокат Московской коллегии адвокатов
«Семенова и Партнеры»
г. Москва, Россия*

Обеспечение защиты прав лиц, участвующих в собирании электронных доказательств органами предварительного расследования

В условиях цифровизации уголовного процесса уровень защиты прав лиц, участвующих в производстве следственных действий, должен быть повышен. По крайней мере, этот уровень должен быть не ниже, чем у адвокатов и субъектов предпринимательской деятельности, уже обеспеченный кодексом. Электронные носители информации, мобильные средства связи должны изыматься только с судебного разрешения, где указаны конкретные основания, цели следственного действия.

Ключевые слова: уголовный процесс, электронные доказательства, следственные действия, изъятие, средства связи.

Правозащитная проблематика применительно к собиранию доказательств органами предварительного расследования всегда была актуальной в российской уголовно-процессуальной науке. Причин для этого можно находить много. Но главная причина, на наш взгляд, состоит в отсутствии, несмотря на все усилия законодателя, реального правового механизма защиты прав лиц, которые становятся участниками собирания доказательств органами предварительного расследования.

Особое место в формировании критической массы доказательств принадлежит органу предварительного расследования. Адвокат, независимо от того, в какой процессуальной роли он выступает при собирании доказательств следователем (следователем) выглядит «просителем» перед субъектом доказывания, в чьем производстве находится уголовное дело. Это положение не меняется, а усугубляется и в ситуации представления органу предварительного расследования результатов «адвокатского расследования». Следственная власть над уголовно-

процессуальным доказыванием и созданием фактической базы для судебного решения по делу пока в российском процессе едина, неделима и всеильна. Поэтому поддерживаем ученых-процессуалистов, выступающих за реальное правовое ограничение следственной власти над собиранием и формированием доказательств, как властью судебной и прокурорской, но также и властью гражданского общества в лице адвокатуры, и усиление состязательности [1, с. 7–11].

Неограниченности следственной власти в сфере доказывания способствует современная модель прокурорского надзора, при которой прокурор не имеет реальной возможности участвовать в собирании доказательств по уголовному делу. Жалобы лиц, подаваемые заинтересованными лицами на решения и действия следователя по собиранию доказательств, сопряженные с ограничением прав этих лиц, как правило, оставляются без удовлетворения. Основные доводы, которые приводят прокуроры в своих постановлениях об отказе в удовлетворении подобных жалоб, сводятся к тому, что он не вправе вмешиваться и определять направление предварительного следствия; следователь обладает широтой усмотрения в принятии решений, осуществлении следственных, иных процессуальных действий по собиранию доказательств; нельзя предрешать вопросы, подлежащие рассмотрению в судебном заседании [3, с. 81–83].

Аналогичную, то есть негативную оценку надо дать и судебному контролю за собиранием органом предварительного расследования доказательств. При осуществлении как предварительного судебного контроля в порядке статьи 165 УПК РФ, так и последующего судебного контроля в порядке статьи 125 УПК РФ, позиция судьи в 99% случаев совпадает с позицией прокурора и органа предварительного расследования. Так, согласно данным Судебного департамента, на действия (бездействие) и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное производство, в 2022 г. по поступившим жалобам в порядке ст. 125 УПК РФ в судах находилось на рассмотрении 111586 материала, по которым, удовлетворено 4242 жалобы¹.

В связи с цифровизацией общества и соответственно увеличением доли электронных доказательств в уголовно-процессуальном доказывании указанные выше «хронические болезни» российского уголовного процесса только обострились, что подтверждается последними исследованиями по близкой тематике [2, с. 6 и след.].

Выделим наиболее острые проявления этому: а) отсутствие гарантий защиты конституционных прав лиц при изъятии и осмотре следователем мобильных средств связи, средств вычислительной техники, используемых для передачи данных; б) ненадлежащая защиты тайны переписки, тайны частной жизни, персональных данных, как обвиняемых, так и иных лиц при проведении обыска, выемки и ряда других следственных действий; в) несовершенство процессуального порядка возвращения лицу изъятых у него электронных носителей информации, которые не были признаны вещественными доказательствами по делу.

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 10.02.2024).

Представляется, что в сфере обеспечения прав лиц, участвующих в собирании органами предварительного расследования доказательств, необходимо внести следующие изменения.

1. При получении разрешения на проведение следственного действия в жилище с целью поиска и изъятия доказательств по делу, следователь должен быть ограничен пределами подозрения, обвинения и предмета доказывания. Выход за их пределы допустим исключительно для изъятия предметов, ограниченного оборота. В ходатайстве следователя на получение такого разрешения должно быть сформулировано «обоснованное подозрение», то есть, приведена достаточная совокупность доказательств, подтверждающих причастность подозреваемого (обвиняемого) к совершению преступления. В данном ходатайстве следователю надлежит объяснить с какой целью испрашивается разрешение, для выявления каких конкретно следов, какого преступления, каких доказательств направлено предполагаемое следственное действие. В постановлении следователя о возбуждении ходатайства перед судом о производстве следственного действия должны быть перечислены объекты, подлежащие изъятию в случае их обнаружения.

2. Изъятию подлежат только предметы и документы по предмету подозрения (обвинения), и только то, что с достаточной степенью вероятности позволяет предполагать, что относится к предмету доказывания. Нельзя допускать усмотрение следователя на изъятие, в отсутствие специального разрешения суда, сотового телефона, электронных носителей информации. Это возможно только при наличии обоснованного подозрения в том, что они были орудием совершения или сокрытия преступления или использовались для оказания противодействия органам уголовного преследования. Считаем недопустимым использование в правоприменительной практике различных широких формулировок, вроде «в интересах следствия», которые открывают простор для произвола следователей.

В этой связи выступаем за придание норме, содержащейся в части 2 статьи 450.1 УПК РФ, общего действия: она должна распространяться на проведение обыска, выемки, а также следственного осмотра жилища, иного помещения, транспортного средства, любого иного объекта, принадлежащего на праве частной собственности лицу, причем не только физическому, но и юридическому. В постановлении судьи о разрешении производства обыска, осмотра и (или) выемки следует приводить конкретные доказательства, иные фактические данные, подтверждающие необходимость производства такого следственного действия с целью обнаружения, осмотра, изъятия конкретного объекта.

3. Выступаем за максимальную обоснованность решений судов, позволяющих собирать электронные доказательства с ограничением конституционных прав человека. Поэтому при рассмотрении ходатайства следователя на получение разрешения суда на проведение обыска суд обязан выяснить в судебном заседании: с какой целью и что конкретно следователь собирается найти и изъять, и включить в постановление ограничения относительно круга объектов, подлежащих поиску и возможному изъятию. Должны быть исследованы прилагаемые к ходатайству следователя материалы, а при наличии сомнений – затребованы у органа предварительного расследования дополнительные доказательства.

Когда отсутствует необходимость сохранения в тайне принятия судом решения о разрешении производства следственного действия (в частности, обыска) в

судебное заседание должны приглашаться заинтересованные лица для выяснения их позиции. Такое возможно, например, при отказе лица дать согласие на осмотр его жилища.

Таким образом, предлагаем зафиксировать в законе необходимость конкретики в судебных решениях о разрешении производства обыска, выемки, осмотра жилища против воли проживающих в нем лиц относительно объектов, включая электронные носители информации, подлежащих изъятию у собственника, исключающих произвол сотрудников органов предварительного расследования при изъятии вещей (электронных носителей информации) в ходе следственных действий. Подобный правовой стандарт обеспечения защиты прав лиц, участвующих в собирании доказательств следователем (дознавателем), должен неукоснительно поддерживаться как прокурорским надзором, так и судебным контролем.

Библиографический список

1. Александров А.С. Вечно вчерашние: уголовно-процессуальный кодекс РФ, его писатели и читатели / А.С. Александров // 20 лет действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы: тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции (26–28 мая 2022 г.) / пред. редкол. А.В. Павлов. – Омск: Омская академия МВД России, 2022. – С. 7–11.

2. Зуев С.В., Каменев А.С. Собрание и проверка электронной доказательственной информации стороной защиты в уголовном судопроизводстве / С.В. Зуев, А.С. Каменев. – М.: Издательство «Юрлитформ», 2024. – 160 с.

3. Левченко О.В. Обвинительная власть государства в ее правовой организации и уголовно-процессуальной деятельности / О.В. Левченко. – М.: Издательство «Юрлитформ», 2021. – 176 с.

УДК 343.13

*Е.В. Брянская, к.ю.н., доцент Санкт-Петербургского университета
МВД России
г. Иркутск, Россия*

Стратегия процесса доказывания по уголовному делу

В уголовном судопроизводстве России центральным звеном выступает процесс доказывания по уголовному делу. Следственная и судебная практика складывается так, что особое значение приобретает для процесса доказывания познавательная теория и теория аргументации. Соответственно, в настоящем исследовании мы предприняли попытку представить данные теории в свете современной стратегии уголовного процесса нашего государства.

Ключевые слова: процесс доказывания, стратегия уголовного процесса, гносеология, аргументация, критическое мышление.

В истории уголовного судопроизводства России, если до принятия современного УПК РФ в большей степени преобладала теория познания, которая уходит своими корнями в научное философское направление «гносеология», то в насто-

ящее время в свете состязательной концепции уголовного судопроизводства, представляет интерес теория аргументации.

Исследуя происхождение такого научного понятия, как «аргументация», мы замечаем то обстоятельство, что, к примеру, общетеоретические и философские концепции, мысли о ее семантике и средствах убеждения имеют прямое отношение к трудам великого мыслителя Аристотеля. Примечательным является то, что именно Аристотель был основателем воззрений, которые современные авторы заложили в основополагающие начала способов убеждения в рамках публичных выступлений, судового речевого действия через способы убеждения, применяя знания логики и риторики, содержащие приемы исследования, анализа, дедукции, индукции, рассуждения и убеждения [1, с. 7].

В этой связи мы можем рассуждать о стратегии аргументации, которая на основе базовых понятий теории познания, позволяет строить различные способы коммуникативного планирования. Коммуникативное планирование является основой диалоговых форм общения, служит средством логического построения такой совокупности способов убеждения через тактические речевые приемы, которые формируют комбинации, придающие диалогу динамичность, помогают оптимизировано раскрывать сущность, содержание собранных доказательств по уголовному делу. Такой алгоритм убеждения формируется в свете нормативной стратегии той или иной стороны по делу и «проследить движение говорящих к поставленной цели» [2, с. 32].

В процессе доказывания недостаточно собрать, исследовать, проверить и оценить доказательства, их необходимо стратегически грамотно представить в целях убеждения суда в свете выбранной позиции стороны. От умения защитника и государственного обвинителя владеть способностями по представлению логически взаимосвязанных доказательств, от искусства судового речевого действия и речевой культуры в судебном следствии, в прениях сторон, в репликах, зависит показатель их профессиональной компетенции. Именно поэтому владение средствами аргументации, умениями убеждать, яркое и содержательное судовое речевое действие является важным объектом уголовно-процессуальных исследований.

Безусловно, умение воздействовать на внутреннее убеждение противоположной стороны, суда, обосновывать и аргументировать заключается не столько в речевом искусстве, а сколько в умении представить на оценку судьи наиболее весомые, непротиворечивые и взаимосвязанные доказательства. Вопрос видится в том, что профессиональный судья рационален в своих умозаключениях и у него сформирована критическая мыслительная деятельность. Вспоминаются мудрые слова И. Канта: «Догматическое применение разума без критики приводит к ни на чем не основанным утверждениям, которым можно противопоставить столь же ложные утверждения, стало быть, приводит к скептицизму» [3].

Скептицизм – очень интересное понятие, которое в функциональных направленностях судьи может рассматриваться, как основа недоверия [4, с. 177–178]. С философских позиций судья, подсознательно относится скептически к тому, что предоставляет на его оценку сторона, он не имеет права принимать за истинность все то, что сказано той или иной стороной процесса. С другой стороны, скептическое мышление играет роль стимула в применении критического отношения судьи.

Недоверие выступает основой критического мышления, которое формирует процессуальные требования к проверке и оценке доказательств, посредством сомнений судья ставит под большим вопросом как виновность, так и невиновность подсудимого. В этой связи стороне защиты и стороне обвинения следует предпринять средства по построению алгоритма аргументации так, чтобы профессиональный суд был в однозначном убеждении и вынес справедливый, законный и обоснованный приговор.

Следовательно, стратегия познавательной и аргументационной деятельности в процессе доказывания при рассмотрении уголовного дела по существу строится во благо достижения задач, предусмотренных ст. 6 УПК РФ. Нередко приходится сталкиваться с такими взглядами, когда назначение уголовного судопроизводства в свете защитительных начал рассматривается в качестве прерогативы участников стороны защиты. Однако, такой вывод абсолютно не верен. На первый взгляд сторона обвинения в лице государственного обвинителя (прокурора) рассматривается в свете достижения цели эффективной поддержки позиции органов уголовного преследования, когда нужно поддержать работу на досудебных стадиях и добиться вынесения обвинительного приговора. Однако, анализируя федеральное законодательство о Прокуратуре, мы являемся свидетелями того, что данный орган исполнительной ветви власти реализует возложенные на нее полномочия в целях «защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства» [5].

Анализ реализации стратегических начал в свете состязательность сторон позволяет сделать вывод о том, что участники процесса наиболее ярко проявляют аргументацию в судебных прениях, излагают свои речи, выбирая тактику убеждения и одновременно воплощают две формы процессуальной деятельности.

Во-первых, гносеологические основы доказательственной деятельности реализуются в познании, которое воплощается в собирании идеальных и материальных следов преступного деяния, в их исследовании, сопоставлении и проверке.

Во-вторых, познание дает перспективы для придания следам преступного деяния процессуальной формы доказательств.

В-третьих, стороны формируют свою стратегию убеждения, которая будет донесена, как при заявлении ходатайств о признании доказательств недопустимыми в процессе подготовки к судебному заседанию, так и в рамках судебного следствия, прениях и в репликах сторон. Доказательства придаются использованию для формирования алгоритма убеждения, который поможет аргументационно воздействовать на внутреннее убеждение противоположной стороны и суда.

В предмет доказывания входят средства убеждения, которые в свете объекта, объективной стороны, субъекта, субъективной стороны, формируют состав преступления и регламентированы ст. 73 УПК РФ как обстоятельства, подлежащие доказыванию. Получается так, что сведения, входящие в предмет доказывания, проходят этапы познания, далее тактически представляются сторонами. Таким образом актуальность приобретает аргументация, которая заключается в опери-

ровании, как речевыми приемами, так и логической совокупностью взаимосвязанных доказательств.

Библиографический список

1. Брюшинкин В.Н. Аргументорика: исходная абстракция и методология. Модели рассуждений; Аргументация и рациональность: сборник научных статей / под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. – С. 7.
2. Агеева Ю.В. Специализированные речевые тактики рекрутера / Ю.В. Агеева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2015. – Вып. 6 (717). – С. 32.
3. Кант И. Критика чистого разума [Электронный ресурс] // <https://knijku.ru/books/kritika-chistogo-razuma> (дата обращения: 15.07.2023 г.).
4. Семушкин А.В. Античный скептицизм. Лекция 1. Пирронизм / А.В. Семушкин // Вестник Российского университета дружбы народов. – 1997. – № 1. – С. 177–178.
5. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 24.07.2023) [Электронный документ] // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/abc3a-d00-600-cbe74-387-6ba-822-445ce/ (дата обращения: 13 августа 2026 г.).

УДК343.13

*С.В. Бурмагин, д.ю.н., профессор МГЮА
(Университета им. О.Е. Кутафина)
г. Москва, Россия*

Трансформация уголовно-процессуальных функций в судебно-реабилитационных производствах

В статье рассматриваются такие особенности состязательного построения судебно-уголовных производств по вопросам реабилитации и возмещения вреда как характеристика сторон и содержание выполняемых ими процессуальных функций.

Ключевые слова: уголовный процесс, реабилитация, судебные производства, состязательность сторон, процессуальные функции.

Согласно ч. 2 ст. 123 Конституции РФ правосудие во всех его видах осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Состязательная форма органически присуща судебному разбирательству по любому правовому вопросу, поскольку наиболее соответствует природе и сущности правосудия в его современном понимании.

Состязательная конструкция уголовного процесса, помимо прочего, характеризуется наличием независимого суда и двух противоположных сторон – обвинения и защиты, выделением и разделением в уголовно-процессуальной деятельности функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела [3, 300; 5, 18–19; 6, 149]. Так выглядит типичная модель состязательного процесса, рассчитанная на осуществление правосудия по уголовному делу с предъявленным обвинением. Однако современная российская система уголовного правосудия по-

мимо разрешения уголовных дел охватывает выполнение судом других разнообразных задач, реализуемых в различных уголовных производствах на разных этапах судопроизводства. При этом судебное разбирательство по любому юридическому делу, в том числе по реабилитационным и компенсационным делам, в силу действия уголовно-процессуального принципа состязательности должно быть встроено в состязательную процессуальную форму независимо от стадии уголовного процесса¹.

Для рассмотрения реабилитационных и компенсационных дел уголовно-процессуальным законом (гл. 18 УПК РФ) предусмотрены судебно-реабилитационные производства, назначением которых является защита прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, путем восстановления прав, нарушенных неправомерным уголовным преследованием, осуждением, применением принудительных мер медицинского характера и полного возмещения за счет государства причиненного при этом вреда (собственно реабилитационные и «условно-реабилитационные» производства – части 2 и 2.1 ст. 133 УПК РФ соответственно), а также посредством возмещения вреда, наступившего от иных незаконных действий органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство (компенсационные производства – ч. 3 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ) [2, 354–362]. Вместе с общими закономерностями, присущими любому судебному разбирательству, состязательное построение судебно-реабилитационных производств в отличие от традиционного порядка рассмотрения уголовных дел имеет существенные особенности, обусловленные особым назначением данного вида судебной деятельности, специфическим характером конфликтного правоотношения и содержанием соответствующего ему процессуального обращения – предмета судебного рассмотрения. Эти особенности связаны с качественно иными процессуальными статусами участвующих в судебном производстве субъектов, составом сторон и их ролевыми установками, инициированием (возбуждением) производств, возможным появлением новых участников судебного разбирательства («третьих лиц») [1, 179–203].

Очевидно, что вне уголовного дела никто никого не обвиняет в совершении преступления и обвинять не может, а предъявленное обвинение не является предметом судебного рассмотрения и проверки в судебно-реабилитационных производствах. Поэтому функции обвинения и защиты в данной части уголовно-процессуальной деятельности не реализуются, а стороны обвинения и защиты в привычном их понимании, характерном для уголовного дела, отсутствуют.

Однако данное обстоятельство само по себе не умаляет, как может показаться, действие принципа состязательности. Верховный Суд РФ, указывая на наличие сторон по делам о возмещении вреда и восстановлении прав реабилитированного, тем самым признает, что судебно-реабилитационные производства осу-

¹ Постановление КС РФ от 14.02.2000 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений частей 3, 4 и 5 статьи 377 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан А.Б. Аулова, А.Б. Дубровской, А.Я. Карпинченко, А.И. Меркулова, Р.Р. Мустафина и А.А. Стубайло» // Собрание Законодательства РФ. – 2000. – № 8. – Ст. 991.

шествуются на началах состязательности¹. Кто же в таком случае состязается в судебном заседании?

В основе правового спора по реабилитационным делам и делам о возмещении вреда лежит конфликт между государством и личностью, который возникает и развивается на противоречии публичного и частного интересов. Противоречие интересов выражается достаточно просто: реабилитированный или иное лицо, в отношении которого в ходе уголовного судопроизводства допущено беззаконие, стремится взыскать как можно бóльшую сумму, получить, так сказать, «полную сатисфакцию», а государство в лице финансового органа всегда заинтересовано (из соображений экономии бюджетных средств) выплатить компенсацию как можно в меньшем размере, по крайней мере «не оплачивать лишнего» – не компенсировать вред, который досконально не подтвержден в судебном заседании.

Хотя государство признает на законодательном уровне ответственность за вред, причиняемый незаконными действиями его органов и должностных лиц (ст. 53 Конституции РФ, ст. 1069 ГК РФ) и возложило на себя обязанность возмещать гражданину и юридическому лицу вред, причиненный в результате необоснованного уголовного преследования (в отношении граждан) и другой незаконной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, в полном объеме (ст. 1070 ГК РФ, ч. 1 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ), это не исключает возникновения по конкретным делам спорных правовых ситуаций относительно объема и размера возмещаемого вреда, что подтверждается судебной практикой, изобилующей примерами обжалования судебных постановлений о взыскании в порядке гл. 18 УПК РФ имущественного вреда как представителями финансовых органов, так и реабилитированными.

В производствах по делам о взыскании имущественного вреда за счет казны РФ единственным субъектом, противостоящим реабилитированному или иному лицу, уполномоченному на возмещение вреда, является Министерство финансов РФ, то есть государственный орган исполнительной власти. Министерство финансов РФ привлекается к участию в таких делах в качестве ответчика от имени казны Российской Федерации, его интересы в судах представляют по доверенности территориальные управления Федерального казначейства (п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 г. № 17).

По делам данной категории, являющимся разновидностью дел из публичных правоотношений, выделяются: 1) сторона «частное лицо», на которой могут выступать: реабилитированный, его представитель и законный представитель, иное физическое или юридическое лицо, заявившее о возмещении вреда не в связи с реабилитацией, а по другим основаниям (ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ), его представитель; 2) сторона «исполнительная власть», в качестве которой выступает Министерство финансов РФ в лице своего представителя, призванное отстаивать в деле публичный интерес.

Таким образом, правовой спор по делам, рассматриваемым в судебно-реабилитационных производствах, носит публично-правовой характер и возни-

¹ п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 УПК РФ, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве». // СПС «КонсультантПлюс».

кает между государством в лице его финансового органа и физическим или юридическим лицом, вовлеченным в уголовное судопроизводство. При этом спор возникает не по поводу выдвинутого обвинения, как в уголовном деле, а по поводу факта, характера и размера взыскиваемого вреда или объема восстанавливаемых прав. Следовательно, «частное лицо» в реабилитационном и компенсационном производствах выполняет функцию истца, «исполнительная власть» – функцию ответчика.

УПК РФ и Пленум Верховного Суда РФ умалчивают о том, кто является противной стороной в делах по требованиям реабилитированного о восстановлении трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав. Практика рассмотрения таких требований не значительна, мало изучена и ждет своего исследователя. Но теоретически, исходя из государственно-правовой, гражданско-правовой и административно-правовой природы материальных правоотношений, из которых вытекают и на которых основываются требования о восстановлении прав, указанных в ст. 138 УПК РФ, а также с учетом неизбежного в связи с данным обстоятельством присутствия в порядке рассмотрения таких дел элементов искового производства или административного судопроизводства, можно с уверенностью утверждать, что по поводу восстановления иных (неимущественных) прав реабилитированного могут возникать различные по своему характеру правовые споры, если восстановление утраченного права затрагивает чьи-либо частные или служебно-ведомственные, а возможно и публичные интересы.

В этих случаях, руководствуясь общими принципами и стандартами осуществления правосудия, суд должен привлекать к участию в деле в качестве стороны-«ответчика» соответствующих заинтересованных в исходе дела субъектов: представителей администрации по месту работы или учебы реабилитированного, органов социального обеспечения, жилищно-коммунального хозяйства и т. п. [4, 409].

Кроме того, по реабилитационным делам при рассмотрении вопроса о восстановлении прав реабилитированного (ст. 138 УПК РФ), могут обнаружиться лица, чьи интересы затрагиваются заявленным требованием. На их возможное участие в судебном заседании (надо понимать, в качестве «третьих лиц») обращает внимание Пленум Верховного Суд РФ (п. 17 Постановления 29.11.2011 г. № 17в редакции от 09.02.2012 г.).

Следует заметить, что судебное производство по уголовному делу начинается исключительно по обращению в суд обвинителя (публичного или частного), и движителем судебного разбирательства является выдвинутое обвинение или требование применить ту или иную меру уголовно-правового характера. Судебные дела по реабилитации и возмещению вреда, в которых функции обвинения и защиты не реализуются, инициируются и возбуждаются обращением в суд реабилитированного или иного управомоченного лица посредством подачи соответствующего заявления – «иска». Примечательно, что органы власти (прокурор, суд) не вправе самостоятельно, без волеизъявления реабилитированного (иного правомочного на возмещение вреда субъекта) возбуждать и проводить судебное производство по возмещению вреда и восстановлению прав реабилитированного. Данное обстоятельство – еще одно подтверждение состязательного (и диспозитивного) характера судебно-реабилитационных производств, по своему со-

держанию и функциональному наполнению более тяготеющих к гражданско-процессуальной (исковой) и административно-процессуальной формам, нежели к привычному уголовно-процессуальному порядку судопроизводства.

В свете состязательного по своей природе построения судебно-реабилитационных производств представляется двусмысленным участие в них прокурора – стороной по делу он не является, но вправе участвовать в судебном заседании, высказывать мнение и обжаловать итоговое решение суда (ч. 6 ст. 399, ч.1 ст.401 УПК РФ). Какова же его роль в судебном производстве, если функция обвинения к моменту обращения реабилитированного за восстановлением прав себя исчерпала? Отсутствуют какие-либо основания для обвинительной функции и в компенсационных производствах. Исследование данного вопроса применительно к судебно-исполнительным и судебно-реабилитационным производствам привели нас к выводу, что участвуя в судебных разбирательствах в порядке ст. 399 УПК РФ, прокурор не выполняет ни одну из возложенных на него уголовно-процессуальным законом функций (ст. 37 УПК РФ): ни уголовного преследования, ни надзора, который осуществляется им за органами предварительного расследования, но не может распространяться на судебную деятельность [2, 393–406]. В этой связи представляется целесообразным устранение прокурора от участия в судебно-реабилитационных производствах, которое является собой в скрытой форме пережиток надзора за судебной деятельностью, что противоречит конституционному статусу судебной власти.

В заключение можно констатировать, что рассмотренные особенности судебно-реабилитационных производств требуют дальнейшего теоретического исследования, обоснования и учета при правовом регулировании используемых в этих производствах процедур.

Библиографический список

1. Бурмагин С.В. Концептуальные основы единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств: в 2-х т.: дис. ... д-ра юрид. наук / С.В. Бурмагин. – Волгоград, 2022. – т. 2. – 423 с.
2. Бурмагин С.В. Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия / С.В. Бурмагин. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 720 с.
3. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017. – 1280 с.
4. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практич. пособие / под ред. В.П. Верина. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – 589 с.
5. Смирнов А.В. Состязательный процесс / А. В. Смирнов. – СПб.: Альфа, 2001. – 320 с.
6. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2-х т. / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1970. – Т. 1. – 470 с.

Инфраструктура функции предварительного следствия

Нормативная и теоретическая модели предварительного следствия не позволяют в полной мере сформировать представление о данной функции государства в системе уголовной юстиции. Вне поля зрения процессуальной науки пребывают важные аспекты реализации нормативной модели. К ним отнесено понятие и содержательное наполнение инфраструктуры предварительного следствия.

Ключевые слова: предварительное следствие, функция государства, инфраструктура, уголовная юстиция.

Входящее в состав теории уголовного процесса учение о предварительном следствии не может исчерпать *ex proprio vigore* всех аспектов указанного вида социальной практики по реализации одной из функций государства в системе уголовной юстиции, поскольку за пределами предмета и уголовно-процессуальной науки, и специализированного учения пребывают вопросы организационного, материально-технического, информационного, кадрового и иных видов обеспечения исполнения уголовно-процессуального законодательства.

Свод специализированных знаний в рамках теории уголовного процесса воспринимает предварительное следствие в качестве одной из форм предварительного расследования и разновидности уголовно-процессуальной деятельности ограниченного круга субъектов уголовно-процессуального права. Учение о предварительном следствии решает две основные задачи, а именно: 1) теоретическое построение нормативной модели данного вида уголовно-процессуальной деятельности и реконструкции в правовых терминах сложившихся образцов поведения субъектов предварительного следствия и иных, контактирующих с ними участников уголовного судопроизводства [8; 12]; 2) деконструкция существующей нормативной модели на основе переосмысления социального назначения уголовного судопроизводства, критической оценки соответствия норм права социальным реалиям с одновременным конструированием новой правовой модели и социальной реальности [1, с. 408–410; 2, с. 42–44; 11, с. 12–17]. В рамках учения возможны узкоспециализированные и комбинаторные направления исследований.

Помимо правовой модели предварительного следствия, для его единообразного, в строгом соответствии с УПК производства не менее чем 70 тысячами должностных лиц государства на находящейся под его юрисдикцией территории необходимо создание и постоянное совершенствование инфраструктуры, соответствующей сущности функции, её социальному предназначению в системе уголовной юстиции, разработанной и воплощённой в законодательстве правовой модели, а также применённым в настоящее время способам и формам организационного обеспечения функции в системе уголовной юстиции [7, с. 375–376].

Объективно необходимое при производстве предварительного следствия пространственно-временное и функционально-предметное разделение труда между должностными лицами организационно-обособленных государственных органов с разным организационно-правовым статусом (федеральный государственный орган, федеральное министерство, федеральная служба на правах министерства), одновременно применяющими единый УПК в разных природно-климатических, социально-политических, экономических, культурных условиях требует приложения технологий и инструментария управления, направленного на согласование и упорядочение их целенаправленной правоприменительной деятельности в ходе реагирования на сообщения о преступлениях и при расследовании уголовных дел.

Одной из задач, решаемых субъектами управления на общегосударственном и ведомственном уровнях, является создание единой инфраструктуры реализации функции предварительного следствия. Инфраструктура функции предварительного следствия объединяет в себе вещные (материальные), процессуальные (деятельностные), духовные (идейные), информационные, людские и иные ресурсы, необходимые и востребованные для выполнения уполномоченными государством должностными лицами и объединяющими их государственными органами возложенных на них обязанностей и реализации предоставленных полномочий в целях обеспечения исполнения законодательства об уголовном судопроизводстве и доступа к правосудию, в равной степени удовлетворяющего потребности неопределённого круга лиц для восстановления нарушенных прав и свобод человека и гражданина, защиты общественных и государственных интересов.

Вопрос теоретического построения модели инфраструктуры признан в недостаточной степени разработанным в науке [10, с. 11]. Определённые шаги к построению такой модели применительно к функции предварительного следствия предприняты на основе обоснования стоимости уголовного процесса [4], адаптации инструментария экономических наук к «производственной деятельности следователя» [3, с. 11–12], представления видового разнообразия ресурсного обеспечения следственных органов и его отдельных компонентов [5, с. 5–10; 6, с. 4].

Общепризнана обеспечительная роль инфраструктуры по отношению к основному виду деятельности или к производственной, социальной и прочим видам социальных систем [9, с. 38]. Следовательно, основное назначение отраслевой инфраструктуры – создавать необходимые условия и предоставлять достаточные ресурсы, соответствующие потребностям государства при реализации функции предварительного следствия. И хотя инфраструктура ориентирована на потребности реализации функции предварительного следствия, она преимущественно аккумулирует в себе и ассимилирует ресурсы, созданные во внешнем контуре, за пределами социального поля социальной активности её правомочных субъектов.

В качестве критериев классификации инфраструктуры и составляющих её компонентов выделим следующие: виды элементов по природе их происхождения и источнику вовлечения в инфраструктуру; пространственную и организационную принадлежности, функциональную связанность, уровень охвата ком-

понентов, временной фактор. Допускаем выделение иных критериев и получение новых классификационных рядов, помимо перечисленных ниже.

Элементами инфраструктуры по их природе выступают материальные и нематериальные объекты, а также методы, методики, технологии и основанные на них процессы. В зависимости от присущих им свойств и признаков, потенциальных и раскрытых возможностей элементы образуют внутри инфраструктуры разные компоненты и подсистемы, приспособленные для решения задач, возникающих в ходе реализации правомочными субъектами функции предварительного следствия.

По источнику вовлечения элементов в состав инфраструктуры выделим сторонние и внутренние. Сторонние подразделим на адаптированные и специально разработанные по заказу субъектов функции предварительного следствия и субъектов управления ими. Внутренними признаем те, которые созданы собственными субъектами функции предварительного следствия: первозданные, модифицированные, заимствованные извне и адаптированные под собственные нужды.

По признаку пространственной принадлежности подсистемы, компоненты в составе инфраструктуры функции предварительного следствия подразделены на федеральные, межрегиональные, региональные и местные.

При организационной разобщенности следственных органов и при их разном организационно-правовом статусе выделим несколько ведомственных инфраструктур, которые с учётом признака функциональной связности обладают, к сожалению, значительной автономностью, вынуждающей каждый государственный орган обособленно решать возникающие перед исполнителями функции предварительного следствия однородные проблемы [6, с. 5–6].

Уровни охвата компонентов производны от иерархического, многоступенчатого построения социальных систем государственного типа, объединяющих в себе исполнителей функции предварительного следствия. Применение административно-территориального, отраслевого или объектового принципов организационного обеспечения функции предварительного следствия в соответствующем государственном органе обуславливает существование от двух до четырёх уровней при пространственном развертывании инфраструктурных подсистем в каждой ведомственной системе.

Временной фактор призван указать на степень соответствия современного состояния инфраструктуры социальному предназначению функции предварительного следствия, имеющимся и перспективным потребностям субъектов её реализации. Исходя из сопоставительного анализа инфраструктура может быть запаздывающей, адекватной и инновационной.

Таким образом, инфраструктура функции предварительного следствия – это совокупность взаимосвязанных материальных и нематериальных объектов, методов, методик, технологий и основанных на них процессов, необходимых и достаточных для реализации государством функции предварительного следствия в системе уголовной юстиции.

Библиографический список

1. Александров А.С. Институт следственной власти в России: краткая история возникновения, развития и дегенерации / А.С. Александров // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 2 (34). – С. 405–411.
2. Александров А.С. К вопросу о создании обвинительной власти как элемента обвинительного уголовного процесса / А.С. Александров // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Государство и право. – 2014. – № 18. – С. 40–45.
3. Багмет А.М. Товарно-информационная концепция коммуникации следствия и суда / А.М. Багмет, Ю.А. Цветков // Библиотека криминалиста. – 2014 – № 1(12) – С. 9–19.
4. Бажанов С.В. Стоимость уголовного процесса: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук / С.В. Бажанов. – Нижний Новгород, 2002. – 58 с.
5. Валов С.В. Организация ресурсного обеспечения органов расследования преступлений: учебное пособие. – М., 2010. – 92 с.
6. Валов С.В. Ресурсное обеспечение цифровой трансформации следственной деятельности / С.В. Валов // Российский следователь. – 2023. – № 3. – С. 2–6.
7. Валов С.В. Функция предварительного следствия: уголовно-процессуальный и управленческий аспекты // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М.С. Строговича материалы конференции 24-25 октября 2019 года. – М.: Юрлитинформ, 2020. – С. 374–380.
8. Гуткин И.М. Правовые проблемы предварительного следствия в СССР: дисс. ... д-ра юрид. наук / И.М. Гуткин. В 2 т. – М., 1968. – Т.1. – 475 с.
9. Колотовкина И.Ю. Инфраструктура как необходимое условие устойчивого развития инновационной экономики региона / И.Ю. Колотовкина, А.И. Кузнецова // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2012. – № 3. – С. 38–39.
10. Кузнецова А.И. Инфраструктура как научный компонент экономического и социального развития городов России // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2014 – № 1(7) – С. 11–19.
11. Чабукиани О.А. Теория следственной деятельности: понятие, функции, пути совершенствования: автореферат дис. ... д-ра юридических наук / О.А. Чабукиани. – СПб., 2022. – 38 с.
12. Якубович Н.А. Предварительное расследование: методологические, уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы: автореферат дис. д-ра юрид. наук / Н.А. Якубович – М., 1977. – 32 с.

**О возможности адвоката отказаться от принятой на себя защиты:
дискуссионные вопросы**

В работе рассматривается проблема защиты профессиональных прав адвокатов в аспекте возможности отказаться от принятой на себя защиты. Постановка данного вопроса обусловлена достаточно распространенным в последнее время нарушением профессиональных прав адвоката со стороны их доверителей и подзащитных.

Ключевые слова: профессиональные права, адвокат, защита, доверитель, адвокатское сообщество.

В соответствии с п. 7 ст. 49 УПК РФ адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого. Норма аналогичного содержания содержится и в п.п. 6 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Схожие предписания предусмотрены Кодексом профессиональной этики адвоката и в Стандартом осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве. Формируя данные положения, законодатель исходил из глубоко нравственной их сущности, проявления подлинного гуманизма права. Они поддерживаются всем адвокатским сообществом и рассматриваются как важная составляющая реализации конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи.

Однако все чаще возникает вопрос о перспективах адвоката отказаться от принятой на себя защиты, что связывается с неправомерными (а порой и преступными) действиями со стороны подзащитного как в отношении самого адвоката, так и в иных случаях, когда может быть нарушено действующее законодательство или этические предписания.

Запрет на отказ адвоката от принятой на себя защиты, входит в определенный диссонанс с конституционными положениями (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ), ограничивающими осуществление прав и свобод человека и гражданина, если они нарушают права и свободы других лиц. Нарушение данных положений следует рассматривать как существенное умаление прав адвоката на занятие профессиональной деятельностью, защиту его профессиональных прав и свобод. Положения о запрете адвоката отказаться от принятой на себя защиты существенно принижают его профессиональный статус и важность деятельности адвоката в целом, позволяя подзащитным злоупотреблять своими правами, вопреки содержащимся в Конституции РФ запретам.

Распространенными случаями являются обвинения подзащитными адвокатов (причем в большинстве совершенно беспочвенно) в том, что они не профессионально осуществляли защиту т.к. адвокат отказался от осуществления действий явно выходящих за рамки закона; необоснованно просят возбудить уголовные дела в отношении адвокатов; оскорбляют их при осуществлении последними своих профессиональных функций; предоставляют заведомо ложные сведения, а

также подложные документы с требованием представить их в правоохранительные и судебные органы и др.

В современном видении закона отказ адвоката от принятой на себя защиты с одной стороны является свидетельством неисполнения им своих обязанностей в качестве защитника, с другой необходимо понимать, что адвокат должен действовать в рамках полномочий, предоставленных ему действующим законодательством. Возникает вполне правомерный вопрос, а как поступить адвокату если содержится запрет на отказ от принятой на себя защиты, а подзащитный предъявляет претензии и невыполнимые требования? Получается, адвокат является рабом своего клиента, который обязан выполнять все его требования? Сегодня данный вопрос, хотя и неоднократно поднимался исследователями за последние несколько лет, не разрешается действующим законодательством [1, 2]. Хотя надо отметить, что законодатель предусмотрел несколько законных случаев отказа. Например, положения ч. 6 ст. 49 УПК РФ.

Комиссия ФПА по этике и стандартам не считает запрет, установленный ст. 49 УПК РФ абсолютным. Но содержит разъяснения, обязывающие адвоката предпринять меры для обеспечения непрерывности защиты.

Большинство исследователей и действующих адвокатов указывают на гражданско-правовую природу соглашения адвоката с его подзащитным [3]. А из Разъяснений АП г. Москвы № 3 от 27 января 2023 г., следует, что после расторжения соглашения адвокат не имеет права осуществлять какие-либо процессуальные действия в интересах своего бывшего подзащитного.

А вот какие основания могут служить для адвоката основанием для отказа от принятой на себя защиты и каков порядок такого отказа эти вопросы являются дискуссионными.

При подготовке данной статьи мною были проанкетированы адвокаты двух коллегий адвокатов Оренбургской области, всего 68 человек.

Среди оснований, которые можно считать по мнению респондентов уважительными в качестве отказа от принятой на себя защиты, были отмечены:

- настойчивые незаконные требования со стороны подзащитного;
- оскорбления адвокатов со стороны их подзащитных;
- требования, выходящие за рамки оказания квалифицированной юридической помощи.

Полагаем обоснованным выделение этих оснований, поскольку положения п. 1 ч. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» устанавливают адвокату запрет на выполнение заведомо незаконных требований со стороны подзащитного.

Практически аналогичные основания для отказа от принятой на себя защиты было высказано и рядом исследователей, которые среди правомерных оснований отказа указывают следующие требования со стороны подзащитного:

- выполнить незаконные действия (перечисляются различные вариации таких незаконных действий от явных нарушений действующих законодательных предписаний, до завуалированных их форм) [2, с. 28–29].

Отвечая на вопрос об определении порядка отказа от принятой на себя адвокатом защиты большинством респондентов был выбран один вариант: решать

данный вопрос должны органы адвокатского сообщества - Адвокатская палата субъектов РФ.

Данные основания необходимо предусмотреть в действующем законодательстве. Это обусловлено необходимостью защиты профессиональных прав адвокатов, которые подвергаются существенному ограничению ввиду неправомерных действиях со стороны подзащитных.

Защита профессиональных прав адвоката должна стать неотъемлемой частью его профессионального статуса и неотъемлемой частью деятельности органов адвокатского сообщества.

Библиографический список

1. Волосова Н.Ю. В защиту профессиональных прав адвоката: о праве адвоката отказаться от принятой на себя защиты по уголовным делам / Н.Ю. Волосова // Адвокатская практика. – 2019. – № 5. – С. 25–30.

2. Проблемы правоприменения ч. 7 ст. 49 УПК РФ: практическое пособие / А.Б. Абрамов, В.В. Рудич, Л.О. Султангареев; АНО Научно-Правовой Центр, школа практического права. – Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2021. – 36 с.

3. Рудич В.В. Запрет на отказ адвоката от принятой на себя защиты, установленный ч. 7 ст. 49 УПК РФ: проблемы правоприменения / В.В. Рудич // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – №3. – С. 104–116.

УДК 343.3

*А.Ф. Гильмутдинова, зам. директора юридического отдела консалтинговой группы «ЛАЛ», аспирант Института права Челябинского государственного университета
г. Челябинск, Россия*

Прекращение уголовного преследования за налоговые преступления в связи с истечением сроков давности

Сравнительно-правовым методом и методом сопоставления доказывається, что сроки выявления и процессуальное закрепление доказательств виновности лица в совершении преступлений, предусмотренных ст. 198, ч.1 ст. 199 УК РФ, равны срокам давности уголовного преследования. Предлагается пути разрешения проблемы.

Ключевые слова: налоговое преступление, сроки давности, прекращение уголовного преследования.

Публичный и частный интерес взаимообусловлены. Реализуя публичный интерес, государство формирует обстановку, благоприятствующую реализации частного интереса. Посредством правосудия осуществляется защита частной, государственной, муниципальной собственности (ст.8 Конституции).

Не вмешательство государства в предпринимательскую деятельность имеет границы, (в силу статьи 35 Конституции). Данное требование проистекает из статьи 57 Конституции. Государство должно обеспечить исполнение налогоплательщиком обязанности платить налоги.

Основу правового механизма выявления и принуждения к исполнению названной конституционной обязанности формируют три взаимообусловленные отрасли права: налоговое, уголовное, уголовно-процессуальное.

В случаях уклонения лиц от уплаты налогов единство (комплексность,) и межотраслевая обусловленность вызывается следующими факторами

1. Правоохранительные органы не могут самостоятельно выявлять налоговые преступления. Только налоговые органы выявляют и фиксируют признаки уклонения от налогов. Для успешного обнаружения нарушения налогового законодательства разработан правовой механизм, включающий формы налогового контроля, порядок его проведения, правовые средства выявления нарушений, порядок процессуального их закрепления.

2. Следственные органы полномочны возбуждать уголовное дело и осуществлять уголовное преследование только при одном условии, что представленные материалы о признаках совершения налогового преступления направлены налоговым органом (ч.1.3 ст. 140 УПК РФ).

3. Все три отрасли права содержат один правовой прием направленный на локализацию конфликта между государственными органами и лицом, чье уклонение от уплаты налогов было выявлено (частным и публичным интересом).

Конфликт между государством и предпринимателем будет исчерпан, если не выполнившее конституционную обязанность лицо загладит нарушение и перечислит задолженность (недоимки), пени и штраф – ч. 3 ст. 75 Налогового кодекса РФ; п. 7 ч. 1 ст. 24 УПК РФ; ч. 1 ст. 76.1 (Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба) УК РФ.

Частный интерес такой согласительной процедуры (добровольное погашение налоговой задолженности) заключается в возможности избежать осуждения и уголовного наказания, предпринимателя влекущие для лица крайне негативные последствия.

В свою очередь, интерес государства заключается в удовлетворении публичного интереса получить поставленного под угрозу не поступления имущества гражданина, которое по закону должно быть перечислено государству.

Данный правовой прием (согласительная процедура):

– свою ценность обнаруживает в разумной соразмерности в принудительном обеспечении выполнения налоговых обязательств, позволяет говорить о расширении частных начал в уголовном, уголовно-процессуальном, налоговом отраслях права;

– указывает на все большее стремление государства сделать репрессивные меры воздействия последним средством в устранении конфликтов между публичными и частными интересами

– характеризует государство с гуманистических позиций [1, с. 309]: оно заинтересовано не в наказании лица, а в получении положительного результата в средствах для покрытия всех видов расходов.

Стремление государства путем согласительных процедур разрешать уголовно-правовые конфликты, возникающие по вопросам уклонения от уплаты налогов рассчитаны на случаи, когда виновные в правонарушении лица признают виновность готовы при помощи такого приема избежать уголовной ответственности [2, с. 122].

Однако, на практике наблюдается и другая ситуация. Она возникает тогда, когда виновные в уклонении от уплаты налога отрицают свою виновность, рассчитывают, что доказательственной базы окажется недостаточной для постановления обвинительного приговора [3, с. 74]. Заняв такую позицию, лица, в деятельности которых выявлены налоговые нарушения, оказывают противодействие налоговым, а потом и следственным органам в формировании доказательственной базы существенно увеличивают время, необходимое государственным органам для установления всех обстоятельств нарушения законодательства.

Внутриотраслевое Российское налоговое законодательство, устанавливая институт приостановления и уточняя сроки давности проведения налоговых проверок, расширяя права оспаривать результаты выездной налоговой проверки существенно увеличили временной интервал с момента выявления налогового преступления и до поступления материалов налоговой проверки в следственный комитет для привлечения лица к уголовной ответственности.

В случаях возникновения сомнения в правильности исчисления предпринимателем величины сумм, подлежащих перечислению в бюджеты, налоговый орган вправе проверить экономическую деятельность в пределах трехлетнего срока. Сама проверка может составить 17 месяцев, чтобы налоговый орган мог выявить налоговое преступление, процессуально закрепить доказательства совершённого деяния и направить материалы в следственный орган.

Следующий период – приходится на уголовно-правовой режим производства по поступившим в следственный комитет материалам налогового органа [4, с. 161]. Согласно уголовно-процессуального законодательства вопрос возбуждать уголовное преследование или нет следователь может решать в течение 30 суток (ч. 3 ст. 140 УПК РФ).

Срок стадии предварительного следствия определен в два месяца, но при необходимости они могут быть продлены до 3-х месяцев, до шести и далее продлеваться через каждые шесть месяцев (ст. 162 УПК РФ) [5, с. 112].

При в отсутствие сотрудничества обвиняемого со следствием по основанию занятой позиции невинности изучение практики показывает, что средний срок следствия может достигать 6 месяцев. Таким образом совместный с налоговым и следственным сроками работы над выявлением, процессуальным закреплением и доказыванием виновности лицу может составить два года (24 месяца). Если сопоставить указанные сроки со сроками давности привлечения к уголовной ответственности за налоговые преступления, то увидим, что сроки совпадают (ст. 198 УК РФ, ч. 1 ст. 199 УК РФ).

Изложенное позволяет назвать и сформулировать инициативные предложения устранения названных недостатков:

1. Целесообразно пересмотреть момент направления материалов налоговой проверки в следственный комитет. Представляется рациональным комплектом собранных налоговым органом признаков налогового преступления направлять в следственный комитет с момента составления акта налоговой проверки.

2. Стадию возбуждения уголовного дела для решения вопроса возбуждать или отказать в возбуждении уголовного дела ограничить и определить в течении трёх дней. Такое сокращение не создает угрозу преждевременного возбуждения уголовного дела. Правовая регламентация процессуальной деятельности налогового

органа при выездной проверки позволяет утверждать о высокой степени достоверности задокументированных в процессуальных документах налоговым органом признаков преступления.

Библиографический список

1. Выскребцев Б.С., Сергеев А.Б. Влияние социокультурной идентичности российского общества на формирование отечественного уголовно-процессуального законодательства и правовые позиции России в Европейском Суде по правам человека / Б.С. Выскребцев, А.Б. Сергеев // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 6 (145). – С. 307–310.

2. Сергеев А.Б. Состояние и перспективы научного разрешения проблем дифференциации и унификации форм уголовно-процессуальных производств / А.Б. Сергеев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 20 (349). – С. 119–124.

3. Гусак В.А., Никулочкин Е.О., Сергеев А.Б. Особенности производства по уголовным делам при установлении обстоятельств, подтверждающих наличие подлежащих конфискации денежных средств и имущества, приобретённых в результате незаконного сбыта наркотических веществ / В.А. Гусак В.А., Е.О. Никулочкин, А.Б. Сергеев – Челябинск, 2016.

4. Сергеев А.Б. Критический анализ отдельных положений проекта Федерального Закона «О судебной экспертной деятельности в Российской Федерации» / А.Б. Сергеев // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2019. – № 2(48). – С. 156–162.

5. Рябоконеv С.И., Сергеев А.Б. Конкурирующие направления дальнейшего развития досудебного следствия и следствия в суде первой инстанции / С.И. Рябоконеv, А.Б. Сергеев // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2019. – № 1 (19). – С. 110–113.

УДК 343.131.8

*О.С. Головачук, к.ю.н., доц. УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева,
В.С. Раменская, к.ю.н., доц. УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева
г. Екатеринбург, Россия*

Состязательность или баланс частного и публичного в уголовном судопроизводстве?

В статье обосновывается необходимость замены состязательности, как принципа, не отвечающего современным реалиям уголовного судопроизводства России, на идеи соблюдения баланса частных и публичных интересов. При этом предлагается ряд направлений совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: состязательность, баланс частных и публичных интересов, реформирование уголовного судопроизводства, защита прав участников процесса.

В разные исторически периоды менялись приоритеты, базовые принципы и основные подходы в правовом регулировании общественных отношений, составляющих предмет уголовно-процессуального права.

На сегодняшний, когда с момента вступления в силу действующего УПК РФ прошло уже более 20 лет, стало очевидным, что те ориентиры, которые были взяты за основу законодателем при разработке данного нормативно-правового акта, во многом нуждаются в корректировке, так как не были в полной мере учтены исторические, политические и правовые особенности, присущие нашему государству.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года среди основных положений уголовного судопроизводства содержал в ст. 20 правило о необходимости всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела. Более того, суду, прокурору, следователю и лицу, производящему дознание, запрещалось перелагать на обвиняемого обязанность доказывания по уголовному делу.

Такой подход сохранялся на протяжении почти 40 лет и был изменен принятым в 2001 году УПК РФ. Статья 15 данного нормативного акта закрепила правило о построении уголовного судопроизводства на началах состязательности. Теперь стороны обвинения и защиты не только были провозглашены процессуально равными, но и суд перестал быть органом уголовного преследования. Он призван создавать условия для реализации сторонами их прав и обязанностей. Функции обвинения, защиты и разрешения дела не могли быть более возложены на одно и то же лицо. Конституционный Суд РФ подчеркнул, что состязательность сторон должна выражаться «в реальной возможности довести свою позицию относительно всех аспектов дела до сведения суда, поскольку только при этом условии в судебном заседании реализуется право на судебную защиту, которая должна быть справедливой, полной и эффективной».

За время, прошедшее с июля 2002 года, стало ясно, что эти идеи не нашли своего воплощения в том виде, как были задуманы законодателем. Некоторые нормы так и остались на бумаге, другие были скорректированы.

Поэтому можно сделать вывод, что уголовное судопроизводство России оказалось не готово к столь резким трансформациям, переориентации на тип судопроизводства, который в большей степени был до этого характерен странам англо-саксонской правовой системы. Ранее избранный путь показал свою несостоятельность, стала очевидна необходимость поиска нового. Одним из авторов, предложивших альтернативный подход к регулированию уголовно-процессуальных отношений, стал Н.В. Азаренок, который сформулировал «Концепцию совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы». Он выдвинул идею эволюционного его совершенствования. Констатируя факт того, что состязательность нашла свое воплощение лишь в судебных стадиях, тогда как досудебные стадии продолжают осуществляться в «розыском (несостязательном) порядке», невозможно игнорировать последовательной гуманизации уголовной политики, «в результате которой сформировался новый правовой феномен, получивший название «баланс публичного и частного интересов» [1, с. 13]. Данный баланс представляется автору как «установка равноценного обеспечения государственных, общественных интересов, с одной стороны, и интересов личности – с другой» [1, с. 14].

Соглашаясь с высказанной позицией, хотелось бы привести несколько примеров. Традиционно, обращение к «сведующим лицам» было прерогативным полномочием стороны обвинения и суда. Исходя из концепции баланса частных и

публичных интересов, представляется оправданным наделение таким правом субъектов, защищающих свой личный интерес в процессе рассмотрения уголовного дела, вне зависимости от процессуального статуса. Ведь такая помощь может понадобиться не только обвиняемому, подозреваемому, их защитникам, но и потерпевшему, гражданскому истцу, которые хотят принять активное участие в восстановлении своих прав и законных интересов. Поэтому оправданным будет закрепить за лицами, отстаивающими личные интересы в уголовном судопроизводстве, право ходатайствовать о назначении судебной экспертизы. В развитие данной идеи также следует закрепить положение, что при наличии должного обоснования, ходатайство не может быть отклонено органами следствия и дознания.

Далее хотелось бы отметить, что для защиты своего частного интереса и возмещения вреда, причиненного преступлением, потерпевший не наделен необходимыми полномочиями. Для получения реальных выплат, необходимо подать гражданский иск. Это широко применяемое на практике правило фактически было введено пунктом 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010г. №17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве». Указанная процедура признана многими практиками оправданной, так как позволяет оценить обоснованность как факта заявления соответствующих требований, так и их объем. Поэтому предлагается внести в часть 3 ст.42 УПК РФ следующее предложение: «Потерпевший для возмещения имущественного и компенсации морального вреда, причиненных преступлением, должен подать гражданский иск и обосновать свои требования».

Затем можно обратиться к анализу положений главы 18 УПК РФ и рассмотреть процедуру реабилитации. Сегодня для компенсации морального вреда и восстановления в иных правах необходимо обращаться в суд в порядке гражданского судопроизводства, что требует значительных усилий, финансовых и временных затрат [2, с. 838, 843]. Поэтому целесообразно, с точки зрения защиты частного интереса и баланса с интересами общества, допустить возможность восстановления всех прав реабилитированного в рамках уголовного процесса.

Итак, в уголовном судопроизводстве России продолжать рассуждать о состязательности и равноправии сторон не представляется возможным. Идея баланса публичных и частных интересов видится достойной альтернативой и может претендовать на роль базовой концепции при дальнейшем реформировании законодательства. Надо стремиться максимально отказаться от «мертвых», не применимых и не применяемых норм в пользу правил, которые должны помочь участникам уголовного судопроизводства отстаивать свои права и законные интересы при производстве по уголовному делу.

Библиографический список

1. Азаренок Н.В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: автореферат д. юрид. наук / Н.В. Азаренок. – Омск. 2021. – 35 с.
2. Уголовный процесс: учебник/ под ред. А.Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. – Москва-Норма: ИНФРА-М, 2024. – 888 с.

На бога надейся...: о подготовке к привлечению к ответственности руководства западных русофобов

В условиях широкомасштабности совершаемых преступлений возникает вопрос о том, как их расследовать. Совершенно очевидно, что этим начинают заниматься штатные следственные подразделения. Однако вековой опыт подсказывает, что более или менее значительного успеха в привлечении к ответственности организаторов и вдохновителей, а также спонсоров преступлений, целью которых является уничтожение целых народов и разорение государств, можно достичь лишь силами специализированных подразделений, специально созданных следственных комиссий. В статье обосновывается необходимость надлежащей фиксации обстоятельств военных преступлений и преступлений против человечности, совершённых в период специальной военной операции, силами специально созданной Государственной комиссией.

Ключевые слова: ответственность организаторов и спонсоров преступлений; военные преступления: преступления против человечности; расследование преступлений; государственная комиссия по расследованию; специальная военная операция.

В одной из недавних бесед сенатор от Крыма, член комитета Совета Федерации по международным делам С.П. Цеков заявил, что Главу Еврокомиссии, ранее пригрозившую президенту Российской Федерации Гаагским судом, ждет наказание свыше: «Бог покарает» [1].

Отмечая совершенную справедливость и своевременность этой реплики, нельзя не заметить, что божьему суду должна предшествовать большая кропотливая и высокопрофессиональная работа по сбору и систематизации материалов о совершенных преступлениях против человечности.

Совершенно очевидно, что этим давно и весьма успешно занимаются штатные следственные подразделения [3]. Однако эта колоссальная и весьма правильная работа слишком точечная и мало что дает для процесса над главарями, спонсорами. Они-то ведь сами на курок не нажимают. Вот и выйдет, что колхозников осудят, а руководители «района» останутся в стороне, а про «обком» (в т.ч. и вашингтонский) вообще не вспомнят.

Вековой опыт подсказывает, что более или менее значительного успеха в привлечении к ответственности организаторов и вдохновителей, а также спонсоров преступлений, целью которых является уничтожение целых народов и разорение государств, можно достичь лишь силами специализированных подразделений, специально созданных следственных комиссий. Так было в Первую мировую войну, в Великую Отечественную войну, в ходе массовых беспорядков в СССР, во время грузинских событий 08.08.08. Аналогичная ситуация складывается и в условиях современной специальной военной операции (СВО) по демилитаризации и денацификации Украины [2].

В настоящее время важнейшей задачей для нашего государства представляется максимально полный сбор, анализ, систематизация и сохранение доказательств с соблюдением уголовно-процессуальных требований и с учетом правил производства в международных судебных присутствиях. Таким образом будет накоплен массив систематизированной информации о преступлениях, сохранённой в необходимой форме, которую можно будет достаточно эффективно использовать в дальнейших процессуальных действиях по уголовному преследованию виновных. Этим Государство обеспечит принципиальную возможность успешного уголовного преследования лиц, виновных в преступлениях, при наступлении необходимых для этого условий. Это же внесет вклад в выполнение международно-правовых требований в части гарантирования минимальных стандартов расследования преступлений, особенно – убийств и похищений людей во время вооруженного конфликта.

В этой связи представляется, что назрела необходимость создания централизованного федерального органа, координирующего и организующего целенаправленную деятельность следственных подразделений в этом направлении, с возможным названием «Государственная комиссия по расследованию военных преступлений и преступлений против человечности» (ГКВП). В юрисдикцию комиссии должны входить все преступления, совершенные с обеих сторон. Это послужит дополнительным подтверждением объективности и сбалансированности работы ГКВП.

ГКВП – это не альтернатива штатным расследованиям, а отдельное направление работы. Возможно создание при ГКВП специализированных подразделений по расследованию военных преступлений, готовящих материалы для передачи в судебные органы. Однако, на начальном этапе деятельности достаточно будет координации Комиссией деятельности присутствующих на «новых территориях» следственных подразделений по сбору, фиксации и сохранению следов преступлений (материальных и идеальных). Для этого ГКВП должно быть предоставлено право поручать надлежащим органам производить расследования, опрашивать потерпевших, собирать свидетельские показания и иные документальные данные, относящиеся к насилиям, зверствам, грабежам, разрушениям и другим преступным действиям противника. В случаях «делегирования» расследований, ГКВП должна будет разъяснять работникам следственных органов особенности работы по сбору доказательственной информации по военным преступлениям. Представляется целесообразным также ввести в каждом следственном подразделении СК РФ, осуществляющем свою работу в зоне проведения СВО, должности аналитика по военным преступлениям.

Особое внимание ГКВП должно быть сконцентрировано на собирании доказательственной базы в отношении организаторов преступлений. Полнота сбора доказательственной информации, конечно, в должна быть обусловлена безопасностью для участников следственных действий.

Местные органы государственной власти должны быть обязаны оказывать ГКВП любое необходимое содействие.

Создание Комиссии на законодательном уровне может быть оформлено Указом Президента о создании ГКВП, а детализация проведена в Положении, как это сделано, например, в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 2 нояб-

ря 1942 года «Об образовании чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР»¹.

Библиографический список

1. Мороз А., Николаев К. «Бог покарает»: сенатор ответил на угрозы фон дер Ляйен в адрес Путина // NEWS.ru. 07.03.24 // <https://news.ru/vlast/bog-rokaraet-senator-otvetil-prigroz-ivshej-putinu-gaagoj-fon-der-lyajen/> [дата обращения – 09.03.2024].

2. Обращение Президента Российской Федерации. 24 февраля 2022 года // <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> [дата обращения – 09.03.2024].

3. Хан Т. Александр Бастрыкин: более 5,5 тыс. человек погибли от действий ВСУ в Донбассе с 2014 года // Пресс-служба СК РФ. 28 февраля 2024 г. // <https://tass.ru/interviews/20097575> [дата обращения – 09.03.2024].

УДК 343.1

*А.В. Гриненко, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ,
МГИМО МИД России,
г. Москва, Россия*

Взгляд на уголовно-процессуальные функции сквозь призму современного уголовного судопроизводства

В статье рассматриваются проблемы доктринального и законодательного определения уголовно-процессуальных функций, их взаимосвязь с иными категориями уголовно-процессуальной науки. Особое внимание уделено соотношению понятия «уголовно-процессуальные функции» с такими категориями, как «назначение уголовного судопроизводства», «принципы уголовного судопроизводства», «процессуальный статус».

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовное дело, уголовно-процессуальная функция, назначение уголовного судопроизводства, процессуальный статус.

Уголовное судопроизводство представляет собой строго регламентированную законом деятельность, в ходе которой возникают, развиваются и завершаются правоотношения, связанные с появлением определенного события, содержащего признаки преступления.

Естественно, что эти правоотношения, именуемые уголовно-процессуальными, развиваются не спонтанно, а в соответствии с определенными правилами, закрепленными в действующем законодательстве. Их движущей силой является регламентированное законом поведение (действия, решения) участников уго-

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года «Об образовании чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» // Ведомости ВС СССР. – 1942. – № 40.

ловного процесса, а если это – участники со стороны защиты, то поведение, прямо законом не запрещенное.

В структуре и содержании УПК РФ заложена определенная логика, вытекающая из общесоциального значения деятельности по возбуждению уголовных дел, их предварительному расследованию, а также судебному рассмотрению и разрешению.

Для того, чтобы установить, какое место в общей системе категориального аппарата занимает категория «уголовно-процессуальные функции», требуется проследить динамику создания основных правовых положений, положенных в основу формирования как структуры, так и содержания ныне действующего законодательства.

Первоосновой любой отрасли права, в том числе права уголовно-процессуального, является сфера регулируемых ими общественных отношений. Поэтому в центре любых законодательных построений всегда должна находиться предмет и метод регулирования соответствующих отношений, а также наиболее приемлемый результат этой деятельности.

Ранее, в период действия УПК РСФСР, основной, исходной категорией уголовного процесса считалась такая, как «цель уголовного судопроизводства». Под целью, как правило, понималось «достижение истины» или, иными словами, установление действительных обстоятельств произошедшего события [1, с. 113–138]. Вместе с тем, поскольку «цель» является философской, многозначимой категорией, в уголовно-процессуальной науке это вызвало значительные дискуссии, зачастую не имевшие явно выраженной практической составляющей. Именно поэтому российской законодатель отказался от использования термина «цель» и в ст. 6 УПК РФ заменил его на понятие «назначение уголовного судопроизводства».

Как оценить данное существенное изменение категориального аппарата и введение данного термина непосредственно в действующее законодательство?

Оценить это можно двояко. С одной стороны, уже само установление в УПК РФ назначения уголовного судопроизводства стало важной вехой совершенствования соответствующей деятельности, ведь ему подчинено поведение как органов и должностных лиц, так и определенным образом тех лиц, которые вовлечены в конкретные правоотношения. С другой же стороны, как показывает изучение правоприменительной практики, назначение уголовного судопроизводства прописано в законе недостаточно четко, что позволяет неоднозначное его толкование и использование правоприменителями «в свою пользу».

Так, в ч. 2 ст. 6 УПК РФ указано, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию. Это весьма гуманистическое правило на практике, к сожалению, нивелируется тем, что должностное лицо, которое допустило уголовное преследование невиновного, считается допустившим существенные нарушения закона, подвергается различным видам юридической ответственности и т.п. Естественно, это порождает стремление должностных лиц, представляющих сторону обвинения, любыми способами продолжать уголовное

преследование или склонять лицо к прекращению в отношении него уголовного дела по нереабилитирующему основанию взамен реабилитирующего.

В этой связи было бы целесообразным установить и в законе, и в правоприменительной практике, что должностное лицо должно подвергаться юридической ответственности лишь в тех случаях, когда, исходя из имевшихся в его распоряжении доказательств, на определенный момент производства по уголовному делу нельзя было сделать вывод о невиновности лица. В остальных случаях реабилитация должна осуществляться обезличенно, без привязки к конкретному должностному лицу, в производстве которого находится уголовное дело.

Назначение уголовного судопроизводства в том виде, в котором оно закреплено в ч. 1 ст. 6 УПК РФ (защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод), обусловило разделение уголовно-процессуальной деятельности на определенные направления, имеющиеся в науке уголовно-процессуальными функциями [2, с. 28].

Несмотря на то, что само раскрытие функций содержится во многих правоположениях современного уголовно-процессуального законодательства, его определения в тексте УПК РФ нет. В этой связи требуется выработка доктринального понятия, а также, по возможности, его внедрение непосредственно в текст УПК РФ, например, в статью 5, где содержатся основные понятия, используемые в настоящем Кодексе.

Для того чтобы выработать данное определение, следует сразу же установить определенную иерархическую взаимосвязь различных понятий. Так, вначале, на вершине иерархии, находится назначение уголовного судопроизводства, затем назначению, если можно так выразиться, подчиняются уголовно-процессуальные функции, после чего участники уголовного судопроизводства устанавливаются и классифицируются в зависимости от того, какие функции они реализуют, и уже в результате этого тот либо иной участник наделяется конкретными правами и обязанностями, с помощью которых выполняется процессуальная функция, к которой он отнесен.

Из этого можно сделать вывод, что уголовно-процессуальная функция – это вытекающее из назначения уголовного судопроизводства основное направление деятельности различных групп участников уголовного судопроизводства, что обуславливает наличие у участника, входящего в ту либо иную группу определенных процессуальных прав и обязанностей.

В этой связи нельзя согласиться с учеными, полагающими, что уголовно-процессуальные функции можно считать производными от статуса того либо иного участника уголовного судопроизводства [3]. Наоборот, статус участника процесса является производным от той либо иной процессуальной функции.

В действующем УПК РФ уголовно-процессуальные функции построены на основе принципа состязательности (ст. 15 УПК РФ), который гласит, что функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга, а суд, в свой черед, не является органом уголовного преследования, не выступает ни на одной из сторон. У суда лишь имеется обязанность создавать условия, чтобы стороны выполняли свои обязанности и реализовывали свои права.

В свете этого принципа участники уголовного судопроизводства подразделены на группы, наименование и содержание которых содержит в себе указание на три функции: суд, осуществляющий функцию правосудия (гл. 5), участники со стороны обвинения (гл. 6) и участники со стороны защиты (гл. 7 УПК РФ). Правда, имеется еще и четвертая группа, поименованная как «иные участники уголовного судопроизводства» (в соответствии с гл. 8 УПК РФ к ним относятся свидетель, лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, эксперт, специалист, переводчик и понятой. Вместе с тем, поскольку эта группа оказывает содействие в установлении действительных обстоятельств уголовного дела, ее можно было бы определить как участников, оказывающих содействие правосудию. В этом случае роль каждого участника должна оцениваться в зависимости от содержания и результатов его деятельности и не пред-решаться путем отнесения его к носителям той либо иной процессуальной функции.

Определенные сложности возникают в связи с тем, что следователю как представителю стороны обвинения нужно исследовать и те доказательства, которые объективно для подозреваемого, обвиняемого являются оправдательными. Некоторое время назад СК России инициировал предложение о внесении в УПК РФ ряда изменений, которые подчеркивали бы, что следователь осуществляет большинство своих действий «для установления объективной истины».

С этим предложением нельзя было согласиться, поскольку истина для право-применителя – это недостижимая категория. Вместе с тем, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, следователь обязан устанавливать не только обвинительные, но и оправдательные доказательства. В этом случае было бы целесообразно данную обязанность закрепить непосредственно в УПК РФ, в перечне полномочий следователя.

Таким образом, уголовно-процессуальные функции в настоящее время являются правовой категорией, поскольку они отражены в целом ряде положений УПК РФ. Но целесообразно раскрыть понятие этих функций непосредственно в ст. 5 УПК РФ, в перечне основных понятий.

Библиографический список

1. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. 2-е изд., исправленное и дополненное. – М.: Юрид. лит, 1973. – 736 с.
2. Стельмах В.Ю. Необходимость развития теоретических представлений об уголовно-процессуальных функциях / В. Ю. Стельмах // Российская юстиция. – 2020. – № 1. – С. 28–31.
3. Дикарев И.С. Уголовно-процессуальная функция прокурора в судах кассационной и надзорной инстанций / И.С. Дикарев // Уголовное судопроизводство. –2022. – № 2. – С. 28–32.

К вопросу об обоснованности критики научного исследования

Проводимое на стыке научного знания исследование неизменно вызывает интерес ученого сообщества. В статье рассматриваются некоторые критические отзывы о научном исследовании, сформированные на основе игнорирования теоретических знаний, составляющих ядро научных областей, в рамках которых было проведено исследование – судебной экспертологии, криминалистики в аспекте уголовно-правовых наук.

Ключевые слова: судебная экспертология, исследование, судебные транспортные экспертизы, классификация.

Далеко не всегда предлагаемые учеными новшества находят поддержку коллег. Зачастую принимают настороженно и, как правило, подвергают обоснованной критике. Но проходит время, и нередко предложенная новация становится устоявшимся знанием в научной среде и находит практическое применение. Представляется, такая судьба ждет и разработанную Н.Н. Ильиным классификацию судебных транспортных экспертиз.

В его диссертации [1] впервые была сформулирована родо-видовая классификация судебных транспортных экспертиз (далее сокр. – СТЭ), определены существенные для следственной и экспертной практики классификации исследуемых объектов, решаемых задач, характерных для класса судебных транспортных экспертиз, приведены методы экспертного исследования.

По мнению Н.Н. Ильина, основанием классификации должно выступать: виды транспорта, среда, в которой они задействованы, нормативные акты и документы, регулирующие движение и эксплуатацию транспортных средств и функционирование объектов транспортной инфраструктуры. Основной единицей классификации является род, который включает виды и подвиды (подробно изложенные в тексте диссертации) в зависимости от объектов исследования и решаемых задач: Род 1. Экспертизы объектов автомобильного транспорта (автотранспортные экспертизы); Род 2. Экспертизы объектов внутреннего водного (речного) и морского транспорта (воднотранспортные экспертизы); Род 3. Экспертизы объектов воздушного транспорта (воздушно-транспортные экспертизы); Род 4. Экспертизы объектов рельсового транспорта (железнодорожно-транспортные экспертизы) [1, с. 19, 65–93].

Однако классификация, предложенная автором, вызвала жесткую критику одного изыскателя. Основным критическим постулатом в ней стал упрек в нарушении законов логики (правил деления понятия) при формулировании классификации. Попробуем разобраться в аргументах критика и определить, действительно ли имеются нарушения.

В основе логической операции по делению понятий – классификации лежит деление по видоизменению признака. Критик приводит три правила деления понятий из учебника по логике 1917 года издания: соразмерность деления (объем

делимого понятия должен равняться сумме объемов членов деления), деление должно проводиться по одному основанию, члены деления должны исключать друг друга. В работах известных советских и российских логиков (В.Л. Васюков, А.М. Анисов) выделяются четыре правила, изложенные выше дополняются правилом о том, что деление должно быть последовательным [2].

Ознакомление с изложенной в диссертации классификацией и ее обоснованием подтверждает выполнение всех четырех правил:

1) соразмерность заключается в том, чтобы деление было полным и без избытка и представленные диссертантом роды СТЭ предопределяются исходя из положенных в основу классификации критериев (на основе видов транспорта, среды, в которой они задействованы, нормативных правовых актов и документов, регулирующих движение и эксплуатацию транспортных средств и функционирование объектов транспортной инфраструктуры);

2) правило проведения деления по одному основанию не противоречит возможности использования комплексного критерия классификации. На это обращают внимание известные логики, в т.ч. В.Н. Садовский. Самое главное, чтобы выделялись все члены делимого понятия и такое деление не приводило к пересечению выделяемых видов;

3) деление должно быть последовательным – в рассматриваемой классификации это правило соблюдено, поскольку выделенные роды экспертиз являются одноуровневыми. В тексте диссертации в рамках каждого рода автором были выделены виды судебных экспертиз.

4) правило о взаимном исключении членов деления при формировании рассматриваемой классификации выполнено: ни один из предложенных автором родов судебных транспортных экспертиз не пересекается с другим, у каждого свои собственные объекты и задачи, свои собственные методы и методики исследования. При этом аргумент критика о том, что допущено пересечение видов деления, поскольку автомобильный и рельсовый транспорт являются наземными видами транспорта, выглядит примитивно. В таком рассуждении можно прийти к выводу, что воздушный транспорт также является наземным, поскольку, когда он взлетает, приземляется и находится на стоянке – он прочно связан с землей.

Таким образом, элементарный анализ классификации, представленной Ильиным Н.Н., позволяет сделать вывод об отсутствии противоречий правилам логики и в то же время о практической значимости представленной классификации.

Другой упрек критик высказал относительно ограничения исследования только указанными выше в классификации видами транспорта. Тогда как, по мнению критика, видов транспорта гораздо больше. Так, критиком перечислены виды транспорта: лифтовый, трубопроводный, конвейерный, гужевой, эскалаторный.

Однако определяя вектор исследования, Н.Н. Ильин достаточно четко выделил обеспечение безопасности дорожного движения, необходимость разработки методологической составляющей указанных выше родов и видов СТЭ. Таким образом, пределы научного изыскания ограничены только теми видами транспорта, экспертное исследование которых возможно и необходимо в рамках именно судебных транспортных экспертиз, а не трасологической или какой-либо другой. Конкретизируя этот аргумент, отметим, что лифт – это не транспорт, а подъемная машина циклического действия, предназначенная для подъема людей

и грузов. Конвейерный транспорт, несмотря на название, по сути таковым не является, а представляет собой технологический процесс перемещения горных масс в составе комплексов непрерывного действия. Эскалатор – подъемно-транспортное устройство с замкнутым контуром лестничного полотна для транспортировки людей с одного уровня на другой. Эскалатор – это конвейер, только с другим предназначением, так же, как и траволатор.

Только два из выделенных критиком вида относятся к транспорту. Трубопроводный транспорт – узкоспециализированный вид транспорта и является составной частью государственной транспортной системы, не предназначенный по понятной причине для перемещения людей. Гужевой является разновидностью транспорта, но с учетом особенностей механизма движения, а также крайне редкого применения на практике и в этой связи редко возникающими случаями, когда он может выступать объектом судебной экспертизы, его выделение в классификации не представляет никакого значения.

Соответственно методы и методика исследования перечисленных объектов, которые диссертант совершенно обоснованно не включил в объекты транспортной экспертизы, будет существенно отличаться от методик исследования СТЭ.

Возникшее недопонимание выражается, думается, в следующем. В юридической научной среде имеется разрозненность в проводимых научных исследованиях, ученые из разных научных специальностей зачастую развивают свои научные мысли вне связи с научными разработками в смежных отраслях. Однако в рамках юриспруденции гармонично уживаются различные науки, в том числе теория государства и права, уголовное процессуальное право, криминалистика, судебная экспертология. У каждой науки есть собственные разработанные теоретические положения, выступающие основой для входящих в нее частных теорий. Несмотря на специализацию ученых в какой-либо одной или смежных областях юридического научного знания, при проведении научных исследований мы должны подвергать изучению имеющиеся работы по исследуемой тематике и в других областях юриспруденции. При этом очевидно, что глубина погружения в научную тематику специалиста из другой области напрямую связана с тем насколько он владеет общетеоретическими основами той или иной науки.

Таким образом, незнание основ судебной экспертологии и криминалистики в ракурсе уголовно-правовых наук приводит некоторых критиков к недостаточно-му пониманию объекта и предмета исследования, целей и задач исследования, не позволяет оценить исследование в полном объеме, а в итоге – к ошибочным выводам.

Библиографический список

1. Ильин Н.Н. Транспортные экспертизы в уголовном судопроизводстве России: теория и практика: дис. ...д-ра юрид. наук. / Н.Н. Ильин – М., 2023. – 511 с.
2. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. / В.Н. Садовский – М., 1974. – 279 с.

**Рациональные начала (основания) в правовом познании.
Закон тождества и вопросы доказательства в сфере уголовного процесса
(логико-философский и правовой аспекты исследования)**

В статье рассмотрены дискуссионные вопросы, связанные с познанием истины и проблемой рациональных начал, оснований в правовом познании с позиций логико-философского и правового аспектов исследования. Проанализированы основные требования и роль в познании закона тождества в связи с разработкой логики в античности как общей теории рассуждения и теории доказательства объективной истины. Выявляется значение закона тождества в сфере уголовного процесса как принципа рационального познания и коммуникации, который может выражать определенные общенаучные требования к доказательству в процессе постижения истины. Проведен обзор логической и правовой литературы, в которой раскрываются виды ошибок, возникающие при нарушении требований логического закона тождества в сфере познания права, в теории и практике уголовного процесса в связи с вопросами доказательства.

Ключевые слова: рациональное познание; закон тождества; доказательство; принципы познания; методы познания; логика; уголовный процесс; концепт «достоинство знания».

Одной из значимых дискуссионных проблем как философском, так и в юридическом познании остается проблема истины. В логико-философском аспекте с ней тесно связаны проблема оснований рационального познания, а в правовом аспекте – проблема рациональных начал, оснований в правовом познании (рациональных оснований юриспруденции).

С позиций правового аспекта проведенные обзоры научно-правовой литературы [9] позволили выяснить, что в ходе научной полемики по проблеме объективной истины в уголовном процессе в правовых исследованиях таких ученых как В.М. Бозров и А.П. Гуськова, З.Д. Еникеев, З.З. Зинатуллин, А.В. Кудрявцева, А.Ф. Кони, Г.А. Печников, О.Е. Яцишина и др. поднимается значимость вопросов, связанных с познавательной деятельностью субъектов судопроизводства, с реализацией сущности и назначения, функций уголовного процесса, с проблемой нравственных начал правосудия. Ученые-правоведы В.А. Азаров, И.А. Пелих, А.П. Блинков, З.В. Макарова, М.С. Строгович, С.А. Шейфер, О.Е. Яцишина и др. обосновывают связь принципов справедливости, состязательности и публичности правосудия с проблемой истины. Также в работах ученых обсуждается связь пределов и целей доказывания по отношению к процессуальным решениям в уголовном судопроизводстве, исследуются негативные последствия отсутствия категории объективной истины в уголовном процессе, анализируются преимущества и недостатки различных типов уголовного процесса. Анализ работ ученых, связанных с исследованием вопросов уголовного процесса с проблемой истины, позволяет утверждать, что, с одной стороны, в современном уголовно-процессуальном праве среди целей и задач судопроизводства отсут-

ствуется поиск и установление объективной истины по делу; однако, с другой стороны, не прекращаются в научной литературе по уголовно-процессуальному праву обсуждаться вопросы, связанные с проблемой истины. Например, научная статья Е.В. Тимошиной [28] свидетельствуют о необходимости поиска связи юриспруденции и философии по этой проблеме.

В трудах ученых-правоведов также прослеживается внимание к вопросам доказательства, их связи с вопросами логического познания. Так, в научной работе А.В. Кудрявцевой [16] обращается внимание на взаимосвязь требований законов логики и теории доказывания. Некоторые вопросы диссертационной работы А.В. Кочетовой [15], посвященной институту приостановления производства по уголовному делу, рассматриваются в связи с доказательствами. В диссертации А.В. Руденко [24] осуществляется исследование специфики и соотношения диалектических, формально-логических и юридических особенностей процесса формирования достоверных результатов мыслительно-практической деятельности субъектов уголовного процесса доказывания. Обзор научных исследований в сфере уголовного процесса также показал, что в диссертациях, А.А. Устинова [29], научной статье Т.И. Ястребовой [31] значимы вопросы доказательства.

С позиций логико-философского аспекта исследования одной из важных тем является рассмотрение закона тождества в связи с вопросами доказательства. Известно, что впервые теория доказательств была создана Аристотелем, фундаментом которой стало учение об основных законах логики как принципах рационального познания. Поскольку в логике рассматриваются требования закона тождества, связанные с общенаучной теорией доказательств, эти требования важны и в круге вопросов, связанных с доказательствами в конкретных науках и практике, в частности, в уголовном процессе. Поэтому может быть поставлена цель: проследить взаимосвязь требований закона тождества в отношении доказательств на общенаучном уровне (логико-философский аспект) и конкретно-научном (правовой аспект) уровнях. В ходе движения к этой цели в данной работе представляется необходимым: во-первых, охарактеризовать основные законы логики как принципы рационального познания; во-вторых, рассмотреть основные требования закона тождества и его роль в познании; в-третьих, показать связь закона тождества с доказательством в познании; в-четвертых, привести некоторые примеры применения закона тождества в познании в сфере уголовного процесса в связи с вопросами доказательства.

При рассмотрении темы автор опирается на монографические и диссертационные работы, научно-практические статьи и учебные пособия, словарно-энциклопедические издания в сфере философских и правовых наук. Методологические основы исследования темы составляют, с одной стороны, положения о типах, уровнях и основаниях познания в современной философии, методологии юридического познания [7; 9; 10]. С другой стороны, значимы положения, обоснованные в трудах М.К. Мамардашвили [20], Б.И. Пружинина и Т.Г. Щедриной [30] и др. о необходимости интеграции вопросов философского и научно-познавательного характера с культурно-историческим измерением знания, пониманием науки и знания как особых феноменов культуры и самоценного блага. В этой связи становится важной ориентация на внутреннюю цельность и гармоничность знания в качестве особого духовного образования, что «позволяет уви-

деть гуманитарные (культурно-исторические и экзистенциально-личностные) аспекты знания через способы его знаково-символического выражения в общении» и оценить знание по «достоинству» [30, с. 24]. При этом достоинство знания может определяться тем, что включаясь в общение ученых, знание обеспечивает общность их понимания, не предполагая полного совпадения взглядов, но дает возможность «включить данное знание в динамику познания, в процессы расширения известного» [30, с. 24]. Такой смысл концепта «достоинства знания» характерен для античной и русской философской традиций [30, с. 23], и акцентирует значимость научно-философской коммуникации как культурной ценности. Кроме того, автор работы опирается на принцип единства исторического и логического в познании [7; 10], который в наиболее общей форме предполагает, что «научная мысль, направленная на предмет, обладающий своей историей, должна исходить из этой историчности и стремиться ее осознать» [22, Т. II, с. 443]. Поэтому в работе используются труды, связанные как с историей логико-философского познания, так и с разными периодами развития познания в юриспруденции, в сфере уголовного процесса. С позиций теоретической и практической значимости работа направлена на развитие междисциплинарного научно-философского подхода и возможности использования материалов статьи в учебных курсах в системе высшего образования, а также в различных формах культурно-просветительской деятельности.

1. Характеристика основных законов логики как принципов рационального познания

При рассмотрении законов логики как принципов рационального познания (в сфере уголовного процесса) в данной работе необходимо уточнить, что под термином «рационализм» в философии понимается «философско-мировоззренческая установка, согласно которой истинными основаниями бытия, познания и поведения людей являются принципы разума» [22, Т. 3, с. 422]. Также может употребляться термин «рациональность», который символизирует одну из значимых тем и фундаментальных проблем философии, связанную с выяснением смысла «разумности». В философской литературе указывается, что среди открытых принципов рационального познания уже в античной классической философии, а затем в европейской философии классического рационализма законы логики признавались в качестве «фундаментальных принципов бытия и мышления» [22, Т. 3, с. 425]. Поэтому с философских позиций исследование основных законов логики в их связи с доказательством представляет собой вопрос о фундаментальных принципах в осмыслении рационального научного познания. В этой связи Ю.В. Ивлев считает, что законы логики выступают как методологические принципы познания, выражающие «общие требования, которым должны удовлетворять рассуждения и логические операции с мыслями, если мы ставим цель постигать истину рациональными средствами» [12, с. 192].

При исследовании связи законов логики с такими методами (операциями) и приемами познания как доказательство, надо учитывать ряд следующих положений. Во-первых, поскольку правильному мышлению присущи черты определенности, последовательности, непротиворечивости, доказательности [3, с. 12; 14, с. 602–603], то среди принципов логики «закон тождества характеризует определенность мышления, закон противоречия и закон исключенного третьего

– его последовательность, закон достаточного основания – его доказательность» [3, с. 14]. Во-вторых, согласно В. Ф. Асмусу, следует обращать внимание на отличие законов логики от норм как правил или предписаний, которые диктуются или устанавливаются законодателем или некоторым лицом, ибо законы логики «не выражают ничьих предписаний, это подлинные законы, которые присущи всем действиям правильного мышления» [3, с. 14–15]. Если сформулированы предписания (нормы), соответствующие логическому закону, то их источником является обусловленность мышления свойствами объективно существующего мира. В-третьих, с позиций логико-философского аспекта возможно сформулировать понятие логического закона – «это внутренняя, существенная, необходимая, универсальная связь между элементами мысли: понятиями, суждениями, умозаключениями и другими абстрактными объектами. В логических законах отражены устойчивые черты внутренней структуры мыслительного процесса; это законы правильного мышления, а не законы самих вещей и явлений мира» [18, с. 125; 21, с. 111; 6, с. 146]. В-четвертых, Аристотель исследовал законы логики как принципы правильного доказательного мышления, применимые ко всем наукам, поэтому в научном познании они признавались среди принципов рационального познания, направленных на поиск истины, «наиболее ясными и очевидными принципами бытия и мышления» [22, Т. 3, с. 425]. При этом термин «принцип» с позиций античной философии ориентирует на поиск связи единичного с общим в качестве «закона возникновения всего единичного» [19, с. 693]. В «Метафизике» Аристотеля принципы характеризуются в следующих значениях: как «начала суть первое, откуда-то или иное есть, или возникает, или познается», как «предпосылки, лежащие в основе познания предмета», как «исходные основания рассуждения», «начало исследования, начало движения» [2, Т.1, с. 145; 19, с. 524].

В концепции Аристотеля исследовалась роль принципов в процессе познания и воспроизведения знания. Характеризуя значение законов логики в познании в работах Кондакова Н.И., Соколова В.В., Гетмановой А.Д., Ивлева Ю.В., Михалкина Н.В. и др. отмечается, что разработка законов логики «стало фундаментом доказательного рассуждения, системы строго доказательного знания», так как они «выступают в качестве принципов правильного рассуждения в ходе доказательства истинных суждений и теорий и опровержения ложных»; законы логики являются одним из «условий, определяющих истинность наших знаний в пределах логической формы, а не содержания мысли, это законы структурной связи элементов мысли между собой»; «принципы логики в совокупности с методами и приемами формальной логики играют роль общей методологии познания» [14, с. 602–603; 25, с. 149; 6, с. 147; 21, с. 112; 12, с. 190].

Проведенные исследования также показали, что в современном познании всестороннее изучение законов и методов логики как принципов и способов рационального познания осуществляется в теории познания и логике, в философии и методологии науки, в философии и методологии права [7; 9; 10]. В системе уровней научно-философского познания и методологии права основные законы логики относятся к философскому уровню познания; в совокупности с другими философскими принципами обосновывают идеалы и нормы познания и обеспечивают включение научного знания в культуру [7, с. 51–52; 9, с. 265; 10, с. 102].

Учитывая вышесказанное, возможно заключить, что логический закон тождества необходимо учитывать в познании как методологический принцип рационального познания и коммуникации, который выражает определенные общенаучные требования к доказательству в процессе постижения истины. Далее будут рассмотрены основные требования и роль закона тождества в познании.

2. Логический закон тождества: основные требования и роль в познании

Обращение к логико-философской литературе позволило выделить ряд требований закона тождества в рациональном познании. В «Логическом словаре» Кондакова Н.И. закон тождества – это «общечеловеческий закон правильного построения мыслей в процессе рассуждения», который ориентирует в познании, что «всякое понятие и суждение должны быть тождественными самим себе, должна быть устойчивость, определенность мысли в ходе рассуждения», «каждая мысль, которая приводится в умозаключении, при повторении должна иметь одно и то же содержание» [14, с. 596–597]. Известный философ и логик В.Ф. Асмус также отмечает, что в силу закона тождества может быть установлена необходимая логическая связь мыслей при условии выполнения требований в наших рассуждениях или выводах мыслить один и тот же предмет «в том же самом содержании его признаков» [3, с. 15]. Поэтому в «Метафизике» Аристотеля утверждается, «что невозможно ничего мыслить, “если не мыслишь (каждый раз) что-нибудь одно...”» [Цит. по: 14, с. 597]. С помощью закона тождества у Аристотеля подчеркивалось такое требование в познании как неприемлемость неопределенности и многозначности в речи и рассуждениях, которые приводят к заблуждениям и ошибкам в познании, выдвигалось требование точности в понимании понятий посредством фиксации значений слов. Поскольку требования определенности мысли, выраженное в законе тождества необходимо выполнять для того, «чтобы наши мысли были правильными», то он «направлен против такого существенного недостатка в мышлении людей, как расплывчатость, неконкретность рассуждений» [14, с. 597–598]. В связи с этим одно из требований закона тождества для практики заключается в том, что при обсуждении вопросов, в дискуссиях «лица должны сначала прийти к соглашению относительно употребляемых понятий, чтобы понимать одно и то же, точно устанавливая исходное понимание вопроса, поставленного на обсуждение» [14, с. 597].

3. Связь закона тождества с доказательством в познании

Для того, чтобы рассмотреть применение требований закона тождества в рациональном познании в сфере уголовного процесса в связи с вопросами доказательства, прежде всего выделим некоторые положения, характеризующие доказательство в логико-философском аспекте.

Во-первых, обращение к истокам становления рационального познания и логики в ранее проведенных исследованиях [7–10] показало, что уже в античности осуществляется переход от эмпирического к теоретическому уровню познания, важной чертой которого становится использование понятий и доказательств, обсуждение фундаментальных вопросов философии познания – «об источниках знания, о средствах и методе познания, о роли чувственного восприятия и мышления в возникновении знания» [4, с. 27]. Поскольку доказательность стала существенной чертой философского и научного познания, то для классической античной философии Сократа Платона, Аристотеля становится характерным про-

тивоборство с учениями и практикой софистов, которые рассматривали вопросы познания лишь с точки зрения техники спора и теории убеждения, основанной лишь на принципе субъективной обусловленности знания и субъективных основаниях, нацеленных на выгоду, а не на поиск истины, в связи с чем софистами практиковалось «злоупотребление приемами обоснования и опровержения положений (софизмы), игра паралогизмами» [4, с. 32].

Анализ работ ученых показал, что в отличие от позиций софистов в логике Аристотеля решалась теоретическая задача – «как совместить знание (истину) с процессом убеждения» [8, с. 133]. Одним из способов ее решения стала теория доказательства. Опираясь на работу А.С. Ахманова, удалось установить следующее отличие убеждения в трактовке софистов от доказательства: опорой теории убеждения софистов являются «закономерности психики и те обстоятельства, которые вызывают психическое состояние уверенности» [4, с. 32], в то время как теория доказательства Аристотеля основана на «логических законах и приемах объективного различения истины и ложности» [4, с. 32]; целью убеждения софистов является «лишь создать у убеждаемого уверенность в истинности тезиса» [4, с. 32] независимо от его соответствия действительности, в то время как целью доказательства является «установление самой объективной истины, а не достижение субъективной убежденности в обладании истиной» [4, с. 32]. Основываясь на указанных различиях между убеждением и доказательством, Аристотель исследовал законы логики, как высшие, т.е. универсальные, объективные, общезначимые основания познания, применимые ко всем наукам, выступающие в качестве фундамента доказательного рассуждения и системы строго доказательного знания, и разработал логику как «общую теорию рассуждения и теорию доказательства объективной истины» [4, с. 32; 8, с. 133].

В работах «История логики» В.Ф. Беркова и Я.С. Яскевича [5], «Логическое учение Аристотеля» А.С. Ахманова [4] и др. показано, что в трудах Аристотеля «Метафизика», «Категории», «Об истолковании», «Первая и вторая аналитика», «Топика», «О софистических опровержениях», «О доказательствах» [2] в качестве средств рационального познания исследовались формы мышления (понятия, суждения, умозаключения), а также методы абстрагирования, определение, деление, обобщение и ограничение понятий, анализ суждений, дедукция, доказательство, опирающиеся на логические принципы познания. В связи с этим в античности Аристотелем была разработана одна из первых логических теорий – общенаучная теория доказательства [8]. С позиций современной философии можно отметить, что вопрос о доказательстве в логико-философском аспекте может рассматриваться как вопрос обоснования научной рациональности на уровне общенаучных идеалов и норм познания [10, с. 99].

Во-вторых, при рассмотрении общей характеристики метода доказательства в познании с позиции логико-философского аспекта, можно сформулировать положение о том, что доказательство в общенаучном смысле есть «логическое действие, в процессе которого истинность какой-либо доказываемой мысли обосновывается (выводится) с помощью других мыслей, признанных за истинные» [14, с. 158–159]. Выполненное научное исследование [10] и опора на фундаментальные логико-философские издания («Новая философская энциклопедия», «Логический словарь-справочник») дали возможность установить, что с точки

зрения общности логических методов с иными методами, доказательство как метод можно понимать в самом широком смысле: «метод – способ достижения цели, результата, осуществления определенной деятельности, решения некоторых задач» [22, Т. 2, с. 551]; «метод – это система правил и приемов подхода к изучению явлений и закономерностей природы, общества и мышления; путь, способ достижения определенных результатов в познании и практике; прием теоретического исследования или практического осуществления, исходящий из знания закономерностей развития объективной действительности и исследуемого предмета, явления, процесса» [14, с. 348].

При рассмотрении доказательства с точки зрения специфики термина «логический метод» целесообразно обращаться к терминам «логическая операция (логическое действие) или прием»: это «мыслительный процесс, действие, в результате которого из имеющихся уже данных мыслей образуется, получается новая мысль»; «способ мыслительной деятельности, дающий возможность приходиться к новому, более глубокому и всестороннему знанию на основе соответствующей обработки (сопоставление, расчленение, соединение и др.) уже имеющихся понятий и суждений» [14, с. 307, 317],

Опираясь на установленную в философии связь между методом и законом как принципом рационального познания [19, с. 524; 12, с. 192], возможно заключить, что логический закон тождества в совокупности с другими логическими законами может выражать определенные общенаучные требования к доказательству в процессе постижения истины и коммуникации.

4. Применение закона тождества в сфере уголовного процесса в связи с вопросами доказательства: логико-философский и правовой аспект исследования

Основные требования и значение закона тождества в правовом познании, значимые и для уголовного процесса рассматриваются в работах Е.А. Иванова, Н.В. Михалкина, М.С. Строговича и др.: в ходе правовых рассуждений и выводов всякая мысль или понятие о предмете должны быть определенными, сохранять однозначность на протяжении всего рассуждения и вывода. Поскольку в судебной практике существуют в деятельности судей как объективные, так и субъективные условия и причины, которые обуславливают формулирование мыслей по судебному делу, то Н.В. Михалкин указывает на необходимость логического принципа тождества в качестве нормативного правила в тех случаях, когда надо «отвлечься от существующих различий и фиксировать свое внимание только на тождестве предметов или их свойств, чтобы исключить в ходе логического вывода произвольное изменение предмета рассуждения, подмену или смешение одного понятия, суждения с другим» [21, с. 86]. Е.А. Иванов также отмечает значение закона тождества в судебной практике при принятии решений, когда «особенно важны точность понятий, их определенность и однозначность, исключаящие всякую неясность» [11, с. 268]. М. С. Строгович обращал внимание на те случаи, когда некоторые правовые требования к законодательству могут быть и требованием логического закона тождества: например, правовое требование о том, что «при рассмотрении дела судом предмет рассмотрения заранее определяется и фиксируется, и суд в том же заседании не может расширять этот предмет или выходить за пределы ранее предъявленного обвиняемому обвинения», является и логическим требованием о необходимости сохранения «в

процессе судебного разбирательства тождества предмета исследования» [26, с. 30].

Проведенный анализ литературы показывает, что нарушение требований логического закона тождества в сфере правового познания в уголовном процессе может возникать вследствие таких видов ошибок как подмена понятий и подмена тезиса или предмета рассуждения. Эти ошибки могут носить преднамеренный или произвольный характер, поэтому ученые выявляют негативные последствия таких ошибок в познании и практике в сфере уголовного процесса.

Ошибка «подмена понятий» связана с двусмысленностью или неточностью при употреблении понятий. Например, в рассуждении «Все законы объективны, а УПК РФ – это закон, значит УПК РФ объективен» – ошибочный вывод возникает вследствие двусмысленного употребления термина «закон» в его общенаучном значении и в специальном юридическом смысле; другой вид логической ошибки возникает в решениях, которые допускают двусмысленное, двойное, иногда противоположное по смыслу толкование, например: «Казнить нельзя помиловать» [7, с. 54; 9, с. 269–270]. М.С. Строгович называет ошибку «подмена предмета обсуждения» в уголовном процессе, возникающую при обсуждении (споре) законности или незаконности и правовой оценки какого-либо поступка определенного человека, когда «говорим уже не об этом поступке, а о других поступках этого человека или вообще о его личности, о его поведении» [26, с. 29].

Примеры, связанные с необходимостью избегать подмены понятий в уголовном процессе, теории доказывания прослеживаются в работах известных ученых-правоведов А.В. Кудрявцевой [16], Ю.Д. Лившица [17], М.С. Строговича [27] и др. Один из примеров заключается в том, что при рассмотрении судебных доказательств в уголовном процессе нельзя подменять, расширять понятие «правильного установления фактов в полном соответствии с действительностью» с понятиями «юридической оценки факта и меры наказания, назначаемой судом». Строгович М.С. указывал, что если понятия «юридической оценки факта и меры наказания, назначаемой судом» связаны с применением норм права и зависят от действующего закона в данное время, от отношения судей к рассматриваемому деянию и др., то понятие «правильного установления фактов» связано с независимостью от судей события преступления и вины совершившего его лица, являются объективным фактом, который судьи должны установить, познать таким, каковым он имел место в действительности» [27, с. 19]. В этом вопросе к работам М.С. Строговича обращается также Е.В. Тимошина [28, с. 30]. В работе известного ученого-правоведа, профессора Ю.Д. Лившица, посвященной вопросам правовой регламентации судебных доказательств, отмечается, что в уголовном процессе «от понятия доказательства следует отличать источник доказательств», подчеркивается неприемлемость смешения понятий доказательства и источника его получения как в теории, так и на практике, а также необходимость иметь в виду «пределно возможную четкость этих важнейших положений в законе» [7, с. 29]. В работе профессора А.В. Кудрявцевой прослеживается необходимость использования логического принципа тождества в юридическом познании как требование определенности в употреблении понятий, входящих в понятий-

ный аппарат теории доказывания, ибо «каждое понятие должно мыслиться тождественным себе на протяжении всего процесса рассуждения» [16, с. 21].

При рассмотрении связи закона тождества с вопросами доказательства в логическом аспекте, Е.А. Иванов отмечает, что «в доказательстве, если оно правильное, закон тождества проявляется в том, что и тезис, и основания сохраняют свою определенность на протяжении всей данной логической процедуры» [11, с. 264]. В связи с тем, что явления двусмысленности и многозначности могут приводить к неточностям мышления и ошибочным выводам в правовых рассуждениях и научных исследованиях, к неясности и затруднениям в правовой практике, при расследовании дел и разбирательстве дел в суде и т. д., в работе Н.В. Михалкина высказывается ряд требований, значимых по отношению к закону тождества: «нельзя допускать подмену или смешение одного понятия, суждения (тезиса) с другим»; «нельзя вкладывать в одно и то же понятие или суждение разный смысл, использовать различные определения одного и того же понятия в одном рассуждении»; «нельзя менять предмет рассуждения в ходе логического вывода и доказывания» [21, с. 125].

Примеры выполнения таких требований прослеживаются в работах ученых-правоведов А.В. Кудрявцевой, Г.С. Русман и др. Так, при сопоставлении философской и правовой литературы можно согласиться с А.В. Кудрявцевой, что не являются тождественными понятия «факт» в философском и в юридическом смыслах в теории доказывания [16, с. 21; 22, Т. 4, с. 157]. Обращение к термину «гуманизм» в философской и правовой литературе в сфере уголовного процесса также показывает, что это не тождественные понятия. В работе Г.С. Русман обосновывается, что в уголовном процессе термин «гуманизм» может пониматься как общеправовой принцип [24, с.73–80], смысл которого содержит не только философскую составляющую, но и особенности, связанные с его конкретизацией в сфере права и уголовного процесса. Соглашаясь в целом с данным подходом, представляется возможным дополнить термин «гуманизм», который в философии можно понимать в следующих смыслах: «во-первых, сложившееся в эпоху Возрождения движение образованных людей, объединенное, «интересом к античности», изучением и комментированием памятников древнеклассической литературы; во-вторых, особый тип философского мировоззрения, в центре которого – человек с его земными делами и свершениями, с присущими его природе способностями и влечениями, с характерными для него нормами поведения и отношениями. В широком смысле гуманизм – доброжелательное отношение к человеку, утверждающее его свободу и достоинство независимо от каких-либо исполняемых им социальных функций и ролей, усматривающее в нем самостоятельный источник творческих сил» [22, Т. 1, с. 567]. Возможно уточнить, что термин «гуманизм» в философском смысле и в сфере уголовного процессе соотносятся как общее и особенное.

В заключении важно отметить с позиций философско-правового подхода, осуществляющего рефлексию рациональных начал как высших ценностей и идеалов цивилизации, задач и предназначения права, что логический закон тождества как принцип рационального познания в совокупности с принципами права ориентирован на «идеалы и ценности высокого общечеловеческого порядка», которые несут в себе «потенциал Разума в его высшем значении» [1, с. 436]. В

этой связи С.С. Алексеев в работе «Восхождение к праву», рассматривая право с позиций разума, выделяет такие его задачи как «реализация и обеспечения свободы человека и реализация глобальной для человечества задачи исключения из жизни людей произвола, насилия» [1, с. 433, 451].

Проведенное междисциплинарное исследование показало, что во-первых, в античной философии и логике впервые было методически осмыслено и теоретически рассмотрено соотношение терминов и методов «убеждение» и «доказательство», значимых не только в сфере логико-философского, но и юридического познания, в частности, в уголовном процессе; во-вторых, знание и выполнение требований закона тождества и других логических законов как общезначимых принципов (начал, оснований) рационального познания дает возможность не только правильно мыслить, но позволяет избегать и вскрывать типичные грубые ошибки и их негативные последствия как в логико-философском познании, так и в юридическом познании, направленном на поиск истины, решение проблем правового характера. Подводя итоги работы, также отметим, что логический закон тождества в связи с вопросами доказательства в юридическом познании рассматривается как в логико-философской, так и в правовой литературе, применяется на теоретическом уровне правового познания и в правовой практике. В будущем возможно на основе расширенного изучения литературы показывать, что логический закон тождества значим в юридическом познании, применяется в научных исторических и правовых работах.

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву / С.С. Алексеев. – Собр. соч. в 10 т. – М.: Статут, 2010. Т. 6. – 556 с.
2. Аристотель. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1975 (1976). – 549 с.; Т.2. – М., Мысль, 1978. – 687 с.
3. Асмус В.Ф. Собр. соч. в 7 т. Т. 3: Логика. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 832 с.
4. Ахманов А.С. Логическое учение Аристотеля. – М.: Едиториал, УРСС, 2002. – 312 с.
5. История логики / ред. В.Ф. Берков, Я.С. Яскевич. – Мн.: Нов.зн., 2001. – 170 с.
6. Гетманова А.Д. Логика для юристов / А.Д. Гетманова. – М.: Омега-Л, 2015. – 380 с.
7. Егорова О.А. Принципы юридического познания: исторический и логический аспекты / О.А. Егорова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2019. – Т. 19. – № 3. – С. 47–66.
8. Егорова О.А. Рационализм и релятивизм в исследовании проблемы оснований познания в античной философии: логика и софистика / О.А. Егорова // Манускрипт. – 2019. – Т.12. – Вып. 11. – С. 128–136.
9. Егорова О.А. Логико-философский аспект исследования проблемы объективной истины в юридическом познании / Принципы уголовного процесса: монография / под общей ред. к.ю.н. Г.С. Русман, д.ю.н. С.М. Даровских. – М.: Проспект, 2022. – С. 254–280.
10. Егорова О.А. О логических и исторических методах в правовом познании: научно-философский и правовой аспект исследования / О.А. Егорова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2024. – Т. 24. – № 1. – С. 96–115.

11. Иванов Е.А. Логика / Е.А. Иванов. – М.: Изд. БЕК, 2000. – 357 с.
12. Ивлев Ю.В. Логика для юристов / Ю.В. Ивлев. – М.: Проспект, 2010. – 272 с.
13. Кириллов В.И. Логика / В.И. Кириллов, А.А. Старченко. – М.: Проспект, 2016. – 240 с.
14. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – М.: Наука, 1975. – 719 с.
15. Кочетова А.В. Актуальные вопросы института приостановления производства по уголовному делу: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. / А.В. Кочетова. – Челябинск, 2006. – 30 с.
16. Кудрявцева А.В. Теория доказывания в юридическом процессе: учебное пособие / А.В. Кудрявцева. – Челябинск, Полиграф-Мастер, 2006. – 176 с.
17. Лившиц Ю.Д. Вопросы теории доказательств и их правовая регламентация / Ю.Д. Лившиц // Сборник научных трудов. – Челябинск: Изд. ЮУрГУ, 2004. – С. 6–13.
18. Логический словарь: ДЕФОРТ / под ред. А.А. Ивина, В.Н. Переверзева, В.В. Петрова. – М.: Мысль, 1994. – 268 с.
19. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития / А.Ф. Лосев. – М.: АСТ, 2000. Кн. 1. – 832 с.
20. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. – М.: Логос, 2004. – 271 с.; СПб.: Азбука, 2011. – 288 с.; 2019. – 352 с.
21. Михалкин Н.В. Логика и аргументация для юристов / Н.В. Михалкин. – М.: Юрайт, 2016. – 365 с.
22. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ. науч. фонд; Науч.-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010. Т. I. – 744 с.; Т. II. – 634 с.; Т. IV. – 736 с.
23. Принципы уголовного процесса: монография / под общей ред. к.ю.н. Г.С. Русман, д.ю.н. С.М. Даровских. – М.: Проспект, 2022.
24. Руденко А.В. Содержательная логика доказывания: диалектическая и формально-логическая основы (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование): автореферат дис. ... д-ра юрид. наук / А.В. Руденко. – Краснодар, 2011. – 46 с.
25. Соколов В.В. Философия как история философии: учеб.-науч. пособие / В.В. Соколов. – М.: Акад. Проект; Фонд «Мир», 2012. – 845 с.
26. Строгович М.С. Логика. / М.С. Строгович. – М.: Гос. изд. полит. лит-ры, 1949. – 364 с.; Строгович М.С. Логика. / М.С. Строгович. – М., 2010. – 361 с.
27. Строгович М.С. Теория судебных доказательств / М.С. Строгович. Избр. труды в 3-х т. – М.: Наука, 1991. – Т.3. – 300 с.
28. Тимошина Е.В. Установить истину: о реализме и релятивизме в юриспруденции (в продолжение дискуссии о реалистическом повороте) / Е.В. Тимошина // Вопросы философии. – 2020. – № 5. – С. 25–35.
29. Устинов А.А. Доказывание при рассмотрении судом материалов уголовного дела в ходе досудебного производства: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Устинов. – Москва, 2022. – 26 с.

30. Щедрина Т., Пружинин Б.И. «Назад к Аристотелю»: достоинство знания как проблема эпистемологии. / Т. Щедрина, Б.И. Пружинин // Вопросы философии. 2020. – № 1. – С. 18–27.

31. Ястребова Т.И. Особенности формирования доказательств в уголовном процессе России / Т.И. Ястребова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2024. – Т. 24. – № 1. – С. 40–43.

УДК 343.126

*А.Д. Жиделев, МГИМО МИД России
г. Москва, Россия*

Соотношение публичных и частных начал при избрании мер пресечения по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности

Статья посвящена исследованию проблем, возникающих при установлении оснований и реализации процедуры избрания мер пресечения по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности. Обосновано предложение расширить возможности потерпевшего и его представителя при обсуждении судом вопроса об избрании мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста.

Ключевые слова: уголовное дело, публичные и частные начала, меры пресечения, преступление в сфере предпринимательской деятельности.

Российская Федерация относится к категории государств, в которых процветает рыночная экономика. Принятая в 1993 г. всенародным голосованием Конституция Российской Федерации закрепила важнейшие отправные начала – единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств на всей территории государства, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности, признавая и защищая при этом равным образом частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности. Кроме того, гарантировано право каждого на осуществление предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности путем свободного использования своих способностей и имущества. При этом осуществление данной деятельности в целях монополизации и недобросовестной конкуренции запрещается. Государство в лице Правительства Российской Федерации принимает на себя обязательства содействовать развитию предпринимательства и частной инициативы.

С другой стороны, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть добросовестными, не нарушать положения закона, а также не ущемлять права и законные интересы своих контрагентов и иных лиц.

В случае наиболее существенных, уголовно наказуемых правонарушений лица, их допустившие, подвергаются уголовному преследованию и дальнейшей уголовной ответственности. В связи с конституционным принципом равенства всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ все лица, в том числе предприниматели, имеют право на равное отношение к ним со стороны правоохранительных органов и судом. Поэтому те изъятия, которые в соответствии с

уголовным и уголовно-процессуальным законодательством касаются предпринимателей, не ухудшают их положение в сравнении со всеми остальными лицами, а, наоборот, создают определенные «льготные» процедуры.

Как известно, чтобы преступление считалось совершенным в сфере предпринимательской деятельности, требуется, чтобы обе его стороны (и подозреваемый, обвиняемый и потерпевший), во-первых, были предпринимателями и, во-вторых, чтобы деяние было осуществленным в неразрывной причинно-следственной связи с этой деятельностью.

Определенным образом это учитывается уже при определении криминализации деяния. Так, в соответствии со ст. 11 Международного пакта о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г.) «никто не может быть лишен свободы на том только основании, что он не в состоянии выполнить какое-либо договорное обязательство». Поэтому еще до того, как разрешать вопрос об избрании той либо иной меры пресечения, следователь должен установить, наличествуют ли в деянии общие признаки преступления и не имел ли место гражданско-правовой деликт.

Кроме того, подлежат дополнительной проверке общие основания для избрания мер пресечения из числа предусмотренных ст. 97 УПК РФ. Формулировка, указывающая, что мера пресечения избирается «при наличии достаточных оснований полагать...» означает, что соответствующее решение не должно быть умозрительным, а основываться на конкретных доказательствах, подтверждающих как само деяние, так и то, что лицо совершит одно или несколько из социально негативных действий, прямо указанных в части 1 этой статьи (скроется от дознания, предварительного следствия или суда, может продолжать заниматься преступной деятельностью, может угрожать участникам процесса, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по данному уголовному делу).

При этом данные основания не должны подменяться утверждениями, что лицо совершило определенные действия «с преступным умыслом», «путем обмана, злоупотребления доверием», «с целью получения прибыли преступным путем» и т.п. Не служит основанием для избрания меры пресечения то, что определенный предприниматель продолжает осуществлять свою уставную деятельность, направленную на получение прибыли предусмотренными законом способами.

Поскольку сторона обвинения строит меры пресечения в отношении предпринимателей избирала достаточно часто, законодатель специально предусмотрел дополнительные ограничения, направленные на искоренение безосновательного избрания, а также на минимизацию случаев избрания наиболее суровых мер пресечения при наличии более легкой альтернативы.

Кроме того, в случае решения вопроса о конкретной мере пресечения, избираемой в отношении предпринимателя, должны в полной мере учитываться обстоятельства, предусмотренные ст. 99 УПК РФ (тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и др.). В данном случае наличие у лица определенного вида занятий (предпринимательство) также должно приниматься во внимание при оценке низкой степени опасности его личности [1, с. 20–21].

Также в ч. 2 ст. 99 УПК РФ прямо установлен приоритет применения в отношении предпринимателя меры пресечения, позволяющей продолжить осуществление им предпринимательской деятельности.

Изучение материалов уголовных дел позволило обнаружить, что в определенных случаях следователи пытаются без достаточных оснований вывести подозреваемых, обвиняемых из разряда предпринимателей.

Так, в ст. 159 УК РФ в 2016 г. было введено примечание 4, где указано, что мошенничество считается совершенным в сфере предпринимательской деятельности, когда сторонами договора являются индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации. Вместе с тем следователи распространяют действие данного правила и на деяния, имевшие место до введения данного примечания в действие, чем существенно нарушаются правило о недопустимости придания обратной силы закону, ухудшающему положение лица.

Более того, некоторые следователи придумали универсальную формулировку, позволяющую, по их мнению, вообще исключить всех уголовно преследуемых лиц из сферы осуществлявших предпринимательскую деятельность. Они полагают, что поскольку в ст. 2 ГК РФ указано, что предпринимательская деятельность осуществляется в соответствии с законом, все, что происходит с нарушением закона, якобы предпринимательством вообще называть нельзя. Однако в действительности и ходе предпринимательской деятельности возникают правоотношения, которые требуют своей правовой оценки с использованием норм различных отраслей права (гражданского, административного, уголовного).

Особую актуальность приобрело правоположение, закрепленное в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, где предусмотрено, что при подозрении или обвинении лица в совершении преступлений в сфере предпринимательской деятельности заключение под стражу в отношении него может быть применено лишь в случаях, когда: подозреваемый, обвиняемый не имеет места жительства или места пребывания на территории России; им нарушена ранее избранная мера пресечения; он скрылся от органов предварительного расследования и суда [2, с. 34–35]. Вместе с тем, если сравнить данные основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу с общими основаниями, закрепленными в ч. 1 ст. 108 УПК РФ, то можно установить, что различия между ними минимальны. Таким образом, основной упор здесь сделан не на наличии тех либо иных оснований, а на том, что эти основания для заключения под стражу должны быть применены в отношении предпринимателя с наибольшей осторожностью, лишь в случаях, когда избрание иной меры пресечения невозможно. При этом материалах, которые направляются в суд для разрешения вопроса о мере пресечения в виде заключения под стражу, должны содержаться три группы доказательств, подтверждающих: во-первых, что подозреваемый или обвиняемый является предпринимателем; во-вторых, что деяние совершено в сфере предпринимательской деятельности; в-третьих, что имеются конкретные доказательства о возможном социально негативном поведении лица, если в отношении него не будет избрана именно мера пресечения в виде заключения под стражу.

Также следует отметить, что при подозрении или обвинении лица в совершении «общеуголовного» преступления в поданных в суд материалах должны содержаться конкретные доказательства, подтверждающие, что деяние было со-

вершено этим лицом не в сфере предпринимательства. Поэтому если лицо заявило, что оно является предпринимателем, а также если деяние имело место в сфере предпринимательской деятельности, то обязанность опровержения этих обстоятельств возложена на сторону обвинения без каких бы то ни было дополнительных условий.

Поскольку предпринимательская деятельность причиняет менее существенные негативные последствия для противоположной стороны правоотношений, в действующем законодательстве следовало бы предусмотреть правило, согласно которому при заявлении потерпевшим ходатайства о неприменении к подозреваемому, обвиняемому определенной меры пресечения (например, заключения под стражу или домашнего ареста) данной ходатайство подлежало бы обязательному удовлетворению.

Библиографический список

1. Симагина Н.А. Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста / Н.А. Симагина // Мировой судья. – 2021. – № 5. – С. 20–24.
2. Зяблина М.В. Проблемы применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении предпринимателей / М.В. Зяблина // Законность. – 2019. – № 11. – С. 34–37.

УДК 343.13

*А.С. Журавлева, аспирант ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Реализация прав потерпевшего при раскрытии и расследовании преступлений экономической направленности – на примере мошенничества

В статье на примере производства по уголовному делу о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) рассматриваются нарушения прав потерпевших, которые возникают на этапе предварительного расследования, в процессе судебного разбирательства, а также в апелляционной инстанции. Кроме этого, предлагаются варианты компенсации вреда, причиненного потерпевшему.

Ключевые слова: уголовный процесс, потерпевший, нарушение прав потерпевшего, мошенничество, компенсация вреда.

Анализ состояния преступности показывает, что в период с декабря по январь 2022 г. в Российской Федерации зарегистрировано 111,4 тыс. преступлений экономической направленности, из которых 2,85 тыс. приходятся на Челябинскую область (данные Портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации). За последние годы количество зарегистрированных преступлений данного вида не опускается ниже отметки 110 тыс. Одним из наиболее распространенных преступлений экономической направленности является мошенничество, ответственность за которое предусмотрена ст. 159 Уголовного Кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) (далее – УК РФ).

Стратегия раскрытия и расследования мошенничества не всегда очевидна, ведь зачастую действия преступника направлены не на одно лицо, а на несколько. Таким образом, раскрытие и расследование одного преступления осложняется количеством участников процесса. Число потерпевших «от рук мошенника» может достигать десятков. В этом случае особенно важно следователю, в производстве которого находится уголовное дело, контролировать порядок проведения всех процессуальных действий, ведь в силу большого количества лиц, чьи права должны быть восстановлены, достаточно просто допустить ошибку.

Рассмотрим на примере (в качестве примера взято уголовное дело № 1-25/2023 (1-246/2022;) из архива Центрального районного суда г. Челябинска). Летом 2020 года гражданкой М.¹ на территории г. Челябинска были совершены мошеннические действия в отношении восемнадцати лиц. М. заключала договор услуг на изготовление кухонных гарнитуров, вводила в заблуждение клиентов и обманным путем получала 100% оплаты до того, как условия договора были исполнены. Далее, М. не отвечала на телефонные звонки и сообщения в мессенджерах, скрылась, переехав в другой регион, не исполнив обязательства по заключенным договорам. В среднем, ущерб каждого из потерпевших составил порядка 300 тысяч рублей.

В сентябре 2020 года было возбуждено уголовное дело по факту мошенничества. В ходе предварительного расследования были допрошены все потерпевшие, однако на данном этапе уже возникли определенные сложности, поскольку некоторые из потерпевших проживали в других (отдаленных) субъектах Российской Федерации.

Например, Р. будучи потерпевшим по делу, проживающим в другом регионе, обратился по месту своего жительства в полицию для того, чтобы заявить о совершенных мошеннических действиях в отношении него. Сотрудники полиции отказали Р. в принятии заявления, обосновывая это тем, что Р. следует обратиться в отделение полиции по месту совершения преступления. Действия сотрудников прямо противоречат нормам российского законодательства. Так, заявления и сообщения о преступлении принимаются независимо от места и времени их совершения. В соответствии с требованиями Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.04.2023) (далее – УПК РФ) при приеме сообщения о происшествии заявителю выдается талон-уведомление, в котором указываются сведения о сотруднике, принявшем данное сообщение, а также регистрационный номер и дата регистрации сообщения.

В силу трудовой занятости Р. смог спустя некоторое время прибыть в г. Челябинск и обратиться в местное отделение полиции. Далее, Р. сделал доверенность на П., уполномочив его представлять свои интересы во всех государственных органах, судах всех инстанций.

В рамках предварительного расследования Р. был допрошен в качестве потерпевшего, однако это стало возможным только потому, что Р. самостоятельно прибыл в г. Челябинск, понеся значительные материальные расходы. Следуя

¹ Здесь и далее, ФИО лиц, участвующих в деле, были изменены в целях сохранения персональных данных.

нормам УПК РФ, в данном случае следователю, в производстве которого находилось данное уголовное дело, следовало направить письменное поручение о допросе Р. по месту его жительства в местное отделение полиции. Данное процессуальное действие значительно бы ускорило процесс расследования.

На стадии судебного разбирательства П. обратился в аппарат суда для передачи ходатайства Р. о том, чтобы допустить П. в качестве своего представителя на основании доверенности для дачи показаний в суде, так как Р. в силу своей трудовой занятости проживал в другом субъекте РФ. Также просил уведомить его о результате разрешения ходатайства посредством электронной почты или телефонного звонка.

Позже Р. стало известно, что данное ходатайство не было разрешено в ходе судебного разбирательства, так как было утеряно аппаратом суда. Данное обстоятельство нарушает права потерпевшего, предусмотренные ст. 42 УПК РФ.

Далее, судебное разбирательство длилось с 10.01.2022 г. по 27.04.2023 г. Судебные заседания откладывались порядка 25 раз. Основанием для отложения судебного заседания большее количество раз была «неявка потерпевшего». Однако в ходе судебного разбирательства, Р. и многие другие потерпевшие ни разу не извещались о дате, времени и месте судебного заседания, что прямо противоречит ст. 231 УПК РФ. Хотя, исходя из материалов дела, аппарату суда был достоверно известен личные телефоны и адреса фактического проживания потерпевших.

Сроки рассмотрения уголовного дела в суде необоснованно затягивались, нарушая критерий разумности. В силу неслаженности работы аппарата суда, намеренного затягивания судебного разбирательства стороной защиты, сроки давности по некоторым преступлениям истекли. Поэтому на основании ст. 78 УК РФ, М. освободили от наказания по данным эпизодом. Права трех потерпевших в данном случае не были восстановлены.

Кроме того, после оглашения приговора, стороной защиты была подана апелляционная жалоба. Р. и другие потерпевшие не были уведомлены должным образом и не ознакомлены с данной апелляционной жалобой ни посредством телефонной связи, ни посредством почтовых отправлений, что нарушает предписания ст. 389.7 УПК РФ. Из-за того, что потерпевшие не были осведомлены о подаче апелляционной жалобы стороной защиты, сроки представления и подачи возражений истекли. Потерпевшие не смогли реализовать свои права, предусмотренные ст. 42 УПК РФ.

Можно предположить, что большинство нарушений в отношении Р. допущены по той причине, что данный потерпевший проживает в другом субъекте РФ, однако это не ущемляет его право на реализацию своих прав в полном объеме. Данные нарушения могли послужить основанием отмены или изменению вынесенного приговора в соответствии со ст. 389.15 УПК РФ.

Анализируя практику расследования и рассмотрения преступлений экономической направленности – на конкретном примере мошенничества, было установлено, что права потерпевших могут быть не соблюдены на каждом этапе уголовного судопроизводства: в ходе предварительного расследования, судебного разбирательства, в апелляционной инстанции.

Причинами таких нарушений могут быть как большое количество участников процесса, некомпетентность правоприменителя, отсутствие контроля над отдельными лицами. А самое главное, на наш взгляд, это незнание потерпевшими своих прав. Кажется целесообразным правоприменителю разъяснять потерпевшему не только то, какими правами он обладает, но и каким способом он может их восстановить, порядок действий. Например, очень маленький процент потерпевших обжалует действие или бездействие должностного лица в порядке ст. 125 УПК РФ. Данная ситуация в частности связана с тем, что правам потерпевших на всех этапах уголовного судопроизводства уделяется меньше внимания, чем правам обвиняемого подозреваемого.

Данный конфликт имеет место достаточно часто и для его решения необходимо внедрять дополнительную консультационную работу с потерпевшими на всех этапах уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Никитина И.А. Преступления в сфере экономической деятельности: учебное пособие. / И.А. Никитина – Томск: Издательство Томского государственного университета, 2020. – 320 с.

2. Юношев С.В. Государственные компенсации жертвам преступлений: зарубежный опыт и российские перспективы. / С.В. Юношев // Вестник СамГУ. – 2014. – № 11/2 (122). – С. 212–218.

УДК 342.122

*Е.А. Зайцева, д.ю.н., профессор Волгоградской академии
МВД России
г. Волгоград, Россия*

Интерес потерпевшего vs общественно значимый интерес в процедурах главы 40.1 УПК РФ

В статье анализируются процессуальные механизмы возмещения вреда потерпевшему в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, предлагается комплекс мер, включающих в себя применение компенсационного механизма с предварительным или отсроченным характером возмещения вреда.

Ключевые слова: потерпевший, досудебное соглашение о сотрудничестве, возмещение вреда, баланс интересов, компенсационные механизмы.

Прошедший совсем недавно в Санкт-Петербурге Всероссийский круглый стол «Защита прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве» с новой силой обнажил проблематику баланса частного интереса и публичного интереса в уголовном процессе, причем и через призму противостояния потерпевшего публичным субъектам, что выражается в злоупотреблении первым его правами, и через призму субсидиарного уголовного преследования, которое, по идее реализует потерпевший в «одной связке» с органами уголовного преследования, и применительно к эффективному использованию такого специфического инструмента борьбы с организованной преступностью, как досудебное соглашение о сотрудничестве.

Именно процедуры производства по делу с досудебным соглашением о сотрудничестве наиболее выпукло и ярко демонстрируют диспозицию в вопросе соотношения частного и публичного интересов. Общий формат этой диспозиции задан правовыми позициями Конституционного Суда РФ, который, объяснил «уязвленное» положение потерпевшего в особом порядке, реализуемом по правилам гл. 40.1 УПК РФ, общественной необходимостью: оно «допускается в целях защиты прав и законных интересов других лиц и организаций от преступлений, возмещения причиненного вреда, восстановления конституционных прав и свобод, что соответствует конституционно оправданным целям (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации)».

Безусловно, эта аргументация большей значимости общественных интересов по сравнению с интересами отдельного индивида в парадигме примата публичного над частным вполне убедительна. По сути, «права и законные интересы потерпевшего оказались жертвой публично-правовой цели, которую преследует государство при применении досудебного соглашения о сотрудничестве» [1, с. 106]. Здесь уместно вспомнить обоснованную позицию Ю.К. Орлова, который в своей работе, посвященной проблемам доказывания, весьма успешно опровергает аксиому «вышей ценности отдельного человека», приводит достаточные доводы относительного того, что «часть никогда не может быть больше и ценнее целого» [2, с. 8]. Жертвование интересами потерпевшего с целью достижения социально значимого результата (борьба с организованной преступностью) – вполне понятное с этической точки зрения явление. Однако оставление потерпевшего в униженной роли «трижды потерпевшего» при получении сотрудничающим лицом преференций от государства в виде особо благоприятного режима назначения наказания – это явно несправедливый порядок уголовного судопроизводства. Именно по этой причине многие ученые высказываются за введение в действующий закон в противовес ординарным средствам защиты потерпевших от преступлений – экстраординарных и компенсационных механизмов.

Таким образом, среди реализуемых на практике и предлагаемых в научном сообществе способов обеспечения прав и законных интересов потерпевшего можно выделить три блока – с учетом правовой природы этих механизмов, в которых по-разному представлен баланс частного интереса потерпевшего и публичного интереса (или общественно значимого интереса) при производстве в особом порядке по правилам гл. 40.1 УПК РФ:

1. Ординарные механизмы существуют как правовая данность и представляют собой стандартный набор прав потерпевшего по отстаиванию своей позиции в суде, не имеющей значения для применения особой процессуальной формы, вытекающей из досудебного соглашения. Эти механизмы в виду их «консервативного» характера построены с учетом приоритета общественно значимого интереса, что, по сути, обрекает потерпевшего на длительную процессуальную борьбу за свои права уголовно-процессуальными и гражданско-процессуальными способами.

2. Экстраординарными являются предлагаемые в научных публикациях способы придания мнению потерпевшего о применении особого порядка по уголовному делу статуса ключевого условия для достижения досудебного соглашения о сотрудничестве. Право потерпевшего на блокировку устремлений обвиняемого

к заключению досудебного соглашения – это явный примат позиции потерпевшего над общественно значимыми интересами, что несет в себе весьма негативный, разрушительный потенциал для существования института досудебного соглашения о сотрудничестве, который задумывался как инструмент борьбы с организованной преступностью. Препятствуя заключению такого соглашения, потерпевший обрекает других потерпевших на неудачное завершение производства по их уголовным делам, по которым сотрудничающий со следствием обвиняемый мог бы дать полезную информацию. В связи с этим считаем необходимым обеспечивать законные интересы потерпевшего по уголовному делу с заключенным досудебным соглашением посредством исключительно компенсационных механизмов.

3. Компенсационные механизмы, будучи неоднородными по своей природе, включают в себя разнообразный набор гарантированных законом и государством процессуальных способов восстановления прав потерпевшего, нарушенных в результате совершения преступления. В зависимости от времени реализации заложенного в эти механизмы компенсационного потенциала, а также с учетом инициатора компенсации потерпевшему, можно выделить:

– механизмы предварительного частного характера (закрепление в виде условия достижения досудебного соглашения о сотрудничестве возмещения вреда потерпевшему [4, с. 9; 5, с. 97–98] путем реституции или незамедлительной передачи ему денежной компенсации причиненного вреда). При всей привлекательности подобной схемы урегулирования спора следует отметить, что, к сожалению, не по каждому уголовному делу обвиняемый в состоянии до достижения соглашения возместить вред, причиненный преступлением. Ориентация на такой порядок, ставящий условием достижения соглашения предварительное возмещение вреда, вне всякого сомнения, сузит сферу применения института досудебного соглашения;

– отсроченного частного характера (введение в текст досудебного соглашения о сотрудничестве обязательства обвиняемого возместить вред потерпевшему [6]). Похожую процедуру предлагают О.В. Гладышева и Я.В. Лошкобанова, с уточнением, что обвиняемый вносит денежную сумму на депозит органа предварительного расследования или суда (либо какое-то имущество по правилам внесения залога), а потом суд с учетом всех обстоятельств определяет окончательную сумму к взысканию [7, с. 16]. При описанных выше условиях с учетом платежеспособности обвиняемого не по каждому уголовному делу с заключенным досудебным соглашением права потерпевшего окажутся в полной мере защищены, так что вряд ли подобный механизм достоин внедрения в практику;

– отсроченного публичного характера (государство гарантирует обеспечение возмещения вреда потерпевшему за счет бюджетных средств, что должно быть отражено в тексте закона [8, с. 10]). Подобная схема приведет к нежелательному обременению государственного бюджета;

– отсроченного смешанного характера (введение в текст досудебного соглашения о сотрудничестве обязательства обвиняемого возместить вред потерпевшему с гарантией государства обеспечить возмещение вреда потерпевшему за счет бюджетных средств при невыполнении данного обязательства обвиняемым, – с последующими регрессными требованиями к последнему от государства).

Этот вариант вполне приемлем на этапе переходного периода, пока в России не будут созданы нормативные, финансовые и организационные основы функционирования Внебюджетного фонда защиты жертв преступлений (любых). О возможности государственного участия в возмещении вреда потерпевшему пишут П.В. Эдилова [9, с. 12] и Г.С. Русман [10, с. 458].

Таким образом, только компенсационные механизмы способны обеспечить баланс частного интереса потерпевшего и публичного интереса государства, ведущего борьбу с самыми жесткими проявлениями организованной преступности. Необходим комплексный подход к решению этой социально важной проблемы, включающий в себя меры:

1) по созданию в Российской Федерации Внебюджетного фонда защиты жертв преступлений;

2) по введению в гл. 40.1 УПК РФ положений о приоритетном возмещении обвиняемым вреда потерпевшему в качестве одного из условий для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, которое должно особо положительно оцениваться судом при разрешении уголовного дела в особом порядке (соответствующие поощрительные нормы должны быть введены и в УК РФ);

3) по закреплению в качестве альтернативы вышеописанному способу отсроченного смешанного механизма возмещения вреда, потерпевшему с привлечением средств бюджета на переходном этапе и последующим использованием средств Внебюджетного фонда защиты жертв преступлений.

Библиографический список

1. Костенко Н.С. Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе: правовые и организационные вопросы заключения и реализации: дис. ... канд. юрид. наук. / Н.С. Костенко – Волгоград, 2013. – 238 с.

2. Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве: научно-учебное пособие. / Ю.К. Орлов – М.: Проспект, 2016. – 208 с.

3. Александров А.С., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ / А.С. Александров, И.А. Александрова // Уголовный процесс. – 2009. – № 8. – С. 3–11.

4. Ключников С.С. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве и его уголовно правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / С.С. Ключников. – Краснодар, 2013. – 27 с.

5. Дудина Н.А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскаяния: дис. ... канд. юрид. наук. / Н.А. Дудина – Красноярск, 2015. – 212 с.

6. Фатахутдинов Д.Ф., Копылова О.П. Проблемы соблюдения прав и законных интересов потерпевших при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / Д.Ф. Фатахутдинов, О.П. Копылова // Вопросы современной науки и практики. – Университет им. В. И. Вернадского. – 2013. – № 4 (48). – С. 117–125.

7. Гладышева О.В., Лошкобанова Я.В. Обеспечение имущественных прав потерпевшего в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым / О.В. Гладышева, Я.В. Лошкобанова // Юри-

дический вестник Кубанского государственного университета. – 2015. – № 4 (25). – С. 11–16.

8. Колесник В.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в уголовном процессе Российской Федерации: доктрина, законодательная техника, толкование и практика: дис. ... канд. юрид. наук. / В.В. Колесник – Н. Новгород, 2013. – 234 с.

9. Эдилова П.В. Соглашение о сотрудничестве с обвинением в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / П.В. Эдилова – М., 2017. – 27 с.

10. Русман Г.С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. / Г.С. Русман – Челябинск, 2023. – 564 с.

УДК 349

*А.Г. Ибрагимов, к.ю.н., доцент, доцент КФУ,
А.В. Рябых, ассистент, КФУ
г. Казань, Россия*

Понятие, основные виды и роль судебно-медицинских экспертиз в правовой деятельности

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся судебно-медицинских экспертиз. Дается понятие судебно-медицинской экспертизе, обозначается роль ее результатов для судебного процесса, характеризуются основные их виды. В заключении отмечается, что судебно-медицинские экспертизы играют важную роль в обеспечении справедливости, правопорядка и защите прав граждан в Российской Федерации.

Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза, эксперт, судебный процесс, уголовное судопроизводство, гражданское судопроизводство.

Медицинская экспертиза представляет собой процесс оценки состояния здоровья человека в целях определения его способности осуществлять трудовую или иную деятельность, а также для установления причинно-следственной связи между воздействием каких-либо событий, факторов и состоянием здоровья гражданина. Экспертиза может проводиться как в рамках уголовного процесса (например, для установления факта наличия телесных повреждений), так и в гражданском порядке (например, для определения степени утраты трудоспособности). Медицинская экспертиза осуществляется специалистами, имеющими соответствующую квалификацию и опыт работы (экспертами-медиками).

Существует несколько видов медицинских экспертиз, в зависимости от целей и задач, которые ставятся перед экспертами. Согласно пункту 2 статьи 58 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ, в России проводятся следующие виды медицинских экспертиз: экспертиза временной нетрудоспособности; медико-социальная экспертиза; военно-врачебная экспертиза; судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертизы; экспертиза профессиональной пригодности и экспертиза связи заболевания с профессией; экспертиза качества медицинской помощи. Каждый из этих видов медицинской экспертизы имеет свои цели, задачи и методы проведения, и играет важную роль в обеспечении правопорядка и защите здоровья граждан. Остановимся поподробнее на судебно-медицинской

экспертизе по причине отмеченной в юридической науке кардинальной тенденции стремительного роста их проведения, влекущего за собой «повышение их значимости наряду с другими видами право-экспертной деятельности» [1, с. 70].

Судебно-медицинская экспертиза – это специальное исследование, проводимое медицинскими экспертами с целью установления причин смерти, определения телесных повреждений и оценки степени нарушения здоровья человека в результате преступных действий или несчастного случая. Результаты судебно-медицинской экспертизы могут быть использованы в судебном процессе для выяснения обстоятельств дела, установления вины подозреваемых или обвиняемых, а также для защиты прав потерпевших. Они имеют юридическую силу и могут быть использованы в судебном процессе как доказательства. А.В. Ангархаев пишет, что «закключение эксперта – это лишь одно из доказательств по делу, не являющееся доминирующим над другими, но в ряде случаев оно может быть судьбоносным для конкретного человека» [2, с. 47]. Важно отметить, что судебно-медицинская экспертиза должна быть объективной, независимой и компетентной, а также проводиться в соответствии с требованиями законодательства.

Судебно-медицинская экспертиза включает в себя несколько различных видов экспертиз, каждый из которых направлен на решение конкретных задач и вопросов. Среди них можно выделить следующие: танатологическая экспертиза: проводится для установления причин смерти, механизма возникновения смерти, определения времени смерти, оценки телесных повреждений и других аспектов, связанных со смертью человека; клиническая судебно-медицинская экспертиза: проводится для оценки телесных повреждений, определения механизма и степени тяжести повреждений, установления связи между повреждениями и причиной их возникновения; психиатрическая судебно-медицинская экспертиза: проводится для оценки психического состояния человека, установления наличия или отсутствия психического расстройства, оценки способности к пониманию и контролю своих действий; судебно-генетическая экспертиза: проводится для установления родства, отцовства, материнства, идентификации личности по ДНК-анализу и другим генетическим методам; судебно-биологическая экспертиза: проводится для идентификации биологических следов. Каждый из этих видов судебно-медицинских экспертиз имеет свои особенности, методы проведения и цели.

Судебно-медицинские экспертизы играют важную роль в российской юридической системе и правоприменительной практике. Можно выделить следующие ключевые аспекты их значимости:

помощь в расследовании преступлений: судебно-медицинские эксперты помогают следователям и правоохранительным органам выявить важные факты, необходимые для расследования преступлений;

подтверждение или опровержение доказательств: судебно-медицинские экспертизы могут помочь подтвердить или опровергнуть представленные в суде доказательства;

обеспечение справедливости и правосудия: результаты судебно-медицинских экспертиз помогают судам принимать обоснованные решения на основе научных данных и экспертных выводов;

защита прав и интересов граждан: судебно-медицинские экспертизы могут быть использованы для защиты прав и интересов граждан, например, при рассмотрении дел о медицинских ошибках, страховых случаях или других спорных ситуациях.

Подводя итог вышеизложенному, можно прийти к выводу о том, что судебно-медицинские экспертизы играют важную роль в обеспечении справедливости, правопорядка и защите прав граждан в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Корнилов А.Р., Христофорова Е.И., Шмаева Т.А. Судебно-медицинская экспертиза как особая разновидность правовой экспертизы / А.Р. Корнилов, Е.И. Христофорова, Т.А. Шмаева // Юридическая наука. – 2020. – № 11. – С. 68–74.

2. Ангархаев А.В. Судебно-медицинская экспертиза / А.В. Ангархаев // Теория и практика современной науки. – 2015. – № 6. – С. 46–48.

УДК 343.115

*С.Д. Иванов, аспирант УрГЮУ
г. Екатеринбург, Россия*

Проблемные вопросы исследования данных о личности обвиняемого с участием присяжных заседателей

В статье рассматриваются проблемные вопросы об исследовании данных о личности обвиняемого в суде с участием присяжных заседателей. Анализируются теоретические точки зрения и практика Верховного суда РФ по указанной проблематике.

Ключевые слова: личность обвиняемого, данные о личности обвиняемого, суд, присяжные заседатели.

В категории «личность обвиняемого» отражены различные общественно-правовые отношения, участником которых становится обвиняемый при вовлечении его в уголовное судопроизводство. Поскольку в ч. 1. ст. 6. УПК РФ определено назначение уголовного судопроизводства как защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, то «суд обязан принимать все необходимые меры к установлению обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого» [2, с. 3]. В ч. 3. ст. 47 УПК РФ предусмотрено право обвиняемого «защищать свои права и законные интересы».

Однако исследование данных о личности обвиняемого в суде с участием присяжных заседателей имеют свои особенности в виде исключения определенных обстоятельств из предмета доказывания, а именно запрет на исследование данных характеризующих личность подсудимого присяжными заседателями (ч. 8 ст. 335 УПК РФ). В действующем законодательстве запрещено исследовать факты прежней судимости, признание подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого. Вопрос о том, какие сведения относятся к «иным данным» председательствующий принимает самостоятельно. Так, Пленум Верховного Суда РФ своим Постановлением от 22.11.2005 №23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регули-

рующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» дает разъяснение части 8 ст. 335 УПК РФ «...данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется. С участием присяжных заседателей не исследуются факты прежней судимости, характеристики, справки о состоянии здоровья, о семейном положении и другие данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого. Вопрос о вменяемости подсудимого относится к компетенции председательствующего и решается им в соответствии с требованиями ст. 352 УПК РФ без участия присяжных заседателей». Недопустимым считается также оглашать в присутствии присяжных заседателей информацию о факте заключения подсудимым досудебного соглашения о сотрудничестве, о постановлении ему меры пресечения в виде заключения под стражу и т.д. Тем не менее, практика показывает, что указанные ограничения являются относительными и в определенных случаях, в силу индивидуальных обстоятельств, исследование данных о личности обвиняемого присяжными заседателями признается правомерным, если эта информация позволяет установить мотив преступления. Например, Верховный Суд РФ в своем кассационном определении от 11 июня 2016 г. № 67-О13-36СП признал законным исследование в присутствии присяжных заседателей факт службы подсудимого в спецназе в «горячих точках», а также о его деятельности в частном охранном предприятии, так как эти данные о личности подсудимого были непосредственно связаны с установлением причастности к совершению преступления, мотивов его поведения и обладания специальными навыками. В другом случае, Верховный Суд РФ в своем кассационном определении от 11 мая 2005 г. № 93-О05-5СП признал законным тот факт, что государственный обвинитель в присутствии присяжных заседателей зачитал приговор суда в отношении подсудимого по иному делу, так как факт прежней судимости был напрямую связан с мотивом совершения преступления.

На сегодняшний день точки зрения ученых-процессуалистов по решению проблемного вопроса, о недопустимости разглашения информации о личности обвиняемого в суде с участием присяжных заседателей, достаточно разнообразны. Часть исследователей считает, что недопустимо лишать присяжных заседателей возможности исследовать данные о личности обвиняемого и необходимо полностью исключить эти правовые ограничения [6, с. 9]. Решение проблемы, для второй группы, видится в приоритете состязательных начал и рассматривается с позиции компромиссного варианта, например, предлагается данные о личности подсудимого исследовать для обоснования позиции защиты по делу [1].

Более радикальное решение проблемы предложено С.А. Насоновым. В частности, ученым сформулирована модель нейтрализации последствий, которая основывается на разъяснительной деятельности председательствующего, законодательного закрепления проверки объективности присяжных заседателей (для отвода отдельных присяжных заседателей, которые утратили свою объективность вследствие полученных сведений о личности обвиняемого), расширение процессуальных возможностей председательствующего и наделение его правом роспуска коллегии присяжных заседателей [3, с. 276–277].

Присяжные заседатели в силу ч. 3 ст. 339 УПК РФ могут ответить на частные вопросы о таких обстоятельствах, которые влияют на степень виновности либо изменяют ее характер, влекут за собой освобождение подсудимого от ответственности. Соответственно, отвечая на частные вопросы, присяжные заседатели осуществляют познание определенных доказательств. Таким образом, судьи факта устанавливают не только наличие вины, но и при формулировке частных вопросов могут определить её степень, либо установить обстоятельства, влекущие за собой освобождение подсудимого от ответственности или смягчение вины. Анализируя ст. 61 УК РФ посвященную обстоятельствам, смягчающим наказание видно, что часть положений предусматривает исследование данных характеризующих личность обвиняемого. Так, например, для решения данной проблемы Т.В. Орлова предлагает переходить к вопросу об исследовании данных о личности обвиняемого, обосновывающих наличие смягчающих или отягчающих обстоятельств, только после разрешения вопроса о виновности [4, с. 97].

Трудно также представить, что вопрос о снисхождении (ч. 1. ст. 334 УПК РФ) присяжные заседатели смогут решить, не исследуя личность подсудимого. В данном случае заслуживает внимания точка зрения Ю.В. Стрелковой, которая в своем научном исследовании предлагает предусмотреть «бифуркацию процесса на два этапа: разрешение вопроса о виновности, рассмотрение вопроса о снисхождении при вынесении обвинительного вердикта» [5, с. 171].

Таким образом, вопрос об ограничении предмета доказывания в суде с участием присяжных заседателей остается открытым, представляется весьма актуальной проблемой и закономерно порождает невозможность использования определенных доказательств. Случайное донесение «запрещенной» информации до присяжных заседателей ставит под сомнение законность всего приговора. Вместе с тем, излишняя осторожность председательствующего судьи способна лишить присяжных заседателей действительно важной информации, относящейся к делу. Ограничение присяжных заседателей в исследовании данных о личности обвиняемого способно нарушить основополагающее право человека на справедливое судебное разбирательство.

Библиографический список

1. Борохова Н.Е., Барыгина А.А. О расширении возможностей суда присяжных в исследовании данных, характеризующих личность подсудимого / Н.Е. Борохова, А.А. Барыгина // Российский юридический журнал. – 2016. – №1 (106). – С. 103–108.
2. Гуськова А.П. Теоретические и практические аспекты установления данных о личности обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве / А.П. Гуськова. – М.: Юрист, 2002. – 160 с.
3. Насонов С.А. Концептуальные основы производства в суде с участием присяжных заседателей: дис. ... д-ра юрид. наук / С.А. Насонов – М., 2021. – 517 с.
4. Орлова Т.В. Дифференциация форм судебного разбирательства в уголовном процессе Российского государства / под ред. Г.И. Загорского. – М.: Проспект, 2015. – 112 с.
5. Стрелкова Ю.В. Вердикт присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и правоприменительная практика: дис. ... канд. юрид. наук / Ю.В. Стрелкова. – М., 2018. – 229 с.

6. Урлеков Н.В. Институт присяжных заседателей: правовые основы деятельности и процессуальные особенности рассмотрения уголовных дел: автореф. дисс. ... кандюрид. наук. / Н.В. Урлеков. – Владимир, 2010. – 26 с.

УДК 343.1

*А.С. Карпов, аспирант ЮЗГУ
г. Курск, Россия*

Обеспечение права на защиту при изменении обвинения в суде первой инстанции по законодательству зарубежных стран

Работа посвящена изучению вопроса обеспечения права на защиту при изменении обвинения в суде первой инстанции по законодательству зарубежных стран. Формулируются критерии, определяющие в общем виде механизм (модель) изменения обвинения в конкретном государстве.

Ключевые слова: изменение обвинения; суд; государственный обвинитель; право на защиту.

В ходе исследования зарубежного законодательства установлено, что право на защиту при изменении обвинения до вынесения итогового решения судом первой инстанции обеспечивается двумя способами: условиями (пределами) изменения обвинения и гарантиями права на защиту. Так, в законодательстве могут быть прямо предусмотрены условия (пределы), не допускающие возможность дополнения обвинения или его изменения на более тяжкое и (или) существенно отличающееся. Например, согласно УПК Туркменистана, государственный обвинитель может изменить обвинение, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту, а суд вправе вынести приговор, если изменение обвинения заключается в исключении из первоначального обвинения отдельных пунктов обвинения или при наличии других смягчающих вину обстоятельств (части 6 статьи 356 УПК Туркменистана, часть 2 статьи 361 УПК Республики Туркменистан). В Республике Абхазия (часть 8 статьи 246, статьи 252 и 307 УПК Республики Абхазия), Кыргызской Республике (части 4 статьи 295, части 1 и 2 статьи 300, пункты 1 и 3 части 1 статьи 353 УПК Кыргызской Республики), Республике Таджикистан (часть 9 статьи 279, статья 285, часть 1 статьи 343 УПК Республики Таджикистан) государственный обвинитель вправе изменить обвинение только в сторону смягчения, а суд в сторону, не ухудшающую положение подсудимого и не нарушающую его право на защиту.

В ряде стран, допускающих изменение обвинения в сторону ухудшения положения подсудимого (обвиняемого) до вынесения итогового решения по уголовному делу, предусматриваются определенные условия (пределы) такого изменения обвинения, которые могут быть совершенно различны. Например, в законодательстве Республики Молдова в качестве пределов (условий) изменения обвинения на более тяжкое выступает неопровержимость доказательств, а при изменении обвинения на существенно отличающееся – процедура временного возвращения уголовного дела прокурору для составления нового обвинения и сбора доказательств, после чего рассмотрение уголовного дела продолжается (статья 326 УПК Республики Молдова). В Республике Узбекистан процедура

временного возвращения уголовного дела прокурору для изменения обвинения и восполнения доказательств используется не только при изменении обвинения на существенно отличающееся, но и на более тяжкое (статьи 415-1, 416 УПК Республики Узбекистан). Кроме того, в качестве условия (предела) может применяться ограничение изменения обвинения на более тяжкое и (или) существенно отличающееся определенной судебной стадией. Так, согласно статье 384 УПК Бразилии, прокурор может дополнить обвинительное заключение в течение 5 дней по окончании исследования доказательств. Также, в качестве предела (условия) может использоваться тождественность (идентичность) обвинения. Согласно статье 298 Акта об уголовном процессе Республики Корея, прокурор вправе с разрешения суда дополнять, исключать или изменять инкриминируемые факты или применимые положения закона, изложенные в обвинительном заключении, если не нарушается тождественность (идентичность) инкриминируемых фактов. В Канаде (статья 601 УК Канады) и Великобритании (статья 5 Акта об обвинительных заключениях 1915 г.) в качестве условия (предела) дополнения обвинения выступает возможность изменения обвинения без допущения несправедливости.

Примерами изменения обвинения до вынесения итогового решения по уголовному делу на более тяжкое и (или) существенно отличающееся при отсутствии условий (пределов) такого изменения являются институты изменения обвинения в Республике Беларусь (часть 2 статьи 301 УПК Республики Беларусь, Италии (статья 423 УПК Италии), Казахстане (статья 340 УПК Республики Казахстан), Болгарии (статья 287 УПК Болгарии).

Можно выделить следующие гарантии, предоставляемые в случае дополнения обвинения или его изменения на более тяжкое или существенно отличающееся до вынесения итогового решения по уголовному делу: требование к письменной форме изменения обвинения (Республика Молдова, Узбекистан, Казахстан, Эстония, Болгария, Беларусь, Литовская Республика); предоставление подсудимому (обвиняемому) времени для подготовки к защите от измененного обвинения (Республика Молдова, Бразилия, Казахстан, Болгария, Беларусь, Республика Корея, Канада, Великобритания, Литовская Республика).

К странам, допускающим возможность изменения обвинения на более тяжкое и (или) существенно отличающееся непосредственно при вынесении итогового решения по уголовному делу относятся Эстонская Республика, Литовская Республика, Федеративная Республики Бразилия, Федеративная Республика Германия. Вместе с тем, необходимо отметить, что в законодательстве указанных стран содержатся условия (пределы), ограничивающие такое изменение. Так, согласно статье 383 УПК Бразилии, судья вправе изменить только квалификацию (даже в сторону ухудшения положения подсудимого) при неизменности фактических обстоятельств. В Эстонской Республике (статья 268 УПК Эстонской Республики), Литовской Республике (статья 256 УПК Литовской Республики) и Федеративной Республике Германия (параграф 265 УПК ФРГ) в качестве условия (предела) изменения обвинения в итоговом решении по уголовному делу, в том числе и переквалификации на более тяжкое преступление, выступает предоставление подсудимому права защищаться от нового обвинения, которое обеспечи-

вается путем его уведомления о возможном изменении обвинения до вынесения приговора.

Следует отметить, что законодательство данных стран согласуется с практикой Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), рассматривающей вопросы изменения обвинения в контексте соблюдения прав, предусмотренных подпунктами «а» и «б» пункта 3 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года.

Согласно Руководству по статье 6 Европейской конвенции о правах человека (обновлено 31 августа 2022 г.), подготовленного Советом Европы, обвиняемый должен быть надлежащим образом и полностью информирован о любых изменениях в обвинении и ему должно быть предоставлено достаточно времени и возможностей, чтобы отреагировать на них и организовать свою защиту на основе любой новой информации или утверждений. Информация о предъявленных обвинениях, включая юридическую квалификацию, которая может быть применена судом по данному делу, должна быть изложена либо до суда в обвинительном заключении, либо, по крайней мере, в ходе судебного разбирательства другими способами, такими как официальное или подразумеваемое дополнение обвинения [1]. Полагаем, что указанный подход имеет ряд недостатков. Во-первых, при высказывании прокурором позиции относительно квалификации действий лица, в том числе и по более тяжкому преступлению, подсудимый лишается права знать, в чем он обвиняется, фактически ему приходится защищаться одновременно от двух обвинений. Особенно остро стоит эта проблема, когда новое обвинение фактически не предъявлялось, высказана только возможность изменения обвинения в устной форме без подробного изложения обстоятельств нового обвинения. Кроме того, при состязательном типе уголовного процесса данный подход не будет эффективен. Так, например, законодательство Эстонии предписывает суду в случае необходимости внести сторонам судопроизводства предложение обнародовать свою позицию относительно квалификации, которая не рассматривается обвинительным актом. Однако, если прокурор полагает, что квалификация, данная в обвинительном акте, является верной, а позиция стороны защиты не совпадает с той правой оценкой, которую намеревается применить суд, то подсудимый не будет уведомлен надлежащим образом об измененном судом обвинении в итоговом решении.

В целом, на основании изучения зарубежного опыта можно сформулировать два критерия, в своей взаимосвязи определяющих в общем виде механизм (модель) изменения обвинения в суде первой инстанции в конкретном государстве: судебная стадия изменения обвинения и пределы (условия) изменения обвинения на данной судебной стадии. В обобщенном виде в зависимости от судебной стадии изменение обвинения может осуществляться до вынесения итогового решения по уголовному делу и (или) в итоговом решении по уголовному делу. В зависимости от пределов (условий) обвинение может быть изменено: на более тяжкое и (или) существенно отличающееся; в сторону, не ухудшающую положение подсудимого и не нарушающую его право на защиту; в сторону смягчения.

Библиографический список

1. Guide on Article 6 of the European Convention on Human Rights (updated on 31 August 2022). [Электронный ресурс]. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/guide_art_6_criminal_eng (дата обращения: 19.02.2024).

УДК 343.10

*Н.Н. Ковтун, д.ю.н., НА МВД РФ
г. Нижний Новгород, Россия*

О сути, содержании, временных пределах и субъектах реализации функции уголовное преследование уголовном судопроизводстве России

В контексте полной неопределенности доктрины и практики в этих моментах автор определяется в сути, содержании, временных пределах осуществления, надлежащих субъектах и формах реализации одной из основных функций уголовного процесса «уголовное преследование»

Ключевые слова: функция, уголовное преследование и его элементы, изобличение, принуждение, обвинение

В соответствии с нормами пункта 55 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) уголовное преследование – это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Таким образом, уже на основе этого определения можно расставить акценты по сути основных элементов, формирующих указанное понятие. Во-первых, закон акцентирует внимание на том, что данная функция и категория – суть процессуальная деятельность. Во-вторых, назван основной (телеологический) вектор указанной деятельности – это изобличение обвиняемого, подозреваемого в совершении преступления. В-третьих, законом указаны управомоченные субъекты осуществления исследуемой деятельности – это участники на стороне обвинения.

На этом «понятийный» ряд, по идее, окончен; тем не менее, позволим себе усомниться, как в точности, так и в практической рациональности предложенной нам нормативной конструкции.

Прежде всего, не согласимся с константой, по сути, которой уголовное преследование охарактеризовано как исключительно процессуальная деятельность. Как доктрина, так и непосредственно практика настойчиво и в целом справедливо ставят вопросы о том, насколько должно следует считать принуждением и соответственно уголовным преследованием (изобличением) меры оперативно-розыскного характера, которые реализуются в контексте проверки повода и основания к возбуждению уголовного дела (гл. 19–20 УПК РФ). Как следствие, имманентно связаны с процессуальным принуждением в отношении (пока, неперсонифицированных) субъектов доследственной проверки [1, с. 119; 2, с. 34–35].

Во-вторых, если считать сутью указанной функции исключительно изобличение (доказывание деяния и виновности), сначала процессуально неперсонифицированных субъектов уголовного преследования, а затем – подозреваемых, об-

виняемых, то с этих позиций исследуемая функция фактически целиком поглощается функцией полного, всестороннего и объективного расследования преступлений. В итоге, изобличение и предварительное расследование при данном подходе – суть конвенциональное тождество. Между тем, и закон и доктрина строго различают эти направления деятельности. Не согласны с указанным и мы; и, прежде всего, на основе анализа реального содержания деятельности, характеризуемой как уголовное преследование.

Да, однозначно, признаем, что суть и основное содержание исследуемой деятельности составляет категория «изобличение»: суть уголовно-процессуальное доказывание факта совершения преступления (в его юридически значимых признаках) и причастности к этому преступлению конкретных уголовно-преследуемых лиц [3, с. 426–494; 4, с. 25, 38]. Вместе с тем, известно и то, что неотъемлемыми элементами содержания указанной деятельности являются акты:

публикации инициации данного вида деятельности (в современном нормативном контексте – возбуждения уголовного дела) [5, с. 1–66];

применения тех или иных мер процессуального принуждения, как в контексте обеспечения деятельности по собственно изобличению-доказыванию, так и для решения задач отправления правосудия [6, с. 26];

обоснования итогового следственного утверждения-тезиса о виновности обвиняемого (обвинения) и привлечения его на этой основе к ответственности в качестве обвиняемого [7, с. 116–117];

формирования государственного обвинения – как уголовного притязания-иска обвинительной власти к суду о разрешении основного вопроса уголовного дела: о виновности и наказании [8, с. 125–132];

непосредственно поддержания (обоснования) этого обвинения перед судом в форме государственного обвинения [9, с. 136–138].

В итоге, функция и деятельность «уголовное преследование» никак не тождество деятельности «предварительное расследование».

В-третьих, с учетом названного содержания исследуемой категории, определенный скепсис вызывает тезис о том, что субъектами осуществления указанной функции выступают(все) участники на стороне обвинения. Именование и процессуальный статус последних, напомним, определены нормами главы 6 УПК РФ. И в контексте сути и содержания деятельности, характеризуемой как уголовное преследование, мы никак не можем признать, что реальными, ее субъектами выступают такие участники, как потерпевший, гражданский истец, их представители. Как известно, эти участники в принципе не уполномочены к публичному возбуждению уголовного преследования; они же не субъекты уголовно-процессуального доказывания (изобличения); не вправе они применять и меры процессуального принуждения; наконец, они не субъекты формирования публичного обвинения. Как следствие, апелляции законодателя к этим участникам в нормах пункта 55 статьи 5 УПК РФ, однозначно, ошибка. С учетом, реальных процессуальных правомочий прокурора по отношению к органам предварительного следствия – есть определенные вопросы и к этому субъекту «преследования». В итоге, в качестве реальных субъектов осуществления функции уголовного преследования могут быть восприняты исключительно те публичные лица,

которые властно уполномочены к реализации основных содержательных элементов исследуемой функции.

Столь же проблема: начальный и конечный момент осуществления указанной функции. Если исходить из норм пункта 55 статьи 5 УПК РФ, уголовное преследование, как функция, публично объективирует себя исключительно с момента появления в уголовном судопроизводстве таких субъектов, как подозреваемый и обвиняемый. До этого момента либо никакого уголовного преследования в наличии нет [10, с. 56], либо оно носит – «неперсонифицированный» характер [11, с. 3; 12, с. 11], и направлено лишь к установлению события преступления.

Мы категорически не согласны с указанным, в том числе с учетом и на основе позиций, высказанных Конституционным Судом РФ («правило Маслова»). На наш взгляд, уголовное преследование, как функция и деятельность, начинается с момента любых процессуальных и, отчасти, оперативно-розыскных действий, направленных на процессуальную проверку повода и основания к возбуждению уголовного дела. С вынесением постановления о возбуждении уголовного дела эта деятельность и функция приобретают публичный (официальный) характер. С вынесением актов, которыми уголовно-преследуемое лицо ставится в процессуальное положение подозреваемого, функция уголовного преследования реализуется в форме подозрения. Акт официального вынесения и (эвентуально) предъявления обвинения являют такую форму уголовного преследования – как изображение в форме обвинения. Изучение прокурором материалов поступившего уголовного дела с обвинительным заключением; формирование прокурором на этой основе внутреннего убеждения о доказанности всех релевантно значимых обстоятельств дела – есть акт формирования государственного обвинения. Суть: уголовного притязания-иска к суду о признании уголовно-преследуемого лица виновным и разрешении судом вопроса о наказании. Наконец, поддержание прокурором этого государственного обвинения в независимом и беспристрастном суде – есть акт реализации уголовного преследования в форме государственного обвинения.

Ошибся законодатель и в том, что в суде апелляционной инстанции прокурор более не государственный обвинитель, а лишь сторона в процессе. Как следствие, отказ прокурора от обвинения в этом суде не имеет никакого решающего значения для отправления правосудия. Категорически не соглашаясь с указанным, мы утверждаем, что до вступления приговора в законную силу (обретения им статуса акта *resjudicata*), прокурор – есть носитель функции государственного обвинения, ее единственно уполномоченный и властный субъект. И только с вступлением приговора в законную силу функция уголовного преследования полностью исчерпала себя и нормативное свое содержание. Как следствие, в суде кассационной и надзорной инстанции прокурор уже сторона и орган надзора, призванный, в том числе к обеспечению определенности и неизменности, как собственно акта *resjudicata*, так и правовых состояний, им установленного [8, с. 123–137].

Библиографический список

1. Досудебное производство по уголовному делу: учебник / С.Б. Россинский. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 232 с.

2. Уголовный процесс России: учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; научн. ред. В.Т. Томин. – М.: Юрайт-Издат, 2003. – 821 с.
3. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса: судоустройство – судопроизводство / [Соч.] В. Случевского, преп. уголов. судопроизводства в Уч-ще правоведения, чл. консультации М.Ю., и. д. тов. обер-прокурора Уголов. касс. деп. Сената. – 4-е изд., доп. и испр. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – XIV. – 670 с.
4. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. / А.М. Ларин – М.: Юрид. лит., 1986. – 159 с.
5. Муравьев Н.В. Задачи прокурорского надзора / Н.В. Муравьев // Журнал гражданского и уголовного права. – 1884. – № 7. – С. 1–66.
6. Ковтун Н.Н. Уголовное преследование в уголовном судопроизводстве России: исходная несостоятельность функции или субъектов, ее реализующих? / Н.Н. Ковтун // Уголовное судопроизводство. – 2019. – № 3. – С. 20–25.
7. Уголовный процесс Российской Федерации: учебник / отв. ред. проф. А.П. Кругликов. – М.: Проспект, 2015. – 736 с.
8. Ковтун Н.Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России / Н.Н. Ковтун // Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 123–137.
9. Уголовный процесс / под ред. А.Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 888 с.
10. Рахмаджонзода Р.Р. Учение об уголовном преследовании в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан: дис. ...д-ра юрид. наук. / Р.Р. Рахмаджонзода – Душанбе. 2022. – 984 с.
11. Божьев В.П. Состязательность на предварительном следствии / В.П. Божьев // Законность. – 2004. – № 1. – С. 3–7.
12. Волынская О.В. Начало и окончание уголовного преследования / О.В. Волынская // Российский следователь. – 2006. – №2. – С. 9–13.

УДК 343.14

*Н.А. Крылова, адъюнкт 3 курса кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России
г. Санкт-Петербург, Россия*

**Доказывание по уголовным делам, связанным с подделкой, сбытом
и использованием поддельных документов, на досудебных стадиях
уголовного судопроизводства**

В статье исследуется содержание деятельности по доказыванию. Рассматривается следователь, как полноценный и самостоятельный субъект доказывания по уголовным делам, предусмотренным ст. 327 УК РФ. Автором резюмируется, что доказывание по данной категории уголовных дел – это, прежде всего, деятельность следователя, как уполномоченного субъекта доказывания, в установленном законом порядке обеспечивающая собирание, проверку, оценку доказательств и обоснование выводов по конкретному уголовному делу.

Ключевые слова: доказывание, уголовное дело, досудебная стадия, доказательство, уголовное судопроизводство.

Эффективное расследование преступлений обеспечивается неукоснительным соблюдением ведущих уголовно-правовых принципов: справедливости расследования, презумпции невиновности, гарантии права на справедливое судебное разбирательство, обеспечения доступа к адвокату, недопустимости пыток и т.д. Обеспечение прав человека и гражданина в ходе расследования неотъемлемо связано с процессом доказывания. При этом доказательства должны быть собраны законным путем и подлежать критической оценке во избежание нарушений прав обвиняемого и вынесения ошибочного приговора. Соблюдение процедуры доказывания в уголовном процессе является неотъемлемой частью гарантий прав человека.

Процесс доказывания по уголовным делам составляет важнейшую часть досудебной стадии расследования. Доказывание основывается на совокупности собранных фактических материала, сведений и иной информации, касающейся обстоятельств совершенного преступления, с помощью их логического осмысления, анализа и синтеза. В ходе доказывания происходит не просто приобретение знаний о подлинных событиях произошедшего, интересующих субъектов доказывания в целях установления фактических обстоятельств дела, но и установление истины путем анализа и оценки представленных доказательств, выполняющей ключевую роль в защите прав и интересов всех участников уголовного процесса. Доказывание зачастую – единственный способ познания обстоятельств совершенного преступления. Гарантии, предоставляемые обвиняемому и защитнику, заключающиеся в их праве на ознакомление с доказательствами и возможности их опротестования и представления контраргументов, обеспечивают принцип состязательности сторон.

Доказывание по уголовным делам, в том числе по делам о преступлениях, связанных с подделкой, сбытом и использованием поддельных документов (например, ст. 327 УК РФ¹), по своей сути, – это процесс познания. Процессуальное доказывание по своему гносеологическому характеру обусловлено необходимостью выявления и исследования оставленных следов обстоятельств преступления, ранее неизвестных по уголовному делу, но установленных в процессе его расследования и собирания доказательств. Так, например, важную информацию по уголовному делу о преступлении, связанном с подделкой, сбытом и использованием поддельных документов, можно получить путем следственного осмотра и экспертизы поддельных документов, приспособлений и инструментов, позволивших изготавливать таковые поддельные документы и т.п.

С общетеоретической точки зрения, содержание деятельности по доказыванию рассматривается в науке в узком и широком смысле. Доказыванию в узком его понимании присуща деятельность по получению, исследованию и проверке процессуальных доказательств [4, с. 30].

В широком понимании, к данному перечню добавляется деятельность по оценке и использованию доказательств. Доказывание – это осуществляемая при

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

участии различных участников уголовного процесса в установленном УПК РФ порядке деятельность процессуального лица по собиранию, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств произошедшего события. Цель доказывания – установление объективной истины по уголовному делу.

В современной доктрине уголовного процесса под доказыванием понимают, как:

- процесс, связанный с приобретением существенной информации, необходимой для раскрытия преступления [2, с. 258];
- формальная (процедурная) деятельность, основной упор в которой направлен на собирание (формирование) доказательств [1, с. 30];
- оперирование уголовно-процессуальными доказательствами [3, с. 26];
- формирование и изложение различных доводов и аргументов, делая основной упор именно на логические операции, в ходе которых обосновывается истинность определенных суждений [4, с. 30] и др.

Автору настоящего исследования близок подход к сущности доказывания, поддерживаемый большинством представителей научного сообщества и выражающийся в том, что сущность доказывания в процессуальной деятельности субъектов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства предполагает установленное и рациональное сочетание познавательных, удостоверительных и аргументационных приемов.

Законодателем в ст. 85 УПК РФ доказывание определяется как деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Являясь познавательным процессом, доказывание в своей основе имеет определенную систему, позволяющую при помощи эмпирического, рационального, логического, а также непосредственного и опосредствованного познания не только выявить доказательства имеющие значения по уголовному делу, но и сделать выводы по уголовному делу в обоснование своей позиции. Являясь сложной системой, проходящей несколько этапов своего развития, доказывание имеет протяженную во времени процессуальную деятельность его субъектов (ст. 85 УПК РФ).

Согласно отечественной уголовно-процессуальной доктрине, доказывание в его взаимосвязи и хронологии начинается на этапе досудебного производства и связано с установление фактических обстоятельств по делу, получением и проверкой доказательственной информации, производением ее оценки.

Доказывание на досудебных стадиях уголовного судопроизводства – это, в основном, деятельность следователя и дознавателя, как уполномоченных субъектов доказывания в установленном законом порядке, и касающаяся собирания, проверки, оценки доказательств и обоснования выводов по конкретному уголовному делу.

Касательно преступлений, предусмотренных ст. 327 УК РФ, стоит отметить, что в соответствии со ст. 151 УПК РФ предварительное расследование производится следователями:

- Следственного комитета РФ - по ст. 327.2 УК РФ,
- органов внутренних дел РФ – по ст.ст. 327 частью четвертой, 327.1 частью второй – шестой УК РФ,

- органа, выявившего эти преступления – по ст.ст. 327 частью четвертой и 327.1 частями второй и четвертой УК РФ.

По данной категории дел основным полноценным и самостоятельным субъектом доказывания, является следователь.

В данном случае парадигма следователя, как самостоятельного субъекта доказывания, заключается в том, что он в порядке, установленном УПК РФ, например, вправе: возбуждать и принимать к своему производству уголовное дело; самостоятельно принимать решения о ходе расследования и о необходимых следственных и других процессуальных действиях; давать органу дознания, поручения, касающиеся сбора доказательств по делу и т.п.

Парадигма следователя отличается от процессуального статуса дознавателя, не наделенного процессуальной самостоятельностью, являющейся необходимым условием выполнения возложенных на первого процессуальных обязанностей, в том числе в вопросах доказывания по уголовному делу о преступлениях, предусмотренных ст. 327 УК РФ.

Таким образом, доказывание на досудебных стадиях уголовного судопроизводства по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 327 УК РФ – это, прежде всего, деятельность следователя, как уполномоченного субъекта доказывания, проводимая в установленном законом порядке, касающаяся собрания, проверки, оценки доказательств и обоснования выводов по конкретному уголовному делу.

Библиографический список

1. Ерпылев И.В. Реализация института допустимости доказательств в уголовном процессе и правоохранительной деятельности России и зарубежных государств: сравнительно-правовой анализ: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук / И.В. Ерпылев. – М., 2016. – 30 с.

2. Каблуков И.В. Актуальные вопросы обеспечения достаточности доказательств и иных данных в уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук / И.В. Каблуков. – Челябинск, 2023. – 258 с.

3. Устинов А.А. Доказывание при рассмотрении судом материалов уголовного дела в ходе досудебного производства: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук / А.А. Устинов. – М., 2022. – 26 с.

4. Хмельницкая Т.В. Проблемы формирования доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук / Т.В. Хмельницкая. – Н. Новгород, 2016. – 30 с.

УДК 343.131

*М.Е. Кубрикова, к.ю.н., судья Заднепровского районного суда
города Смоленска
г. Смоленск, Россия*

Роль солидарности в повышении эффективности уголовного судопроизводства

В статье рассматривается проблема неэффективности уголовного судопроизводства по причине нарушения разумного баланса публичных и частных интере-

сов. Автор приходит к выводу о необходимости регулирования уголовно-правовых отношений на началах солидарности.

Ключевые слова: солидарность, уголовное судопроизводство, эффективность, принцип, разумный баланс.

Уголовный процесс России развивается по пути оптимизации, поиска наиболее эффективных способов обеспечения прав потерпевших и скорого заглаживания причиненного вреда, процессуальной экономии, нацеленности на исправление лица, совершившего преступление, экономии мер уголовной репрессии.

Однако предпринимаемые попытки законодателя повысить эффективность уголовного судопроизводства не дают долгосрочного эффекта, не обеспечивают справедливое, полностью соответствующее интересам личности, общества и государства разрешение уголовно-правовых конфликтов, что связано, на наш взгляд, с нарушением разумного баланса публичных и частных интересов. Так, с одной стороны, государство активно проявляет гуманное отношение к преступникам, декриминализуя отдельные деяния, вводя составы преступлений с административной преюдицией, расширяя основания применения института освобождения от уголовной ответственности, а с другой стороны, высок процент нераскрытых уголовных дел, прекращаемых впоследствии за истечением сроков давности уголовного преследования, ущерб потерпевшим в большинстве случаев не возмещается.

Причины этого кроются в заложенном в УПК РФ 2001г. приоритете идеи индивидуальной свободы.

Конституция РФ в редакции 1993 года ознаменовала собой смену политического режима и переход от идей коллективизма, социальной солидарности к доминирующей в ведущих западных государствах идее индивидуальной свободы. При этом особенности российского менталитета, традиции нашего государства и права, потребность общества в защите слабых не нашли своего закрепления в Основном законе страны.

Между тем, правовое развитие общества невозможно в отрыве от его исторической, моральной и ценностной основы [2].

Как следствие, 01.07.2020г. в ходе общероссийского голосования были одобрены изменения в Конституцию РФ, закрепившие новые принципы государственной политики, такие как: справедливость, гуманизм, общественная солидарность, сбалансированность частных и публичных интересов.

Одновременно с этим высокие нравственные идеалы; приоритет духовного над материальным; гуманизм; милосердие; справедливость; коллективизм; взаимопомощь и взаимоуважение отнесены в новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400, к традиционным российским духовно-нравственным ценностям, которые подлежат сохранению и защите во всех сферах человеческой деятельности.

Очевидно, что данные принципы-ценности должны быть осмыслены учеными в различных отраслях права и найти свое воплощение в законотворческой и правоприменительной деятельности. Особую актуальность это имеет для уголовного судопроизводства, назначение которого по-прежнему сформулировано в ст. 6 УПК РФ с учетом приоритета индивидуальной свободы.

Примечательно, что ранее в УПК РСФСР 1960г. в статье 2 ставилась задача по укреплению законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, охране интересов общества, прав и свобод граждан, воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции, уважения правил общежития.

Таким образом, уголовное судопроизводство должно ставить перед собой задачу и по защите общества в целом, но вместе с тем, публичное не должно превалировать в ущерб частному.

На взгляд Дорошкова В.В., основной причиной неудовлетворительной оценки нового УПК РФ 2001г. можно считать его реальную оторванность от духовно-нравственных основ, присущих российскому народу [1].

Представляется правильным, что регулирование уголовно-правовых отношений должно строиться на началах солидарности. Это позволит обеспечить: 1) баланс традиционных для российского общества ценностей и конституционно признанных интересов (частных и публичных, отдельных частных, индивидуальных и коллективных); 2) соразмерность прав сильной стороны относительно слабой стороны, не исключая «возложение дополнительных обязательств, если таковые не являются несоразмерным обременением» [3]; 3) доверие граждан к закону и действиям публичной власти; 4) примирение противоречий между правами различных субъектов правоотношений; 5) консолидацию общества независимо от политического, культурного, религиозного, идеологического многообразия.

Решения Конституционного Суда РФ, раскрывая гуманистическую природу солидарности, исключают «как неограниченность публичного вмешательства в частную жизнь и подавление индивидуальной автономии, так и искажение существа основных прав и свобод воинствующим индивидуализмом» [3].

Толкование солидарности после конституционной реформы 2020г. необходимо основывать на классических представлениях о ней как о принципе, сочетающем нравственные и правовые признаки. В процессе толкования в содержание солидарности следует включать такие требования к участникам правоотношений, как «взаимное уважение, равнодушие, гибкость и уступки. ... Безразличие участников правоотношения друг к другу создает условия для злоупотребления правами и ненадлежащего исполнения обязательств, что негативно сказывается на всей правовой системе» [4].

Конституционный Суд РФ особо подчеркивает, что принцип солидарности способствует нейтрализации злоупотреблений конституционными правами и свободами в тех случаях, когда «формальное следование конституционным предписаниям ведет к социально неприемлемым результатам» [3].

Таким образом, вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что наряду с традиционными принципами уголовного процесса [5] солидарность должна стать новой основной идеей уголовно-процессуального права, определяющей социальное содержание и уголовно-политическую направленность деятельности по раскрытию, расследованию и разрешению уголовных дел. Солидарность также должна определять сущность и назначение уголовного судопроизводства.

Именно разумный баланс личных прав и законных интересов отдельного человека, всего общества и государства в целом, достигнутый в результате конструктивного диалога между сторонами при посредничестве публично-властных

институтов на началах солидарности при условии единообразного применения нормы права, позволит разрешить насущные вопросы уголовного судопроизводства, будет способствовать повышению его эффективности и, как следствие, достижению цели результативной борьбы с преступностью.

Библиографический список

1. Дорошков В.В. Современный уголовный процесс через призму духовно-нравственных основ российского общества / В.В. Дорошков // Журнал российского права. – 2021. – № 12.
2. Зорькин, В.Д. Право и государство на перекрёстке времён / В.Д. Зорькин // URL: <https://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=89> (дата обращения 03.03.2024г).
3. Информация «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020-2023 годов)» (одобрена решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Пермиловский М.С. Солидарность – новая конституционная ценность или классический принцип права? / М.С. Пермиловский // Государственная власть и местное самоуправление. – 2022. – № 7.
5. Принципы уголовного процесса: монография / под общ. ред. Г.С. Русман, С.М. Даровских. – М.: Проспект, 2022. – 336 с.

УДК 343.123

*Н.В. Лантух, к.ю.н., доцент Санкт-Петербургского
университета МВД России
г. Санкт-Петербург, Россия*

Соотношение отдельных исходных начал уголовного процесса и альтернативных форм разрешения уголовно-правовых конфликтов

В статье рассматривается взаимосвязь и соотношение принципов уголовного процесса и института уголовного преследования в контексте возможности применения его альтернативных форм. Автор указывает на наличие системных свойств уголовного преследования, которые позволяют с помощью более гибких и совершенных правовых механизмов достигать конкретной цели этого вида деятельности, а также результата всей уголовно-процессуальной деятельности в целом с позиций защиты как личных, так и общественных интересов.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, принципы уголовного процесса, уголовное преследование, процессуальное решение, законный интерес.

Доктрина уголовно-процессуального права рассматривает принципы уголовного процесса как универсальные для правового государства основополагающие идеи о справедливости процедуры судебного разбирательства и производства по уголовному делу в целом. М. С. Строгович отмечал, что принципы получают конкретизацию и детализацию в более частных процессуальных нормах, относящихся к отдельным институтам уголовного процесса и к отдельным его стадиям [4, с. 103].

Как представляется, систему принципов, которые имеют непосредственное влияние на институт уголовного преследования, образуют следующие положения: назначение уголовного судопроизводства; законность и целесообразность (дискреционность); публичность; состязательность, презумпция невиновности; свобода оценки доказательств.

Назначение уголовного судопроизводства, если проецировать данное исходное правило на институт уголовного преследования, проявляется в ключевом значении юридического установления основания для уголовной ответственности, что влечет за собой определенную форму «реакции» государства на факт преступления, совершенного конкретным лицом [3, с. 56]. В российском уголовно-процессуальном законе норма о назначении уголовного процесса имеет ярко выраженный социальный аспект, поскольку подчеркивает важность для интересов потерпевшего – частного лица и интересов общества привлечения к уголовной ответственности виновных в совершении преступления. Вместе с тем, одинаково важна для общества и защита личности, подвергаемой уголовному преследованию, от незаконных действий и решений. Включение социологического компонента в теорию уголовного процесса позволило Михайловской И.Б. определить уголовную юстицию как функциональную систему, которая не обладает организационной основой, но объединена особым видом деятельности, итогом которой становится удовлетворение определенной общественной потребности. Особенностью этой системы выступает взаимодействие отдельных субъектов и организационных структур, имеющих различную правовую природу и решающих свои специфические задачи, наделенных для этого уголовно-процессуальным законом правами, а также властными полномочиями [2, с. 36–37]. В свою очередь указанная особенность обуславливает наличие в уголовном судопроизводстве свойства публичности и вместе с тем допускает диспозитивность. Исследуя сущность публичного и диспозитивного начал, Масленникова Л.Н. отмечает, что внутренняя упорядоченность системы уголовного судопроизводства может быть достигнута за счет функциональной целесообразности действий субъектов уголовного процесса [1, с. 26]. Эти положения проявляются в том числе и в процессуальной возможности как властных субъектов, так и заинтересованных лиц разрешать основной вопрос по уголовному делу посредством установленных альтернативных правовых средств. Современное российское законодательство предусматривает возможность отказа от уголовного преследования лица, совершившего преступление по различным основаниям, которые можно объединить под общим названием – ввиду нецелесообразности применения мер уголовной репрессии (ст. ст. 25–28.1 УПК РФ).

Презумпция невиновности является необходимым принципом правового государства, предполагающим, что лицо не может быть признано виновным в совершении преступления, пока его вина не будет доказана в установленном законе порядке, а также вступившим в законную силу приговором суда. В случае применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов возникает некоторое противоречие с указанной правовой идеей. Соотношение презумпции невиновности и альтернатив уголовному преследованию приводит к выводу о необходимости исследования вопросов о доказательствах и доказывании в обосновании обвинительного тезиса, критериев принятия различных

итоговых процессуальных решений, обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Принцип презумпции невиновности, как известно, складывается из двух важных составных элементов: 1) виновность констатируется лишь тогда, когда она доказана в установленном законом порядке; 2) виновность признается судебным решением в виде приговора, вступившего в законную силу. В связи с этим, во-первых, регламентированный порядок предполагает обязанность властных субъектов достоверно и полно установить факт преступления и факт его совершения конкретным лицом. При недоказанности, наличии сомнений либо недостаточной доказанности обвинения нельзя говорить ни о приговоре, ни об альтернативах уголовному преследованию. Бремя доказывания, возложенная на сторону обвинения, исключает такую обязанность для обвиняемого, однако не исключает права признать свою вину. При этом постулатом доказательственного права выступает то положение, согласно которому официальная сторона обвинения не должна основываться лишь на признании вины, но обязана тщательно проверить данное обстоятельство и оценить его в совокупности с другими, чтобы исключить случаи самооговора, приводящей к судебной ошибке.

Во-вторых, традиционно виновность лица издавна, изначально должна быть установлена приговором, который, если не обжалован либо обжалован и изменен, а также имевшаяся судебная ошибка исправлена при новом судебном рассмотрении и вынесено решение вышестоящей судебной инстанцией, и данные варианты решений вступили в законную силу, то они с этого момента «почитаются за истину» (*Res judicata pro veritate habetur*). Однако в процессе эволюции уголовного процесса появился вариант разрешения уголовно-правового спора без вынесения приговора, а именно паритетное решение в виде прекращения уголовного дела. В этом случае виновность лица также констатируется на основе достаточных и доброкачественных доказательств, однако альтернативное приговору решение о прекращении уголовного дела, принятое по результатам согласительной и (или) примирительной процедуры имеет то же социальное и юридическое значение, что и приговор, которое тоже можно обжаловать. Только речь в данном случае идет о целесообразности привлечения виновного лица к уголовной ответственности и освобождения от нее, основываясь на строго заданных материальным и процессуальным законами условиях. В этих случаях виновное лицо определяет опосредованно меру ответственности условно себе сам, путем возмещения ущерба и компенсации вреда. Результат в равной степени должен удовлетворять интересы частных лиц и интересы общества.

Остается не ясным, в зависимости от каких обстоятельств и критериев происходит выбор альтернативных форм разрешения уголовного дела судом либо органами предварительного расследования, осуществляется разграничение согласительных и примирительных процедур. В одних случаях в случае согласия с предъявленным обвинением суд выносит приговор по правилам Главы 40 УПК РФ, в других – прекращает производство с применением судебного штрафа в порядке Главы 51.1 УПК РФ, в-третьих – прекращает в связи с деятельным раскаянием или примирением с потерпевшим. Кроме того, в контексте рассматриваемой проблематики, остается открытым существующий дискуссионный вопрос о том, необходимо ли единообразие по установлению субъекта, принима-

ющего решение о прекращении уголовного дела, предоставление такого права исключительно суду.

Библиографический список

1. Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начало в уголовном судопроизводстве России: дис. ... докт. юрид. наук / Л.Н. Масленникова – М., 2000. – 555 с.
2. Михайловская И.Б. Суды и судьи: независимость и управляемость. / И.Б. Михайловская – М.: Проспект, 2015. – 128 с.
3. Принципы уголовного процесса: монография. / под общей редакцией Г.С. Русман, С.М. Даровских. – М.: Проспект, 2022. – 338 с.
4. Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. / М.С. Строгович – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. – 151 с.

УДК 343.1

*С.Л. Мельник, к.ю.н. доцент СмолГУ,
Я.Д. Ревенко, к.ю.н. МЮИ (Смоленское отделение)
г. Смоленск, Россия*

Проблемы предъявления для опознания

В статье рассматриваются проблемные вопросы проведения предъявление для опознания с использованием возможностей видео-конференц-связи. Использование которых должно проводится с соблюдением прав лиц, в отношении которых оно проводится. Делаются предложения по совершенствованию законодательной регламентации и тактических приемов проведения предъявление для опознания.

Ключевые слова: предъявление для опознания, система видео-конференц-связи, соблюдение прав опознающего и опознаваемого, УПК РФ.

Процессы информатизации неотъемлемы от жизни в 21 веке. Вся жизнь современного человека пронизана цифровизацией, это и экономика, и средства массовой информации, и здравоохранение, и образование и т.д., этот список можно продолжить еще. Не является исключением уголовное судопроизводство. За последние 10 лет УПК пополнился статьями, регламентирующими сначала судебное, а затем с досудебное следствие компьютерными технологиями – возможностями использования информационно-телекоммуникационных сетей.

Последним нововведением можно назвать появление статьи 189.1 УПК, введенной ФЗ от 30.12.2021 № 501-ФЗ. В соответствии с этой статьей такие следственные действия как допрос, очная ставка и предъявление для опознания могут проводиться в режиме видеоконференцсвязи при наличии технической возможности органа, осуществляющего расследование. С нашей точки зрения, очень положительная тенденция, тем более, что думается, этим не ограничится перечень следственных действий, проводимых с использованием данной системы.

Но проанализируем особенности производства такого следственного действия, как опознание. Это относительно молодое, на законодательном уровне, но

отнодью не на практике расследования уголовных дел, следственное действие. Свое законодательное закрепление оно нашло лишь в УПК 1960 года.

Упоминание об опознании можно встретить значительно раньше, в учебниках уголовного процесса и криминалистики.

В книге Ю. Торвальда описывается способ опознания преступников сотрудниками Сюртэ, которые тренировали «фотографическую память» при «параде» судимых преступников по тюремному двору [5, с. 21].

В.И. Громов – русский и советский криминалист в научном труде «Дознание и предварительное следствие» 1929 года обращает внимание на тот факт, что в следственной практике, следователю приходится применять следственные действия, не предусмотренные в Уголовно-процессуальном Кодексе при расследовании преступлений. Он делает оговорку, что закон не ограничивает следователя в принятии мер, которые следователь может использовать для успешного расследования. К таким следственным действием он относит – акт предъявления личности заподозренного в преступлении лица потерпевшим или свидетелем на предмет опознания в нем действительного виновника преступления. С его точки зрения, УПК дает руководящие правила для проведения только тех действий, при производстве которых затрагиваются или могут быть нарушены права и интересы участвующих в деле лиц [1, с. 190]. При этом, В.И. Громов сам обращает внимание, что это следственное действие может предопределить судьбу ошибочно задержанного и неповинного в преступлении человека, который за давностью совершенного преступления не может подтвердить свое алиби, не может доказать свою непричастность [1, с. 191].

В Пособии для следователей 1948 года П.И. Тарасова-Родионова под редакцией профессора М.А. Чельцова-Бебутова в III главе посвященной собиранию доказательств содержится раздел 6, посвященный предъявлению для опознания. Здесь говорится о возможности в рамках следственного действия, опознания обнаруженных вещей, трупа или лиц, принимавших участие в совершении преступления [3, с. 123–124]. В пособии для следователей П.И. Тарасова-Родионова 1955 года, также содержится раздел V посвященный предъявлению для опознания, здесь уже даются тактические приемы проведения этого следственного действия [4, с. 143–144].

Ст. 189.1 УПК РФ позволяет проводить предъявление для опознания только лица. То есть производство данного следственного действия в условиях видеоконференц-связи носит ограниченный характер, без опознания трупа и предметов. Не содержит данная статья и особенностей производства данного следственного действия, хотя они, несомненно, имеются, ибо, как совершенно верно упоминал в своем труде В.И. Громов данное следственное действие затрагивает права лица, предъявляемого для опознания.

Одним из тактических приёмов является предварительный допрос опознающего. Во время этого допроса необходимо установить обстоятельства, при которых он видел предъявляемое для опознания лицо, о приметах и особенностях, по которым он может его опознать (ч. 2 ст. 193 УПК РФ). При этом нужно учитывать, что опознающий видел это лицо не вчера, прошло уже достаточное время, опознающий находился в стрессовых условиях, часто в условиях плохой или отдаленной видимости и относительно короткий промежуток времени. В.И. Гро-

мов по этому поводу писал, что при первичных допросах подробно должны быть описаны – рост, фигура, покрой одежды, цвет костюмов, обувь, головные уборы, черты лица, усов, бороды, звук голоса, особенности речи. Кроме того, должно быть выяснено на каком расстоянии от себя видел допрашиваемый преступника, с какой стороны и при каком освещении [1, с. 193]. Предъявляя для опознания лицо в условиях видео-конференц-связи происходит искажение физических параметров человека. Он кажется полнее, может искажаться цвет его волос или кожи, так как качество аппаратуры, для проведения сеанса видеоконференцсвязи может быть недостаточно высоким. Кроме того, опознание происходит в помещении при хорошем освещении, а преступление могло проходить на улице или в условиях слабого освещения. Важное значение имеет и расположение камеры, через которую будет осуществляться обзор следственного действия.

В момент опознания опытный преступник находится в спокойном, «парадном» состоянии, в другой одежде. Поэтому, полагаем, указанную статью необходимо дополнить требованием о создании необходимых условий (приближенных к событию преступления) при проведении опознания в условиях использования информационно-телекоммуникационных сетей. Подобной точки зрения придерживается и О.В. Чельшева [6, с. 99] при проведении опознания в любых условиях. Кроме того, полагаем, что следователь, проводивший допрос опознающего, должен предоставить следователю, которому поручено проведение следственного действия информацию о росте, весе, телосложении и других физических данных лица, которое подозревается в совершении преступления (со слов допрошенного).

Мы не согласны с мнением ряда ученых, что предъявление для опознания возможно в случаях, когда опознающий не может назвать приметы опознаваемого, но утверждает, что узнает его, как только увидит [2, с. 86]. От этой ошибки предупреждал еще В.И. Громов [1, с. 194].

Следующий момент, на котором хотелось бы остановиться. В соответствии с ч. 8 ст. 189.1 производство опознания в условиях видео-конференц-связи не допускается, если возможно разглашение государственной или иной, охраняемой законом тайны, или в отношении лица, к которому применены меры защиты. К сожалению, очень часто мы узнаем о хакерской атаке, которая привела к взлому компьютерной программы или нарушении в работе интернета, его зависании, замедлении в работе, прерывании. Поэтому полагаем необходимым защитить каналы видеоконференцсвязи от хакерского воздействия, с целью искажения результатов проводимого следственного действия.

Таким образом, считаем, что ст. 189.1 УПК РФ нуждается в детальной регламентации проведения опознания в условиях видео-конференц-связи и закрепить в статье обязательным, создание условий при его проведении, близких к условиям, в которых опознающий наблюдал опознаваемого. При подготовке к данному следственному действию, следователю, поручающему производство опознания другому следователю, передавать информацию о физических данных лица (рост, вес, телосложение), наблюдавшегося опознающим, при совершении преступления.

Библиографический список

1. Громов В.И. Дознание и предварительное следствие. Аналогия криминалистики: сборник научных трудов. «ЛэксЭст». – М., 2003. – С. 190.
2. Смушкин А.Б. Психологические аспекты производства дистанционных следственных действий как элемента цифровой трансформации процесса расследования / А.Б. Смушкин // Криминалистика. – 2023. – № 1. – С. 86.
3. Тарасов–Родионов П.И. Предварительное следствие. Пособие для следователей / под редакцией проф. М.А. Чельцова-Бебутова. – М.: Юридическое издательство МЮ СССР, 1948. – С. 123–124.
4. Тарасов-Родионов П.И. Предварительное следствие. Пособие для следователей / под ред. Г.Н. Александрова и С.Я. Розенблита. Государственное издательство юридической литературы. – М. 1955. – С. 143–144.
5. Торвальд Ю. Век криминалистики. / Ю. Торвальд. – М.: Прогресс., 1984. – С. 21.
6. Чельшева О.В. Предъявление для опознания и оценка прокурором его результатов / О.В. Чельшева // Криминалистика. – 2021. – № 4 (37). – С. 99.

УДК 343.131

*Н.Е. Муллахметова, к.ю.н., доцент Смоленского
государственного университета
г. Смоленск, Россия*

Нравственные основы уголовного процесса

В статье рассматривается понятие и значение нравственных основ уголовного судопроизводства, которые проявляются, прежде всего, в системе его принципов, в определении его назначения, в гарантиях прав и законных интересов участников процесса.

Ключевые слова: уголовный процесс, нравственные основы, назначение уголовного судопроизводства, принципы уголовного процесса

В последние годы все чаще звучит мысль о том, что воспитание уважения к праву, понимание его ценности невозможно без осмысления духовных, морально-этических принципов жизни общества, категорий справедливости, гуманизма, добра, милосердия, благородства, порядочности, честности и их учета в законотворческой и правоприменительной деятельности.

Сегодня в соответствии с Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 государством принимаются комплексные меры, направленные на сохранение и укрепление традиционных духовных ценностей, т.е. нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение, передаваемых от поколения к поколению, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющих гражданское единство, нашедших свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа нашей страны.

Существующий порядок уголовного судопроизводства в значительной мере отражает мировоззрение, менталитет, морально-этические установки людей. Ученые-процессуалисты на протяжении десятилетий ведут полемику относи-

тельно назначения уголовного процесса, его принципов, ищут пути обеспечить оптимальное сочетание его публичных и частных начал.

Нравственные основы, под которыми мы понимаем систему концептуальных идей, ценностей, норм, предопределяющих поведение человека, его решения и отношения к другим людям и миру в целом, прослеживаются во многих положениях УПК РФ.

Во-первых, наиболее ярко это проявляется в перечне и содержании принципов судопроизводства, которые в свою очередь базируются на конституционных нормах о признании человека, его прав и свобод высшей ценностью. Еще в 2001 году Ю.Д. Лившиц и А.В. Кудрявцева определяли принципы уголовного процесса как его основополагающие идеи, отражающие социальную сущность и политическую направленность деятельности по расследованию и разрешению уголовных дел [3, с. 162].

Все принципы уголовного процесса так или иначе связаны с нравственной основой права, поскольку с учетом назначения уголовного судопроизводства призваны защищать такие ценности как честь и достоинство, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна и др. Принцип свободы оценки доказательств по внутреннему убеждению также лежит в морально-этической плоскости, поднимая вопрос о совести как внутреннем регуляторе всех действий и решений человека.

В последние годы процессуалисты вновь возвращаются к идее, которую высказывал в своих трудах Ю.Д. Лившиц, – о воспитательной функции уголовного процесса, которая необоснованно проигнорирована авторами действующего УПК РФ [4]. При этом реализация воспитательно-профилактических задач уголовного судопроизводства видится ученым в возмещении причиненного преступлением вреда, установлении причин и условий, способствовавших совершению преступлений, и принятии мер к их устранению, в повышении правовой культуры, привитии гражданам уважения к закону. [1, с. 220]. Правовые основы для этого созданы (это, например, ч. 2 ст. 73, ч. 4 ст. 29, ч. 2 ст. 158 УПК РФ), проблема заключается в понимании важности и реальном выполнении этих задач.

Во-вторых, принципы уголовного процесса и определяющие их нравственные начала отражаются в процессуальных гарантиях прав и законных интересов участников процесса, в том числе при применении процессуального принуждения. Так, нормы УПК РФ о производстве следственных действий содержат правила о недопустимости насилия, угроз, об обеспечении безопасности участников, о неразглашении данных предварительного расследования (ст. 161, 164, 179, 181 УПК РФ и др.). Положения закона о свидетельском иммунитете (ч. 3 ст. 56 УПК РФ) тоже учитывают нравственные аспекты процессуальных отношений, призваны обеспечить защиту конфиденциальной информации.

Кроме того, в содержании таких процессуальных институтов как прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон, деятельное раскаяние, тоже заметно влияние морально-этических норм, ведь здесь карательная модель правосудия уступает место идее восстановительной юстиции. Сегодня в юридическом сообществе все чаще звучит мысль о том, что уголовно-процессуальное право можно рассматривать как средство воздействия на социальный конфликт [2].

При этом разрешение этого конфликта предполагает не только привлечение виновного к уголовной ответственности, но и восстановление нормального порядка, существовавшего до совершения преступления, исправление и ресоциализацию лица, совершившего преступное деяние, т.е. правосудие должно быть реституционным, репарационным. Этот подход нашел отражение также в статьях 25.1, 28.1 УПК РФ. Названные положения закона направлены на стимулирование положительного посткриминального поведения лица, совершившего преступление, прежде всего, возмещение либо заглаживание причиненного вреда, что, несомненно, имеет и воспитательное значение.

Введение в уголовный процесс сокращенных процедур, направленных на обеспечение процессуальной экономии (сокращенного дознания, особого порядка судебного разбирательства), тоже можно рассматривать с позиции нравственных основ правосудия. Особый порядок судебного разбирательства при согласии с предъявленным обвинением оказался очень востребованным на практике, однако в ходе прокурорских проверок выявлялись многочисленные нарушения при его применении. Потому вполне закономерным было принятие Федерального закона от 20.07.2020. № 224-ФЗ, в соответствии с которым применение особого порядка теперь допускается только по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести. Одновременно прокуроров нацелили на то, чтобы они максимально взвешенно подходили к даче согласия на применение такого порядка. И это представляется справедливым, ведь процессуальная экономия не должна обеспечиваться в ущерб объективности разрешения уголовного дела.

На сегодняшний день в органах внутренних дел, находящихся на переднем крае борьбы с преступностью, наблюдается дефицит кадров, действующие сотрудники сталкиваются с колоссальной нагрузкой. Такая ситуация требует от властей решительных действий. Очевидно, что если в ближайшее время радикально не поменяется кадровая политика ведомства, то будет снова стоять вопрос об упрощении досудебного производства. Таким образом, повышение качества расследования, гарантий защиты прав граждан становится прозрачной надеждой в условиях кадрового голода.

Активное использование современных компьютерных технологий, освоение электронной информационной среды определяет сегодня вектор развития законодательства, в том числе процессуального. Следует согласиться с Е.Ю. Мировой о том, что при отсутствии нравственно-гуманистического подхода в процессе оцифровывания уголовно-процессуального пространства под потенциальной или реальной угрозой могут оказаться назначение и принципы уголовного судопроизводства; процессуальный статус участников уголовного судопроизводства, обладающих властными полномочиями (дознателя, следователя, руководителя следственного органа и др.); недопустимость разглашения данных предварительного расследования, а также иные общие условия предварительного расследования и судебного разбирательства. По мнению автора, с появлением в процессуальной сфере роботов, технологий искусственного интеллекта, развитием нейросетей, увеличением их влияния повышается риск подрыва нравственных основ уголовного процесса [5, с. 138, 146–147]. Конечно, технический прогресс остановить нельзя, компьютеризация и цифровизация существенно упрощают многие рутинные процессы по обработке информации, по выявлению

определенных закономерностей и корреляционных связей. Однако искусственный интеллект не должен заменить правоприменителя в принятии процессуальных решений, иное противоречило бы концептуальному положению о свободе оценки доказательств в совокупности по внутреннему убеждению.

Эффективность судопроизводства не может оцениваться исключительно с позиции соблюдения формы, экономической выгоды, утилитарности, процессуальной экономии. Закон и практика правоприменения должны строиться на нравственных ценностях общества. И это зависит не только от содержания норм закона, но и от уровня правовой культуры, духовного и нравственного воспитания тех, кто осуществляет судопроизводство, в центре внимания следователя, дознавателя, прокурора и суда должны быть не ведомственные показатели, а человек.

Библиографический список

1. Азарёнок Н.В. Необходимо ли восстановление воспитательно-профилактических задач уголовного судопроизводства в УПК РФ? / Н.В. Азарёнок // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 470. – С. 217–222.
2. Диваев А.Б. Уголовно-процессуальное право – средство воздействия на правовой конфликт / А.Б. Диваев // Философия права. – 2020. – № 1 (92). – С. 105–111.
3. Кудрявцева А.В., Лившиц Ю.Д. О понятии принципа в уголовном процессе / А.В. Кудрявцева, Ю.Д. Лившиц // Известия высших учебных заведений. – 2001. – № 4 (237). – С. 162–170.
4. Лившиц Ю.Д. Воспитательная функция советского уголовного судопроизводства. / Ю.Д. Лившиц. – Караганда, 1974. – 138 с.
5. Миронова Е.Ю. Нравственные начала уголовного процесса в условиях цифровизации: принципиальная неизблемость или неизбежная трансформация / Е.Ю. Миронова // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. – № 1 (146). – С. 136–149.

УДК 343.163

*Е.А. Першина, к.ю.н., доцент НИУ «БелГУ»
г. Белгород, Россия*

Проблемы участия прокурора по делам частного обвинения

В статье рассматривается проблема правовой неопределенности в законе относительно вопроса участия прокурора по делу частного обвинения, когда из категории публичного дело переходит в разряд частного обвинения, а также допустимо ли участие прокурора наряду с частным обвинителем.

Ключевые слова: частное обвинение, прокурор, виды уголовного преследования, уголовное судопроизводство, частный обвинитель.

По делам частного обвинения прокурор, как нам говорит Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее УПК РФ) являясь «должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия», участвует в качестве обвинителя

от имени государства, в крайне редких случаях, которые, на первый взгляд, четко и понятно сформулированы законодателем, однако, погружаясь чуть глубже, особенно с учетом личной адвокатской практики, мы можем увидеть ряд проблем, связанных с возможностью вообще его участия в качестве обвинителя по делу.

Итак, выше упомянутый закон четко формулирует, в каких конкретно случаях участие прокурора обязательно по делам частного обвинения, на это нам укажет ч. 4. ст. 20 УПК РФ:

– первым условием является отсутствие заявления потерпевшего или его законного представителя;

– вторым условием является – если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы (к иным причинам относится также случай совершения преступления лицом, данные о котором не известны);

– третьим условием выступает факт возбуждения уголовного дела частного обвинения (с учетом двух вышеуказанных позиций) либо руководителем следственного органа и следователем, либо дознавателем с согласия прокурора. Отметим, что это тот редкий случай в УПК РФ, когда требуется согласие прокурора на возбуждение уголовного дела, но буква закона есть буква закона.

Отметим, что именно совокупность всех трех условий позволит на законных основаниях прокурору поддерживать обвинение в суде по делам частного обвинения.

Как мы знаем, дел частного обвинения не так уже и много, а на самом деле всего три, это по части первой ст. 115 УК РФ: Умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности; это по части первой ст. 116 УК РФ: Нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 УК РФ; и это по части первой ст. 128.1 УК РФ: Клевета. С последними двумя составами все просто, а вот с первым возникают следующие проблемы, обнаружить их можно только в процессе правоприменения.

Умышленное причинение легкого вреда здоровью, что может быть проще для правоприменителя в процессе судопроизводства: показания свидетелей, заключение специалиста и его показания, показания частного обвинителя (потерпевшего) и замыкает круг – заключение экспертизы, указывающее на саму суть объективной стороны – последствия в виде легкого вреда здоровью. Однако в практике именно заключение может сыграть ту роль, которая впоследствии запустит механизм той самой правовой неопределенности. Приведем случай из практики адвоката: из дознания мировому судье пришло на рассмотрение дело о причинении средней тяжести вреда здоровью – ч. 1. ст. 112 УК РФ, после двукратных отмен как обвинительного, так и оправдательного приговоров, в рамках по сути третьего рассмотрения дела была назначена комплексная дополнительная экспертиза, по результатам которой эксперт дал категорическое заключение о том, что был причинен легкий вред здоровью.

С этого самого момента в заседании наступает правовой коллапс, однако, не долго думая, государственный обвинитель, воспользовавшись своим правом, которое ему дает п. 3 ч. 8 ст. 246 УПК РФ изменяет обвинение в сторону смягчения: с ч. 1. ст. 112 УК РФ на ч. 1. ст. 115 УК РФ, суд согласно разъяснений Постановления Пленума ВС РФ от 05.03.2004 № 1 спрашивает потерпевшего, желает ли он привлекать к уголовной ответственности подсудимого, потерпевший соглашается и переходит в разряд частного обвинителя по делу. Но, несмотря на положения ч. 2. ст. 246 УПК РФ прокурор продолжает поддерживать обвинение в суде наряду с частным обвинителем, кроме того, в дальнейшем подает апелляционное представление и участвует в суде апелляционной инстанции^{1 2}.

Несмотря на жалобы защиты о существенном нарушении норм основного закона страны и УПК РФ – принципа состязательности сторон по делу, т.к. случай не подпадал под условия участия прокурора по делу частного обвинения, подсудимый как в суде первой, так и апелляционной инстанций, был осужден.

Данная правовая неопределенность в законе о порядке действий государственного обвинителя после того, как суд переходит из публичного обвинения в частное, при этом отсутствуют сопутствующие составы преступления, по которым обвиняется подсудимый, приводит к существенным нарушениям прав подсудимого, и как следствие подрывается как авторитет суда, так и органов прокуратуры, ведь согласно ч. 2. ст. 6 УПК РФ отказ от уголовного преследования в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства.

В этой связи мы полностью согласны с мнением доктора юридических наук Мартыничка Е., относительно того, что «прокурор не должен выполнять процессуальную роль субсидиарного обвинителя по делам частного обвинения, автор указывает, что в уголовном судопроизводстве прокурор всегда действует от имени государства, стоит на страже публично-правовых интересов, в том числе охраняя права и свободы человека и гражданина. В уголовно-процессуальном законе эта идея проведена логично и последовательно. По делам частного обвинения прокурор на досудебном и судебном производстве осуществляет взаимосвязанные функции – уголовного преследования и поддержания государственного обвинения. В силу этого ни по одной категории уголовных дел прокурор не вправе быть субсидиарным, вспомогательным обвинителем в судебном разбирательстве» [1].

Можем сделать следующий вывод: требуется внести ясность в порядок действий прокурора после того, как суд переходит из публичного обвинения в частное, и при этом отсутствуют сопутствующие составы преступления, по которым обвиняется подсудимый, сделать это, считаем возможным, допустим, в рамках разъяснений Пленума Верховного суда РФ, общая мысль должна быть следую-

¹ Апелляционное Постановление Свердловского районного суда города Белгорода, Дело № 10-9/2021, Электронный ресурс URL: <https://sverdlovsky-blg.sudrf.ru/modules.php?> (дата обращения 07.03.2024).

² Приговор Мирowego судьи судебного участка №1 Восточного округа города Белгорода по Делу № 1-4/2021/1, Электронный ресурс URL: http://vostok1.blg.msudrf.ru/modules.php?Name=sud_delo&op=cs&case_id=62397243&delo_id=1540006 (дата обращения 07.03.2024).

шей: прокурор должен перестать быть каким-либо участником по делу и передать бразды обвинения в руки частного обвинителя.

Библиографический список

1. Мартынчик Е. Вправе ли прокурор быть субсидиарным обвинителем? // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.13

*Е.И. Попова, преподаватель ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Смартфон как средство фиксации в уголовном процессе: проблемы и решения

В статье рассматривается проблема применения смартфонов для фиксации хода и результатов следственных действий в уголовном процессе. Анализируется вопрос допустимости доказательств, полученных с помощью смартфонов, с точки зрения соблюдения принципа законности.

Ключевые слова: уголовный процесс, цифровые технологии, следственные действия, принцип законности

В силу технического прогресса в уголовном процессе продолжается переход к более активному использованию технических средств, записывающих и сохраняющих данные в электронно-цифровом формате.

Фиксация является одним из этапов собирания доказательств в рамках уголовного процесса. Уголовно-процессуальное законодательство устанавливает, что главным и обязательным способом фиксации следственных действий является протокол. В качестве дополнительного способа фиксации наиболее широко распространена фотосъемка, которая позволяет объективно запечатлеть важную визуальную информацию, дополняющую письменное описание в протоколе, дать точное и объективное представление об обстановке и улучшить понимание описываемого события.

На практике признается допустимость фиксации хода и результатов следственного действия с помощью смартфона, как одного из наиболее распространенных технических средств фиксации, а именно применяющегося большинстве случаев наряду с цифровым фотоаппаратом, цифровой видеокамерой и веб-камерой [8, с. 77], что обусловлено рядом преимуществ, таких как компактность, высокое качество аудио, видеозаписей и фотографий, возможность оперативного сохранения и передачи данных.

Так, камера смартфона применяется для фото- и видеосъемки в ходе осмотра места происшествия [5, с. 21] и проведении проверки показаний на месте [5, с. 90]. При этом в протоколе следственного действия вместо марки применяемого смартфона зачастую указывают наименование фотоаппарата, находящегося на балансе следственного органа или органа дознания [6, с. 98]. Кроме того, «в ряде случаев, суды, установив, что при осмотре места происшествия велась видеосъемка камерой мобильного телефона, не усматривают оснований, установленных уголовно-процессуальным законом, для признания протокола осмотра места происшествия недопустимым доказательством» [6, с. 99].

По своим техническим характеристикам современные телефоны сопоставимы с фотоаппаратами и видеокамерами, и с точки зрения фиксации изображения мало чем от них отличаются. Но при этом смартфоны обладают рядом преимуществ - они компактны, позволяют оперативно обмениваться данными, и обладают дополнительными функциями, например, геолокацией, сканированием изображений с последующим распознаванием на них текста и т.д., которые также могут быть полезны при проведении следственных действий.

Е.П. Ищенко считает, что «активное использование следователями смартфонов в качестве универсальных технико-криминалистических средств может сыграть очень полезную роль в повышении результативности производства следственных действий, организационных и розыскных мероприятий, оптимизации расследования преступлений. Все процессуальные действия следователь может произвести с использованием смартфона, важными компонентами которого являются фотовидеокамера, диктофон и другие приложения» [2, с. 23].

С другой стороны, обеспечение безопасности и конфиденциальности полученных данных имеет важнейшее значение для соблюдения принципа законности при применении смартфонов для этих целей и дальнейшего признания доказательств допустимыми. Информация, запечатленная на фотографиях, вместе с протоколом следственного действия, служит источником доказательств. Поэтому доказательственная ценность полученной фотографии зависит от точного соблюдения правил криминалистической фотографии и процессуального оформления самого процесса съемки и его результата.

Принцип законности является одним из основополагающих принципов уголовного судопроизводства. Следует согласиться с Ю.Д. Лившицем и А.В. Кудрявцевой, в том, что, «строжайшее соблюдение всех процессуальных правил является гарантией законности процессуальных решений, принимаемых по делу, и достоверности фактических данных, используемых в качестве доказательств. Несоблюдение же требований уголовно-процессуального закона ставит под сомнение достоверность доказательств по делу, правильность принимаемых решений и в итоге может привести к аннулированию тех или иных выводов и результатов» [4, с. 55].

Прямых законодательных ограничений на использование смартфонов в указанных целях не имеется, поскольку УПК РФ не содержит исчерпывающего перечня технических средств, допустимых для использования при производстве следственных действий. Однако он устанавливает общие требования и процессуальные нормы, которые необходимо соблюдать вне зависимости от конкретного технического средства. В частности, ст. 82, 164, 164.1, 166 УПК РФ регламентируют общий порядок применения технических средств; а также ст. 170, 178–180, 186, 189–192, 204 УПК РФ регламентируют порядок их применения в ходе следственных действий.

Можно рассматривать ч. 5 ст. 166 УПК РФ как правовое основание для использования различных технических средств, включая смартфоны, при производстве следственных действий [3, с. 10]. В ней содержится обязательное требование указывать в протоколе сведения о примененных технических средствах, условиях, порядке и результатах их применения, а также делать отметку о предупреждении участников о применении технических средств.

Р.С. Белкин справедливо подчеркивал: «правомерность, допустимость применения – вот тот основной критерий, с позиций которого оценивается всякое новое технико-криминалистическое средство. При этом допустимость обычно понимается как непротиворечие применения криминалистического средства духу и букве закона..., а буква закона никогда не может охватить всего непрерывно развивающегося арсенала средств и методов борьбы с преступностью... В законе должны быть определены лишь общие условия допустимости технических средств, общие правила их применения в уголовном судопроизводстве» [1, с. 104].

Следовательно, решающее значение имеет не техническое средство само по себе, а соблюдение процессуального порядка его применения в ходе проведения следственных действий и обеспечение в соответствии со ст. 75 и 88 УПК РФ получения доказательств, обладающих свойствами относимости, допустимости и достоверности информации, зафиксированной с его помощью.

Вместе с тем, при использовании смартфонов возникают следующие специфические риски:

1. Риск потери или повреждения данных:
 - случайное удаление фотографий или видеозаписей;
 - физическое повреждение смартфона в следствие падения, удара, попадания жидкости и т.д.;
 - кража или случайная потеря смартфона;
 - выход из строя внутреннего накопителя памяти в смартфоне или карты памяти.
2. Риск несанкционированного доступа к данным или их изменения:
 - взлом смартфона и получение доступа посторонними лицами к фотографиям и видеозаписям с последующей «утечкой» информации в сеть «Интернет» [7, с. 168];
 - умышленное внесение изменений в фотографии и видеозаписи.
3. Риск некачественной фотофиксации из-за технических ограничений:
 - получение слишком темных, размытых, изображений в условиях плохой освещенности, а также наличие на них «шумов»;
 - ограниченные возможности увеличения и детализации встроенной камеры смартфона;
 - недостаточная глубина резкости;
 - отсутствие сменной оптики.
4. Риск признания полученных доказательств недопустимыми:
 - несоблюдение требования о разъяснении прав участникам проводимого следственного действия;
 - отсутствие в протоколе сведений о примененном смартфоне, условиях и порядке его применения;
 - ненадлежащее процессуальное оформление результатов применения смартфона.

Таким образом, использование смартфонов для фиксации следственных действий не противоречит букве закона, но требует соблюдения ряда условий. В-первых, применение смартфона не должно нарушать права и законные интересы участников процесса. Необходимо предупредить участников следственного дей-

ствия о применении такого технического средства, а также указать в протоколе сведения о нем, условиях и итогах его применения.

Во-вторых, необходимо обеспечить конфиденциальность и защиту полученных данных и исключить возможность несанкционированного доступа к ним, а также обеспечить их сохранность на всех этапах от момента создания фотографии или видеозаписи до их приобщения к материалам дела.

В-третьих, сами проводимые следственные действия должны проводиться в соответствии с уголовно-процессуальными нормами и принципами уголовного судопроизводства.

Для минимизации указанных рисков и соблюдения приведенных условий могут быть применены следующие меры:

1. Введение служебных смартфонов, которые сотрудники правоохранительных органов будут получать под подпись;

2. Если фотографии сохраняются на карту памяти, извлечение которой предусмотрено конструкцией смартфона, то по завершении следственного действия ее следует приобщить к материалам уголовного дела;

3. Перенесенные по завершении следственного действия на компьютер следователя фотографии из памяти смартфона должны быть распечатаны на бумаге для составления фототаблицы или записаны на CD-R диск, предназначенный для однократной записи информации, который затем опечатывается и хранится с материалами уголовного дела. При этом указанные фотографии после копирования на компьютер или записи на CD-R диск необходимо удалять из памяти смартфона с обязательной демонстрацией понятым;

4. Сделать в протоколе проведенного следственного действия отметку о марке примененного смартфона и его технических характеристиках, а также о карте памяти или CD-R диске с имеющимися на них фотографиями.

Повышение осведомленности следователей и специалистов о правилах информационной гигиены при работе со смартфонами, а также разработка ведомствами четких инструкций по обращению с подобными цифровыми доказательствами для минимизации рисков их утечки или повреждения.

Таким образом, использование смартфонов для фиксации хода и результатов следственных действий требований не противоречит действующему законодательству и может рассматриваться как целесообразное при условии комплексного подхода, включающего соблюдение мер информационной безопасности и строгое следование процессуальным нормам, позволит максимально эффективно задействовать возможности смартфонов для фиксации хода и результатов следственных действий.

Библиографический список

1. Белкин Р.С. Общая теория криминалистики в условиях научно-технической революции / Р.С. Белкин // Советское государство и право. – 1977. – № 5. – С. 104–105.

2. Ищенко Е.П. У истоков цифровой криминалистики / Е.П. Ищенко // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2019. – №. 3 (55). – С. 15–28.

3. Ищенко Е.П., Крамаренко В.П., Шевченко Е.С. Смартфон как научно-техническое средство следователя / Е.П. Ищенко, В.П. Крамаренко, Е.С. Шев-

ченко // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – №. 4. – С. 9–12.

4. Лившиц Ю.Д., Кудрявцева А.В. Принцип законности в уголовном процессе / Ю.Д. Лившиц, А.В. Кудрявцева // Южно-Уральский юридический вестник. – 2001. – №. 1. – С. 53–56.

5. Литвин И.И. Современные технические средства и проблемы их применения в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // дисс.... канд. юрид. наук / Литвин И.И. – Екатеринбург, 2018. – 219 с.

6. Литвин И.И. Мобильный телефон как средство фиксации при производстве следственных действий: процессуальные проблемы оформления и оценки полученных материалов // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2020. – №. 4. – С. 97–100.

7. Максимов Н.В. Вопрос о возможности использования мобильного телефона для фото-и видеофиксации следственных действий в ходе расследования преступлений // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета. – 2021. – С. 166–169.

8. Соколов А.Б., Горшков М.М. Видеозапись как дополнительный способ фиксации хода и результатов следственного эксперимента: организационный и содержательный аспекты // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2023. – №. 2. – С. 75–81.

УДК 343.13

*Г.С. Русман, д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой
уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы
Юридического института ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Реализация воспитательной функции в поощрительных формах уголовного судопроизводства

В статье рассматриваются особенности проявления воспитательной функции уголовного судопроизводства в поощрительных уголовно-процессуальных формах. Соответствуя назначению уголовного процесса поощрительные формы уголовного судопроизводства восполняют воспитательную функцию судопроизводства, способствуют скорейшей социализации лица, совершившего преступление без пополнения статистики осужденных лиц.

Ключевые слова: цель уголовного процесса, уголовно-процессуальные функции, воспитательная функция, поощрительные формы уголовного судопроизводства.

Цель и функции уголовного процесса всегда обуславливаются социально-экономической политикой государства в определенный временной период. При этом цель достигается, а задачи разрешаются именно посредством осуществления функций.

В советской доктрине наряду с ближайшей целью уголовного процесса, под которой понималось изобличение преступника, применения к нему справедли-

вого и законного наказания, выделялась цель в более широком понимании – охрана советского строя и правопорядка, воспитание граждан [6, с. 15].

В качестве конечной цели уголовного судопроизводства видится установление факта (отсутствия факта) существования уголовно-правового конфликта и его разрешение профессиональными участниками уголовного процесса, каждым в пределах своей уголовно-процессуальной функции, непрофессиональными его участниками – в пределах предоставленных каждому из них процессуальных прав по участию в разрешении уголовно-правового конфликта [1, с. 25].

При этом исходя из направленности уголовно-процессуальной деятельности в настоящее время ожидаемым её результатом является разрешение уголовно-правового конфликта в предусмотренном законом порядке с помощью эффективных и рациональных процессуальных форм, с соблюдением прав и законных интересов его участников. В то же время эффективность и рациональность подразумевают профилактический и воспитательный эффекты, что детерминировано ролью субъективного фактора в уголовном процессе.

Следует обратить внимание на отсутствие законодательно закрепленного в нормах уголовно-процессуального права какого-либо общеправового принципа, связанного с воспитательной функцией или воспитательным воздействием уголовного процесса; равно как и цель уголовного процесса не включает в себя такое направление регулятивного воздействия уголовно-процессуальной нормы.

Таким образом, законодатель не транслирует правоприменителю и обществу свою заинтересованность в каком-либо воспитательном эффекте уголовно-процессуальной деятельности и судопроизводства, не рассматривая таковое и в качестве одной из целей уголовно-процессуальной деятельности.

Тогда как в теории указывается об общественной заинтересованности достаточно большого круга лиц в стимулировании правомерных действий. Так, отмечается, что борьба с правонарушениями должна вестись не только по линии усиления юридической ответственности, но и путем того или иного правового стимулирования правомерных действий, причем разноплановых – как сознательных правомерных действий, не предполагающих изначально умысла на нарушение закона, так и отказа от совершения правонарушений, в случае, когда лицо желало совершить противоправное деяние, но, тем не менее, отказалось от реализации такой идеи [3, с. 231].

Значение воспитательной функции уголовного судопроизводства явственно прослеживается при реализации его поощрительных форм, которые представляют собою совокупность процедур, гарантий и условий, предназначенных для реализации уголовно-правовых поощрительных норм, фиксации оснований применения поощрения и разрешения уголовно-правового конфликта при позитивном, одобряемом государством и обществом, поведении лица, привлекаемого к уголовной ответственности [5, с. 24].

Таким образом, в рамках уголовного процесса поощрение является положительным правовым стимулом универсального характера, а его цель как процедуры уголовного судопроизводства – разрешение уголовно-правового конфликта посредством взаимовыгодного сотрудничества лица, привлекаемого к уголовной ответственности, потерпевшего, общества и государства в рамках эффективных, рациональных и целесообразных форм.

Ю.Д. Лившиц, отмечал, что уголовное судопроизводство имеет большие возможности для осуществления воспитательного воздействия в психологическом плане, поскольку лица, в той или иной степени, попадающие в его орбиту, не могут оставаться безучастными к тому, что происходит. ... Эффективность воспитательного воздействия, отмечает автор, в данном случае во многом зависит от глубины интереса к тому или иному уголовному делу, от концентрации внимания на нем, которая во многом предопределяется качеством самой организации производства по делу [4, с. 149].

Трудно не согласиться с Юрием Даниловичем в том, что «воспитательная функция уголовного процесса, в отличие от других, в полной мере проявляет себя во всех его стадиях, но не каждая стадия дает для этого равные возможности. Эта функция в значительной мере проявляется через другие процессуальные функции» [4, с. 135]. В то же время эффективное уголовное судопроизводство не терпит формализма при реализации функций.

Так реалии существующего процесса, стремящегося к состязательному, демонстрируют недостаточность профессионализма как судейского состава, так и участников стороны защиты и обвинения, зачастую, формально выполняющих свои полномочия и не вникающих в суть или не внимательно изучающих уголовные дела.

Следует оговориться, что литературе профессионализм судьи определяется как системное образование, состоящее из совокупности таких элементов как: интеллект (глубокое знание материального и процессуального права, способность к правовому аналитическому мышлению), культура (правовая, личностная, эстетическая), нравственно-психологические качества (честность, мужество, правдивость и т.д.), которые необходимы судье для полноценного осуществления своих должностных обязанностей [2, с. 108].

В качестве примера можно привести случаи судебной практики, когда при наличии всех необходимых правовых условий для реализации такой поощрительной формы как прекращение уголовного дела судом выносится приговор. При этом, сторонам не разъясняется право заявить ходатайство о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон или деятельным раскаянием, равно как и возможность применения судебного штрафа. Ни защитник, ни государственный обвинитель, ни суд, не разъясняя данные процессуальные возможности, в отсутствие ходатайств сторон о прекращении уголовного дела по указанным основаниям, не предпринимают действий для разрешения уголовного дела иным способом, в связи с чем, суд выносит приговор, тем самым ухудшая положение подсудимого, порождая соответствующие процессуальные последствия.

Тогда как альтернативное приговору судебное решение о применении поощрительных норм и прекращение уголовного дела по соответствующему основанию, в полной мере позволяет достигнуть целей уголовного процесса, поскольку предполагает активное социально-положительное поведение лица, привлекаемого к уголовной ответственности, возмещение ущерба потерпевшему, реализацию воспитательной функции уголовного процесса, в рамках которой лицо, впервые совершившее преступление небольшой общественной опасности, попадая в предусмотренный государственный механизм судопроизводства, предпринимает

меры по нивелированию негативных правовых последствий и восстановлению прав потерпевшего.

Кроме того, наряду с указанными позитивными результатами применения поощрительных норм, прекращение уголовного дела по соответствующим основаниям по своей процессуально-правовой форме в полной мере отвечает требованиям справедливости и гуманности.

Таким образом, суд, разъясняя сторонам об имеющихся ускоренных процедурах и упрощенном порядке разрешения уголовного дела (по преступлению небольшой и средней степени тяжести), тем самым дает сторонам возможность самостоятельно определить перспективы их реализации и условия прекращения уголовного дела.

Изложенное подтверждает, что методами воспитательного воздействия являются методы приучения и поощрения. Приучение, как указывает Ю.Д. Лившиц, охватывает все приемы и средства, которые имеют своей целью формирование в воспитуемом морально-волевых качеств и привычек, правильного поведения [4, с. 181]. Процессуальный режим при условии его точного соблюдения способен оказать определенное воспитательное воздействие в смысле приучения вести себя в соответствии с правилами [4, с. 182].

Раскрывая метод приучения в рамках воспитательной функции уголовного процесса Ю.Д. Лившиц пояснял, что правило процессуального режима должно быть доведено до сознания воспитуемого разъяснением, словесными оценками его поведения, так как правило должно быть воспринято как целесообразное, имеющее определенный смысл. Следовательно, судья, сообразуясь с данным, характеризующими личность воспитуемого, в каждом конкретном случае должны определять необходимые формы такого разъяснения и убеждения [4, с. 182–183].

Как следствие такая правовая информированность позволяет эффективно реализовать не только поощрительные нормы, но и в целом эффективно осуществлять уголовно-процессуальную деятельность.

Таким образом, поощрительная уголовно-процессуальная форма соответствует назначению уголовного процесса, не нарушает прав, свобод и законных интересов его участников, а признание государством социально-положительного поведения лица, впервые привлекаемого к уголовной ответственности, восполняет и воспитательную функцию судопроизводства в целом, без пополнения статистики осужденных лиц.

Библиографический список

1. Баев О.Я. Правовые и тактические основы усмотрения в уголовном преследовании: учебное пособие / О.Я. Баев. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 232 с.
2. Бережко Е.В. Нравственные основы уголовного судопроизводства / Е.В. Бережко. – Оренбург: Издательство «Бибком», 2013. – 206 с.
3. Краснов А.В. Поощрительная санкция и законный интерес: вопросы соотношения. / Матузов Н.И., Малько А.В. Поощрительные санкции в праве: общетеоретический и отраслевой аспекты: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 400 с.
4. Лившиц Ю.Д. Избранные труды / Ю.Д. Лившиц. – Челябинск: Книга, 2004. – 216 с.

5. Русман Г.С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства: дис. ... доктора юрид. наук. / Г.С. Русман. – Челябинск, 2023. – 564 с.

6. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс / М.А. Чельцов. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1951. – 512 с.

УДК 343.1

*Т.К. Рябинина, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики ЮЗГУ
г. Курск, Россия*

Обеспечение прав потерпевшего как основа сбалансированности частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве¹

В статье рассматривается проблема обеспечения прав потерпевшего в контексте трансформации уголовного судопроизводства в сторону его правообеспечительного характера. Из содержания ст. 6 УПК РФ следует, что государство, защищая частные интересы лиц, потерпевших от преступлений, преследует публичный интерес, осуществляя уголовное преследование виновных лиц.

Ключевые слова: частные и публичные интересы, права потерпевшего, уголовное преследование.

Современная судебная реформа в России, необходимость проведения которой была обусловлена произошедшими изменениями в системе взаимоотношений государства и личности, подтвердила основное направление в реформировании уголовного судопроизводства – это защита прав и свобод человека, обеспечение их законных интересов [5, с. 33, 35]. Принятая в 1993 г. Конституция РФ провозгласила, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2), что не могло не отразиться на уровне защищенности личности посредством утверждения судебной власти в России. Именно суд в силу конституционных положений является средством обеспечения прав и свобод каждого гражданина в любой сфере их жизнедеятельности, в том числе и в уголовном судопроизводстве, путем реализации права на судебную защиту (ст. 45 и 46 Конституции РФ). Конституция РФ, гарантируя права и свободы человека и гражданина (ст. 17), установила, что обеспечиваются они правосудием (ст. 18) посредством судопроизводства (ст. 118), в том числе и уголовного.

УПК РФ 2001 г., восприняв важнейшие конституционные положения, касающиеся защиты прав личности в сфере уголовного судопроизводства, укрепил фундаментальные демократические основы правосудия – неприкосновенность личности, презумпцию невиновности, обеспечение права на защиту, состязательность сторон и другие гуманистические принципы уголовного судопроизводства, опирающиеся на переосмысленное назначение уголовного судопроизводства – это защита прав и законных интересов лиц, организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного

¹ Публикация подготовлена в рамках государственного задания по теме «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод (ст. 6 УПК РФ). Именно такое двуединое предназначение уголовного судопроизводства позволяет сбалансировать извечный конфликт между личностью и государством в сфере производства по уголовному делу [7, с. 24–25; 9; 6; 4], позволяет определить место уголовно-процессуальной деятельности в социальной жизни общества и государства.

Тем самым налицо переориентация с защиты публичных интересов (борьба с преступностью) в сторону защиты частных интересов участников уголовного процесса, причем на первый план выходит фигура потерпевшего и его главный интерес – обеспечение доступа к правосудию.

Правовой статус потерпевшего рассматривается теперь не просто как один из элементов правового регулирования правоотношений между государством в лице его органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, и частным лицом, пострадавшим от преступления, личностью – индивидом, но и, как верно отмечает О.И. Андреева, личностью – членом общества, что позволяет учесть цели и законные интересы не только личности, но и самого общества, а в конечном итоге и государства [1, с. 71].

Анализируя положения ст. 6 УПК РФ, касающиеся защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, видим, что, во-первых, обеспечение такой защиты в качестве обязанности возлагается на государство в лице его органов и должностных лиц, деятельность которых по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовного дела подчинена правилам уголовно-процессуального закона, что уже само по себе выражает публичный характер и накладывает на соответствующие органы и должностные лица ответственность за законность проведенных ими процессуальных действий и принятых решений. Во-вторых, частный интерес потерпевшего – обеспечение доступа к правосудию, проявляется вновь через публично-государственную деятельность по уголовному преследованию и назначению виновным справедливого наказания. В-третьих, законные интересы каждого в отдельности потерпевшего-индивида в раскрытии и расследовании преступления, установлении виновного лица, привлечении его к уголовной ответственности и назначении наказания – в итоге суммируются в общественный и государственный интерес, то есть интересы индивида и государства в целом совпадают.

Совершенно очевидно, что изменившаяся парадигма взаимоотношений между государством и личностью на примере потерпевшего свидетельствует, что как такого конфликта между частными и публичными интересами в уголовном судопроизводстве в глобальном понимании сути его назначения существовать не должно, тем более, что потерпевший – лицо, стоящее на стороне обвинения, и он вправе участвовать в уголовном преследовании обвиняемого (ст. 22 УПК РФ), инициировать уголовное преследование (ч. 2, 3 ст. 20, ст. 23 УПК РФ), то есть осуществлять, по сути, единую с органами обвинения функционально-направленную деятельность. Правильно отмечается многими авторами, что соотношение частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве носит скорее не конфликтный, а взаимодополняющий характер [2, с. 36] – одно без другого не может существовать.

Уголовный процесс – сфера государственно-публичной деятельности, в которую вовлечены частные лица, которые, в действительности, могут иметь проти-

воположные цели, интересы, вносящие определенный дисбаланс в эту деятельность и уголовно-процессуальные отношения. Интересы потерпевшего и органов обвинения порой могут не совпадать, потерпевший вообще может отказаться от своего права на преследование обвиняемого, от материальных взысканий за причиненный ему вред и даже простить обвиняемого, примириться с ним. Вопрос в другом – насколько волеизъявление потерпевшего, его мнение по поводу дальнейшего уголовного преследования обвиняемого влияет на решение следователя, дознавателя, суда.

Действительно ли провозглашенный Конституцией РФ примат частных интересов над публичными есть реальность или декларация? Ответ на этот вопрос дают правовые нормы, регулирующие правовой статус потерпевшего. Совершенно очевидно, что с каждым годом законодатель расширяет возможности потерпевшего на отстаивание своих прав и законных интересов. Достаточно проанализировать дополнения, внесенные в УПК РФ, касающиеся признания лица потерпевшим, участия потерпевшего в процессуальных действиях, в ознакомлении с материалами уголовного дела, участия представителя потерпевшего, права возражать против рассмотрения уголовного дела в особом порядке, прав по участию в судебном разбирательстве в судах вышестоящих инстанций и пр. Бесспорно, возросший объем прав у потерпевшего стимулирует большую активность и повышенную ответственность представителей правоохранительных органов, обеспечивающих реализацию этих прав. Следует согласиться с В.В. Струковой, считающей, что только воля конкретного человека – участника процесса обуславливает динамику уголовного процесса и означает для конкретного лица возможность защищать свои права, свободы и законные интересы с помощью уголовного судопроизводства [8, с. 158], то есть публичными средствами.

Однако нельзя обойти стороной не решенные законом проблемы, свидетельствующие об ограничении его прав, игнорировании его интересов, желаний, предпочтений, идущих порой вразрез с интересами публичными. Например, положения ч. 3 ст. 21 УПК РФ о том, что руководитель следственного органа, следователь, а также с согласия прокурора дознаватель в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ, уполномочены осуществлять уголовное преследование по уголовным делам частного обвинения независимо от волеизъявления потерпевшего, в том числе в случае совершения преступления лицом, данные о котором не известны, явно свидетельствует о приоритете публичных начал, поскольку такая инициатива исходит не от потерпевшего. Такой законодательный ход подтверждает и норма, содержащаяся в ч. 1.1 ст. 319 УПК РФ, о том, что в случае если в поданном заявлении потерпевшего отсутствуют данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности, мировой судья отказывает в принятии заявления к своему производству и направляет указанное заявление руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в соответствии с ч. 4 ст. 20 УПК РФ, о чем уведомляет лицо, подавшее заявление. Вновь необъяснимо, почему такое решение мировой судья принимает не по ходатайству потерпевшего, а по собственной инициативе.

Верно отмечается, что частные интересы потерпевшего ограничиваются в связи с тем, что законодатель не последователен в наделении равными правами по-

терпевшего и обвиняемого. Так, Е.А. Артамонова предлагает расширить права потерпевшего, предоставив ему, в частности: право пользоваться услугами адвоката на допросе; в случаях возникновения между прокурором и потерпевшим частных правовых конфликтов позволить последнему самостоятельно поддерживать обвинение; законодательно закрепить согласие потерпевшего в качестве необходимого условия для прекращения уголовного дела (преследования) по не-реабилитирующим основаниям [3, с. 50].

Можно еще продолжить перечень ситуаций, не учитывающих волеизъявления потерпевшего: при передаче уголовного дела по подсудности учитывается только мнение подсудимого (ч. 2 ст. 34 УПК РФ), при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), при избрании меры пресечения (глава 13 УПК РФ), при отказе прокурора от обвинения (ч. 7 ст. 246 УПК РФ) также не учитывается мнение потерпевшего и пр. На предварительном слушании потерпевший, в отличие от стороны защиты, лишен права на заявление ходатайства об истребовании дополнительных доказательств или предметов (ч. 7 ст. 234 УПК РФ). Копии приговора в любом случае вручаются осужденному или оправданному, его защитнику и обвинителю, а потерпевшему – при наличии ходатайства об этом (ст. 312 УПК РФ).

Кто-то может возразить, что отход от принципа равенства прав обвиняемого и потерпевшего при производстве по уголовному делу не влияет на баланс частных и публичных интересов, ведь оба эти участника – частные лица и преследуют они свои частные интересы. Однако именно ущемление прав потерпевшего как лица, которое государство в первую очередь взяло под свою защиту, напрямую может сказаться на объективном и всестороннем расследовании уголовного дела, эффективной доказательственной деятельности, справедливом судебном разбирательстве, и в итоге – на реальном обеспечении его доступа к правосудию, в чем и состоит социальная (публичная) ценность назначения уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Андреева О.И. Соотношение прав и обязанностей государства и личности в правовом государстве и специфика его проявления в сфере уголовного судопроизводства: монография / О.И. Андреева. – Томск: Изд-во ТГУ, 2004. – 138 с.
2. Арабули Д.Т. Защита личности – приоритет уголовного судопроизводства / Д.Т. Арабули // Российская юстиция. – 2011. – № 12. – С. 36–38.
3. Артамонова Е.А. Права потерпевшего и права обвиняемого в уголовном судопроизводстве должны быть сбалансированы / Е.А. Артамонова // Российская юстиция. – 2011. – № 2. – С. 47–50.
4. Багаутдинов Ф.Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений / Ф.Н. Багаутдинов. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 544 с.
5. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. – М.: Республика, 1992. – 111 с.
6. Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. / Л.Н. Масленникова. – М., 2000. – 47 с.
7. Петрухин И. Публичность и диспозитивность в уголовном процессе / И. Петрухин // Российская юстиция. – 1999. – № 3. – С. 24–25.

8. Струкова В.В. Необходимость расширения частных начал в уголовном судопроизводстве / В.В. Струкова // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2012. – № 5 (44). – Ч. 1. – С. 156–161.

9. Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. – М.: ООО «ТК Велби», 2003. – 720 с.

УДК 343.131

*Н.В. Спесивов, к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА»
г. Саратов, Россия*

Воспитательно-профилактическая функция уголовного судопроизводства: есть ли будущее у столь важного наследия прошлого?

Статья посвящена исследованию социального назначения российского уголовного судопроизводства, а именно его воспитательно-профилактической задаче. Автор отмечает важный вклад трудов профессора Ю.Д. Лившица в теоретическую разработку реализации цели и задач уголовного судопроизводства и, в частности, его воспитательной составляющей. Рассуждения автора, представленные в данной работе, являются прямым продолжением современного осмысления указанной проблематики.

Ключевые слова: социальное назначение уголовного судопроизводства, воспитательно-профилактическая функция уголовного процесса, справедливость, баланс интересов.

Уголовное судопроизводство является ключевой государственной формой (средством) поддержания и обеспечения правопорядка в социуме, посредством которого устанавливается контроль над преступностью. Безусловно, что такая защита общества от преступных посягательств, предупреждение совершения преступлений и восстановление нарушенных прав выражается не только и не столько в карательной составляющей уголовного процесса.

Для достижения этой цели необходимо обеспечить баланс интересов всех участников процесса – личности, общества и государства, что и является актуальной задачей в рамках уголовного судопроизводства. В связи с этим, в современном российском обществе уголовное судопроизводство должно являться квинтэссенцией механизма установления контроля над преступностью и достижение своей социальной миссии.

Социальное назначение уголовного судопроизводства позволяет обеспечить общественный порядок, удовлетворяя при этом интересы государства, общества и отдельной личности, а также способствует установлению справедливости и законности.

Это обуславливает не только применение принуждения со стороны государства, но и обязанность государственных органов и должностных лиц уже с момента вовлечения лиц в качестве подозреваемых в уголовный процесс параллельно с задачей объективного расследования дела обеспечивать реализацию воспитательно-профилактического эффекта уголовно-процессуальной деятельности с целью недопущения противоправного поведения таких лиц в настоящем и будущем. Но достаточен ли потенциал воспитательно-профилактического воз-

действия государства, заложенный в уголовно-процессуальном законодательстве? И реализуется ли он в настоящее время?

Фундаментальным основоположником теории воспитательного воздействия уголовного судопроизводства в советское время стал Ю.Д. Лившиц. Именно им на монографическом уровне концептуально сформулировано предупредительно-воспитательное воздействие уголовного судопроизводства. В своей работе, Ю.Д. Лившиц абсолютно верно выделяет саму воспитательную функцию, определяет такие методы воспитательного воздействия, как убеждение, принуждение, приучение, поощрение[3]. Важное место в достижении воспитательного воздействия Юрий Данилович отводит принципу законности, а также гласности, формулируются объект воспитательного воздействия, который рассматривается им как активная категория, а воспитательный процесс как взаимодействие воспитателя и воспитуемого[2, с. 121–123].

Развивая мысли ученого, можно констатировать, что понятие воспитательно-профилактической направленности тесно связано с нравственностью в уголовном судопроизводстве.

Следует согласиться с Н.С. Мановой, что «уголовное судопроизводство не может не опираться на нормы нравственности, сформировавшиеся в обществе на основе представлений о справедливости, совести... в силу того, что данный вид государственной деятельности связан с возможностью ограничения прав и свобод граждан, с вторжением в их личную жизнь»[4, с. 35–36].

Выполнение задачи установления контроля над преступностью и обеспечение безопасности личности, общества и государства невозможно без профилактической составляющей, которая пронизывает суть не только уголовно-правовой политики государства, но и является важнейшей составляющей назначения уголовного судопроизводства как деятельности и уголовно-процессуального законодательства ее регламентирующего. Полагаем, что именно в таком аспекте должно пониматься целостное назначение уголовного судопроизводства, обозначенное в статье 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Профилактический характер уголовно-процессуальной деятельности государства берет свои истоки из УПК РСФСР 1960-го года. Его статья 2 закрепляла задачи уголовного судопроизводства, к которым, помимо положений так или иначе перешедших в современный УПК РФ, было отнесено способствование уголовного судопроизводства укреплению законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития.

На первый взгляд, о профилактическом назначении в статье 6 УПК РФ речи не идет. Превентивный характер уголовно-процессуальной деятельности государства заложен в части 2 статьи 73 УПК РФ, в которой говорится о том, что помимо обязательных к установлению обстоятельств, без которых невозможно всестороннее, полное, объективное расследование дела, а соответственно и последующее справедливое его разрешение, подлежат выявлению обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Кроме того, на профилактическую составляющую в деятельности государства в лице компетентных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, указывают положения статей 158 УПК РФ и 29 УПК РФ.

Еще одним уголовно-процессуальным институтом, реализующимся субъектами уголовного преследования в контексте профилактического права, является заключения с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве. Как указывает А.В. Гриненко: «Социальное предназначение данной процедуры состоит в том, что подозреваемый, обвиняемый получают возможность выразить деятельное раскаяние в совершенном преступлении независимо от степени его тяжести, а сторона обвинения – создать благоприятные для этого лица условия по привлечению у уголовной ответственности и принятию мер обеспечения безопасности»[1, с. 156].

Помимо этого, нельзя не сказать о профилактическом потенциале так называемых «льготных», компромиссных процедур. Согласно с мнением Г.С. Русман, что в основе поощрительных уголовно-процессуальных отношений и норм, их регулирующих, лежит принцип гуманизма, который «проявляется в индивидуализации подхода при производстве по конкретному уголовному делу, создании таких условий, которые будут максимально способствовать развитию личных положительных свойств человека»[5, с. 104].

Учитывая вышеизложенное, одним из решений реализации профилактической компоненты в уголовном судопроизводстве на наш взгляд является концепция транспарентности, под которой в уголовно-процессуальной сфере мы понимаем процессуальную основу открытого, доступного и справедливого производства по уголовным делам [6]. По нашему мнению, обеспечение транспарентности уголовного судопроизводства находится в прямой коррелирующей зависимости с проблемами достижения социального назначения данного вида государственной деятельности, неотъемлемой составляющей которого является профилактическая направленность.

Развитие информационных технологий, информатизация и диджитализация различных сфер жизнедеятельности человека создает все условия для укрепления роли институтов гражданского общества в деятельности по обеспечению прав и свобод человека и гражданина, а также пресечению противоправного поведения, в том числе со стороны государственных органов и должностных лиц. Это соотносится с важнейшей задачей государства по обращению технологических возможностей во благо решения задач обеспечения баланса интересов личности, общества и государства, в том числе в сфере уголовного судопроизводства, а именно его воспитательно-профилактической направленности, установления контроля над преступностью, укрепления доверия общества к существующей правоохранительной системе.

Библиографический список

1. Гриненко А.В. Договорные отношения в российском уголовном судопроизводстве / А.В. Гриненко // Журнал российского права. – 2019. – № 2. – С. 156.
2. Кудрявцева А.В. Значение научного наследия Ю.Д. Лифшица в развитии современного уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы права России и стран СНГ-2004 г.: материалы VI Международной научно-практической

конференции, посвященной 75-летию и памяти профессора Ю.Д. Лифшица. 1–2 апреля 2004 г. – Челябинск, 2004. – Ч. I. – С. 121–123.

3. Лившиц Ю.Д. Теоретические проблемы воспитательного воздействия советского уголовного судопроизводства: автореферат дисс. ... д. ю. н. / Ю.Д. Лившиц. – М., 1977. – 33 с.

4. Манова Н.С. Принципы и нравственные начала уголовного судопроизводства: проблемы соотношения / Н.С. Манова // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 3. – С. 35–36.

5. Русман Г.С. Принцип гуманизма как основа закрепления и реализации уголовно-процессуального поощрения / Г.С. Русман // Проблемы права. – 2019. – № 4(73). – С. 104.

6. Спесивов Н.В. Транспарентность как фактор, обеспечивающий достижение социального назначения уголовного судопроизводства / Н.В. Спесивов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 2.

УДК 343.13

М.С. Спиридонов, к.ю.н., судья Ставропольского краевого суда

Вопрос об уголовно-процессуальной ответственности в дискуссии о назначении уголовного судопроизводства

В статье с позиций разных подходов к определению назначения уголовного процесса рассматривается роль уголовно-процессуальной ответственности. Обозначена проблема включения суда в круг субъектов уголовно-процессуальной ответственности.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная ответственность, субъекты процессуальной ответственности, назначение уголовного процесса.

Мысль профессора Г. Радбруха о том, что «процессуальное право является прекрасной иллюстрацией того, что в области права средство имеет тенденцию становиться самоцелью» [1, с. 197], хорошо ложится на современное состояние отечественного уголовного процесса. Достаточно посмотреть на то, какую долю в общем числе Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также в Обзорах практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации занимают вопросы уголовно-процессуального права. Есть примеры того, как отдельные нормы уголовно-процессуального закона, – ст. 237 и ст. 125 УПК РФ – достаиваются «собственного Пленума», что, однако, не делает практику их применения менее сложной и запутанной.

Эклектичный характер действующего уголовно-процессуального закона, изобилующего под час довольно неожиданными заимствованиями из англосаксонского права, по справедливому выражению профессора О.В. Качаловой «основательно «сбил прицелы» и дезориентировал» отечественных правоприменителей [2, с. 109–112]. Пока в теории идут дискуссии о назначении современного уголовного процесса и векторах его развития [3, с. 5–9], на практике в сознании судей прочно укрепился тезис о необходимости соблюдения тех или иных процессуальных требований для того, чтобы приговор «устоял» в вышестоящей

инстанции, и не важно, насколько такой приговор соответствует объективной истине. То есть процессуальные нормы в полном смысле этого выражения «живут собственной жизнью», перестав быть только средством реализации материального права.

Отсюда следует, что продолжение обсуждения проблемы назначения современного уголовного процесса имеет ценность не только для развития теории процессуального права, но и для решения сугубо практических вопросов, связанных с отправлением правосудия по уголовным делам.

Сторонники крайних взглядов в обозначенной дискуссии, которые профессор А.А. Тарасов условно обозначает как «правозащитные» и «правоохранительные» [4, с. 110–112], в конечном итоге сходятся в одном: результатом судебного разбирательства уголовного дела должно быть решение, которое не только принято с соблюдением всех процессуальных гарантий, но и отражает те факты, которые имели место в действительности. То есть все сводится к поиску пресловутого «баланса интересов» с одной стороны – личности, которая заинтересована в справедливости процедуры привлечения к уголовной ответственности, а с другой стороны – общества, которое заинтересовано в охране правопорядка от преступлений.

Полагаем, что уголовно-процессуальная ответственность может выступать как определенного рода инструмент, с помощью которого можно попытаться достичь такой баланс или, по крайней мере, преодолеть, сгладить существующий явный дисбаланс. И эта ее функция на сегодняшний день наукой недооценена.

Сторонники «правозащитного» назначения уголовного процесса всегда большое внимание уделяют состязательности судопроизводства, видя в ней панацею от злоупотреблений со стороны правоохранительных органов и суда. Между тем состязательность невозможна без сильного института процессуальной ответственности, что прекрасно видно на примере арбитражного и гражданского процессов, которые, как верно отмечают некоторые исследователи, могут служить основой для межотраслевой конвергенции [5, с. 24–25]. Когда стороны процесса в своих действиях ориентируются на четко сформулированные в законе составы оснований процессуальной ответственности, только тогда процесс по-настоящему становится состязательным.

Не меньшее значение играет процессуальная ответственность и с точки зрения «правоохранительного» назначения уголовного процесса, поскольку именно она позволяет направить деятельность всех участников процесса в направлении поиска объективной истины и установить эффективный механизм противодействия процессуальным правонарушениям и злоупотреблению правом, а также неправомерному выходу за пределы усмотрения.

Важное место в обозначенной дискуссии занимает вопрос о роли суда: должен ли он находиться «над схваткой» или должен быть всецело вовлечен в поиск истины по делу. Те ученые, которые исходят из действующих положений ст. 6 УПК РФ и на этом основании придерживаются строгого подхода к понятию состязательности, исключают суд из числа субъектов процессуальной ответственности [6, с. 262]. Если же исследователи рассматривают суд как субъект процессуальной ответственности (в том значении, что отмена приговора – это санкция) [7, с. 65], то тем самым признается наличие у суда самостоятельного процессу-

ального интереса, а именно – вынести решение, соответствующее объективной истине. В этом состоит принципиальное отличие между взглядами на уголовно-процессуальную ответственность между советскими и современными исследователями, которое, в том числе, продиктовано разным подходом к пониманию назначения уголовного процесса.

Однако правоприменительная практика развивается несколько иначе, поскольку даже действующая редакция ст. 6 УПК РФ не мешает судам искать объективную истину и выступать субъектом процессуальной ответственности. Именно на это нас ориентирует позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации, в частности, относительно института возвращения уголовного дела прокурору или по вопросу об основаниях отмены или изменения окончательных судебных решений в апелляционном и кассационном порядке. На это же нам указывает существующая с 2019 года система кассационных судов общей юрисдикции, цель деятельности которых, как теперь уже можно уверенно утверждать, состоит в пересмотре приговоров не только по вопросам права, но и по фактической стороне дела. Вся судебная практика кассационных судов общей юрисдикции указывает на то, что приговор, который по установленным в нем фактическим обстоятельствам не отвечает реальной действительности (объективной истине), не может быть признан актом правосудия и поэтому подлежит отмене или изменению. И в этом плане суд первой инстанции, который не обеспечил вынесение правосудного приговора, или суд апелляционной инстанции, который не исправил допущенные на предыдущей стадии процесса нарушения, конечно выступают субъектами процессуальной ответственности. Поэтому для каждого судьи так важен вопрос «стабильности», «отменяемости / неотменяемости» выносимых им судебных решений.

Как негативное явление стоит отметить активное использование в настоящее время уголовно-процессуальной ответственности как инструмента, с помощью которого расширяются и размываются основания отмены судебных решений. Речь идет о тех случаях, когда уголовно-процессуальная ответственность применяется при установлении формальных нарушений в действиях одной из сторон процесса, без их привязки к тому, повлияли ли они на выяснение действительных обстоятельств преступления и установление лица, реально совершившего преступление. В частности, современная правоприменительная практика рассматривает положения ч. 1 ст. 389.25 УПК РФ как юридический состав основания уголовно-процессуальной ответственности, который направлен по отношению только к одному субъекту ответственности – стороне защиты, и отражает фактическое противоправное поведение этого субъекта, за совершение которого предусмотрена такая мера ответственности как отмена оправдательного приговора с направлением дела на новое рассмотрение.

Между тем, уголовно-процессуальная ответственность может и должна стать частью механизма правового регулирования для реализации «правоохранительного» назначения уголовного процесса. Следует стремиться к сближению «правозащитного» и «правоохранительного» назначения процесса, поэтому необходимо совершенствовать и развивать институт уголовно-процессуальной ответ-

ственности, в том числе, определяя в качестве ее субъектов не только стороны, но и суд.

Библиографический список

1. Радбрух Г. Философия права. / пер. с нем. – М., 2004. – 240 с.
2. Качалова О.В. Назначение уголовного судопроизводства сквозь призму материального права / О.В. Качалова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 3 (37). – С. 109–112.
3. Андреева О., Лонь С., Рукавишникова А., Трубникова Т. Вектор направления дальнейшего развития уголовного судопроизводства / О. Андреева, С. Лонь, А. Рукавишникова, Т. Трубникова // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 5–9.
4. Тарасов А.А. Рациональное и иррациональное в дискуссиях о развитии российского уголовного процесса / А.А. Тарасов // Журнал российского права. – 2023. – № 3. – С. 110–112.
5. Шарипова А.Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам: автореферат дис. ... д.ю.н. / А.Р. Шарипова. – Нижний Новгород, 2022. – 62 с.
6. Липинский Д.А. Об уголовно-процессуальной ответственности / Д.А. Липинский // Вектор науки ТГУ. – 2010. – № 3 (13). – С. 261–264.
7. Уголовный процесс России: учебное пособие / под редакцией З.Ф. Ковриги, Н.П. Кузнецова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. – 445 с.

УДК 343.1

*А.А. Тарасов, старший преподаватель кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка Нижегородской академии МВД России
г. Нижний Новгород*

Право лица, в жилище которого был проведен обыск, на апелляционное обжалование

В судебно-следственной практике неоднозначно решается вопрос о возможности апелляционного обжалования лицом, в жилище которого был проведен обыск и изъяты вещи, постановления суда, давшего разрешение на проведение обыска. Предлагается специально указать данного участника обыска в перечне апелляторов, приведенном в части первой статьи ст. 389.1 УПК РФ.

Ключевые слова: обыск, изъятие вещей, иное лицо, апелляционное обжалование, право на судебную защиту

Лицо, в помещении которого проводится обыск, указано в качестве участника этого следственного действия в частях 1, 6–8, 11 и 15 статьи 182 УПК РФ.

По смыслу закона этим лицом может быть как обвиняемый, подозреваемый, так и иное лицо, в помещении которого проводится обыск.

Интерес представляет именно данный участник уголовного процесса, как наименее защищенное в своих правах лицо, несмотря на то, что законодатель предусмотрел участие адвоката для защиты его прав и законных интересов.

На наш взгляд, актуальным является создание надлежащих процессуальных гарантий прав и законных интересов этого лица, участвующего в обыске. Его основные права и свободы, гарантированные статьями 22–25, 35, 46 Конституции РФ, могут быть существенно ограничены. При том, что официально уголовному преследованию он как бы не подвергается, и потому всей полнотой прав на защиту, которые есть у подозреваемого или обвиняемого он не обладает.

Самое существенное поражение в правовом статусе «иноного лица, в помещении которого проводится обыск» состоит в лишении права на судебную защиту в виде последующего судебного контроля.

Представление об актуальности этой темы дает следующий пример из следственно-судебной практики (Дело № 3/12-59/2023 // Архив Приокского районного суда г. Н. Новгорода, 2023 г.). При расследовании уголовного дела по подозрению И.А.А. в совершении 23.04.22 г. преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ, судья Приокского районного суда г. Н. Новгорода дал 29.08.2023 г. разрешение следователю СК РФ на производство обыска в жилище И.А.А., в котором совместно с ней проживали члены ее семьи.

24 октября 2023 г. проводя на основании этого судебного решения обыск в жилище И.А.А., следователь изъял вещи супруга подозреваемой – А.С.А., проживающего с ней в одном жилище. У А.С.А. в ходе обыска были изъяты сотовый телефон, ноутбук, электронные носители информации, письменные документы и иные вещи. Между тем, как ни в постановлении о возбуждении ходатайства о производстве обыска, ни в постановлении суда о разрешении производства обыска в жилище И.А.А. не было никаких данных о необходимости обнаружения и изъятия вещей, принадлежавших А.С.А.

Основываясь на ч. 1 ст. 389.1 УПК РФ, А.С.А., считая себя «иным лицом, в чьем помещении был проведен обыск», чьи права и законные интересы были нарушены изъятием принадлежащих ему вещей, обжаловал в апелляционном порядке постановление Приокского районного суда г. Н. Новгорода от 29 августа 2023 г. о разрешении производства обыска в жилище И.А.А. Затем он подал еще две дополнительные апелляционные жалобы на данное судебное решение. Однако, все эти жалобы А.С.А. были возвращены подателю судьей, давшей разрешение на производства обыска в жилище И.А.А., по той причине, что А.С.А. не является субъектом права на подачу апелляционной жалобы. Хотя апелляционная жалоба самой И.А.А. была принята к рассмотрению.

Таким образом, обнаружилось ограниченное толкование судом смысла части 1 статьи 389.1 УПК РФ, а именно: лицо, в жилище которого проводился обыск, не вправе обжаловать судебное постановление о разрешении производства обыска в его жилище, поскольку он прямо не указан в перечне возможных апелляторов.

Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 27.11.2012 № 26 разъяснил судьям, что с учетом положений части 1 статьи 123, части 1 статьи 127, статьи 389.1, части 1 статьи 389.2, части 1 статьи 401, статьи 444, части 9 статьи 463 УПК РФ судебные решения могут быть обжалованы в апелляционном порядке иными лицами в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы.

Позиция Конституционного Суда России (Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 № 5-П; Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П) заключается в том, что право на обжалование судебного решения, затронувшего конституционные права лица, не может быть ограничено отсутствием у него формального статуса участника уголовного процесса. Обеспечение гарантируемых Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, а наличием определенных сущностных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующего права [1, с. 234–261].

Право на судебную защиту является конституционным правом (ст. 46 Конституции РФ) любого лица, которого он не может быть лишен, и которое он вправе реализовать в апелляционном производстве. Как разъясняет Конституционный Суд России (Постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 № 4-П), закрепленное в статье 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации право каждого на судебную защиту его прав и свобод и связанное с ним право на обжалование в суд решений и действий (или бездействия) органов публичной власти и должностных лиц выступают, гарантией в отношении всех других конституционных прав и свобод. Государство обязано обеспечить реальный доступ к правосудию, полное осуществление права на судебную защиту, которая должна быть справедливой, компетентной и эффективной, тем более, если она обеспечивает охраняемые государством достоинство личности, свободу и личную неприкосновенность, право на квалифицированную юридическую помощь и другие права и свободы. Иное, по смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, означало бы умаление права на судебную защиту.

Исходя из позиций, сформулированных высшими судами Российской Федерации, часть первая статьи 389.1 УПК РФ должен быть истолкована в том смысле, что иное лицо, в жилище которого был проведен обыск, имеет право на подачу апелляционной жалобы.

Вместе с тем, исходя склонности некоторых судей к буквальному толкованию уголовно-процессуальных норм, причем не в интересах человека, а в интересах своего удобства, предлагаем законодателем включить в перечень лиц, уполномоченных на подачу апелляционной жалобы, содержащийся в части 1 статьи 389.1 УПК РФ, «иное лицо, в жилище, помещении которого был проведен обыск».

Библиографический список

1. Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: монография. / Б.Б. Булатов. – Омск: Изд-во Омск. акад. МВД России, 2003.

Реализация принципа уважения чести и достоинства личности при использовании специальных знаний в уголовном судопроизводстве

В статье рассматриваются нормы уголовно-процессуального права, регламентирующие использование специальных знаний (в формах участия специалиста в следственных действиях и судебной экспертизы), в которых конкретизируется действие принципа уважения чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: специальные знания, специалист, педагог, врач, судебная экспертиза.

Конституция Российской Федерации провозгласила, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2). Развивая эту идею в гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина», Основной Закон нашего государства в ст. 21 закрепляет, что достоинство личности охраняется государством; ничто не может быть основанием для его умаления; никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию; никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам.

Данные конституционно-правовые нормы, образуя содержание общеправового принципа уважения чести и достоинства личности, конкретизируются в отраслях российского права, в том числе процессуальных.

В систему принципов уголовного судопроизводства законодателем в 2001 году включен принцип уважения чести и достоинства личности. В частности, согласно ст. 9 УПК РФ в ходе уголовного судопроизводства запрещается совершать действия и принимать решения, унижающие честь участника уголовного судопроизводства; также недопустимо обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья; никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению.

Отсутствие в УПК РСФСР 1960 года статьи, закрепляющей принцип уважения чести и достоинства личности, не означало, что до вступления в силу УПК РФ этот принцип не входил в систему принципов уголовно-процессуального права. В научной и учебной юридической литературе 90-х – начала 2000 гг. с учетом общепризнанных принципов и норм международного права, норм конституционного права он справедливо назывался в качестве элемента данной системы [5, с. 87–88]. По-другому и быть не могло: принятие Конституции Российской Федерации в 1993 году существенным образом повлияло на развитие государства и общества в целом и юридической науки, отраслей права в частности, хотя разработка некоторых новых кодифицированных актов изрядно и затянулась.

Неслучайно еще в 1995 году, в период действия УПК РСФСР 1960 года, Конституционный Суд РФ высказал правовую позицию, согласно которой обеспечение достоинства личности предполагает, что личность в ее взаимоотношениях с государством выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов (постановление от 3 мая 1995 г. № 4-П).

К процессуальным формам использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве традиционно относят судебную экспертизу и участие специалиста в следственно-судебных действиях. Принцип уважения чести и достоинства личности реализуется и в данных процессуальных действиях.

В соответствии с ч. 4 ст. 164 УПК РФ при производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц. Очевидно, что данный запрет адресован не только следователю (дознавателю), но и иным участникам следственного действия (включая специалиста) по отношению друг к другу.

Согласно ч. 3 ст. 179 УПК РФ в освидетельствовании по решению следователя может принимать участие врач или другой специалист. Как верно отмечается в литературе, содействие врача может выражаться в помощи при обнаружении и описании телесных повреждений, особых примет, следов преступления, применении медицинской терминологии при обозначении частей тела освидетельствуемого; кроме того, врач может оказать ему квалифицированную медицинскую помощь [1; 3; 4, с. 65].

Вместе с тем закон закрепляет недопустимость присутствия следователя при освидетельствовании лица другого пола, сопровождающегося его обнажением (ч. 4 ст. 179 УПК РФ). И этот запрет непосредственно обусловлен действием принципа уважения чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве. В указанном случае освидетельствование проводится специалистом (врачом), а применение дополнительных способов фиксации следственного действия (фотографирования, видеозаписи и киносъемки) допускается только с согласия освидетельствуемого лица. Аналогичные правила действуют во многих странах СНГ (ч. 4 ст. 119 УПК Республики Молдова, ч. 4 ст. 206 УПК Республики Беларусь, ч. 4 ст. 186 УПК Республики Таджикистан, ст. 238.5 УПК Азербайджанской Республики, ч. 5, 6 ст. 175 УПК Кыргызской Республики, ст. 146 УПК Республики Узбекистан, ч. 4 ст. 223 УПК Республики Казахстан).

Поскольку личный обыск подозреваемого (обвиняемого) может сопровождаться его обнажением, законодатель требует, чтобы он проводился не только лицом одного пола с обыскиваемым, но и в присутствии понятых и специалистов того же пола, если они участвуют в данном следственном действии (ч. 3 ст. 184 УПК РФ).

Согласно ч. 2 ст. 202 УПК РФ при получении образцов для сравнительного исследования не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство. В необходимых случаях получение образцов производится с участием специалиста, одна из задач которого – исключить причинение вреда здоровью лица, у которого изымаются образцы.

Мы соглашаемся с Ю.Д. Лившицем и А.В. Кудрявцевой, которые еще в период действия УПК РСФСР 1960 г. предлагали закрепить обязательное участие специалиста в тех случаях, когда изъятие образцов связано с внедрением в организм человека и может стать причиной нарушения его здоровья [2, с. 72].

Законодателем не предусмотрены особенности получения образцов для сравнительного исследования, которое сопряжено с обнажением лица. Представляется, что в этом случае в следственном действии могут принимать участие только лица одного пола с лицом, у которого изымаются образцы, за исключением специалиста, являющегося врачом. В некоторых странах СНГ допускается получение образцов врачом, если требуется обнажение лица, пол которого со следователем является противоположным (ч. 1 ст. 263 УПК Республики Казахстан, ст. 189 УПК Республики Узбекистан).

В случаях, предусмотренных законом, в допросах несовершеннолетних и иных вербальных следственных действиях обязательно участие педагога или психолога (ч. 1 ст. 191, ч. 1 ст. 280, ч. 3 ст. 425 УПК РФ). В науке эти правовые нормы рассматриваются в качестве дополнительной гарантии прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства.

Для чего нужен педагог (психолог) на допросе ребенка? К числу задач, стоящих перед ним и обусловленных необходимостью уважения чести и достоинства личности несовершеннолетнего, относятся установление психологического контакта, обеспечение оптимального эмоционального состояния ребенка, оказание следователю (дознавателю), суду помощи в формулировании педагогически корректных вопросов, определение оптимальной продолжительности допроса. В случае утомления несовершеннолетнего до истечения времени, установленного законом для допроса, педагог (психолог) должен ходатайствовать о перерыве в следственном действии.

Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон о ГСЭД), перечисляя в ст. 4 принципы этой деятельности, принцип уважения чести и достоинства личности не называет, упоминая при этом принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Статья 6 Закона о ГСЭД, раскрывая содержание данного принципа, требует неуклонного соблюдения в том числе конституционных прав граждан на достоинство личности, защиту чести и доброго имени. Значит, исследуемый нами принцип применительно к государственной судебно-экспертной деятельности является составной частью такого ее принципа, как принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина, при этом на судебную экспертизу как следственно-судебное действие в уголовном судопроизводстве распространяют свое действие и принцип уважения чести и достоинства личности, и принцип охраны прав и свобод человека и гражданина, закрепленный в ст. 11 УПК РФ. О реализации данных принципов при производстве судебной экспертизы свидетельствуют законодательные запреты на: ограничение прав, обман, применение насилия, угроз и иных законных мер в целях получения сведений от лица, в отношении которого проводится экспертиза; испытание новых лекарственных средств, методов диагностики, профилактики и лечения болезней, проведение биомедицинских экспериментальных исследований; применение методов исследования, сопряженных с сильными болевыми ощущениями

или способные отрицательно повлиять на здоровье лица, методы оперативного вмешательства и методы, запрещенные к применению в практике здравоохранения законодательством Российской Федерации; при проведении исследований, сопровождающихся обнажением лица, в отношении которого производится судебная экспертиза, могут присутствовать только лица того же пола (данное ограничение не распространяется на врачей и других медицинских работников, участвующих в проведении указанных исследований) (ст. 31, 35, 36 Закона о ГСЭД).

В заключение отметим, что нарушение требований закона, гарантирующих уважение чести и достоинства личности при использовании специальных знаний в уголовном судопроизводстве, создает предпосылки для признания соответствующих доказательств недопустимыми.

Библиографический список

1. Бородкина Т.Н. Специалист-врач как самостоятельный участник уголовного судопроизводства / Т.Н. Бородкина // СПС «КонсультантПлюс».
2. Лившиц Ю.Д. Вопросы использования специальных познаний в уголовном процессе: научно-практическое пособие / Ю.Д. Лившиц, А.В. Кудрявцева. – Челябинск: НТЦ-НИИОГР, 2001. – 95 с.
3. Торбин Ю.Г. Освидетельствование в свете нового УПК РФ / Ю.Г. Торбин // Российский судья. – 2002. – № 11.
4. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение / С.А. Шейфер. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 184 с.
5. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. В.П. Божьева. – М.: Спарк, 2000. – 574 с.

УДК 343.132

*Н.М. Перетьяко, к.ю.н., доцент СГЮА,
А.Е. Федюнин, д.ю.н., доцент СГЮА
г. Саратов, Россия*

К вопросу о функции прокурора в стадии возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств

В статье рассматривается вопрос о функции и процессуальном статусе прокурора в стадии возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Предлагается внесение поправок в действующее законодательство.

Ключевые слова: функция прокурора, возобновление производства, новые или вновь открывшиеся обстоятельства

Вопрос о выполняемой прокурором функции в стадии возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, является предметом дискуссий довольно продолжительное время [1, с. 87; 3, с. 67; 4, с. 414]. Вместе с тем, поиск путей его разрешения имеет не только научный интерес, но и сугубо практическое значение, поскольку результат урегулирования возможной коллизии между действием принципов состязательности и свободы оценки доказа-

тельств в случае расхождения мнения суда и прокурора о необходимости возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, обуславливает конкретный механизм обжалования действий прокурора заинтересованными лицами.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 16.12.2021 г. № 53-П «По делу о проверке конституционности статей 416 и 417 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ф.Б. Исхакова» указал, что «в стадии возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств полномочия прокурора связаны не столько ролью стороны обвинения, сколько целями надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, каковые стоят перед прокуратурой Российской Федерации как единой федеральной централизованной системой органов».

Однако такой взгляд на выполняемые в уголовном судопроизводстве функции прокурора влечет за собой соответствующие выводы о его особом процессуальном статусе, несовместимым с ролью стороны в процессе, о том, что его полномочия в одной из стадий уголовного процесса регламентируются не Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ), а Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», и как следствие, о независимости мнения прокурора от мнения суда, что и продемонстрировано в полной мере в жизненной ситуации, описанной в жалобе гражданина Ф.Б. Исхакова. Конституционный Суд РФ охарактеризовал сложившееся положение, послужившее поводом для обращения в высокий суд, максимально корректно – «по вопросу о наличии или отсутствии во вступившем в законную силу приговоре фундаментальной ошибки длительное время остаются расхождения между позициями прокурора и суда». Вместе с тем очевидно, что речь идет о таких обстоятельствах, когда прокурор довольно длительное время («не исключена многолетняя отсрочка в завершении производства») не исполняет решение суда, вынесенное по итогам обжалования его незаконного бездействия.

Для исправления сложившейся ситуации Конституционным Судом РФ предлагаем (имея ввиду некую особую роль прокурора в контрольных стадиях уголовного процесса) предоставить суду возможность самостоятельно принять решение об отмене приговора, определения или постановления суда и о передаче уголовного дела для производства нового судебного разбирательства либо принять решение об их отмене и о прекращении уголовного дела, но лишь при совпадении некоторых условий. По нашему мнению, вывод о наличии у суда самостоятельных возможностей к началу процедуры пересмотра уголовного дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств вполне согласуется с общей уголовно-процессуальной политикой, нацеленной на повышение роли суда в уголовном судопроизводстве, последовательно проводимой законодателем в последние годы, отвечает назначению уголовного процесса, способствуя установлению надежных гарантий обеспечения прав и законных интересов участвующих в процессе лиц.

Вместе с тем, в целом положительно оценивая выраженную позицию Конституционного Суда РФ, акцентируем внимание на одно из неперенных условий

реализации данного полномочия суда – «признание ранее судом незаконности или необоснованности постановления прокурора о прекращении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по данному делу или неправомерность бездействия прокурора по подготовке заключения о пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам». В этой связи напрашивается вопрос, насколько будет соответствовать назначению уголовного судопроизводства закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве такого условия, как многолетнее игнорирование состоявшегося решения суда должностным лицом органа прокуратуры? Полагаем, что данная тенденция может в значительной степени снизить эффективность такой конституционной и процессуальной гарантии как судебный контроль, что, конечно же недопустимо. Право на судебную защиту – это не только право на обращение в суд, но и право на эффективное восстановление нарушенных прав и свобод, которое достичь лишь при констатации в судебном заседании независимости мнения прокурора от мнения суда невозможно.

На наш взгляд, более обоснованной и отвечающей современному назначению уголовного судопроизводства, принципу состязательности сторон, имеющему не только отраслевое, но и конституционное закрепление, является точка зрения относительно осуществления прокурором функции уголовного преследования во всех судебных стадиях уголовного процесса, включая судебно-контрольные. Полномочия прокурора в различных стадиях уголовного процесса варьируются, однако они являются элементом единого правового механизма осуществляемого прокурором уголовного преследования [2, с. 18], основным источником регулирования которого является УПК РФ, выделяющий в качестве основной функцию уголовного преследования, а не Закон о прокуратуре. Вместе с тем, согласимся, что в механизме реализации уголовного преследования по уголовным делам, допустимо выделять и правозащитные задачи. Констатация тезиса о том, что прокурор является стороной во всех стадиях процесса и осуществляет единую сквозную функцию, приводит к выводу о возможности обжалования его действий, в порядке закреплённом УПК РФ, и обязательности для него, как и любого другого участника уголовного судопроизводства, решений суда, вынесенных в порядке осуществления судебного контроля.

В постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», от 14.12.2021 г. № 43 «О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора» выражена позиция относительно необходимости использования двух различных механизмов обжалования решений прокурора, применение которых ставится в зависимость от того этапа, на котором было принято обжалуемое решение.

Решение прокурора об отказе в возбуждении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, а также о его возбуждении заявитель и иные заинтересованные лица вправе обжаловать в суд в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, даже если оно не оформлено в виде постановления. Если же заинтересованное лицо не согласно с решением прокурора, который уже после про-

веденной проверки вновь открывшихся обстоятельств или расследования новых обстоятельств прекратил возбужденное им производство, то такое лицо в соответствии с ч. 3 ст. 416 УПК РФ вправе обжаловать решение прокурора непосредственно в суд, правомочный решать вопрос о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств согласно ст. 417 УПК РФ, а не в порядке ст. 125 УПК РФ.

Как нам представляется, порядок предложенный Пленумом Верховного Суда РФ, способствует реализации прав заинтересованных лиц, учитывая при этом как принцип состязательности сторон, так и принцип свободы оценки доказательств, позволяя суду, не предрешая мнение прокурора, все же указать на нарушение им закона (ст. 125 УПК РФ) и реализовать свои собственные полномочия по осуществлению правосудия без ограничений по оценке доказательств в тех случаях, когда прокурор по итогам проведенной проверки, уже сформировал свое итоговое мнение по делу (ст. 417 УПК РФ).

Учитывая вышеизложенное, в целях приведения норм УПК РФ в соответствие с конституционными установлениями и устранения имеющихся недостатков, предлагаем внести соответствующие изменения в гл. 49 УПК РФ.

Библиографический список

1. Гехова Д.Х. Кассационное производство в российском уголовном процессе: генезис и перспективы развития: дисс. ... канд. юрид. наук. / Д.Х. Гехова – М., 2015. – 219 с.

2. Крюков В.Ф. Правовой статус прокурора в уголовном преследовании (до судебное и судебное производство): автореф. дисс. ... д. юрид. наук. / В.Ф. Крюков – М., 2012. – 52 с.

3. Романов С.В. Понятие, система и взаимодействие процессуальных функций в российском уголовном судопроизводстве: дисс. ... канд. юрид. наук. / С.В. Романов – М., 2007. – 282 с.

4. Теоретико-правовые и организационные основы участия прокурора в уголовном судопроизводстве: монография / под общ. ред. А.Г. Халиулина; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – М., 2016. – 505 с.

УДК 343.13

*А.Р. Чикулина, старший преподаватель ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Отдельные вопросы предмета доказывания меры пресечения в виде залога

В статье рассматриваются вопросы, связанные с определением предмета доказывания при избрании меры пресечения в виде залога. Автором исследованы теоретические подходы к содержанию предмета доказывания, рассмотрены проблемные вопросы избрания залога.

Ключевые слова: уголовный процесс, залог, предмет доказывания, меры пресечения, залогодатель.

В рамках проводимого нами исследования было выявлено, что труды, посвященные вопросам доказывания и нормы уголовно-процессуального законодательства в основном применимы к доказыванию и предмету доказывания по уголовным делам. Однако, исходя из правоприменительной практики, решений вышестоящих судов Российской Федерации в вопросах избрания мер пресечения также находят свое отражение деятельность, заключающаяся в установлении, проверки и оценивании оснований, условий и обстоятельств, учитываемых при избрании, что также является доказыванием. В связи с чем, представляет большую актуальность исследование вопроса предмета доказывания при судебном контроле за мерами пресечения, в частности такой мерой, как залог.

Определяя понятие и сущностную характеристику «предмета доказывания» при осуществлении судебного контроля за избранием мер пресечения нами был взят за основу структурированный подход, предложенный С.А. Шейфером [1, с. 82] при характеристике предмета доказывания по уголовному делу. Нам представляется, что предложенная трехуровневая структура очень обосновано и последовательно (поэтапно) позволяет выстраивать уголовно-процессуальное доказывание по уголовным делам. Нам кажется, абсолютно справедливым сопоставлять общее, единичное и особенное, так как подобная модельная структура дает возможность обозначить предмет доказывания как отношение общего, единичного и особенного.

Говоря о предмете доказывания при осуществлении судебного контроля, указанный поэтапный подход находит свое применение. В таком случае, общим предметом доказывания будет являться первый уровень, особенным предметом доказывания – второй уровень предмета доказывания, и единичным – третий уровень предмета доказывания. Содержание и сущность каждого из указанных уровней предмета доказывания необходимо раскрыть через его составляющие.

Правоприменяющий субъект формирует представление о предмете доказывания с учетом обстоятельств совершения отдельного деяния, при этом проецируя требования, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством на индивидуальные особенности обстоятельства конкретного преступления.

Важно отметить отличительную черту предмета доказывания при осуществлении судебного контроля за избранием мер пресечения, поскольку предмет доказывания по уголовным делам отвечает на вопрос «какие именно обстоятельства уголовного дела подлежат установлению», в рамках предмета доказывания за мерами пресечения ограничиться подобным вопросом не представляется возможным. В связи с чем, устанавливая первый уровень предмета доказывания (в трехуровневой структуре «общий предмет») субъекту доказывания надлежит ответить на ряд вопросов, а именно: существуют ли причины, реально позволяющие обосновать необходимость избрания меры пресечения (т.е. условия избрания меры пресечения)? «Особенный предмет» доказывания, определяется на втором уровне структуры, где должны разрешаться вопросы подтверждения фактических данных, установления их совокупности, которые бы подтвердили реальную возможность наступления «рисков будущего», содержащихся в ст. 97 УПК РФ (т.е. основания избрания меры пресечения). Третий уровень сводится к определению «единичного предмета» доказывания при избрании меры пресечения, в данном случае субъект доказывания выполняет законодательные предпи-

сания ст. 99 УПК РФ, (т.е. устанавливает обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения). При этом, на данном этапе, правоприменителю надлежит учитывать, что приведенный перечень обстоятельств законодателем не ограничен и не постоянен, а также не отождествляется и не подменяет основания избрания меры пресечения.

Каждое из установленных обстоятельств напрямую влияет на возможность или наоборот невозможность избрания конкретной меры пресечения.

Таким образом, элементами предмета доказывания являются поэтапно установленные: условия избрания мер пресечения → основания для избрания меры пресечения → обстоятельства, учитываемые при избрании мер пресечения → специальные условия применения мер пресечения, закрепленные в нормах уголовно-процессуального кодекса. Более подробно мы указывали об этом, в проводимом ранее нами исследовании [2]. Указанный порядок универсальный, в целях правовой определенности его необходимо применять ко всем мерам пресечения, избираемых судом. При этом при избрании меры пресечения в виде залога особое внимание следует уделить специальным условиям их применения, так как именно они позволяют конкретизировать данные об обвиняемом, подозреваемом – лиц в отношении которых может быть избрана данная мера пресечения, способы и средства их применения.

Залог единственная имущественная мера пресечения, в сравнении с иными мерами пресечения, избираемых судом более преимущественная, причем как для лица, в отношении которого избирается, так и для государства (в случае нарушения лицом предписанных обязательств путем обращения залога в пользу государства). При этом, анализируемая мера пресечения сочетает в себе правоотношения в области уголовно-процессуального и гражданского права является сложной и поэтому менее всего распространенной.

Одним из значимых аспектов указанной ситуации является то, что на возможность рассмотрения меры пресечения влияет частный выбор правоприменителя, а ему в свою очередь, «проще» избрать в отношении лица пусть даже более суровую меру пресечения, зато процессуальные особенности которой ему понятны. Очевидно, что подобное идет в разрез с курсом гуманизации мер пресечения, установленного государством.

Отметим некоторые моменты более подробно. Так, согласно ст. 106 УПК РФ предметом залога является как движимое, так и недвижимое имущество в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций. Согласно данной норме законодатель предусмотрел достаточно широкий перечень предмета залога, при этом в большинстве принимаемых решений правоприменитель использует лишь денежный залог. Данному обстоятельству есть свое объяснение – сложные организационно-процедурные аспекты, регламентирующими иные виды предмета залога.

Действующее законодательство не регламентирует правила определения размера залога, соответственно, правоприменитель должен сам принять решение, какая сумма будет оптимальной в качестве гаранта надлежащего поведения лица, учитывая при этом материальное положение лица. Законодателем для каждой категории преступления регламентирован лишь минимальный предел, в то время как максимальная сумма остается открытой. Указанная ситуация приводит

к тому, что с одной стороны правоприменитель сам определяет соответствующий размер залога, который по его мнению будет достаточен, чтобы сдерживать лицо, от нежелательных действий, но с другой стороны, практике известны случаи, когда суды не учитывали посильность назначаемой суммы для подозреваемого, обвиняемого, что в итоге закономерно приводило к неизбранию данной меры пресечения.

Действующее законодательство предусматривает, что залог может вносить как самим обвиняемым, подозреваемым, так этим правом наделены и другие физические и юридические лица – залогодатели. При этом, процедурные моменты относительно проверки самой личности залогодателя, вносимого имущества на предмет источника его происхождения действующем законодательством не регламентированы.

С учетом вышеизложенного нам представляется необходимым подкрепить наши выводы статистическими данными. Так, только за период 2021 года судами было удовлетворено 6 828 ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, 25 ходатайств об избрании залога, 2 565 об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий. За аналогичный период 2022 года суды удовлетворили 7 407 ходатайств об избрании домашнего ареста, 71 об избрании залога, 3 085 ходатайств об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий. По данным на первое полугодие 2023 года количество удовлетворенных ходатайств об избрании домашнего ареста составило 3 869, залога 27, запрета определенных действий 1 939¹. Приведенные цифры, еще раз подчеркивают актуальность проводимого исследования, свидетельствуя, что выполнение основных задач уголовного судопроизводства реализуется путем избрания самой строгой мерой пресечения в виде заключения под стражу.

Библиографический список

1. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография / С.А. Шейфер. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2019. – 237 с.
2. Чикулина А.Р. Стандарт доказывания при избрании мер пресечения, избираемых судом / А.Р. Чикулина // Российский судья. – 2023. – № 9. – С. 39–41.

УДК 343.1

*А.Ю. Чурикова, к.ю.н., доцент, доцент СГЮА
г. Саратов, Россия*

Риски использования информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве

В статье анализируются негативные риски, связанные с нерегулируемым использованием информационных технологий и систем в уголовном процессе. Выделяются группы рисков и три основных направления, по которым наиболее возможна вероятность наступления негативных последствий.

¹ Форма 1. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021-первое полугодие 2023 г.

Ключевые слова: негативные риски, права человека, искусственный интеллект, деформирующее влияние, производство по уголовному делу.

Внедрение информационных технологий и систем (далее – ИТиС) в уголовно-процессуальную деятельность сопряжено с возникновением новых, специфических рисков. Учеными выделяются разные виды рисков, которые могут возникнуть в процессе автоматизации, информатизации или цифровизации уголовного судопроизводства.

Так, О.В. Качалова и Ю.А. Цветков, оценивая риск введения электронного уголовного дела, выделяют два основных риска: «1) риск несанкционированного доступа к сведениям, составляющим тайну следствия; 2) риск фальсификации материалов уголовного дела» [6, с. 100].

Ю.В. Гаврилин и А.В. Победкин связывают риски использования цифровых технологий (именно их авторы рассматривают в своей работе) в уголовном судопроизводстве, в первую очередь, с несоблюдением уголовно-процессуальной формы [4, с. 30], а также с неприятием результатов их использования обществом [4, с. 31], «рисками ограничения права на свободу, расширением механизмов контроля над личностью» [4, с. 31], «риском утраты информации, доступом к ней неуполномоченных лиц» [4, с. 32].

Научный и практический интерес представляет анализ, проведенный С. В. Зуевым, который выделил операционные (технические риски, связанные с возможностью различного рода сбоев), правовые (автор связывает «со строгим соблюдением законности») и репутационные («сохранение стабильности работы системы уголовного судопроизводства в электронном виде, обеспечение гарантированной защищенности граждан») риски цифровизации уголовного судопроизводства [5, с. 104–108]. При этом суммарное количество рисков автор определяет как «регуляторный риск, когда осуществление электронного правосудия становится под угрозой» [5, с. 106].

Многие зарубежные ученые обращают внимание на возможные нарушения прав личности при использовании информационных технологий и систем в уголовном процессе. Так, М. Кайаниелло подчеркивает, что научные и технические достижения влияют на модель установления фактов в суде, «снижается чувствительность» к правам защиты [2, р. 267–291], что, в первую очередь связано со снижением критического восприятия сведений, полученных при помощи современных информационных технологий. Дж. Сартор, анализируя на монографическом уровне соблюдение прав человека при использовании информационных технологий, обращает внимание на риски неправомерного использования персональных данных [3, р. 215–238].

Кроме того, учеными разных стран отмечается необходимость управления рисками при информатизации и цифровизации уголовного судопроизводства. Например, И. Амарини, Ю. Саефудин, И.А. Картини, М. Марситинингсих и И. Нурфаджри указывают, что создание интернет-судов в Индонезии предполагает в качестве основополагающего принципа юридической этики создание механизмов управления рисками между правовой и технологической системами [1, р. 266–284].

В Концепции информатизации Верховного Суда Российской Федерации указывается на возможность проявления следующих ключевых видов рисков: уве-

личение стоимости мероприятий по информатизации; превышение плановых сроков реализации мероприятий; «неполное соответствие результатов мероприятий выдвигаемым требованиям к качеству; торговые ограничения на приобретение отдельных видов информационно-телекоммуникационного оборудования и технологий иностранного происхождения»¹.

То есть, в данном случае, речь идет о вероятных событиях (рисках), которые могут негативно сказываться на самом процессе внедрения ИТиС, при этом они фактически не влияют на деятельность, в которую данные технологии внедряются.

Из проведенного анализа следует, что риски внедрения и использования ИТиС в уголовное судопроизводство можно разделить на две больших группы:

1) риски, связанные с влиянием внедрения и использования ИТиС на самую уголовно-процессуальную деятельность, а также соблюдение прав и законных интересов личности;

2) риски, препятствующие внедрению и использованию ИТиС в уголовное судопроизводство.

Кроме того, при использовании информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве можно выделить три основных направления, по которым наиболее возможна вероятность наступления негативных последствий (событий) в рамках самой уголовно-процессуальной деятельности (первая группа рисков):

1) соблюдение прав и свобод личности. Применение современных информационных технологий в любой области сопряжено с возможным ограничением, либо даже нарушением прав и свобод личности. Например, при эксплуатации технологий искусственного интеллекта в уголовном процессе возможна утечка конфиденциальной информации; при обучении программ искусственного интеллекта возможны нарушения законодательства, регулирующего использование персональных данных; искажение информации системами искусственного интеллекта, которое может повлечь принятие в отношении лица неправомерных решений, либо осуществление неправомерных действий; нарушение права на тайну частной жизни, в том числе при анализе больших данных (использование технологий big-data) и т.д.

2) деформирующее влияние использования информационных технологий на правоприменительную практику. Использование соответствующих разработок в сфере уголовного судопроизводства без должного нормативного регулирования и подготовки практических работников к использованию современных ИТиС может привести к тому, что правоприменители в большей степени будут полагаться на результаты использования ИТиС, не перепроверяя их, либо относясь к такой проверке формально. При этом, негативное искажение правоприменительной практики может происходить в том числе и без формального нарушения

¹ Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации (утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 15.02.2021 № 9-П) // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 12.02.2024)

действующего законодательства, то есть когда будет происходить нарушение не буквы, а духа закона.

3) использование ИТиС при принятии решений. В данной ситуации следует учитывать вероятность принятия незаконных и/или необоснованных решений при эксплуатации соответствующей технологии или системы в уголовно-процессуальной деятельности. Например, используемые следователями, прокурорами и судьями автоматизированные информационные системы могут содержать ошибочные данные.

Учитывая изложенное, предлагаем понимать под негативным риском использования информационных технологий и / или систем в уголовном судопроизводстве вероятность наступления события, следствием которого могут стать нарушения прав и свобод личности, искажения практики правоприменения без формального нарушения действующего законодательства или с таковым, а также принятие незаконных и/или необоснованных решений при эксплуатации соответствующей технологии или системы в уголовно-процессуальной деятельности.

Установление и определение данной категории требуется, в первую очередь, для проведения правоприменителями оценки возможности использования ИТиС в конкретных ситуациях в уголовно-процессуальной деятельности. Однако, данное определение является достаточно широким, чтобы охватывать и технические, и психологические, и правовые риски.

Библиографический список

1. Amarini I., Saefudin Y., Kartini I. A., Marsitingsih M., & I. Noorfajri. Digital transformation: creating an effective and efficient court in Indonesia // *Legality: Jurnal Ilmiah Hukum*. – 2023. – Vol. 31. – № 2. – P. 266–284.

2. Caianiello M. Criminal process faced with the challenges of scientific and technological development // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. – 2019. – Vol. 27. – № 4. – P. 267–291.

3. Sartor G. Human rights and information technologies. *The Oxford Handbook of Law, Regulation and Technology*. – 2017. – 424 p.

4. Гаврилин Ю.В., Победкин А.В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества / Ю.В. Гаврилин, А.В. Победкин // *Труды Академии управления МВД России*. – 2019. – № 3 (51). – С. 30.

5. Зуев С.В. Уголовно-процессуальный цифровой комплаенс: возможные риски / С.В. Зуев // *Правопорядок: история, теория, практика*. – 2021. – № 2(29). – С. 104–108.

6. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело-инструмент модернизации уголовного судопроизводства / О.В. Качалова, Ю.А. Цветков // *Российское правосудие*. – 2015. – № 2. – С. 100.

**Возмещение вреда от преступления потерпевшему в случае смерти лица,
виновного в совершении преступления и прекращении производства
по делу**

В статье рассматриваются проблемы возмещения вреда потерпевшему от преступления в случае смерти причинителя вреда. Автором исследуются доктринальные суждения относительно справедливости оставления гражданского иска на самостоятельное рассмотрение, приводятся примеры судебной практики. Поставлен на обсуждение вопрос возможности привлечения к ответственности наследников причинителя вреда.

Ключевые слова: гражданский иск, потерпевшее лицо, компенсация вреда, причиненного в результате преступления.

В соответствии со статьей 52 Конституции РФ потерпевшему от преступления лицу гарантируется право на возмещение причиненного ему ущерба.

В силу статьи 6 УПК РФ, уголовное судопроизводство имеет своим назначением, в том числе, защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. То есть, государство прежде всего ставит перед обществом задачу защиты от последствий совершенного уголовно-наказуемого деяния.

Данная задача весьма успешно реализуется при постановке обвинительного приговора, когда среди прочих вопросов, суд разрешает вопрос о порядке компенсации причиненного вреда потерпевшему.

Однако, случается, что виновное лицо либо не доживает до разрешения дела по существу, либо еще на этапе проверки по совершенному преступлению становится известно о смерти виновного лица.

Факт смерти подозреваемого/обвиняемого/ подсудимого лица неизбежно влечет наступление уголовно-процессуальных последствий.

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, выраженной Постановлением №16-П от 14.07.2011 года и конкретизированной в вынесенном позже Определении №354-О от 06.03.2013 года, постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и постановление о прекращении уголовного дела по причине смерти лица могут быть вынесены только с согласия близких родственников такого лица.

В соответствии с положениями части 4 статьи 213 УПК РФ, дознаватель либо следователь, вынося постановление о прекращении производства по уголовному делу по вышеназванному основанию, разъясняет потерпевшему, гражданскому истцу право предъявления иска в порядке гражданского судопроизводства. Аналогичные рекомендации судам при рассмотрении уголовных дел содержатся в Постановлении Пленума ВС РФ от 13 октября 2020 года №23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу».

Как верно отмечено Лазаревой В.А. и Мещеряковой Ю.О. недостаточная правовая регламентация в отношении последствий факта наступления наступившей

смерти привлекаемого к ответственности лица является существенным пробелом действующего законодательства; современное правовое регулирование названными авторами обозначено как противоречивое и непоследовательное [1, с. 28].

В науке отсутствует единство мнений относительно справедливости вышеуказанных рекомендаций Высшего правоприменителя в части оставления искового заявления потерпевшего на самостоятельное рассмотрение. В частности, Гаврилов М.А., исследуя правовую сущность института правопреемства в уголовном судопроизводстве России, указывает, что в подобного рода ориентации Верховным судом РФ нижестоящие инстанции имеет место быть нарушение принципа равноправия сторон в уголовном судопроизводстве; усматривает в оставлении гражданского иска на самостоятельное рассмотрение лишение возможности реализации гражданским истцом его прав, в том числе права на возмещение ущерба [2]. Представляется, указанное суждение не отвечает публичным интересам общества, поскольку в случае смерти лица, привлекаемого к уголовной ответственности, для призвания к ответственности наследников, необходимо установить их наличие, а также установить наличествующее имущество причинителя вреда, за счет реализации которого, возможно было бы компенсировать имущественные потери потерпевшего лица. В указанном случае применению подлежат уже нормы гражданского права, регулирующие наследственные правоотношения.

В соответствии с нормами действующего законодательства, после прекращения производства по делу в связи со смертью подозреваемого/ обвиняемого/ подсудимого лица потерпевший может обратиться в суд с требованием о компенсации его имущественных потерь лишь к наследникам, в порядке пункта 3 статьи 1175 ГК РФ. Безусловно, такой порядок реализации прав является обременительным для потерпевшего лица, влечет временные потери, поскольку срок принятия наследства составляет 6 месяцев, а также иные затраты, связанные с установлением лиц, принявших наследство, наличия имущества наследодателя, составлением документов для обращения в суд в соответствии с требованиями статей 131, 132 ГПК РФ.

В доктрине мнения относительно возможности обращения требований к наследникам виновного лица разнятся. В частности, Дедов Д. полагает, что никакой вид ответственности не может пережить ответственного лица [3]. Следует отметить, что данное суждение не отвечает требованиям закона. Так, в силу положений статьи 418 ГК РФ со смертью должника прекращаются лишь те обязательства, которые тесно неразрывно связаны с личностью должника. Например, обязанность компенсировать моральный вред в результате преступления переходит к наследникам только при наличии вступившего в законную силу решения суда, без наличия такового это недопустимо.

Рассматривая кассационную жалобу наследников умершего подсудимого, посчитавших сохранение ареста, наложенного на имущество подсудимого при его жизни, не соответствующего требованиям закона, третьим кассационным судом общей юрисдикции высказано суждение о том, что «вопреки доводам жалобы заинтересованного лица ФИО47 судебная коллегия находит обоснованным сохранение ареста на часть имущества ФИО48 Постановление о наложении ареста на имущество последнего, признанного гражданским ответчиком, имело место

при его жизни. Предъявление исковых требований к наследникам ответчика в рассматриваемой правовой ситуации не исключается». При таких обстоятельствах можно сделать вывод, что судом кассационной инстанции закреплен механизм сохранения обеспечительных мер, принятых при жизни подсудимого, с последующим обращением взыскания в счет компенсации причиненного преступлением вреда.

Вопрос о необходимости внесения изменений в действующий УПК РФ нормой о возможности постановки обвинительного приговора в отношении умершего без назначения наказания, дабы в последующем данный обвинительный приговор мог быть положен в основу гражданского иска по-прежнему имеет место быть [4, с. 27]. Гаврилов же предлагает ставить вопрос о судьбе гражданского иска в ходе судебного заседания при обсуждении вопроса о прекращении уголовного дела в связи со смертью. Это, по его мнению, позволит рассматривать часть гражданских исков в ходе уголовного производства [5, с. 17].

По нашему мнению, в целях реализации гарантированного Конституцией РФ права потерпевшего лица на восстановление его имущественных потерь в результате совершенного преступления, целесообразно учреждение Фонда компенсации имущественного вреда потерпевшим от преступлений, за счет которого бы могли быть исполнены судебные акты, вынесенные по искам потерпевших лиц, с последующим восполнением за счет реализации имущества, оставшегося после смерти причинителя вреда.

Учитывая описанный выше процессуальный порядок восстановления имущественных потерь потерпевших, предусматривающий отслеживание открытия наследственного дела, установления круга наследников, специальный порядок обращения в суд в порядке гражданского судопроизводства, по мнению автора, также целесообразно создание института бесплатной юридической помощи с привлечением профессиональных участников рынка юридических услуг, которые бы в данных ситуациях могли быть призваны к участию, аналогично адвокатам, предоставляемым подозреваемым/обвиняемым лицам в порядке статьи 51 УПК РФ. Указанное способствовало бы скорейшему восстановлению прав потерпевших лиц посредством обращения в суд с соответствующими исковыми заявлениями, а также оказание содействия потерпевшим в ходе исполнительного производства.

Библиографический список

1. Лазарева В.А., Мещерякова Ю.О. Модель производства по уголовному делу в отношении умершего / В.А. Лазарева, Ю.О. Мещерякова // Вектор Науки ТГУ. Серия: Юридические науки. – 2019. – №1. – С. 28–33.
2. Гаврилов М.А. Правопреемство в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / М.А. Гаврилов. – Москва, 2022.
3. Дедов Д. Особенности судебного процесса в отношении умерших и отсутствующих // Pravo.ru - коллективные блоги
4. Фильченко А.П. Юридическое значение смерти лица, совершившего преступление, в механизме прекращения правоотношения уголовной ответственности / А.П. Фильченко // Адвокат. – 2012. – №10. – С. 25–32.

5. Гаврилов М.А. Гражданский иск при прекращении судом уголовного дела в связи со смертью обвиняемого / М.А. Гаврилов // Российский судья. – 2018. – №11. – С. 15–21.

УДК 343.1

*И.В. Шелехова, аспирант ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Некоторые проблемы действия уголовно-процессуального закона в пространстве

В настоящей статье рассмотрены вопросы, связанные с применением уголовно-процессуального закона при рассмотрении дел, совершённых в сфере компьютерной информации и их территориальной подсудностью. Также рассмотрена проблема ограничения прав потерпевших при осуществлении официально предложенного подхода и приведён потенциальный путь её решения.

Ключевые слова: действие уголовно-процессуального закона в пространстве, сфера компьютерной информации, преступления, совершённые в сфере компьютерной информации, территориальная подсудность, применение уголовно-процессуального закона.

С момента начала существования действующего Уголовно-процессуального кодекса в него было внесено более трёхсот поправок [1, с. 106], изменений и дополнений. Помимо всего прочего, это может свидетельствовать о том, что данный кодекс активно развивается и подстраивается под различные, всё время возникающие, социальные запросы.

Подобные изменения касаются большинства институтов и принципов уголовно-процессуального права, в частности, они затрагивают и принцип действия рассматриваемого закона в пространстве. Нормы, содержащиеся в статьях УПК РФ, которые в настоящее время регулирует данный принцип действия, применимы к подавляющему большинству совершаемых преступлений однако, в постоянно меняющихся социальных и политических условиях, всё чаще возникает необходимость или более расширенного их толкования, или внесения изменений, которые бы могли обеспечить более корректное применение данных норм в некоторых специфических случаях.

Так, одними из последних изменений стали нормы, регламентирующие действие уголовно-процессуального закона в нынешних геополитических реалиях, которые, безусловно, в ряде случаев облегчают деятельность правоприменителя. Однако с самого начала существования, в рассматриваемый закон ни разу не были внесены изменения, которые бы касались действия Уголовно-процессуального кодекса при расследовании, раскрытии и рассмотрении по существу дел, касающихся преступлений, совершённых в сети Интернет. Хотя, нельзя не отметить тот факт, что сетевое пространство вошло в жизнь граждан достаточно плотно. Также, следует сказать, что процент преступлений, совершённых в сфере компьютерной информации, согласно данным официальной статистики, год от года, только растёт [2, с. 28; 3, с. 3]. Из чего следует законо-

мерный вывод о необходимости регламентации данного сегмента «пространства» в законе, хоть это и будет сопряжено с некоторыми трудностями.

При рассмотрении непосредственно данной правовой сферы возникает целый ряд спорных вопросов, относительно которых учёные в настоящий момент не пришли к единому выводу. Так, например, спорным является вопрос, о непосредственном применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации при расследовании преступления, совершённого в сети Интернет, поскольку само сетевое пространство в полной мере не относится к территории ни одного государства. Хотя, в настоящее время данный вопрос активно обсуждается в научных кругах.

Помимо данного спорного положения также возникает вопрос, касающийся такого частного проявления действия уголовно-процессуального закона в пространстве, как территориальной подсудности данных преступлений. Одним из последних официальных актов толкования, в котором разъясняется принцип определения территориальной подсудности по таким делам является Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 37 от 15.12. 2022 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»». В данном документе Пленум Верховного Суда приходит к выводу о том, что местом совершения рассматриваемых преступлений является место совершения лицом действий, входящих в объективную сторону состава преступления. То есть место, в котором преступник использовал компьютерное устройство в целях совершения данной категории преступлений.

Данный подход представляется логичным и наиболее применимым на практике, поскольку из-за специфики самих «киберпреступлений», потерпевшими могут стать, практически единомоментно, лица, проживающие абсолютно в разных частях страны. Также, предложенное решение позволяет учитывать интересы государства, поскольку при таком определении места совершения преступления, органы, непосредственно занятые расследованием, раскрытием и рассмотрением дела по существу получают возможность в более короткие сроки и более качественно провести необходимые действия из-за близости к физическому месту совершения преступления. Однако, при таком подходе возникает вопрос об осуществлении прав потерпевших, закреплённых в статье 42 УПК РФ, не нарушает ли данное решение их законные интересы.

Следует отметить, что любой принцип действия уголовно-процессуального закона не должен ущемлять права ни одной из категорий участников процесса, только в этом случае возможно осуществить право граждан на справедливое судебное разбирательство. Так и территориальная подсудность должна определяться с учетом необходимости обеспечения прав и законных интересов лиц на доступ к участию в судебном разбирательстве по уголовному делу.

При осуществлении же предложенного Пленумом Верховного Суда Российской Федерации подхода, сильно ограничивается участие потерпевших в судебном разбирательстве, поскольку ныне существующая система взаимодействия не позволяет оперативно решать возникающие вопросы, своевременно ознакамли-

вать заинтересованных участников процесса с соответствующими документами и получать от них обратную связь в виде ходатайств, заявлений, показаний.

Данная ситуация может представлять собой серьёзную проблему, из-за которой, в перспективе, вероятно, пострадает качество правосудия. Одним из возможных путей её решения видится разработка законодателем положения, обязывающего органы, проводящие следственные и судебные действия в регионах, где находятся участники судопроизводства к более тесному взаимодействию с применением современных средств связи. Помимо информационной функции такие сеансы, при необходимости, возможно будет в последующем использовать в качестве дополнительной информации при рассмотрении дела по существу, то есть они также смогут исполнять и доказательную функцию в процессе судопроизводства.

Библиографический список

1. Галимова М.А. Становление и развитие уголовно-процессуального закона России: история формирования / М.А. Галимова, О.Х. Галимов, А.О. Галимова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2023. – №1 (50). – С. 105–112.

2. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года // Официальный сайт ФКУ «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации». – URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/47055751> (дата обращения: 09.03.2024).

3. Состояние преступности в России за январь 2024 года // Официальный сайт ФКУ «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации». – URL: <https://xn--b1aew.Xn--plai/reports/item/47525142> (дата обращения: 09.03.2024).

УДК 343.9

*Т.И. Ястребова, к.ю.н., доцент ЮУрГУ,
А.В. Ордан, доцент ЮУрГУ
г. Челябинск, Россия*

Некоторые проблемы назначения и производства судебных экспертиз

В статье рассматриваются отдельные аспекты практики назначения и производства судебных экспертиз. Раскрываются вопросы использования специальных знаний при определении задач и целей экспертного исследования, акцентируется внимание на проблемах, возникающих при постановке вопросов и подготовке объектов для производства экспертиз. Особое внимание уделено проблеме выбора экспертных методик.

Ключевые слова: судебная экспертиза, проблемы назначения и производства судебных экспертиз, взаимодействие субъектов назначения экспертиз и экспертов.

Судебная экспертиза прошла очень долгий путь своего развития. Суть судебной экспертизы состоит в том, что основанное на фундаменте специальных знаний исследование принимается для обнаружения и объяснения, имеющих значение для дела обстоятельств. Как известно, специальные знания, например, в уго-

ловном судопроизводстве находят свое использование, как правило, в деятельности эксперта и специалиста. Такие знания УПК РФ требует использовать для установления допустимых, относимых и т.д. обстоятельств по делу. Многие статьи уголовного кодекса сегодня просто требуют специальных знаний для собирания состава преступления. К ним можно отнести статьи, связанные с незаконностью действий с оружием, взрывными устройствами и их компонентами, а также незаконностью оборота наркотических и сильнодействующих веществ. Однако обязательность специальных знаний для указанных целей в УПК РФ отсутствует. Можно предполагать, что такое отсутствие может стать причиной неполного исследования обстоятельств по данной категории дел и даже может привести к фальсификации оценки собранных доказательств для обвинительного приговора и судебной ошибке. На наш взгляд, следует в ст. 73 УПК РФ «Обстоятельства подлежащие установлению» внести дополнение об обязательном использовании специальных знаний, там, где они для установления обстоятельств по делу нужны. Для субъекта (следователя, дознавателя, прокурора и т.д.) добросовестно, качественно и профессионально устанавливающего обстоятельства, подлежащие доказыванию не должно составлять проблем в оценке ситуаций и в необходимости использования специальных знаний. Мы намеренно не уповаем в специальных знаниях только на знания эксперта и специалиста. Такое дополнение в ст. 73 УПК РФ обяжет указанных субъектов использовать и иные специальные знания для установления обстоятельств (педагога, переводчика, психиатра и других).

Однако как бы не был высоко профессионален субъект, назначающий судебную экспертизу, он не обладает специальными знаниями. Поэтому, приходится констатировать, что на сегодняшний день субъект, назначающий судебную экспертизу и не обладающий хотя бы основными понятиями в специальных знаниях, дает задание эксперту или специалисту, обладающему специальными знаниями. Ст. 195 УПК РФ закрепляет порядок назначения судебной экспертизы. Ее анализ определяет только общие требования. Практика показывает, что сегодня отдельные виды судебных экспертиз, такие как инженерно-технические, судебно-психиатрические и другие, требуют профессиональной специальной организации их назначения. Известно немало случаев, когда при постановке вопросов по указанным экспертизам, появляются не понимания, как со стороны эксперта. Так и лица назначающего экспертизу, что приводит к неоднократному согласованию, рассогласованию, выяснению разногласий и их устранению. Известны случаи, когда из обстоятельств дела, указанных в постановлении, эксперт или специалист самостоятельно понимают, что субъект поставил вопросы не позволяющие установить обстоятельства по делу. В таких случаях приходится терять время, а и иногда объекты для исследования при указанных согласованиях [7, с. 176]. Объекты часто просто становятся не пригодными для экспертного исследования или исследования специалиста. МВД в целях решения такой проблемы своим приказом наделил экспертов органов внутренних дел правом изменять формулировки вопросов, выносимых на разрешение эксперта. Авторский коллектив под редакцией доктора юридических наук, профессора Е.Р. Россинской в работе «Судебная экспертиза. Типичные ошибки» [4] указывает, что это достаточно вольная трактовка права эксперта выйти за пределы экспертного задания и

ответить на вопросы, которые не были поставлены, предусмотренного ст. ст. 86 ГПК, 86 АПК, 204 УПК, 25.9 КоАП. Анализ судебной практики свидетельствует, что во многих случаях, особенно в гражданском и арбитражном процессе, такие заключения оспариваются именно по формальным признакам. Стороны или их представители обжалуют изменение формулировок вопросов без их участия и указывают на нарушение своих прав при назначении экспертизы. По мнению ученых – это тоже не выход из создающегося положения.

На основании принципа организационного взаимодействия, который является одним из основных в деятельности различных правоохранительных органов, где проводятся судебные экспертизы, необходимо перед назначением экспертных исследований тактически обоснованно согласовать их назначение в виде уточнения вопросов, ставящихся перед экспертом, представления объектов для решения этих вопросов и т. д. Возможно такие согласования могут найти свое отражение и в нормативных документах [2].

На современном этапе экспертно-криминалистической деятельности большое внимание уделяется анализу ошибок в сфере использования утвержденных методик производства экспертиз. Как правило, такие ошибки совершают эксперты не государственных экспертных учреждений и имеющие не специальное образование по специальности «судебная экспертиза». Обладая хорошими классическими научными знаниями в различных отраслях, они и подменяют утвержденные, апробированные и принятые к исследованию объектов в объеме судебной экспертизы методики общенаучными методами исследования в химии, физике, биологии и других науках. По таким делам в судах стороны или их представители обжалуют такое применение методики исследования. Относительно использования методик экспертного исследования как большой недостаток рассматривается вопрос об указании в заключении эксперта не той методики, которая необходима для ответа на задачи, поставленные перед экспертом. При дальнейшем анализе такого заключения эксперта или при проведении повторной экспертизы, выясняется, что эксперт провел свое экспертное исследование по методике, дающей возможность ответить на вопросы субъекта назначившего экспертизу, а в заключении указал не ту методику. Так, в судебной трасологической экспертизе, возможно, использовать примерно более пятидесяти методик. Распределены они по группам, в зависимости от объектов исследования. Так существует несколько методик по исследованию следов обуви, замков, следов орудий взлома и т. д. Для избежания ошибок, эксперт обязан четко уяснить какие конкретно вопросы, возможно, решить, применяя ту или иную методику.

Не менее распространенной ошибкой, позволяющей прийти к неправильному выводу, является неполное и не профессиональное исследование и описание объектов представленных эксперту для исследования или полное не исследование в полном объеме отдельных их признаков. Например, гильзы патрона 9-мм могут иметь высоту 18мм и 19мм. Данные патроны имеют закругленную головную часть и на первый взгляд не отличаются друг от друга. Игнорирование измерения высоты данных гильз при производстве баллистической экспертизы в нескольких случаях привело к экспертной ошибке при решении вопроса об определении модели оружия, из которого были отстреляны исследуемые гильзы.

В настоящее время, в соответствии с ведомственными приказами, распоряжениями многие следы вливаются в учеты (следотеки) различного уровня. Например, для осуществления влития и идентификации дактилоскопических и баллистических следов разработаны автоматизированные информационно – поисковые программы. Субъекты, назначающие производство судебных экспертиз совершенно не правомерно ставят перед экспертом задачу по проверке исследуемого объекта по той или иной следотеке (учету). В соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 57 УПК РФ эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования. Данное обстоятельство указывает на то, что решение такой задачи не входит в компетенцию судебного эксперта [3].

Многие грубейшие ошибки в выводах криминалистических экспертиз базируются на том, что не в полном объеме выполняются требования методики конкретного исследования. Указанная неполнота заключается в том, что не проводятся все экспертные эксперименты, не все признаки оценены для получения результата, не исследованы на этапе отдельного исследования, не все объекты исследованы, используются не рекомендованные или устаревшие справочные материалы и т.д. Так в экспертном исследовании холодного и метательного оружия часто выводы базируются на результате визуального сравнения исследуемого объекта с иллюстрациями из пособий А.И. Устинова «Холодное оружие и бытовые ножи» [6], Е.Н. Тихонова «Криминалистическая экспертиза холодного оружия» [5], и содержащимися в информационных листках к протоколу сертификационных криминалистических испытаний ЭКЦ МВД России. После нахождения «подходящей картинки» эксперт на основании этого сразу делает вывод об отношении предмета к холодному или метательному оружию. При этом соответствие параметров исследуемого объекта параметрам конкретного вида/типа холодного оружия не проверяется, экспертный эксперимент не проводится [1]. Информация в указанных иллюстративных источниках с 1998 года официальным справочно-методическим материалом не является. Поэтому делать вывод, основанный исключительно на указанной литературе не правильно.

Не менее существенной проблемой в настоящее время является вопрос времени вынесения постановления о назначении экспертизы, а значит и ее производства. С нашей точки зрения, на практике сложилась не совсем правильное вынесение постановления уже по ходу осмотра места происшествия. Законодатель разрешает выносить постановление до возбуждения уголовного дела, однако по нашему мнению постановление должно выноситься, когда по делу собран пусть даже и не большой объем информации. А возможно и какие то доказательства. Это позволит, оценив такую информацию или доказательства более конкретно поставить перед экспертом задачи (вопросы). Полученные выводы эксперта можно будет сравнить с указанной информацией или доказательствами. Кроме этого, могут, появиться дополнительные объекты к тем, которые представлялись бы эксперту с постановлением, вынесенным на месте происшествия. Исходя из этого субъекту, назначившему судебную экспертизу легче в полном объеме оценить такое заключение с позиций относимости и допустимости.

Проблемы назначения, производства судебных экспертиз, использование их результатов для получения доказательств по делу всегда считались предметом исследования ученых-криминалистов. Появление новых современных методик

их производства, и в первую очередь на базе цифровых достижений создадут больше вопросов по данной теме. Поэтому очень важно своевременно устанавливать причины появляющихся проблем назначения и производства судебных экспертиз что является одной из задач исследования всего комплекса судебной экспертизы как доказательства по делу.

Библиографический список

1. Андреев А.Г. Особенности производства экспертизы холодного и метательного оружия / А.Г. Андреев // Судебная экспертиза. – 2017. – № 4(52). – С. 46–55.
2. Судебная экспертиза в уголовном процессе Российской Федерации // под ред. к.ю.н, доцента В.Я. Карлова. – М., Экзамен 2008. – 287с.
3. Судебная экспертиза в уголовном процессе России // под ред. д.ю.н., проф. А.В. Кудрявцевой. – Челябинск, Издательство ЮУрГУ, 2001. – 411с.
4. Судебная экспертиза. Типичные ошибки // под ред. д.ю.н., проф. Е.Р. Россинской. – М.: Проспект, 2022. – 544с.
5. Тихонов Е.Н. Криминалистическая экспертиза холодного оружия: учеб. пособие / Е.Н. Тихонов. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 1986. – 232 с.
6. Холодное оружие и бытовые ножи / под ред. А.И. Устинова. – М.: МВД СССР, 1978. – 130 с.
7. Шарапова Р.А. Основные ошибки, допускаемые при производстве судебно-баллистических экспертиз / Р.А. Шарапова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 10-2 (37). – С. 175–178.

Научное издание

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАВОВЫЕ ДИАЛОГИ

Право и личность: государствоцентризм
и человеколюбие

Материалы Международной научно-практической конференции,
28–29 марта 2024 года

Часть II

Под редакцией Е.В. Титовой

Техн. редактор *А.В. Миних*
Дизайн обложки *А.С. Пановой*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 19.08.2024. Формат 60×84 1/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 21,62. Тираж 100 экз. Заказ 246/322.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика в типографии Издательского центра ЮУрГУ
454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76.